

СПЕЦСЛУЖБЫ
РОССИИ

за 1000 лет

Annotation

Любое государство только тогда может называться государством, когда оно способно обеспечить безопасность – свою и своих граждан – доступными ему методами. Книга, ставшая результатом продолжительного изучения редких архивных материалов, подробно рассказывает об истоках, формировании и развитии отечественных жилых, разведывательных и контртеррористических подразделений, о методах работы практического подразделения спецслужб на различных этапах истории российского государства.

Librs.net

Благодарим Вас за использование нашей библиотеки

Librs.net

Линдер Иосиф Борисович, Чуркин Сергей Александрович

Спецслужбы России за 1000 лет

Любое государство только тогда может называться государством, когда оно в состоянии обеспечить безопасность – свою и своих граждан – доступными ему методами. Универсальным средством обеспечения безопасности, которое использовалось во все эпохи, на всех континентах и условиях войны и мирного времени, являются спецслужбы. Несмотря на различия, спецслужбам присущи общие черты, и в первую очередь конспиративность, использование нетрадиционных, зачастую экстраконституционных методов работы, применение специальных технических средств. Значимости и эффективности работы специальных служб варьируется в зависимости от исторических условий и задач, которые ставятся перед ними политическим руководством.

В начале XXI в. приоритетной задачей становится противодействие терроризму. Опыт, приобретенный специальными службами за прошедшие века, позволит российским борцам с терроризмом, контрразведчикам и разведчикам глубже осмыслить значение своей работы в интересах Отечества.

В книге изложена история формирования и развития специальных служб и специальных подразделений России на протяжении тысячелетий, начиная с Рюрика. В ней доказывается отрицательное влияние периодов смуты, ослабления государства и его институтов, многократных, зачастую «хирургических» реорганизаций специальных и правоохранительных органов.

Особое место в книге занимает вопрос обеспечения безопасности государства и его руководителей. Авторы прослеживают изменение ставившихся на разных этапах целей, задач и методов работы специальных служб; они показывают как достижения, так и поиск решения возникавших в процессе исторического развития проблем.

Анализ исторического материала позволяет сделать вывод: профессиональная культура закладывается годами, а шлифуется десятилетиями, чтобы стать настоящей школой; без нее невозможно эффективно функционирование сложных силовых механизмов.

Важную смысловую нагрузку несут приводимые в книге тексты документов, некоторые из них ранее не публиковались, а также иллюстративный ряд, позволяющий зримо представить описываемые события.

Леонид Владимирович Шебаршин,

генерал-лейтенант, заместитель председателя – начальник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка)

Театр абсурда, или Последний визит за океанского дядюшки

Июнь 2000 г. выдался в Берлине жарким. Но если стрелка термометра оказывала больше тридцати, то политическая температура первые летние дни превысила все мыслимые и немыслимые отметки. Город находился в блокаде, но не только в блокаде. Вновь, как и летом 1945 г., он был разделен на секторы.

Мир прощался с Биллом Клинтоном как с политиком. Его заключительное турне по странам Европы в Германии приобрело особые, порой подчеркнутые вычурные формы. В столицу, ставшую таковой после объединения, собрались руководители федерального правительства и федеральных земель, приехали главы государств и правительств тех стран, которые команда американского президента не включила в число приглашенных в рамках данной программы. На несколько дней Берлин был отдан на откуп исполнителям замыслов за океанских вояжеров. Можно предположить, что аналитические и оперативные службы США чего-то опасались. В любом случае, общим для всех проводимых мероприятий был лозунг: «Это должно запомниться надолго!» При отсутствии каких-либо возражений принимающей стороны американцы в целом справились со своей задачей. Полиция и силы безопасности бундесвера блокировали пару десятков отелей, где разместились высокие гости, отсекали центральные магистрали, подходы к которым оцепились рядами турникетов и заграждений из корпусов военных и полицейских машин.

Принцип тотальности был доведен до парадоксального и мало понятного европейскому сознанию абсурда. Ограничивая движение автотранспорта (и тем самым увеличивая и без того повышенную нервозность на магистралях более чем 3-миллионного города), организаторы совершенно не контролировали потоки велосипедистов и пешеходов. Измученные жарой и многочасовым бездельем полицейские и сотрудники служб безопасности тогоистой вереницей выстраивались вдоль турникетов, костеря начальство, внезапно оголяли позиции и толпой отправлялись в автобусы подкрепиться и передохнуть.

Многочисленные зеваки концентрировались у наиболее важных объектов в ожидании знаменитостей. Примерно за 10–15 минут до их очередного официального появления, официального или не очень, в толпе резко возрастало число людей в униформе и «клонированных» штатских глаз подмечал однотипные костюмы, стандартные ботинки на толстой ошожаной подошве и непременный миниатюрный наушник в одном ухе. «Клоны» деловито вращали головами со стрижкой под полубокс, тем самым еще более привлекая внимание к дверям отеля.

Любое передвижение регламентировалось строгими жестами охраны, более направленными на внешний эффект, словно это был не выход охраняемого лица, а некое помпезное дефиле на международном празднике моды или на всемирном кинофестивале. «Надувая щеки», американцы суетились – немцы же с поистине бюргерским спокойствием ждали скорейшего окончания каждой мизансцены. Затем за океанские парни и девчонки мчались к ближайшему «Макдоналдсу», а местные кучковались у служебного транспорта, рассуждая, сколько еще таких «выпендрей» предстоит пережить за оставшееся до конца смены время.

В какой-то момент Главная дирекция полиции во всеуслышание объявила, что сил и средств на обеспечение безопасности в городе не осталось: все брошено на организованное за океанскими гостями шоу. Берлинцы лишь пожалы плечами: ничего иного они и не ожидали от «наших друзей», как чуть насмешливо называют полицейских в Германии. Служба охраны высших должностных лиц Министерства

обороны – все в штатных штанах, беретах кобурах под парабеллу – покуривала и почти по-русски сплевывала на асфальт, глядя на полуобнаженных дамочек, проплывавших в жарком море мимо.

Почти также воинственно молодцы службы охраны МО и аналогичной службы охраны высших должностных лиц при ведомстве федерального канцлера красовались год назад, когда в июле 1999 г. Министерство обороны переезжало в здание, принадлежавшее ему до начала Второй мировой войны. Несколько пацифистских организаций в 200–300 метрах от места проведения официальной церемонии проводили демонстрацию протеста. Пацифистов тогда «зарезимили» тройным кольцом, обеспечивая «стерильность» зоны, в которой присутствовал высший руководитель страны и иностранные гости.

В самый разгар церемонии – во время торжественного вручения знамен и исполнения национального гимна – одна из групп прорвала все кольца оцепления с такой легкостью, какой нож входит в подтаявшее масло. Полуголые женщины и мужчины, размахивая зонтиками, на которых были написаны антивоенные лозунги, кружились у изваяний в военной форме, выкрикивая свои «кричалки, вопилки, шумелки», ловко уворачиваясь от агентов-охранников и унтеров-армейцев. Эти взрослые «салочки» продолжались довольно долго в непосредственной близости от литерной трибуны. По окончании спектакля сам бундесканцлер изящно подобрал оброненный антимилицаристский зонтик и передал его своим нерасторопным охранникам. Ужасающий уровень непрофессиональной тотальности был налицо...

Но неужели хваленые немецкие педантизм и профессионализм уже канули в Лету? Конечно же нет. Оперативное обеспечение у немецких спецслужб всегда отличалось спокойным и некичливым достоинством. В коминтерновские времена, когда после памятного Версаля [1] наша страна помогла извечному другу – врагу строить свои военные институты, обе стороны не обошли вниманием и столь деликатную тему, как оперативное искусство. А затем собственный и приобретенный опыт был прекрасно воплощен в так называемой геленовской системе. Идеи и замыслы генерала Р. Гелена [2], безусловно, нашли реализацию в структуре немецкого государства. Вот уже более 55 лет разработанная им система приносит великолепные плоды, которые немцы (в отличие от американцев или израильтян) не рекламируют: система того не требует, а имидж оперативных служб Германии не нуждается в раскручивании.

Совсем иначе обстояло дело в области обеспечения оперативных мероприятий. Густо замешанная на бюргерстве, а затем разбавленная полувековой послевоенной демилитаризацией и демократией, эта сторона боевой подготовки стала едва ли не опереточной. В отличие от многих своих соседей немцы счастливо избежали громких политических убийств и покушений. А после окончания необъявленной войны с террористами из Rote Armee Fraction [3] боевой дух вообще улетучился. Для миротворческого контингента вправляемого в Югославию, проводились специальные психологические занятия и тренинги по разъяснению понятия смерти на войне. Может быть и такое бытие в современной армии!

Боевые подразделения способны так реализовать информацию оперативных служб, что и представить страшно. Парадокс! Страна, славившаяся военными традициями, сохраняет и укрепляет оперативную составляющую единого комплекса, но почти до нуля низводит другую его составляющую – боевую. «Коромысло» оказалось разноплечим! Но ведь безумным количеством непрофессионалов никогда не восполнить отсутствия профессионализма. Успешное выполнение функций охраны (даже на государственном уровне) по открытой системе при практически полном отсутствии персонафицированного политического терроризма привело к успокоенности. Когда постороннее лицо может пройти между политиком федерального уровня и его прикрепленным, а остальные трое-четверо охранников даже позиционно не прикрывают своего шефа – это говорит о многом. К концу II тысячелетия Рождества Христова в Германии такое положение стало уже нормой. Политики превратились в мишень не для снайперов или «бомбистов», а для репортеров профи из оперативных служб. Они стреляют свинцом, а

аргументированным компроматом, да так, как не выстрелит ни один снайпер. Именно поэтому усилия охраны концентрируются теперь на более опасном направлении; по этой же причине в наши дни гораздо чаще нужны парни, умеющие выстраивать реализовывать оперативные комбинации, чем парни, которые умеют стрелять наповал, а потом делать контрольный выстрел или «крошить супостата в мелкий биологический субстрат».

...Принцип тотальности при обеспечении крупных международных мероприятий, да еще и с участием политических фигур первого ряда пока никто не отменял. Но тотальность должна быть профессионально обоснованной и адекватной. А американские гости заказывали нечто вычурное. Сотрудники немецких спецслужб, потупив очи, словно девушки на первом свидании, объясняли, что установки получены «оттуда» и указывали куда-то на запад, где должен быть Атлантический океан. В ответ на вопросы слышалось: «Этих сценарий... Скорей бы уж он улетел в гости к вам, в Россию. Там ему такое не позволят». Досада и безысходность бессилия ощущались в каждом слове, в каждом жесте.

Понять их несложно. Давно марка не падала так низко по отношению к своему «американскому братцу»: курс перевалил за 1: 2. Цены на бензин за год подскочили более чем на 20 процентов; цены на многие товары возросли более чем на 4–6 пфеннигов, темпы инфляции оказались выше обещанных правительством. Возведенное в абсолют унижение после обвала национальной валюты и введения долгожданного евро, втягивание в совершенно ненужный немцам конфликт на Балканах, да еще с повторными (после 1941 г.) бомбежками Белграда и вводом частей бундесвера на чужую территорию. Все это и многое другое было просто чудовищным издевательством ваокеанского соседа, заставлявшего «выстелить» воровую дорожку к своему приходу и накрыть стол в красном углу под образами».

Пассивное негодование немецких служб контрастировало лихим ковбойским гарцеванием гостей. Обычно прагматично сдержанные, на этот раз они безапелляционно оттесняли немецких коллег и весело демонстрировали своего шефа обескураженной толпе...

Возникает вопрос: стоило ли так защищать президента, который через несколько месяцев будет решать сугубо личные финансовые и прочие проблемы?! И от кого защищать? Если угроза действительно являлась серьезной, если соответствующие службы имели такую информацию (реальную, а не приготовленную «для папы» на домашней кухне), почему одинокие недостроенные здания не были обеспечены постами? Почему режим блокирования отдельных районов города имел обширные «дыры», видные даже непрофессионалу? Один из ветеранов небытовой Штази (Stasi) [4] саркастически заметил, что в ГДР такого сборища на убой не было даже в самые сложные выезды Э. Хонеккера. Если риск действительно велик, почему бездарно закрываются объекты, не контролируются наиболее вероятные для исполнения угроз места, к чему эти бесконечные выходы к народу и многочасовые пребывания на всеобщем обозрении?

Вопросы множатся, не находя подтверждения в области формальной логики организации охраны. Ответы на них следует искать в иной сфере. Шоу, да еще международное и прощальное, да еще «в доме» у якобы «меньших братьев» из Старого Света, живет по своим законам. Европа должна надолго запомнить уходящее восьмилетнее правление человека, с именем которого будут ассоциировать новый американский порядок. Ради этого можно выстраивать вереницы бесполезной и профессионально недееспособной охраны. К концу мероприятий те из донельзя уставших людей, кто знал цену работе, в бессильном раздражении старались хоть как-то сохранить лицо. Остальные просто считали часы до окончания смены и старались не пропустить приготовленных для них завтрака, обеда и ужина, больше заботясь своим здоровьем, чем о перекрытии рискованных направлений.

...Прошли эти ненормальные, заполненные суетой дни. Вояж заокеанских гостей продолжился в сторону Москвы и Киева. Их пребывание в Германии надолго (по европейским меркам) – до ближайших

праздников – запомнилось немцам. А как же охрана? А охрана была организована по принципу: «Так работать нельзя, но нужно!» Такова жизнь...

Одна эпоха сменяет другую, старая формация уступает место новой – более совершенной (а возможно, просто более агрессивной). История развивается по своим собственным законам, логика далеко не всегда сопровождает этот процесс в постоянном режиме. Меняется мир, мы меняемся вместе с ним; кто-то наоборот, старается изменить окружающее. Неизменным остается только принцип защиты высшей власти в государстве как главный элемент защиты самого государства.

Распад Древнего мира и создавших его цивилизаций состоялся примерно через пятьсот лет после рождения Христа, «прогулка» Аттилы в Европе почти на 300 лет привела к так называемому темному периоду. Только к IX–X вв. цивилизация в Европе вновь стала активно развиваться.

Пятисотлетние шаги истории – как бы большие ступени лестницы, ведущей к безгранично-космической пропасти, по которым упорно карабкается человечество. Попробуем проследить, как на протяжении последних двух ступеней (1000 лет) государство защищало высший уровень власти себя. Возможно, этого-то и не научит. Все может быть...

Июнь 2000 г. Берлин

Из глубины веков (вместо предисловия)

Не поговорить с человеком, который заслуживает разговора, – значит потерять человека. А поговорить с человеком, который разговора не заслуживает, – значит потерять слова. Мудрый не теряет ни слов, ни людей.

Конфуций

В последнее десятилетие ~~ш~~шестого II тысячелетия угроза тотального терроризма вновь, как в конце XIX – начале XX в., стала частью нашей повседневной жизни. Крупномасштабные террористические акты в городах России в полной мере показали всем гражданам нашей страны, что такое террористическая война. Но даже без учета фронтовых репортажей газетных публикации и телевизионные сюжеты, посвященные криминальной хронике, все более напоминают сводки боевых действий, в которых несут потери все стороны.

Подобные ситуации, характеризовавшие сразу же вооруженной преступности в истории нашей страны возникали не однажды. После Февральской и Октябрьской революций, во время Гражданской войны и НЭПа вооруженные банды Н. Сафонова, И. Гусева, Ф. Прокофьева и др. наводили ужас на жителей Москвы и Московской области. 19 января 1919 г. Я. Кузнецов (Кошельков) совершил получившее широкую известность разбойное нападение на председателя СНК В. И. Ленина. В Петрограде верстовали банды И. Белова, Г. Александрова и особо «популярного» налетчика Л. Пантелкина более известного как Пантелеев. В провинции также существовали десятки вооруженных банд, самой кровавой из которых была банда В. Котова.

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период произошел еще один всплеск вооруженных бандитских нападений. В 1952 г. разоблачена замаскированная под Управление военного строительства группа Н. М. Павленко, которую можно считать образцом современных «неформальных» групп. Она сочетала легальные и нелегальные методы работы, имела в своем составе силовое и оперативные подразделения, широко использовала подкуп гражданских и военных должностных лиц. После смерти И. В. Сталина в результате широко масштабной (св. 1 млн человек) амнистии криминальная обстановка в нашей стране вновь обострилась. Стабилизировать ситуацию путем введения чрезвычайных мер удалось только к осени 1953 г.

В Российской Федерации насильственные вооруженные преступления приобрели совершенно иные масштабы. Практически ежедневно информационные агентства сообщают о взрывах, убийствах, захвате заложников и тому подобных преступлениях, имеющих по многим признакам террористический характер. Мы полагаем, что в условиях современной российской действительности терроризм превратился в сложную и многоаспектную проблему, стал неотъемлемой частью деятельности ряда организаций в сферах политики, финансов, религии. В определенной среде террористов называют участниками «силового бизнеса».

Появлению наиболее криминальных форм способствовал развал такого огромного государства, каким был Советский Союз, повлекший за собой мощнейший передел сфер влияния и финансовых потоков, не меньшую роль сыграли и многократные реорганизации специальных и правоохранительных органов, зачастую проводившиеся бездумным «хирургическим» путем.

Процесс первичного накопления капитала во всех странах проходил кроваво и мучительно. Первое поколение создавало капитал морским пиратством, локальными и масштабными войнами, дележом участков во времена «золотых лихорадок»; оно не стеснялось засучивать рукава и обагрять руки кровью.

Второе, третье и последующие поколения становились представителями истеблишмента. Такова действительность нравится такому-то или нет. На постсоветском пространстве эти процессы приобрели уникальный характер, будучи помноженными на национальные, региональные, религиозные, политические, социальные и психологические проблемы. Долгие пересуды на кухне вылились в этапные формы профессиональных и межличностных отношений.

Государство, которое тысячами бросает людей под танки, десятками тысяч выбивает специалистов из профессиональной среды, обязательно получит соответствующую реакцию, особенно если это – специалисты военной или военно-специальной областей. Можно бесконечно долго вещать о профессионализме, о необходимости создавать и поддерживать ценности единого и сильного государства. Но если при этом штамповать спецназовские «полуфабрикаты», платить заработную плату размером с пособие по безработице, выгонять на улицу высококлассные кадры, то в новой среде – недоученной и профессионально некультурной – обязательно найдутся те, кто захочет взять все, что только можно взять с использованием «имеющихся сил и средств». Эта аксиома.

Профессиональная культура закладывается годами, шлифуется десятилетиями, только будучи воплощенной в двух-трех поколениях, становится тем, что уважительно принято называть школой. Профессиональная культура – это та якобы роскошь, без которой немислимо нормальное функционирование сложных силовых механизмов. Иначе осколки разваленной машины могут скалечить все, что окажется на их пути...

Анализ террористических акций, совершенных организованными группами в последней трети XX в. в различных странах мира, показывает повышение профессионального уровня их подготовки и выполнения с использованием передовых методов, рожденных в секретных лабораториях спецслужб и пытливым умом самоучек.

Как организаторы, так и исполнители актов имеют серьезную идеологическую и психологическую мотивацию на совершение противоправных действий. Растет политическое и финансовое стимулирование представителей всех звеньев, входящих в систему «международного террористического интернационала», перенявшего лучшее у своего «политического прадедушки» 1920-х – начала 1930-х гг. К идеологической преданности и наивности предшественников добавились концентрированный прагматизм и возможности современных технологий.

Система в целом развивается по определенным и редко меняемым законам. Разработки специальных служб через короткое время берут на вооружение криминальные и террористические сообщества. Обратная связь работает намного хуже. Бюрократический характер любой государственной системы, в том числе и специальной, зачастую неповоротлив в перенимании передовых методов потенциального противника или союзника. Поэтому не приходится удивляться, что многие силовые организации традиционно «машут кулаками после драки». Совместно выполнять поставленные задачи и потом делиться славой не принято. Каждый старается первым «принести в клювике» ценную информацию и доблестно отрапортовать начальству там...

Однако в террористических структурах взаимодействие между отдельными звеньями, наоборот, постоянно укрепляется, расширяется как в географической, так и в политической плоскости. Постоянные и временные организации быстро перестраиваются как сообщающиеся сосуды, они практически мгновенно реагируют на поведение ветреницы с завораживающим именем – Конъюнктура. В этих условиях роль государственных и негосударственных структур защиты интересов личности, в том числе в обеспечении физической безопасности, во многом становится определяющей. Она базируется на монолитности воле высшего политического руководства, которое располагает основными рычагами воздействия на процесс, защищает тех, кто неукомнительно выполняет сложные вводные, служащие для укрепления власти.

Сказанное актуально не для всех граждан, хотя многие мгновенно примеряют известие о покушении на какого-либо политического или финансового деятеля на себя. Беспokoиться стоит далеко не всем: сначала попадете в группу риска – накопите соответствующие денежные средства и пустите их в дело или заберитесь на соответствующий этаж властной пирамиды. До того момента вы вполне можете довольствоваться ролью неуловимого Джо из популярного анекдота.

На память приходит знакомая с детства веселая песенка королевской охраны из мультфильма «Бременские музыканты»: «Куда идет король? Большой секрет! / А мы всегда идем ему во след. / Величеством должны мы уберечь / От всяческих ему не нужных встреч!»

По нашему мнению, эти строки отражают философию охранной службы. В них изложены основные принципы охраны: конспиративный характер работы и необходимость постоянного нахождения при «персоне». Наибольшую смысловую нагрузку несут две последние строчки, которые должны служить отправной точкой в мышлении сотрудника личной охраны. Великие мастера восточных единоборств давным-давно выразили эту мысль в предельно лаконичной фразе: «Предотвращенная схватка – выигранная схватка!» (Недаром красноармеец Сухов, несомненно, обладавший навыками оперативника и боевика, любил повторять «Восток – дело тонкое!») К сожалению, человечество далеко не всегда учитывает богатый опыт предшествующих поколений: упрямство, косность мышления, невежество, нежелание учиться сами и мнимо постоянное вынуждают нас повторять те же совершенные кем-то ошибки.

* * *

Одно из уникальных направлений специальной подготовки сотрудников личной охраны связано с именем Хасана (Гасана) ибн-ас-Саббах, жившего во 2-й половине XI в. н.э. Будучи одним из руководителей религиозно-политического течения исмаилитов-низаритов, тот человек в 1090 г. захватил со своими сторонниками горную крепость Аламут, расположенную в Северной Персии. Он разработал и внедрил в жизнь оригинальную методику подготовки телохранителей, основанную на беспрекословном исполнении любых его приказов. Обладая отменными знаниями в области психологии, ас-Саббах отбирал из числа молодых людей тех, в ком определял природные склонности к подчинению. Методика подготовки строилась с учетом традиций ислама. Ас-Саббах имел к тому времени звание шейха, впоследствии его прозвали Шейхом Горы, а в европейских странах – Старцем Горы.

Ас-Саббах приглашал приглянувшегося ему молодого человека для беседы, в ходе которой сообщал, что обладает чудодейственной силой и может перенести юношу в рай. После обильного угощения гостю предлагалось покутить кальян, и под воздействием паров гашиша, подмешанного в табак, он засыпал. Его пробуждение было поистине сказочным: молодой человек оказывался в обстановке, соответствовавшей представлению о райской жизни. Через определенное время, вкусив ее прелестей, гость вновь засыпал и пробуждался в компании Шейха Горы. На вопрос хозяина, хотел ли он вновь оказаться в раю, следовал утвердительный ответ. Но для этого от юноши требовалось беспрекословное повиновение любому (!) приказу.

В Азии телохранителей Шейха Горы впоследствии стали называть хашашинами (так как при их подготовке использовалось курение гашиша), а в Европе – ассасинами. Для обеспечения режима секретности орден хашашин (который можно считать специальным военным подразделением исмаилитов) имел пять степеней посвящения. Во главе секты стоял шейх; члены двух старших степеней назывались деи (миссионеры) и великие деи, двух низших – федави, или федаины, что значит «жертвующие собой за веру». Чем выше был ранг посвященного, тем больший доступ к секретам ордена он получал; исключения не делали даже для сыновей шейха.

У исмаилитов так же имелось несколько степеней посвящения: по одним источникам, этих степеней было семь, по другим – девять. Посвященные высших степеней полагали, что философия выше религии, а последняя – лишь один из способов держать необразованных людей в повиновении. В ордене хашашинов истинные цели и задачи ордена так же открывались только тем, кто переходил в число избранных [5].

Используя уникальную для своего времени методику, ас-Саббах сформировал небольшую (ок. 1000 человек) личную армию. Все попытки близких и дальних соседей, часто весьма могущественных, низвергнуть шейха и установить контроль над крепостью оканчивались неудачей. Защитный механизм, использовавшийся ас-Саббахом, получил впоследствии наименование «превентивный удар». Как только шейх узнавал, что какой-либо из правителей собирает войско для похода или предпринимает иные попытки его личного устранения, он отдавал приказ одному или нескольким из своих людей уничтожить этого правителя. Получившие приказ феодалы отправлялись в путь, и не было, по мнению современников, преграды, способной их остановить.

Излюбленным оружием членов ордена являлся кинжал с золоченой рукояткой, который служил своеобразным фирменным знаком. В тех случаях, когда использовать кинжал было невозможно, в дело пускался яд. После выполнения задания феодалы не пытались скрыться и не оказывали сопротивления. Однако особо ценные члены ордена, достигшие высоких степеней посвящения, действовали иначе: они приходили и уходили невидимыми для охраны. Единственным свидетельством их посещения оставался кинжал, который в некоторых случаях служил инструментом предупреждения.

Миссии, поручавшиеся ас-Саббахом своим адептам, требовали отменной специальной подготовки, владение оружием – только одно из ее направлений. Чтобы привести в исполнение приказ владыки, феодалы учились выступать в разных обличьях (в зависимости от обстановки, в которой им приходилось действовать), знали иностранные языки, а также обладали определенными навыками в разведывательной деятельности и других специальных областях знаний. Например, посланные для ликвидации графа Тулузского два феодала приняли христианство и стали крестоносцами, что позволило им через два года войти в ближайшее окружение графа и выполнить задание.

Переход в другую веру, даже формальный, и уничтожение в боях многих своих единоверцев требовали квалифицированной психологической обработки. Ас-Саббах грамотно использовал методику кнута пряника.

«Пряником» служило обещание хозяина, что его верный слуга непременно попадет в рай. В качестве «кнута» использовалось, в частности, следующее. Группа феодалов, прошедшая начальный этап подготовки, получала возможность задать вопросы своему товарищу, осмелившемуся ослушаться повелителя за это годившему в ад. Игравший роль ослушника прятался в специальной яме, его голова находилась на уровне пола. У пришедших создавалось впечатление, что голова отрублена и покоится на блюде. Выслушав рассказ о муках ада, молодые воины с трепетом давались. После такой процедуры их веру в могущество ас-Саббаха не могли поколебать никакие внешние причины. Человек, игравший роль отступника был изначально обречен: любой, кто мог раскрыть методику подготовки феодалов, подлежал немедленному устранению. Его голова, насаженная на копье, служила еще одним доказательством могущества Шейха Горы.

Неповиновение в ордене не прощалось никому: двоих сыновей ас-Саббаха публично казнили за неповиновение отцу. Подчиненная сверхидея системе не выносила исключений, которые могли послужить предпосылкой внутреннего разложения с неизбежным распадом и тотальным врагом как идеологии, так и технологии. Понятие кровных уз отходило на дальний план во имя объединяющей доктрины.

Возможно, такая методика подготовки покажется нашим читателям более подходящей для убийц, нежели для телохранителей. Это вопрос личной оценки. Наша цель – дать ретроспективный показ

многообразия подходов к обеспечению личной безопасности. Государство исмаилитов, опиравшееся в военном плане на хашашингов, просуществовало в Персии и Сирии около 200 лет. С его падением традиции хашашингов не умерли. Изобретенная методика подготовки в доработанном усовершенствованном виде используется и ныне государственными специальными службами и негосударственными организациями многих стран.

Глава 1

От князей к государям

Где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим.

Клятва дружины Святослава I

По свидетельству константинопольского патриарха Фотия, утром 18 июня 860 г. от Рождества Христова (6368 г. от Сотворения мира) у стен столицы Византийской империи Константинополя (Царьграда) высадились пришедшие морем дружины руссов (россов), осадившие город. Крепостные стены были высоки и прочны и сами по себе служили городу надежной защитой. Но руссы на штурм не пошли, а начали громить предместья византийской столицы. В свою очередь защитники города не могли осуществить вылазку, чтобы разгромить врага.

Последнее было связано с тем, что наши далекие предки застигли византийцев врасплох. Накануне, весной 860 г., византийские войска численностью около 40 тыс. человек вышли из Константинополя в Малую Азию навстречу наступающим арабам. Что же касается флота, то он был направлен императором Михаилом III к острову Крит для борьбы с пиратами, многие годы досаждавшими империи. Сложной была ситуация и в самой византийской столице. Антиправительственная группировка, ожидая исхода военных событий на арабском Востоке, готовила заговор против императора. Малая дружина, оставшаяся в городе, не могла оказать серьезного сопротивления. Защитникам Константинополя оставалось только молиться.

Однако руссы изменили тактику и сняли осаду и начали мирные переговоры. В результате Древняя Русь получила признание Византии как государство, не менее важные и выгодные условия торговли на византийском рынке. С этого момента, как позднее писал русский летописец, «начася прозывати Руска земля».

Вернемся к началу – 25 июня, ровно через неделю после высадки, воины погрузились на ладьи и ушли домой.

Нам, потомкам тех далеких руссов, живущим уже в III тысячелетии, трудно сказать – так ли все это было на самом деле, ведь детали истории не сохранила. Но бесспорно одно: успеху руссов способствовали два фактора. Во-первых, блестяще проведенную операцию могли подготовить на основании информации об отсутствии в Константинополе армии и флота о наличии в империи внутренней смуты. Во-вторых, бросок дружин к Царьграду удалось осуществить вкратце для Византии. И то, и другое было достижимо только при наличии у руссов хорошо поставленной системы как «разведки», так «контрразведки» (пока именно так – в кавычках).

История Древней Руси свидетельствует, что наши далекие предки умели хорошо ориентироваться в частонеблагоприятной окружающей обстановке. Они грамотно выбирали время для своих военных и дипломатических предприятий и тщательно обеспечивали их секретность. Сотни неизвестных нам дружинников, послов, гонцов, купцов, горожан и т. п. вели кропотливую тайную работу, помогая первым русским князьям в обеспечении безопасности русских земель. На этом пути были и большие успехи, но были и крупные провалы ...

По свидетельству Лаврентьевской летописи, в 862 г. северо-западные племена (ильменские словене, кривичи, весь, чудь) решили «поискать» князя, чтобы он судил их «по праву», и пригласили к себе на правление варягов. На призыв откликнулись варяжский князь Рюрик с братьями. Сам он сел княжить в Ладоге (ныне с. Старая Ладога), Синеус – на Белоозере, а Трувор – в Изборске. Первой задачей призванных

князей было исполнение функций третьей стороны между племенами, второй – защита внешних границ от нападений соседей. Князья начали «города рубить и воевать всюду». По преданию, через два года Синеус и Трувор умерли, а Рюрик оставил Ладогу, поставил городок на Волхове – Новгород, Новый город – и стал там княжить.

В самом начале своего княжения в Новгороде Рюрик подавил сопротивление коренных жителей славян во главе с местным князем Вадимом Храбрым. Не признавшие Рюрика люди бежали в Киев, где к тому времени образовалось еще одно варяго-русское владение. В. О. Ключевский дает следующую версию мятежа: «Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были новгородцами и союзными племенами для защиты от внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги. Но наемные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно. Тогда поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженною рукой. Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей [6]. Как писал Н. М. Карамзин, в те времена «еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни установившихся и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою» [7].

Опора древнерусских князей – дружина – являлась многофункциональным военным подразделением и княжеским «аппаратом управления» одновременно. Воеводы и старшие дружинники были не только воинами, но и ближайшими советниками, послами и наместниками князя. Младшие дружинники – гриди, или гридни, – охраняли жилище; особо отличившимся в ратном деле доверялось быть личными телохранителями князя. Наряду с личной преданностью от дружинников требовалось отменное владение всеми видами оружия, поскольку сами князья, как правило, выходили на поле брани в первых рядах, окруженные наиболее доверенными, смелыми и опытными воинами.

Уже в IX–X вв. дружина имела четкую организационную структуру и делилась на десятки и сотни. Кроме хорошей общей военной подготовки некоторые дружинники из личной охраны имели специальные навыки, поскольку привлекались к исполнению «деликатных» княжеских поручений. После смерти князя для дружинников существовал вариант дальнейшей жизни: переход на службу к новому князю, неволя или смерть. Поскольку от князя зависело их личное благополучие, дружинники имели сильную мотивацию служить ему верой и правдой.

При приеме в дружину основным критерием являлись личные качества кандидата. (Слова «дружина» и «друг» – однокоренные, происходящие от санскритского «дру» – иду, следую.) Преимущество отдавалось «мужьям добрым», смышленным и храбрым. Оставив воле битвы после смерти князя считалось для дружинника великим позором, но и князь считал для себя позором покинуть дружину в опасности. Взаимоотношения первых киевских князей и дружинников С. М. Соловьев описывает так: «Хороший князь не жалел ничего для дружины: он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками мог всегда приобрести богатую добычу. <...> Летописец, с сожалением вспоминая о старом времени, говорит о прежних князьях: „Те князья не собирали много имения, вир и продаж неправедных не налагали на людей; но если случится правая вира, тубрала и тотчас отдавали дружине на оружие. Дружина этим кормилась, воевала чужие страны; в битвах говорили друг другу: „Братья! Потянем по своему князю и по русской земле!“ Не говорили князю: „Мало мне ста гривен“; не наряжали жен своих в золотые обручи, ходили жены их в серебре; вот они и расплодили землю Русскую. При такой жизни вместе, в братском кругу, когда князь не жалел ничего для дружины, ясно, что он не скрывал от нее своих дум, что члены дружины были главными его советниками во всех делах» [8].

В 879 г. Рюрик скончался; его сын и наследник Игорь был еще малолетним, и власть перешла к варяжскому воеводе Олегу, который правил до самой смерти в 912 г. Большинство историков полагают, что Олег получил власть либо как старший в роде, либо как опекун Игоря. Но получить власть в те годы без

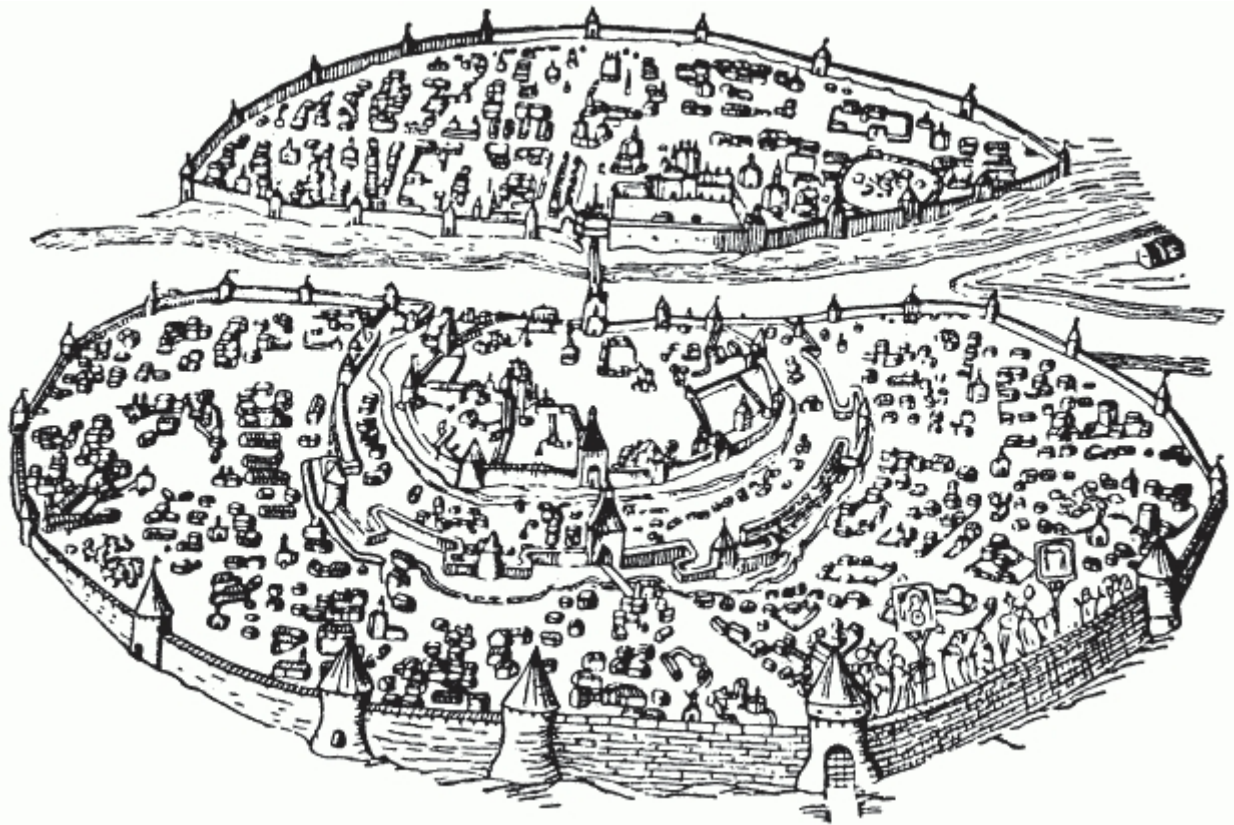
поддержки дружины было невозможно. Поэтому мы можем предположить, что Олег являлся не только воеводой Рюрика, но и особо приближенным лицом, возможно (как родич) начальником его охраны. В пользу этой версии говорит тот факт, что Игорь, став взрослым, не претендовал на верховное княжение при жизни Олега.

Как известно, Олег получил прозвище Вещий (т. е. мудрый, умеющий предугадывать, предвидеть, предсказывать). Его особые способности признавали не только наши предки, но и византийцы. «Этот Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом», – говорили они. Для тех, кто не знает, скажем: создатель одного из лучших трактатов в военном искусстве Сунь-цзы, живший на рубеже VI и V вв. до н. э., указывал, что в основе победы лежат предупреждающие знания, которые можно получить только от людей. Все 33 года успешного правления Вещего Олега служат подтверждением того, что он понимал значение тайных методов борьбы и умел ими пользоваться. Приведем несколько примеров.

В 881 г., через два года после начала правления в Новгороде, Олег с юным княжичем Игорем Рюриковичем отправился присоединять южные земли. В составе его войска были варяги, а также представители (!) подвластных Новгороду северозападных племен. Без проблем пройдя Смоленск (кривичи) и Любеч (северяне) и оставив там мужей своих с дружинами, Олег двинулся к Киеву. В Киеве с 862 г. правили варяги – братья Аскольд и Дир. По легенде, они «с родами своими» ушли от Рюрика «в греки» (в источниках имеются сведения, что при дворе византийского императора уже в середине IX в. варяги служили телохранителями) но до Византии не дошли, став правителями у полян. С. М. Соловьев указывает, что «Киев в то время был притоном варягов, всякого рода искателей приключений, <...> сборным местом для варягов, собиравшихся в Черное море» [9]. В глазах Олега и его дружины братья-варяги были не правителями, а «мужами Рюрика», не имевшими права на независимое княжение. Поэтому в летописях Олег представлен как князь, восстанавливающий право рода Рюрика на владение Киевом.

Готовясь к походу три года, Олег, скорее всего, имел достаточную информацию о силах, которые могли ему противостоять, том числе о дружине братьев, о настроениях в городе и о киевских укреплениях. Он решил выманить братьев на пристань тем, что сечью от войска и укреплений. Оставив в лагере основную часть своих воинов, Олег с «малой дружиной» подошел к киевской пристани, «притворяясь мимо идущим». В ход была пущена дезинформация о том, что в ладьях находятся купцы, плывущие из Новгорода «в греки». Согласно Никоновской летописи, она звучит так: «Гость есмь подугорский, и иду в Греки от Олега и Игоря и ныне в болезни есмь, и имам много великого и доброго бисера и всякого узорчя, еще же имам устыко устам глаголетиречи наша к вам, да без коснения приидите к нам» [10]. В этом обращении важны три момента: купец везет много товаров и драгоценностей, намеревается сообщить важную и конфиденциальную информацию, но не может прийти к братьям лично, поскольку болен. Дезинформация сработала: Аскольд и Дир на пристань явились.

Возможно, что одним из факторов, позволивших братьям без боязненно явиться как мнимым купцам, была малочисленность вооруженных людей на ладьях. Они не подозревали, что часть дружинников Олега были спрятаны в ларях, в которых те везли ценные грузы. В нужный момент дружинники вступили в дело, и Аскольд и Дир оказались захваченными. Таким образом, проведенные Олегом разведывательные, дезинформационные и маскировочные мероприятия позволили ему переиграть правителей Киева. Можно предположить, что в засаде находились наиболее подготовленные воины.

План древнего Новгорода. С иконы XVII в.

«Спецслужбы» Вещего Олега под его руководством работали качественно. Поход на Константинополь в 907 г., как и проведенный 47 годами ранее, был хорошо подготовлен на основании упреждающей информации и тщательно конспирирован. Дружины Олега пришли под стены Царьграда в тот момент, когда византийские войска снова ушли на Восток воевать с арабами. Воспользовавшись этим, лидер провинциальной знати Андроник Дука, которого тайно поддерживал константинопольский патриарх, поднял мятеж против императора Льва IV. Правитель постоянно враждующего с Византией Первого Болгарского царства Симеон Великий разрешил пройти руссам по своей территории. Нельзя исключать, что определенную помощь дружинникам оказали и арабы, которые были кровно заинтересованы в ослаблении Византийской империи.

Результатом осады Византии стала наложенная Олегом контрибуция: отныне империя должна была выплачивать руссам ежегодную дань. В 911 г. с Византией был заключен выгодный торговый договор, согласно которому купцы освобождались от торговых пошлин.

К обеспечению личной безопасности Олег также относился весьма серьезно. Летописи донесли до нас сведения о том, что во время осады Царьграда была предпринята попытка устранения вождя русичей с помощью приправленного «отравой смертною» вина. Надо сказать, что империя находилась тогда в самом расцвете и методы тайной войны там были на высоте. Однако «князь варваров», как называли Олега византийцы, отравленным даром не принял. Было ли это везением самого князя или же постарались «контрразведки», источники не сообщают, но факт остается фактом — попытка отравления провалилась.

После подписания мирного договора в Византии началась перестройка системы безопасности восточных рубежей империи. Наученные горьким опытом, византийцы разместили свои наблюдательные пункты в устье Днепра и взяли под контроль все выходы в Черное море. Другим ключевым пунктом стал

Керченский пролив. Дозорную службу несли жители Херсонеса (вблизи совр. Севастополя) и иных греческих колоний в Причерноморье. Была усилена политическая и военная разведка, использовались и другие рычаги – болгарский царь Петр, женатый на византийской принцессе, стал союзником Константинополя.

Поэтому, когда отношения между Византией и Русью при князе Игоре (великий князь Киевский в 912–945 гг.) обострились, внезапного нападения на Царьград летом 941 г. не получилось.

В результате жесточенных сухопутных и морских сражений вблизи города русское войско и флот были разгромлены. Повторный поход Игора в 944 г. закончился заключением мирного договора. Этот договор вводил ряд ограничений для русских купцов. Русь обязалась не претендовать на крымские владения Византии, не ставить в устье Днепра, помогать Византии военными силами в случае необходимости.

Через несколько месяцев после заключения договора, в 945 г., князь Игорь был убит древлянами при попытке собрать повторную дань. Вдова Игора, княгиня Ольга, чтобы отомстить за смерть мужа, осуществила многоступенчатую операцию. На первом этапе группу знатных древлян, прибывшую сватать Ольгу за своего князя, погребли заживо на княгинином дворе. Трудно сказать определенно, по какой причине погибшие сами полезли в ловушку. Возможно, они беспечно полагали, что Ольга, находясь в трауре, не способна на решительные действия. Не исключено, что княгиня дезинформировала древлян еще до визита, подбросив им информацию, что не возражает против нового замужества. В пользу этой версии говорят следующие факты. По предположению В. Н. Татищева после казни сватов Ольга установила на границах с Деревской землей «крепкие заставы», чтобы «древлянам никто ведомости подати не мог». Параллельно она послала в Искоростень (главный город древлян) «надежных людей» с просьбой направить ей еще более родовитых вельмож – по прибытии в Киев тех постигла смерть в огне. Таким образом, смерть первых сватов явно не была спонтанной. Возможно, вдова заранее заручилась поддержкой части дружины, а скорее всего имела ее еще при жизни мужа.

Поход князя Игора на Константинополь. Миниатюра Радзивилловской летописи

На заключительном этапе операции княгиня вновь прибегла к дезинформации, сообщив древлянам,

что хочет «поплакать» над могилой мужа и сотворит тризну на месте его гибели. Появившись под Искоростенем с «малой дружиной», она усыпила своим поведением бдительность древлянских воевод, под началом которых находилось почти пять тысяч войско. Кроме того, она сообщила, что самые родовитые вельможи (которых уже не было в живых) следуют из Киева под надежной охраной. После тризны предавшихся обильным возлияниям хозяев истребили дружинники Ольги. Карательную экспедицию завершило войско, ведомое малолетним княжичем Святославом, сыном Игоря, его воспитателем Асмудом и воеводой Свенельдом. Предпосылки победы киевлян были заложены в ходе сложной спецоперации, имевшей целью ликвидацию «руководящего состава» древлянского войска. Как указывают источники, основная ее часть была выполнена «надежными людьми», «отроками» и «малой дружиной», киевские военачальники подключились только на последнем этапе. Мы предполагаем, что «надежные люди» составляли костяк «службы безопасности» княгини Ольги и ее личной охраны; они обладали широкими полномочиями, если их привлекали к выполнению столь специфических заданий на высшем политическом уровне.

Сын Игоря и Ольги, князь Святослав серьезно занимался вопросами разведки и свою знаменитую фразу «Иду на вы!» (как считают наследованную от отца) произносил только после того, как собирал полную информацию о противнике. Свой поход против Хазарского каганата в середине 60-х гг. X в. он тщательно подготовил и блестяще осуществил. Святослав продвигался к хазарской столице северными лесами, через земли вятичей, а не обычным для того времени южным путем вначале нанес удар по Волжской Булгарии. Затем он спустился по Волге и разгромил войско кагана. Несомненно, что эта военная экспедиция должна была иметь хорошее разведывательное и контрразведывательное обеспечение.

Как мы видим, уже у первых русских князей имелись службы, ведавшие вопросами сбора и защиты информации, однако стройной системы обеспечения личной безопасности, как и специальных органов безопасности, еще не существовало. Разведка, контрразведка и охрана были личным или семейным делом, поручались наиболее сметливым и доверенным лицам из ближайшего окружения. Когда наступала необходимость проведения специальных мероприятий, как правило, находили нужных людей. Когда дело было сделано, они возвращались к своим обычным занятиям: торговле, ремеслам и проч. Таким образом, полученный опыт в должном объеме не закреплялся и систематические обобщался, хотя конечно же накапливался. Профессиональные навыки «сотрудников деликатных княжеских служб» систематически развивались, и новым поколениям «нужных людей» приходилось во многом начинать с нуля.

Князь Игорь пренебрег элементарными мерами безопасности и отправился собирать повторную дань с древлян, что было одним из серьезнейших нарушений установленных правил, к тому же он не предусмотрел возможности покушения. Его сын, князь Святослав, погиб в засаде, устроенной печенегами, при возвращении из византийского похода в 972 г. Скорее всего, в обоих случаях гибель князей обуславливалась двумя обстоятельствами: во-первых, их личная охрана не имела достоверной информации о намерениях противника и не могла реагировать адекватно. Упор делался на удачу и готовность положить голову за «хозяина» (что в итоге и произошло). Ни выявить, ни предотвратить, в конце концов, пресечь угрозу жизни обоим князьям она не смогла. Во-вторых, если информация и была, и Игорь, и Святослав, как и их отцы, пренебрегли ею.

Подобная ситуация повторялась неоднократно в истории всех феодальных государств. Внезапная смерть при условии нерешенности вопросов наследования, непомерные личные амбиции, ущемленное самолюбие, подогреваемые приближенными, не раз приводили к плачевным последствиям, ввергавшим, в частности, Русь в нескончаемую череду переделов собственности.

После смерти Святослава между его сыновьями разгорелась нешуточная междоусобная война. В дальнейшем борьба за престол стала главным принципом жизни многих князей, которые вопреки

крестному целованию (ведь Русь уже приняла христианство!) рвали на части наследные земли, жгли города своих братьев, дядьев, а зачастую отцов, не дожидаясь их естественной смерти. В 1223 г. эта борьба, продолжавшаяся к тому времени уже 250 лет, привела Киевскую Русь к закономерному итогу – разгрому «объединенного» русско-половецкого войска на реке Калке. Наступило время главенства ордынской власти в пределах русских княжеств.

«Объединенное» это войско не имело единого командования, единых планов кампании, единой разведывательной службы. Князья вступали в схватки с монголами по своему усмотрению, чтобы добиться славы и добычи, а не для пользы общего дела. Руководство Орды, наоборот, было консолидировано и беспрекословно следовало принципам Чингисхана (Тэмуджина, Темучина). Каждому походу монгольского войска предшествовала длительная и тщательная разведка. Поход Батыя готовился 14 лет (!), в течение которых ордынская агентурная сеть собирала сведения о состоянии русских земель. По полученной информации был сделан вывод: русские князья разобщены, их войска и военачальники не имеют навыков ведения боевых действий под единым командованием. Учитывался не только военный, но и психологический фактор – неприязненные отношения между различными ветвями князей из династии Рюриковичей.

Но и после стратегического поражения внутриполитическая ситуация на Руси, определявшаяся междоусобицами, долгое время не менялась. В последнее время получила распространение версия А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, согласно которой под термином «Орда» следует понимать центральную власть русско-монгольского государства [11]. В этой связи походы ордынцев можно рассматривать как усмирение мятежных территорий, ртказывавшихся выполнять волю «центра». По сути, теория «ига» оправдывает безудержное рвачество, алчность и нескончаемую череду семейных предательств русских князей, их неспособность даже перед лицом сильного противника объединиться для организации отпора.

По нашему мнению, более аргументированной является другая теория – «силового налогообложения» русских земель ордынским руководством. Будучи в военном отношении более сильными, монголо-татары обкладывали русских князей данью, размер которой определялся в соответствии с величиной земельных владений князя и теми отношениями, которые Рюриковичи устанавливали с ордынским руководством. Ситуация настолько знакома нашим современникам, что объяснять ее нет необходимости. Походы ордынцев, помимо сбора дани как живым, таки неживым товаром, были в основном карательными, усмирявшими строптивых заставлявших инаиболее жадных выполнять взятые на себя или назначенные «сверху» обязательства.

Не вмешательств ордынцев в дела Православной церкви, относительно свободное перемещение населения в пределах русских княжеств даже сам факт незатихающих междоусобиц – свидетельств того, что завоеватели достаточно оаяльно, учитывая нравы того времени, относились к внутренней обстановке на Руси. В частности законы, установленные Чингисханом, запрещали убивать грамотных людей как носителей высшего дара фиксировать мысли человека и передавать их потомкам. Мудрые князья, например Александр Невский, умели договориться с Ордой, вели свою политическую и военную линию, укрепляя русские пределы и защищая их от внешних и внутренних врагов.

Так, летом 1240 г. шведское войско под командой Биргера, появившись в устье реки Ижоры, разбило лагерь. Биргер не знал, что на границах Новгородской земли несли службу сторожевые заставы из числа местных племен. Как свидетельствует летопись, начальник одной из таких застав Пелгусий, обнаружив «чужих», сразу же доложил об увиденном князю. Получив сведения о появлении противника, Александр решил внезапно атаковать его своей дружиной, добровольцами из Новгорода и отрядом ладожан. Нападение было столь неожиданным, что шведы не успели «опоясать мечи на чресла свои» и войско было разбито. Именно за эту битву Александр получил прозвище Невский.

Победа на льду Чудского озера в 1242 г. также была случайной. Сторожевые отряды постоянно следили за перемещением главных сил тевтонцев, что позволило Александру Невскому занять выгодную для русских дружин позицию и разбить тевтонских рыцарей.

Не стоит забывать, что ордынское войско прошло по «подбрюшью» Европы вплоть до Северной Италии, захватило часть территории современной Венгрии. Напуганные правители европейских государств считали за благо направить Орду свои корпуса наемников, что зачастую являлось своеобразной формой откупа, католическая церковь имела в Орде официальных представителей, решавших вопросы согласования религиозных интересов на покоренных монголо-татарских территориях. Ордынское руководство грамотно использовало законы «силового бизнеса», позволявшего пополнять «закрома» за счет покоренных народов, не лишая их при этом смертно-национального характера и позволяя им развиваться.

Наследники Чингисхана и его мудрых идей понимали, что без развития производства, без инвестиций невозможно увеличивать доходы. Позволяя развиваться покоренным народам, монголо-татары могли постепенно увеличивать объемы дани. Они заключали договоры с наиболее влиятельными князьями и выдавали им ярлыки на княжение, а взамен обеспечивали сбор налогов с подвластных территорий. Для сравнения попробуем представить, что было бы с Русью, дойди до нее войска Тимура Хромого, Тамерлана, подчинявшего своей неумолимой воле любой народ, попадавший в поле его зрения. Тимур полностью сегрегировал народы «до ступицы колеса», полностью лишая их индивидуальных черт. Вот такое наше шествие можно с полным основанием назвать гомом, ведь в результате его культуры многих народов восстанавливалась десятилетиями порой и веками [\[12\]](#).

Ледовое побоище. Со старинной миниатюры

Как бы то ни было, подвластность ордынцам сыграла в конце концов консолидирующую роль; в этот

период развились зачатки системности специальных служб и личной охраны, которых мы не находим у первых Рюриковичей и их наследников. Несколько столетий пребывания «между молотом и наковальней» научили наиболее дальновидных князей реализовывать свои замыслы путем не только сиюминутного посылы, но и долгой кропотливой работы по сбору конфиденциальной информации, роспуска слухов и дезинформации, вербовки сторонников (и источников) в стане внутренних и внешних врагов. Создавались службы, которые теперь уже сознательно старались упрочить, чтобы получить дополнительные преимущества перед соседями.

Во второй половине XIV в. великие князья московские начинают объединение русских земель вокруг Москвы. Начало этого объединительного процесса, вылившееся в победу на Куликовом поле в 1380 г., имело опору в действиях княжеских секретных служб и осуществлялось с использованием информационных каналов Русской православной церкви. Первая победа русских войск над ордынцами на р. Вожа в 1378 г. (за два года до Куликовской битвы) стала возможна благодаря информации, добытой людьми московского князя как в Орде, так и в сопредельных государствах. Этот факт еще раз подтверждает тот режим данного (от слова «дань») правления, который, повторим еще раз, оставлял практически неограниченную свободу передвижения, позволил наиболее прозорливым князьям вести объединительную политику, привлекать на свою сторону тех князей, которые «дозрели» до мысли о первенстве Москвы в собирании русских земель и упрочении государства, силой и хитростью приучать к ней остальных.

Как бы то ни было, процесс консолидации постепенно продвигался, одновременно с ним происходило становление княжеских специальных служб: разведки, контрразведки, охраны.

Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович Донской (1350–1589), будучи отменным военачальником и организатором, уделял большое внимание методам тайной войны. В 1375 г. боярин Иван Вельяминов и генуэзский купец Некомат бежали из Москвы в Тверь. Они привезли великому князю Тверскому Михаилу Александровичу ярлык на Владимирское княжение и убедили его выступить против Дмитрия. Однако московский князь оказался готов к такому развитию событий. Быстро собрав рать, он осадил Тверь и заставил Михаила подписать мир. Следовательно, он своевременно получил информацию о намерениях тверичанина благодаря наличию в княжеской «службе» людей, которые не только сумели ее добыть, но и доставили по надежным каналам.

Дмитрий Донской. Старинная миниатюра

После попытки травить двух князей изменники бежали в Орду и способствовали организации набега на русские земли в 1378 г. Когда на р. Вожа ордынцы впервые потерпели поражение, в их обозе русские обнаружили «некоего попа», служившего Вельяминову, а среди вещей, «обретошау того попа», – «злых лютых зеленых мешок» (т. е., говоря современным языком, нашли мешок с отравляющими веществами). Скорее всего, отравка предназначалась для великого князя или его ближайшего окружения. Угроза была воспринята самим Дмитрием Ивановичем и его «секретной службой» очень серьезно. Меньше чем через год Вельяминова выследили, хитростью захватили в Серпухове, доставили в Москву и публично казнили; его наследников исключили из боярского сословия, а имущество конфисковали. Впоследствии, разыскав, казнили и Некомата, который вполне мог быть одним из разведчиков генуэзского отряда, входившего в состав ордынских сил.

В 1380 г., готовясь к битве с Мамаем, Дмитрий Иванович отправил в Орду боярина Захария Тютчева. Тот доставил князю сведения о численности ордынского войска и о возможности союза Мамаея с рязанским Олегом Ивановичем и великим князем Литовским Ягайло. По сути, Тютчев, имевший в качестве прикрытия ранг посла, являлся резидентом русской агентурной сети. На путях вероятного продвижения противника

действовали отряды Семена Малика, Василия Тупика и др., выполнявшие функции войсковой разведки. Данные разведки позволили великому князю Московскому совершить знаменитый маневр (внезапный удар засадного полка), занять стратегически выгодную позицию и отрезать позиционно блокировать возможных союзников друг от друга.

Куликовская битва. Из Жития Сергия Радонежского

На основе приведенных фактов можно предположить, что, будучи мудрым и осторожным правителем, Дмитрий Донской не разделял личную безопасность и безопасность княжества. Вполне вероятно, что он мог получить информацию об организации «специальной службы» и методах ее работы не только из русских, но и из монгольских источников. В свою очередь монголо-татары могли перенять соответствующую информацию в Китае, часть которого также была покорена Чингисханом. В любом случае можно сказать, что задачи «государевой охраны» и методов ее работы интернациональны и вневременны.

Великий князь Московский Василий II Темный, правивший с 1425 г., до поры до времени предусмотрительностью и осторожностью своего деда, Дмитрия Донского, не отличался. Выступив летом 1445 г. в поход против ордынцев с большим войском, он на марше пренебрег стратегической тактической разведкой и боевым охранением. В результате под Суздалем он был внезапно атакован противником и взят в плен. Из всего войска в момент нападения при князе было не более 2 тыс. человек, поскольку князь-союзники еще не подошли в местусбора. Поражение повлекло за собой цепь трагических

последствий. За освобождение Василия пришлось заплатить огромный по тем временам выкуп в 200 000 рублей (!!!). Политические противники князя, и в первую очередь его двоюродный брат Дмитрий Шемяка, решили воспользоваться ситуацией и захватить власть. Склонив на свою сторону часть бояр, зимой 1446 г. они вошли в Москву (великий князь в это время находился в Троице-Сергиевом монастыре).

Заговорщики знали, что Василий II отправился в неблизкий по тем временам путь с семьей и небольшой свитой. Без проволок вослед ему была направлена дружина Ивана Можайского. Однако ее опередил преданный князю рязанец Бунко, который сообщил об измене бояр, притязаниях Шемяки и о грозящей лично князю опасности. Но Василий II сообщению не поверил и повелел гонца «назад поворотить». Дальнейшие действия князя можно считать верхом беспечности: лошадей на случай экстренной эвакуации не подготовили, дополнительную охрану не запросили, ворота монастыря не заперли. Василий II ограничился полумерой – выслал в сторону городка Радонеж сторожевую конную заставу.

Действия Можайского князя, наоборот, отличались решительностью и изобретательностью. Его разведчики заблаговременно обнаружили московский дозор и доложили о нем. Иван распорядился обойтись без шума. Можайцы придумали замаскировать «группу захвата» под санный обоз: одни дружинники исполняли роль возниц, другие находились в санях, накрытые ерогоей. Когда головные сани обогнули заставу выскочившие внезапно дружинники обезоружили караульщikov [13]. Те даже не смогли спастись бегством из-за обильного (высотой девять ядеи) снежного покрова.

После нейтрализации дозора отряд заговорщиков ускоренным маршем подошел к монастырю и ворвался внутрь через открытые ворота. Охрана, не ожидавшая (!) внезапного нападения, князя защитить не смогла, поскольку «все в унынии были и в оторопи великой». Василий II был пленен, ослеплен (за что впоследствии был прозван Темным) и сослан в Углич. Затем он получил «в отчину» Вологду.

К слову сказать, борьба Новгорода и Москвы за Вологду, впервые упомянутую в 1147 г., началась в 1393 г. Тогда, согласно первой Новгородской летописи, «князь великий взял у Новгорода пригород Торжок с волостями, и Волк Ламский и Вологду» [14]. Между 1397–1441 гг. Вологда неоднократно переходила из рук в руки.

Восстановить права на московский престол Василий II сумел только в 1453 г. в результате тяжелой и изнурительной борьбы со своими оппонентами. Поддержку великому князю оказали в первую очередь Вологда и северные монастыри – Спасо-Прилуцкий и Кирилло-Белозерский. Шемяка из Москвы бежал и, согласно летописям, был отравлен собственным поваром Иваном Котовым в июне 1453 г. в Новгороде.

Известно также о причастности делам Василия II дьяка Степана Бородатого и подьячего Василия Беды – вероятно, людей из княжеской «службы безопасности». Как указывает историк Вологодского края П. А. Колесников, после указанных выше событий роль Вологды для московских великих князей возросла: «Как удельная, так и уездная (с 1482 г. – Примеч. авт.) Вологда выполняла разнородные функции: часто была сборным пунктом для войска, являлась местом политической ссылки, а также убежищем для великих князей и их семейств» [15].

Сын Василия Темного Иван III, правивший с 1462 г., с 1450 г. соправитель, что значительно расширил сферу влияния Москвы, с 1463 по 1503 г. присоединил Ярославль, Пермь, Ростов, Новгород, Тверь, Вятку, Вязьму, Чернигов, Брянск, Путивль, Гомель. Он усилил и политические преимущества Москвы. Право сбора налогов и чеканки монет, рассмотрение важнейших уголовных дел отныне стали принадлежать исключительно великому князю Московскому. В результате политическое влияние удельных князей к концу XV в. уменьшилось. Но угроза центральной власти оставалась весьма реальной. Ключевский определил ее следующим образом: «Удельные предания были еще слишком свежи и кружили слабые удельные головы при всяком удобном случае. Удельный князь был крамольник если не по природе, то по положению: за него цеплялась всякая интрига, заплетавшаяся в сбродной придворной толпе. В

Московском Кремле от него ежеминутно ожидали смуты, более всего боялись его побега в Литву [16]. Эти опасения полностью подтвердились во времена смуты, наступившие после смерти Бориса Годунова.

К измене своих приближенных Иван III относился со всей строгостью. Угроза его личной безопасности исходила не только со стороны удельных князей, но и из-за границы. В январе 1493 г. в Москве казнили сразу несколько человек, уличенных в государственной измене. Братья Селевины были обвинены в шпионаже, поскольку «посылали з грамотами с вестми человека своего Волынцова к князю великому Александру Литовскому» [17]. Проступки князя Лукомского и «латинского переводчика» Матиаса Ляха шпионажем не ограничивались: «А князя Ивана Лукомского послал к великому князю служити полский Казимир, а привел его к целованию на том, что сему великого князя убили или зельем окормити, да и зелие свое с ним послал, да зелие у него выняли» [18]. Таким образом, попытка покушения на Ивана III была выявлена и предотвращена на стадии подготовки. Скорый суд и жестокая, по современным меркам, расправа (публичное сожжение) вполне объяснимы законами военного времени – шла война с Литвой. Наряду с карательными мерами применялись и меры превентивного характера. В 1487–1488 гг. из Новгорода в центральные земли были переселены нелояльные боярские и купеческие фамилии.

Возможно, что улучшение работ «спецслужб» великого князя было заслугой не только его самого, но и его второй жены (с 1472 г.), племянницы последнего византийского императора Константина I Софьи Палеолог. Софья стала ближайшим советником своего царственного супруга. Именно с ней противники Ивана III часто связывали уменьшение своего влияния в Московской Руси.

В последней четверти XV в. у великого князя появились рынды – оруженосцы-телохранители, сопровождавшие его при выездах и набравшиеся из юношей знатного происхождения. При строительстве нового кремля под Тайницкой башней были сооружены подземный ход и скрытый водозабор.

Иван III успешно продолжил начинания своего отца, направленные на укрепление резервной базы московских князей в Вологде.

Иван III. С французской гравюры

П. А. Колесников описывает эти события так: «Нам важно отметить два обстоятельства, которые были понятны современникам, но потом забылись. Во-первых, вероятно, уже в конце XV в. наиболее надежным местом хранения великокняжеской казны были Белоозеро и Вологда, особенно когда последняя стала уездным центром. Из нее можно было при необходимости перенести казну в другое безопасное место. В 1480 г., когда на Угре решался вековой вопрос об окончательной ликвидации монгольского ига, Иван III отправляет свою жену Софью вместе с казной на Белоозеро. В завещании Ивана III говорится о великокняжеской казне на Белоозере и в Вологде. Во-вторых, огромный район Европейского Севера, вошедший к концу XV в. в состав Российского государства, особенно Вологодский и Белозерский уезды, были значительным резервом пополнения государевой казны. Не случайно в своем завещании Иван III передает сыну, кроме коренных великокняжеских земель, ряд важных городов и земель на Севере (Вологда, Белоозеро, Двина и Вятка). Особенным вниманием великих князей, начиная с Василия II, пользовались северные монастыри: Спасо-Прилуцкий, Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский и др.» [19].

Василий III, правивший с 1505 г., продолжил дело отца. При нем к Москве были присоединены Псков, Волоцкий удел, Рязанское и Новгород-Северское княжества так же в 1514 г. Смоленск.

К первой половине XVI в. в Московской Руси были заложены основы самодержавного правления. В 1510 г., после присоединения Пскова к Москве, монах Елеазарова монастыря Филофей [20] направил великому князю послание, в котором впервые была сформулирована церковно-политическая идеология «Москва – Третий Рим». Скорее всего, именно она послужила основой для изменения титула великого князя Московского, который отныне стал именоваться государем всея Руси.

Нельзя не отметить, что тяга московского правителя к северным землям не ослабевала: как и его отец, Василий III неоднократно приезжал в Вологду на богомолье и даже выражал желание принять постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

Великое стояние на Угре. Миниатюра из Никоновской летописи

В правление Василия III завершилось формирование территориального ядра единого Российского государства и централизованного государственного аппарата. Одержав победы на этом пути великим князьям позволяло использование скрытых от посторонних глаз средств и методов борьбы. Специальные виды военной деятельности перешли в разряд секретных и стали династическими (т. е. передавались от отца к сыну).

Василий III. С французской гравюры

Во время регентства вдовы Василия III Елены Глинской в Москве под руководством выходца из Италии архитектора Пьетрока Малого строится Китай-город (1534–1538), название которого происходит от древнерусского слова «кета» («кита») – корзина, плетень. Позднее подобные укрепления появились в Смоленске, Себеже, Пронске и Вологде. По мнению А. Н. Кирпичникова, «появление укреплений из плетня объясняется их подкупающе простой и в то же время эффективной антипушечной конструкцией. Неприятельские ядра, проходя сквозь плетень, вязли в насыпной сердцевине, не разрушая преграды. Преимуществом плетневых сооружений была и скорость их постройки»^[21]. Вологодская китай-крепость, как показали раскопки И. П. Кукушкина в 1994 г., имела следующие параметры: «Глубина рва от дневной поверхности XV в. достигала 2,5 метра при ширине до 23 метров. <...> По результатам дендрохронологического анализа дата рубки дерева, примененного при строительстве укреплений, определена около 1548 г. Четыре ряда плетней, проходивших внутри вала, состояли из вертикально битых в грунт жердей, оплетенных ветками. Расстояние между крайними рядами колебалось в пределах 5–5,2 метра – очевидно, ширина деревоземляного вала в основании была не менее 6 метров»^[22]. Мы осознанно уделяем такое большое внимание Вологде, поскольку в царствование Ивана Грозного – следующего правителя Руси – город приобретает особое значение в государевых планах.

Как показывают исторические источники, на формирование личности Ивана Грозного наложили отпечаток детские годы, когда он бессильно взирал на дела, творимые князьями и боярами из ближайшего окружения. Вместо того чтобы вразумлять и учить ребенка, те помыкали и им, и братом его Григорием. Приказаний молодого государя не исполняли, над личными просьбами насмехались, дурные наклонности не подавляли и лет с двенадцати угождали в низменных наслаждениях. При этом шло уничтожение одних боярских группировок другими, находившимися в данный момент ближе к трону. Юноша все видел, слышал и запоминал: под влиянием оскорблений и лестис формировались такие черты его характера как презрение и ненависть к боярству. Посеявшие ветер, пожали бурю: корыстолюбие, угодничество и чванство бумерангом поразили тех, кто забыл о предназначении своем – служить Отечеству государю. К шестнадцати годам Иван (Иоанн), подобно своему отцу, начал приближать к себе новых людей (дьяков), не имевших родовых притязаний.

По мнению С. М. Соловьева, «Иоанн IV был первым царем не потому только, что первый принял царственный титул, но потому, что первый осознал вполне все значение царской власти, первый, так сказать, составил теорию, тогда как отцы дед его усиливали свою власть только практически» [23].

В 1547 г. Иван IV первым из русских великих князей венчался на царство. Мы полагаем, что в его правление происходило интенсивное развитие специальных силовых общегосударственных институтов, предтечей которых являлись личные «службы» великих князей. Охрана царствующего лица в этот период приобрела общегосударственный статус. Специальные службы, ведавшие вопросами личной безопасности российских государей, зачастую играли в истории России (как и в любой монархии) важную роль. Это объясняется тем, что при персонификации власти мена царя, а впоследствии императора влекла за собой изменение государственной политики.

В самом начале царствования Ивана IV Васильевича дипломатия, разведка, политический и уголовный сыск шли рука об руку, поскольку число людей, допущенных к важнейшим царским (т. е. государственным) секретам, было крайне ограничено. В середине XVI в. ситуация изменилась. Одним из факторов, оказавших сильное влияние на юного царя, было восстание посадских людей в июне 1547 г., когда Ивану со свитой пришлось бежать из столицы в с. Воробьево. Вооруженные горожане подошли к селу и потребовали выдачи Глинских, по их мнению, повинных в московском пожаре. Ивану удалось уговорить восставших разойтись, но это событие стало для него серьезным испытанием. Позже он вспоминал, что в его душу вошел страх «трепет в костимой» и дух его «смирился».

Иван IV Грозный. С гравюры XVI в.

В феврале 1549 г. царь созвал Земский собор (Избранная рада), на котором присутствовали представители всех сословий. Первые его реформы связаны с именами митрополита Макария, священника придворного Благовещенского собора Сильвестра и дворянина А. Ф. Адашева [24]. Кроме них в разработке и проведении реформ также участвовали Д. И. Курлятев [25], И. В. Шереметьев [26], А. И. Курбский [27]. Собор принял решение о создании нового единого государственного свода законов – Судебника 1550 г., в основу которого был положен расширенный и систематизированный Судебник Ивана III 1497 г.

Для обеспечения реформы государственного аппарата создаются указы, имевшие судебно-

полицейские функции; первым из них стал Челобитный приказ. В нем рассматривались жалобы дворян и детей боярских, которые по Судебнику 1550 г. получили право обращаться непосредственно к суду царя; также Челобитный приказ служил апелляционной инстанцией по обжалованию решений, вынесенных нижестоящими судебными органами, контролировал деятельность других государственных учреждений и должностных лиц государства.

Главой приказа стал А. Ф. Адашев, вместе с Сильвестром в начале реформ оказывавший наибольшее влияние на царя. О его влиянии говорит тот факт, что в 1552 г. Адашев получил должность постельничего. Постельничий был ближайшим советником царя, сопровождал его при выходах из дворца, неотлучно дежурил в царских покоях. Как показывают исторические примеры, подобным доверием государей пользовался ограниченный круг людей, в первую очередь начальники личной охраны. Однако, как это часто бывает, через 10 лет Адашев и Сильвестр подверглись опале. Иван IV впоследствии писал, что они «государилися, как хотели», а с него государство «сняли»: что он был государем на словах, а не на деле. Возможно, в основе этого решения лежало стремление царя проводить самостоятельную политику. Также вероятно, что опала была следствием интриг со стороны родовитых бояр, недовольных политикой фаворитов. В 1560 г. Сильвестр был отправлен в ссылку, а Адашев арестован при малоизвестных обстоятельствах, а вскоре умер.

Одним из важнейших решений Ивана IV было создание Посольского приказа, ведавшего международными отношениями, в том числе вопросами разведки в иностранных государствах.

Во главе приказа поставили подьячего И. М. Висковатого [28], который первым делом занялся созданием царского архива, куда поступили бумаги великих и удельных князей, документы внешнеполитического характера, следственные материалы. Таким образом, под его руководством был создан первый общегосударственный центр хранения, учета и анализа конфиденциальной информации, положено начало информационно-аналитической службе, основывавшей свою деятельность как на собственных архивных документах, так и на документах, теми или иными способами попадавших в Москву.

Чтобы обеспечить принятие выгодного для России решения, наряду с обычными дипломатическими средствами того времени И. М. Висковатый в 1562 г. привлек на свою сторону приближенных датского короля, которых, пользуясь современной терминологией, можно называть «агентами влияния». В 1559–1560 гг. царь использовал Посольский приказ в качестве противовеса влиянию А. Адашева.

Разделавшись с земской оппозицией, Иван IV переключился на поиск «врагов» среди приказной бюрократии. При дворе заметно набирали силу братья Щелкаловы [29], которые сыграли не последнюю роль в опале Висковатого. В 1570 г. И. М. Висковатый официально открыл печальный список руководителей и сотрудников спецслужб, получивших в качестве награды за верную службу «высшую меру».

Систему охраны южных рубежей государства следует считать одной из наиболее интересных военно-политических разработок, реализованных в период правления Ивана IV.

Во второй половине XVI в. пространство между верховьями Оки и Дона таило угрозу вторжений со стороны Крымского ханства, поэтому требовалось коренным образом улучшить оборону на этом участке. Одним из организаторов пограничной службы был «государев слуга и воевода» М. И. Воротынский [30]. В 1550–1560 гг. он руководил строительством оборонительных сооружений на подступах к Калуге, Коломне, Серпухову, лично отражал нападения ордынцев под Тулой в 1559 г. В те годы была создана Большая засечная черта, в народе называвшаяся Поясом Богородицы. Задачей крепостных гарнизонов было не допустить прорыва степняков к центру Московского государства по так называемому Муравскому шляху, который начинался у Перекопа и выходил к Туле. В 1571 г. царь поручил Воротынскому боярину Н. Р. Юрьеву (деду первого царя из династии Романовых) провести съезд служилых людей из пограничных

городов и выработаны план защиты южных границ [31].

Для регламентации деятельности пограничной охраны был составлен «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» от 16 февраля 1571 г., «чтоб воинские люди на государевы украины войною безвестно не приходили» [32]. Поскольку степняки придерживались стратегии опустошения, а не завоевания, основной задачей русских являлось перекрытие коммуникаций маневренного противника. Система пограничной охраны и обороны опиралась на базовые крепостные укрепления, между которыми возводилась полоса из валов и засек, препятствовавшая перемещению конных орд. Для наблюдения за противником за линией укреплений, в Дикое поле, направлялись посты (заставы «сторужки») и подвижные наряды (станции). Служба начиналась 1 апреля и продолжалась до тех пор, пока не ляжет снег – сначала в три смены по шесть недель, затем по четыре недели, чтобы «сторужки без сторожей не были во весь год ни на один час» [33].

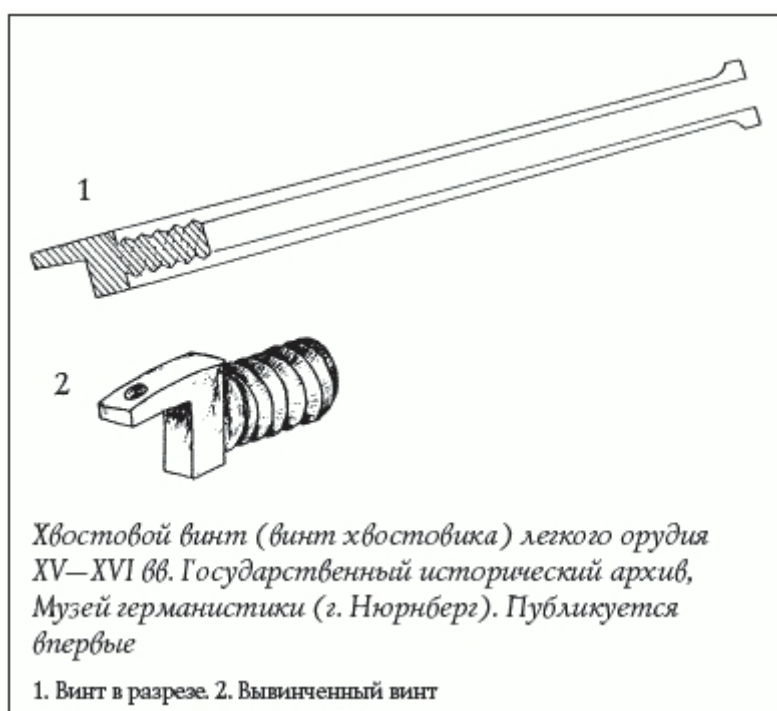
Станции высылались в дозор на пятнадцать дней, за это время они проходили до 200–250 верст. Если станцию «разгоняли» враги или станичники попадали в плен, на их место немедленно высылалась следующая станция. Служебные обязанности предписывалось выполнять в конном строю, у каждого из станичников был свой «справный» конь. Все крепостные гарнизоны, летучие отряды, заставы и население порубежья составляли единый военно-административный организм, функционировавший в соответствии условиями пограничной жизни.

Подобная организованность пограничной службы была бы невозможной без подробной регламентации, вобравшей многолетний практический опыт и предписывавшей крайнюю осмотрительность. Расположение застав следовало хранить в тайне, запрещалось делать станы и устраивать установки в лесах, категорически запрещалось дважды разводить огонь в одном и том же

месте. Эти меры позволяли вводить «супостата» заблуждение относительно численности и расположения постов и приучали пограничников к бдительности. При обнаружении неприятеля дозорным вменялось оповестить об опасности ближайший город или заставу, зайти в тыл противника для определения его численности и намерений. Добытые сведения надлежало доставить команде и продублировать соседним заставам. За недобросовестное отношение к служебным обязанностям охранники подвергались телесным наказаниям и денежным штрафам. «А которые сторожине дождавшись себе отмены, с сторожи отъедут...» были казнены смертью» [34]. Постепенно от рубежа к рубежу создавалась глубоко эшелонированная система охраны и обороны Московского государства, одной из задач которой являлось заблаговременное выявление угрозы и предупреждение об опасности.

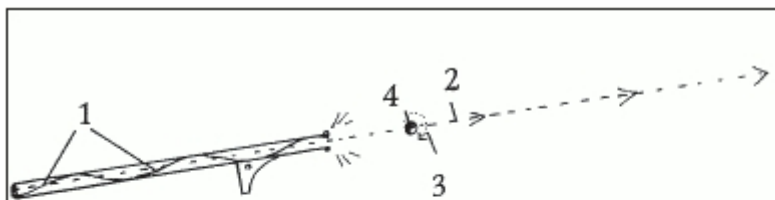
Ревностная преданная служба государю не избавила М. И. Воротынского от подозрений в измене. В 1573 г. слуга донес на него как на чародея, злоумышлявшего против Ивана IV. Князя схватили, пытали и полуживым отправили в ссылку на Белоозеро, по дороге куда он скончался. Остается неизвестным, явилась ли его смерть следствием чрезмерного усердия «пытошных дел мастеров» или верного царя слугу умертвили по чьему-то тайному приказу.

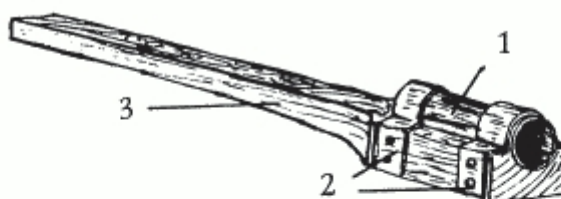
Изменения в социально-экономической сфере после 1549 г. были направлены на обеспечение земель дворян – нового служилого сословия, призванного стать опорой государства. Основу вооруженных сил составляло теперь конное ополчение землевладельцев, выходивших на службу «конно, людно и оружно». В 1550 г. Иван IV издал указ «Об испомещении в Московском и окружающих уездах избранной тысячи служилых людей». Указ стал основой для создания корпуса «выборных стрельцов из пищали», обязанных быть всегда наготове для исполнения ответственных поручений. Стрельцы представляли собой содержавшееся казной регулярное войско (6 полков), вооруженное пищалями – новейшим по тем временам огнестрельным оружием. Наряду с другими обязанностями стрельцы несли охрану государя.

Главной проблемой, с которой сталкивался царь при назначении командного состава, являлось местничество, т.е. обычай занимать командные посты в зависимости от древности рода, а не от знаний и военных заслуг. Созданный в 1555 г. Разрядный приказ ведал обороной государства, обеспечивал сбор дворянского ополчения и назначал воевод; руководил приказом дьяк И. Г. Выродков. В 1571 г. был учрежден Стрелецкий приказ (приказ Надворной пехоты), ведавший стрельцкими полками. Термин «надворной» (по одному из толкований – «придворной») указывал на высокий статус стрельцких полков, которые несли службу при дворе.

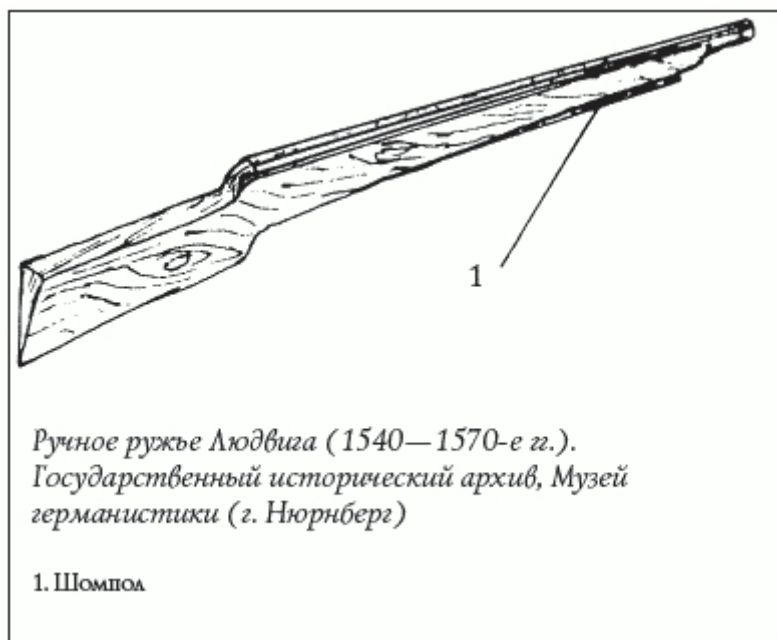
Нарезной ствол XV—XVI вв. Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

- 1. Нарезные желобки («канавки»). 2. Направление полета пули.
- 3. Направление вращения пули. 4. Выпущенная пуля

Рычаги (кормысла) легкого орудия XV—XVI вв. Государственный исторический архив, Музей германистики (г. Нюрнберг)

- 1. Трубка для заряда выполнена из дерева. 2. Скрепление.
- 3. Рычаг

В 1555 г. из состава Боярской избы (избами, как и приказами, назвались органы управления) была выделена Разбойная изба, в дальнейшем преобразованная в Разбойный (Татейный) приказ, на который возлагалось проведение сыска и следствия по делам уголовного (разбойного и душегубного) и политического (изменнического) характера. Термином «сыск» в России вплоть до 1917 г. обозначались специальные мероприятия непроцессуального характера по установлению и обнаружению неизвестных или скрывающихся преступников. Во второй половине XVI в. во главе Разбойной избы в разное время находились бояре Д. И. Курлятев, И. М. Воронцов, И. А. Булгаков. Дьяками Разбойного приказа были В. Я. Щелкалов, К. С. Мясоед (Вислово), У. А. Горсткины Г. М. Станиславов.

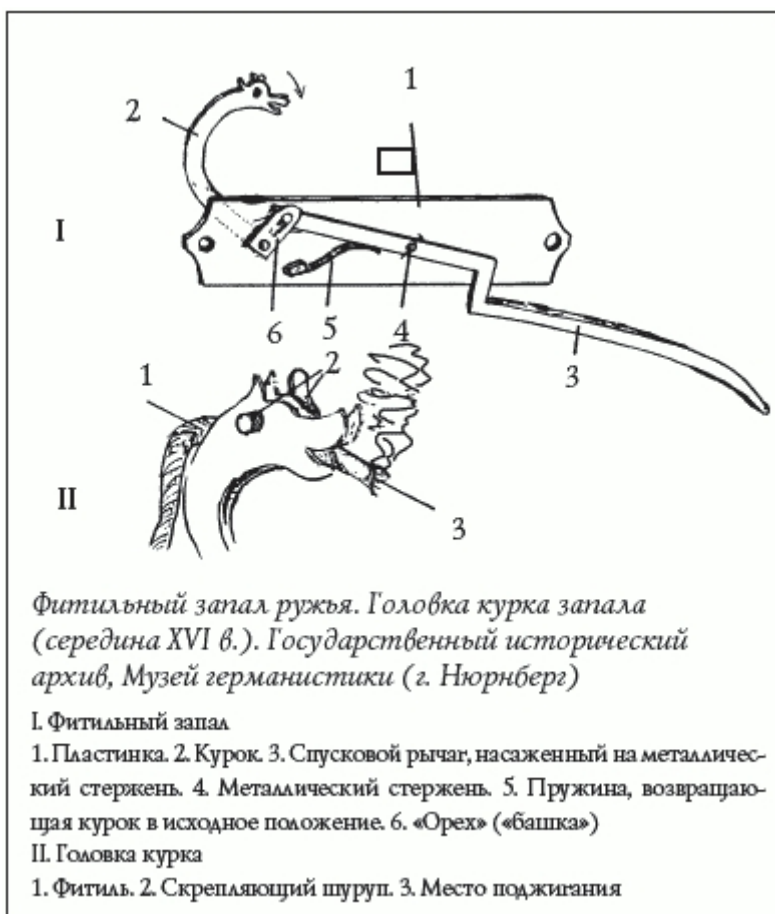
В с. Коралово (ранее – Караулово) – бывшем поместье одно время возглавлявшего «татейный» сыск дьяка Бухвостова – в XVIII в. при перестройке двора новыми хозяевами, князьями Васильчиковыми, были обнаружены подземная церковь и напоминавшие камеры для заключенных кельи времен Ивана Грозного. Можно предположить, что в них в условиях строжайшей тайны даже от ближайшего окружения царя содержались лица, обвиненные в государственной измене; вероятно, там же происходили допросы, а отпевали казненных в подземной церкви.

Разбойный приказ не был монополистом сыска. В 1564 г. был создан Земский приказ, рассматривавший разбойные и татейные дела по Москве и Московскому уезду; он же вел наблюдение за безопасностью и порядком в столице окрестностях. В 1571 г. появился Холопий приказ для рассмотрения судебных дел холопов и ведения розыска беглых.

Параллельно шло структурирование системы управления в военной области: кроме уже упоминавшихся Разрядного и Стрелецкого приказов учреждены Оружейный (ок. 1547 г.), Бронный (1573 г.), Пушкарский (1577 г.) приказы.

К середине XVI в. значительное место в арсенале русского воинства занимало ручное огнестрельное оружие; стрелецкое войско составляло одну десятую часть всей армии. Главой оружейного дела стал боярин-оружничий, возглавлявший Оружейный приказ и ведавший вопросами производства стрелкового оружия. В его распоряжении находилась особая группа «самопальных государевых стрелков», в которую принимали без сословных ограничений. Выполнявший в конце XIX в. обязанности помощника директора Оружейной палаты полковник Л. П. Яковлев, опираясь на архивные документы, писал, что кандидатов в

стрелки отбирали из молодых, ловких, сильных, грамотных людей разного звания, умевших стрелять из пищалей [35].

Для поступления в стрелковую команду желающий подавал главе Оружейного приказа челобитную, в которой описывал свои положительные качества способности, после чего опытные стрелки принимали у

него экзамен по стрельбе. Испытания проводили в поле. Надо было выстрелить пять раз с расстояния в 25 сажень (53 м), мишенью служил квадрат со стороной в четверть сажени (53 см) и центральным кругом диаметром в полвершка (около 2 см). Экзаменаторы оценивали как профессиональные, так и моральные качества кандидата поскольку стрелки входили в ближайшее окружение государя.

На вооружении государевых стрелков находилось не только гладкоствольное и нарезное оружие – винтовые (или винтованные) пищали, которые в зависимости от числа нарезов назывались «шестерики» и «восьмерики». Дальность стрельбы из нарезных ружей была больше, чем из гладкоствольных, в два раза, а кучность – в четыре-пять раз, что фактически делало мастеров «огненного боя из пищали» специальным снайперским подразделением, обеспечивавшим безопасность государя и выполняющим его особые поручения.

В «Описи Московской оружейной палаты» [36] имеется более десяти образцов нарезного длинноствольного оружия XVI в. Указанные образцы имеют калибр 3,3–4 линии (8,4–10,2 мм) и длину ствола 35–40 дюймов (600–1015 мм). Некоторые образцы оружия названы там аркебузами, одна из них принадлежала князьям В. В. и А. В. Голицыным. Число нарезов не всегда было четным, некоторые образцы имеют 7 нарезов. Отдельные, выпущенные уже в XVII в. образцы имеют 12 и даже 24 нареза.

А. Дженкинсон, представлявший в Москве интересы английской торговой «Московской компании» и неоднократно выступавший в качестве посла английского двора, в 1557 г. был свидетелем стрелкового смотра. Он писал: «В поле, за предместьями Москвы <...> для стрельбы из ручного огнестрельного оружия был устроен род ледяного вала в шесть футов (183 см. – Здесь и далее примеч. авт.) вышиною и четверть мили (400 м) длиною из кусков льда толщиною в два фута (31 см). В шестидесяти ярдах (55 м) перед валом были сделаны на небольших кольях подмостки, назначенные для помещения самих стрелков. <...> Когда царь занял свое место, пищальщики направились к упомянутым выше мосткам, выстроившись на них, открыли огонь по ледяным мишеням, стрельба их продолжалась до тех пор, пока последние не были окончательно разбиты пулями» [37]. Заявление такого свидетеля, выполнявшего, естественно не только торговые и дипломатические, но и разведывательные функции, крайне важны, поскольку такого рода письменные заявления отправлялись сначала Марии I, а затем Елизавете II одновременно с комментариями о боевой и моральной подготовке ближайшего окружения российского государя.

Таким образом, с полной уверенностью можно говорить, что уже во второй половине XVI в. в окружении первого русского царя было сформировано элитное стрелковое подразделение со снайперской подготовкой, готовое выполнять личные специальные задания правителя и постоянно совершенствовавшее свои знания и практические навыки. Представляя, какой опале или казни мог подвергнуться нерадивого слугу (читай – холопа) государь, можно с уверенностью утверждать, что уровень практической, теоретической и моральной подготовки стрелков соответствовал требованиям того времени, а возможно, и превосходил среднестатистические стандарты.

В тот же период в Европе, а затем и в России получает распространение короткоствольное огнестрельное оружие: пистолет (пистоли) с колесцовым, а позднее кремневым замком; оно приобретает популярность не только у военных, но и у горожан. Во многих странах отдельных городов Европы власти и знать, обеспокоенные возможностью применения «дьявольского оружия» для осуществления политических убийств, запрещали владение пистолетами без специального разрешения; карой служило публичное отрубание руки. Однако повсеместное распространение нового оружия сдерживали не столько репрессивные меры, сколько высокая стоимость даже в армиях крупных государств того времени пистолеты поступали на вооружение лишь в отдельные привилегированные кавалерийские подразделения.

Уже в XVI в. изготавливались многозарядные пистолеты. В указанной «Описи» числится «револьвер

германский, XVI в., о трехвыстрелах»^[38]. Указанный образец имел трехзарядный барабан, вращающийся на специальной оси. Калибр оружия 6,5 линии (16,5 мм), длина ствола 9,5 дюйма (240 мм). Скорее всего, возможности короткоствольного (особенно многозарядного) оружия наиболее адекватно оценивались в тех государственных (и негосударственных!) структурах, которые в настоящее время определяются как специальные или секретные.

Применение огнестрельного оружия было не единственным способом устранения неугодных царю людей. У Ивана IV служил придворный аптекарь и астролог Элизиус Бомелий, по некоторым данным, родившийся в Вестфалии и обучавшийся в Кембридже. Он умел готовить яды, которые действовали по прошествии определенного времени. Это не давало возможности установить причинно-следственную связь между бокалом вина и смертью выпившего его человека. По сведениям немецких наемников Таубе и Краузе, служивших в те же годы московскому царю, Бомелий отравил по приказу Ивана IV до 100 опричников. В 1580 г. лейб-медик предпринял попытку сбежать из Москвы, но неудачно. Его поймали и жестоко казнили – по наиболее достоверной версии, Бомелий был заживо сварен в котле. Этот пример показывает, что люди, допущенные к сокровенным государевым тайнам, находились под неусыпным контролем, пренебрегать которым было крайне рискованно.

Постоянные междоусобицы в царском окружении и сопротивление представителей старинных боярских родов, препятствовавшие движению новых людей, убедили Ивана Грозного в необходимости сломать устоявшиеся порядки. В декабре 1564 г. царь с семьей в сопровождении заранее отобранных бояр и дворян направился в летнюю резиденцию – Александровскую слободу, откуда послал в Москву две грамоты. В первой, адресованной боярам, духовенству и служилым людям, он обвинял их в изменах и потворствованиях, во второй объявлял московским посадским людям, что у него «гневу на них и опалы нет». После публичного прочтения грамоты на Красной площади последние потребовали, чтобы царя уговорили вернуться в Москву, в противном случае грозя истребить «лиходеев и изменников». Через несколько дней Иван Васильевич, приняв делегацию духовенства и боярства, согласился на возвращение, но выдвинул следующее условие: одних «изменников» подвергнуть опале, других – казнить «учинити» опричнину. По этому поводу у историков есть два взаимоисключающих мнения: первое – опричнина обусловлена личными качествами царя и не имела политического смысла (В. О. Ключевский, С. Б. Веселовский, И. Я. Фроянов); второе – опричнина направлена против социально-политических сил, противостоявших усилению самодержавия (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, Р. Г. Скрынников).

Опричнина (по В. Далю – отдельность), т. е. особая форма царского управления, отсекавшая представителей старой боярской элиты от принятия важнейших государственных решений, была установлена в 1565 г. Политическое обеспечение новой формы правления осуществлено блестяще. Введение опричнины было подготовлено мнимым удалением царя от дел государственных (отъезд в Александровскую слободу) и созданием (с помощью царских грамоты доверенных людей, распускавших слухи) общественного мнения, будто самоустранение царя есть гибель его подданных. То есть, с одной стороны, опричнина вводилась повелением Ивана Грозного, но с другой – при широкой поддержке социально значимых слоев населения, включая духовенство, бояр и армию. Подчеркнем, что в данном случае уместно говорить о проведении специальной психологической операции, направленной на формирование необходимого царю общественного мнения. Таким образом, уже в XVI в. при выполнении важнейших государственных специальных операций использовалась серьезная система подготовки и проведения активны идеологических мероприятий.

Взятые в опричнину «князья, бояре, дети боярские, дворовые и городовые» стали новой царской дружиной, которая наряду с гражданскими государственными обязанностями выполняла специальные функции. Особый корпус опричной стражи сочетал функции личной охраны государя (вместорын Ивана III), а также оперативно-следственной и карательного аппарата по отношению к заподозренным в

государственной измене или простов нелояльностей вельможам.

Первоначально в опричное войско была взята 1000 служилых людей, в число которых входили и представители некоторых старинных княжеских и боярских родов; во главе корпуса стояли А. Д. Басманов [39] и Г. Л. Скуратов-Бельский [40].

Одним из наиболее доверенных людей царя в период опричнины стал Ф. А. Басманов [41], о чем говорит присвоенное ему звание кравчего [42].

Еще одним приближенным опричником был В. Г. Грязной [43]. Среди опричников были не только подданные царя, но и иноземцы, в первую очередь выходцы из «немецких» земель, например Г. Штаден [44].

Для устрашения недовольных опричники привязывали к седлу собачью голову и метлу, показывая всем, что они грызут «государевых изменников» и выметают измену. На практике, как это часто повторялось в истории, репрессиям подвергались не только виноватые, но и невинные. Жертвами наветов и подозрений царя стали многие люди, причем не только из боярского сословия. Не избежали репрессий и многие из опричников; так А. Д. Басманов по приказу царя убил его собственный сын.

Уже упомянуты нами А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский считают, что под именем Ивана Грозного могли действовать сразу четыре «государя». Согласно их версии, причины репрессий второй половины XVI в. кроются в борьбе за власть между «ордынской» и «романовской» группировками. Вполне вероятно, что перепады от царской милости к опале могли быть следствием конкуренции среди групп опричников, принадлежащих к разным оперативным подразделениям, подчинявшимся непосредственно государю.

Теперь самое время вспомнить о Вологде, которая стала одним из основных опорных пунктов Ивана IV (по сути, резервной столицей «опричного удела»). Царь пребывал в ней в 1565-м, 1566-м и 1568–1571 гг. Вологодские краеведы И. П. Кукушкин и И. Ф. Никитинский, опираясь на исторические и археологические исследования, так повествуют об истории возведения Вологодского кремля: «На участке, выбранном для нового кремля, в 1565 г. начинаются грандиозные земляные и строительные работы; Великий государь царь и великий князь Иван Васильевич в бытность свою на Вологде повелел рвы копать и сваи уготавливать, и местность где быт рацким стенам каменного здания» (ПСРЛ. Т. 37.

С. 196). Строительство сложилось необходимостью подведения во рвы проточной воды. <...> Это было достигнуто за счет изменения русла речки Содемы в нижнем ее течении. В настоящее время этот участок называется речкой Золотухой. В 1566 г. Иван Грозный „повелел заложить град каменной, и его, великого государя, повелением заложен град апреля 28 день на памяти святых апостолов Иассона и Сосипатра“ (ПСРЛ. Т. 37. С. 196–197). <...> Историк Р. Г. Скрынников отмечает, что в Вологду привозят 300 пушек, отлитых на московском Пушечном дворе, а в гарнизоне крепости, кроме дворян, имеется 500 стрельцов. В работе участвуют выписанные из Англии специалисты. Есть основания считать, что Иван IV не чувствовал себя в достаточной безопасности даже в возводимой крепости. Предпринимается строительство флотилии на случай экстренного отъезда царя в Англию – об этом упоминается в местном летописце. <...> Ниже кремля по р. Вологда часть города, где находились склады товаров строились корабли, отделяется от главной стороны рвом, известным ныне как р. Копанка. Он имел в длину 1,8 км и соединял р. Шограш и ров Золотуха. К настоящему времени часть Копанки засыпана. Судя по рельефу местность она не могла быть водоводом, а являлась рубежом обороны нижней части города. Длина рвов с трех сторон кремля составила 2,2 км, с четвертой крепость проходила по правому берегу р. Вологда. Общая длина стен составляла более 3 км, они проходили по берегу Вологды, левому берегу Золотухи далее – по направлению современных улиц Октябрьская и Ленинградская. Задуманная в камне крепость не была построена. Каменными были стены по берегу Золотухи, частично по улице Ленинградской, остальные – деревянными. По реконструкции Н. В. Фалина, в пояс стен входили 23 башни, из которых 7 были

проездными. Есть другие мнения по вопросу о количестве башен. Высота каменных стен была от 2 до 8 м, деревянных – 5–9 м. Поверх каменных стен были нарублены деревянные „тарасы“ Примерно в таком виде крепость просуществовала 100 лет.<...> В настоящее время от Вологодского кремля времени Ивана Грозного, в два раза превосходившего по площади современный Московский Кремль, остались только следы древних рвов»[\[45\]](#).

В 1569–1570 гг. Иван Грозный предпринял карательную экспедицию против Твери и Новгорода. Историк до сих пор спорит по поводу причин, побудивших царя предать тверские и новгородские земли «огню и мечу». Доминируют две точки зрения: 1) поход связан с очередным «безумством» царя, решившим потешить себя кровавыми оргиями; 2) поход предпринят для наказания непокорных царю земель.

У авторов на сей счет есть собственная версия этих событий. Как доказывают исторические документы, даже после введения опричнины царь не чувствовал себя в безопасности. В 1567 г. он отправил королеве Англии Елизавете I упоминавшегося выше А. Дженкинсона с секретным поручением. Дженкинсон доложил своей королеве: «Далее царь просит убедительно, чтобы между им и его королем [евским] вел[ичест]вом было учинено клятвенное обещание, что если бы с кем-либо из них случилась какая-либо беда, то каждый из них имеет право прибыть в страну другого для сбережения себя и своей жизни, и жить там, и иметь убежище без боязни и опасности до того времени, пока беда не минуети Бог не устроит иначе; и что один будет принят другим с почетом. И хранить это величайшей тайне»[\[46\]](#). Таким образом, в царском послании речь идет о взаимном предоставлении политического убежища.

Обращают внимание два момента: поручение дано английскому подданному; посол передает слова царя устно. Эти факты указывают на необычайно высокий уровень секретности царского послания. При этом Дженкинсон сильно рисковал. Если бы он был перехвачен недругами русского царя и рассказал им о своей миссии, его, скорее всего, объявили бы изменником, а русский царь в этом случае имел бы полное право потребовать своей «сестры» голову хулигеля, поскольку никаких письменных подтверждений своим словам Дженкинсон представить бы не смог.

И второй момент: поскольку сообщение передавалось устно, Елизавета на первый взгляд усомнилась в его правдивости. Было ли это искреннее сомнение или только политическая игра царственной дамы, неизвестно, но оно нашло отражение в наставлениях, данных королевой специальному послу Томасу Рандольфу в июне 1568 г.: «И вы скажите, что упомянутый слуга наш Антон Дженкинсон под великою тайной сказал нам о желании царя иметь с нами такую дружбу, что если бы по какому-либо бедствию одному из нас случилось искать убежище вне наших собственных стран, то в таком случае другой должен принять защиту его. По этому предмету вы скажите, что мы подумали, что упомянутый наш слуга Ант. Дженкинсон не уразумел слова царя. Ибо, хотя мы полагаем весьма достоверным, что царь мог сделать сказанному нашему слуге предложение о содержании между нами дружбы и любви, но, с одной стороны, упова на милость Божию, всегда нам являемую, мы ни мало не сомневаемся в продолжении мира в нашем правлении, не опасаясь ни наших подданных, ни кого-либо из иностранных врагов; с другой стороны, нам не известно что-либо противное сему и о положении царя, о могуществе и мудрости которого получаем лучшие донесения от наших подданных, торгующих в его государстве. Поэтому мы полагаем, что упомянутый слуга наш ошибочно понял значение сказанных ему царем речей. Тем не менее, однако, для яснейшего уразумения его намерений мы повелели вам повторить ему это дело, точно узнать его волю и уверить его, что, если бы в правление его произошло какое-либо несчастье (так как всё под небом, по воле Божьей, подвержено переменам), мы уверяем его, что он будет дружески принят в наших владениях и найдет в нас надежную дружбу для поддержания всех его справедливых исканий, столь же верно, как если бы он имел от нас нарочные о сем грамоты обязательства, подписанные нашею рукою и припечатанные нашею печатью»[\[47\]](#).

Из приведенного отрывка следует: несмотря на сомнения (а они изложены более чем ясно), Елизаветадала послу четкое указание о своем согласии предоставить русскому государю политическое убежище. Передавалось оно так же быстро, что позволяло сохранить секретность переговоров.

В 1569 г. Иван IV направил в Англию с тайной миссией дворянина Андрея Григорьевича Совина. Последний летом 1570 г. привез царю грамоту от 18 мая, подтверждавшую готовность предоставить убежище для Грозного, его семьи и приближенных во владениях английской королевы.

Этот документ чрезвычайной государственной важности приводим полностью как яркий образец тайной дипломатии: «Отправив в другой грамоте (где речь идет об отказе в заключении военно-политического союза. – Примеч. авт.), отданной посланнику вашего выс[очест]ва благородному Андрею Григорьевичу Совину, на большую часть поручений изустных и письменных, привезенных и объявленных нам тем посланником, мы сочли за благо, во изъявление нашего доброжелательства благосостоянию безопасности вашего выс[очест]ва, отправить вашему выс[очест]ву сия нашу тайную грамоту, которой кроме нас самих ведомо только самому тайному нашему совету. Мы столь заботимся о безопасности вашей, царь и вел[икий] князь, что предлагаем, чтобы, если бы когда-либо постиг вас, господин брат наш царь и вел[икий] князь, такая несчастная случайность, по тайному ли заговору, по внешней ли вражде, что вы будете вынуждены покинуть ваши страны пожелаете прибыть в наше королевство и в наши владения с благородною царицею, супругою вашею, и с вашими любезными детьми, князьями, – мы примем и будем содержать ваше выс[очест]во с такими почестями и учтивостями, какия приличествуют столь высокому государю, и будем усердно стараться все устроить в угодность желанию вашего вел[ицест]ва, к свободному и спокойному проведению жизни вашего выс[очест]ва со всеми теми, которых вы с собою привезете: вам, царь и вел[икий] князь, предоставлено будет исполнять христианский закон, как вам будет угодно; и мы не посягнем ни в каком отношении на оскорбление вашего вел[ицест]ва или кого-либо из ваших подданных, не окажем никакого вмешательства в веру и в закон вашего выс[очест]ва, неже отлучим ваше выс[очест]во от ваших домочадцев или допустим насильное отнятие от вас кого-либо из ваших. Сверх того мы назначаем вам, царь и вел[икий] князь, в нашем королевстве место для содержания на вашем собственном счете на все время, пока вам будет угодно оставаться нас.

Если же вы, царь и вел[икий] князь, признаете за благо отъехать из наших стран, мы предоставим вам со всеми вашими отъехать в ваше ли Московское царство или в иное место, куда вы признаете за лучшее проехать через наши владения и страны. Мы не будем никоим образом останавливать задерживать вас, но со всякими пособиями и угождениями дадим вам, любезный наш брат царь и вел[икий] князь, пропуск в наши страны или иное место по вашему благоусмотрению.

Обращаем сие по силе сей грамоты словом Христианского Государя, во свидетельство его и в большее укрепление сей нашей грамоты, мы, корол[ева] Елисавета, подписываем оную собственною нашею рукою в присутствии иже поименованных вельмож наших и советников: <...> и привесили к оной нашу малую печать, обещаясь, что мы будем единодушно сражаться нашими общими силами против наших общих врагов и будем исполнять всякую и отдельно каждую из статей, упоминаемых в сем писании, доколе Бог дарует нам жизнь; и сие государским словом обещаем.

Дана в нашем замке Гэмптон-Корт 18-го дня месяца мая, в 12-й год нашего королевствования и в лето Господа нашего тысяча пятьсот шестидесятое [\[48\]](#).

Итак, летом 1570 г. Иван Грозный получил документ, гарантирующий ему и его приближенным предоставление политического убежища в Англии. Но получить согласие на пребывание в другой стране – только половина дела. Кроме этого следует определить маршрут и провести достаточно сложные организационные мероприятия по реализации задуманного.

В XVI в. из Москвы на Север можно было попасть только по р. Вологда, Сухона и Северная Двина.

Дальновидный Иван IV приказал строить корабли в Вологде. Строительство велось под строжайшим секретом, в нем принимали участие английские специалисты. Служащий английской торговой компании Джером Горсей видел эти суда. В своих «Записках» он вспоминал о беседе с русским царем, состоявшейся в конце 1579 или в начале 1580 г. Царь «...спросил меня, видел ли я большие суда и барки у Вологды. Я сказал, что видел.

– Какой изменник показал их тебе?

– Слава их такова, что люди стекались посмотреть в праздник, и я с толпой пришел полюбоваться на их странные украшения и необыкновенные размеры...

– Хитрый малый, хвалит искусство своих же соотечественников, – сказал царь стоящему рядом любимцу. – Все правильно, ты кажетя успел хорошо их рассмотреть. Сколько их?

– Ваше величество, я видел около двадцати.

– В скором времени ты их увидишь сорок, не хуже, чем те [\[49\]](#).

Горсей ошибается. Суда на Вологде он мог видеть не ранее 1573 г., когда прибыл через Северную Двину в Москву. Вопрос царя о количестве судов вовсе не праздный и был задан не из желания похвастаться перед гостем. Английский торговый агент М. Локк писал, что в первой половине 1570-х гг. только из одного царского дворца было вывезено до 4000 (!) телег драгоценностями. Горсей в «Записках» так же свидетельствует, что Иван Грозный «построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях» [\[50\]](#).

Вышесказанное подтверждает, что Вологда являлась не только резервной царской ставкой и местом хранения государственной казны, но и базовым центром основного (литерного) маршрута эвакуации царской семьи из России в Англию. В этой связи авторы полагают, что поход на Тверь, Медный, Торжок, Вышний Волочок и Новгород 1569–1570 гг. имел целью устранение угрозы флангового удара по этому маршруту в случае, если царь с небольшой группой сопровождающих его лиц и «малой охраной» двинется по намеченной дороге. Жесткие карательные меры должны были максимально оградить царственную особу и его приближенных во время возможной эвакуации от вполне реальных смут и заговоров удельной оппозиции. Нельзя забывать о том, что Новгород по-прежнему оставался оплотом свободомыслия и самоуправления на Руси, на него внимательно смотрели соседние города, стараясь ориентироваться в сложной политической конъюнктуре того времени.

Профилактические меры по переселению «поближе к руке» наиболее ретивых оппонентов самодержавной власти, предпринятые за столетие до этого предками Грозного, и его собственные карательные экспедиции содействовали укреплению безопасности престола, позволяли хитрому и подозрительному правителю рассчитывать на успех в случае внезапной эвакуации из Москвы, делали невозможным повторение ситуации с Василием Темным. Подготовка и проведение мероприятий, рассчитанных на обеспечение личной безопасности, а если взглянуть шире – на концентрацию власти в одних руках, красной нитью проходят через всю жизнь Ивана IV. Поэтому мы считаем вышесказанную версию наиболее вероятной для тех условий, в которых осуществлялось управление Российским государством во второй половине XVI в.

Таким образом, в царствование Ивана Грозного были не только заложены основы организации тайных маршрутов эвакуации представителей царствующей фамилии, но и проработаны на международном уровне варианты тайных соглашений с дружественными государями. А строительство с помощью иностранных специалистов в «великой тайне» достаточно большой флотилии, равно как и переправка части казны в надежные хранилища на случай внезапного отъезда лишней раз подчеркивают

серьезность намерений государя и его «великое тщание» о безопасности собственной персоны как олицетворения государства.

Обострившийся конфликт с внутренней оппозицией заставляет царя в 1575 г. фактически возродить опричнину. Иван Васильевич вновь отрекается от престола, на который сажают татарского хана Симеона Бекбулатовича [51], а себя объявляет «князем Московским» и разделяет страну на земщину и удел. Пост крамчегго получает Борис Федорович Годунов (тогсамый, который потом станет русским царем), сменивший казненного Ф. А. Басманова. Руководителями «новой» опричнины становятся Б. Я. Бельский [52] и А. Ф. Нагой [53].

Примерно в то же время в состав российского войска появляется подразделение, состоявшее из иностранцев. Горсей утверждает, что одним из инициаторов создания подразделения наемников был он: «Я отважился устроить так, чтобы царю рассказали о разнице между этими шотландцами, те перешли к нему пленниками, и шведами, поляками, ливонцами – его врагами. Они [шотландцы] представляли целую нацию странствующих каталей приключений, наемников на военную службу, готовы служить любому государю-христианину за содержание и жалование, [я говорил что] если его величеству будет угодно назначить им содержание, дать одежду и оружие, они могли бы доказать свою службу, показать свою доблесть в борьбе против его смертных врагов – крымских татар...» Вскоре лучшие воины из этих иностранцев были помилованы и отобраны, для каждой национальности был назначен свой начальник, для шотландцев Джими Лингет, доблестный воин и благородный человек. Им дали деньги, одежду и назначили ежедневную порцию мяса и питья, дали лошадей, сено и овес, вооружили их мечами, ружьями и пистолетами. <...> Двенадцать сотен этих солдат сражались с татарам успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами. Крымские татары же знавшие до того ружей и пистолетов, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: „Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метаящими, паффами“» [54].

Как полагают авторы, тактические приемы, использовавшиеся принятыми на русскую службу иностранцами, являлись прямым следствием гуситских войн 1419–1437 гг. и опыта, приобретенного наемниками в бесчисленных войнах в Европе. Маневренная тактика гуситов опиралась на использование укрепленных боевых повозок, представлявших собой передвижные полевые крепости. В России аналогичные укрепления известны под названием «гуляй-город». Такая тактика достаточно быстро стала достоянием многих европейских государств и за столетия развилась в эффективное маневрирование конных и пеших подразделений.

Мобильные чешские отряды были вооружены многочисленным легким маневренным огнестрельным оружием и поражали противника на расстоянии. Подобная тактика и шала тяжелую царскую кавалерию преимущественно давая возможность нанести классический таранный удар, прорвать оборону противника и затем рубить бегущих. Частые поражения имперских отрядов поставили Запад перед необходимостью «подтянуть» свое собственное вооружение к уровню вооружения гуситских войск и перенятых передовые тактические приемы. Соответственно увеличился спрос на легкое огнестрельное оружие, одним из центров производства которого стал Нюрнберг.

Судьба иностранных наемников весьма поучительна для потомков. Горсей пишет: «Позднее они получили жалования и земли, на которых разрешили поселиться, женились на прекрасных ливонских женщинах, обзавелись семьями и жили в милости царя и его людей» [55]. Как мы видим из приведенных воспоминаний, политика царя по отношению к служилым иностранцам заключалась в том, чтобы постепенно сделать их полноправными российскими подданными. Не будучи связанными кровными узами со старой боярской знатью, своим благополучием они были обязаны лично царю. Эту традицию продолжил Борис Годунов; в Российской империи Романовых она существовала на протяжении нескольких

веков.

Зимой 1580 г. Иван Грозный направил Горсея с тайной миссией к королеве Елизавете. Суть обращения заключалась в просьбе о скорейшей отправке в Россию пороха, свинца и других военных материалов. Выбор обуславливался тем, что царь доверял Горсею; кроме того, посланец знал несколько европейских языков. Секретное послание было спрятано при участии Савелия Фролова, именуемого Горсеем государственным секретарем, в двойном дне деревянной фляги для водки. Сама фляга была так дешева, что не представляла интереса для потенциальных грабителей. Однако меры безопасности не ограничивались закладкой послания в тайник. На расходы посол получил 400 (!) золотых венгерских дукатов, зашитых в обувь и старое платье. До границ Московского государства Горсея сопровождал вооруженный отряд.

Скорость передвижения оказалась просто фантастической: Горсей указывает, что он и сопровождавшие его государевы слуги проехали 600 миль (960 км) за три дня! Таким образом, в день колонна преодолевала примерно 200 миль (320 км), и этот учет состояния дорог того времени! Можно с уверенностью предположить, что лошади на замену, провиант для посла и его охраны были подготовлены и расставлены в заранее определенных местах.

По прибытии на Моонзундский архипелаг Горсея арестовали, но после общения с комендантом Аренсбурга освободили. Поводом для освобождения послужило письмо дочери коменданта, находившейся в Москве и отзывавшейся Горсею как о своем покровителе. Особо следует отметить, что это письмо комендант получил заблаговременно. Случайность? Возможно, но на пути посла не раз оказывались люди, которые были ему чем-то обязаны, что подтверждает сердечным приемом его в разных городах Европы.

Приведенные факты доказывают, что миссия Горсея планировалась заранее и очень тщательно готовилась тайными службами русского царя, хорошо ориентировавшимися в сложной «лоскутной» политике Европы того времени. Все было осуществлено на высочайшем уровне: экспедиция нигде не встретила серьезных осложнений. В заключение отметим, что в 1580 г. Горсей привел караван из тринадцати судов со столь необходимыми для России грузами в бухту Святого Николая, где в 1584 г. по указу царя был основан г. Архангельск. И еще одна маленькая деталь: в качестве награды за службу Елизаветой зачислила Горсея в число личных телохранителей.

18 марта 1584 г. Иван Грозный скончался. По поводу его смерти существует несколько версий. Одни предполагают, что царя задушили, другие – что его отравили, третьи говорят, что насильственная смерть вероятна, но не доказана. Мы считаем, что если царь был убит, то это не могло произойти без участия лиц из его ближайшего окружения. В пользу версии об отравлении Ивана Грозного говорят исследования М. М. Герасимова, обнаружившего в костных останках царя наличие ртути. Впрочем, нельзя забывать, что во многих лекарствах того времени ртуть присутствовала как лечебный компонент и при длительном употреблении неизбежно накапливалась в организме. Об удушении царя писал Горсей, судя по его воспоминаниям, присутствовавший в то время в Кремле.

Как бы то ни было, члены Регентского совета, назначенные по завещанию Ивана IV в качестве помощников двадцатисемилетнего Федора Ивановича, начали действовать решительно, возможно, в соответствии с заранее составленным планом. В состав совета входили два Рюриковича – князь Иван Федорович Мстиславский [56] и Иван Петрович Шуйский [57], князь Богдан Яковлевич Бельский и два боярина – Никита Романович Захарьин-Юрьев [58] и Борис Федорович Годунов. Основными распорядителями в Москве в день смерти Ивана Грозного стали Бельский и Годунов, сразу после смерти царя они были окружены родственниками и приближенными. Горсей именуется Годунова князем-правителем (the prince protector), указывает на его ведущую роль в это время и отмечает: Удивительно

много успели сделать за шесть или семь часов» [59].

Начальники стрельцов получили приказ закрыть ворота, усилить охрану Кремля и зажечь фитили. Казна была опечатана, а ей приставлена дополнительная охрана из верных людей. Охрану столицу день и ночь несли 12 000 стрельцов. Горсей писал: «Они (новые правители. –Примеч. авт.) начали управлять, распорядиться всеми делами, потребовали всюду описи всех богатств золота, серебра, драгоценностей, произвели осмотр всех приказов и книг годового дохода; были сменены казначеи, советники и служители во всех судах, также как и все воеводы...» [60].

Вышесказанное может служить косвенным подтверждением версии о насильственной смерти Ивана IV. Также возможно, что люди из ближайшего окружения имели информацию об истинном состоянии здоровья царя и заранее готовились взять власть в свои руки. Однако тактический союз приближенных Ивана Грозного был недолгим.

После воцарения на московском престоле Федора Ивановича между бывшими союзниками началась смертельная борьба за власть и влияние, о чем будет рассказано в следующей главе.

Как мы видим, угрозу личной безопасности любого руководителя государства (монарха, президента) можно разделить на внешнюю и внутреннюю. Внешняя угроза – это намерения правителей других стран посягнуть на его жизнь и здоровье. Для реализации подобного замысла существует несколько способов, например прямая военная агрессия, посылка наемных убийц или отравленных даров. В ряду угроз следует рассматривать также намерения иностранных организаций или отдельных подданных, недовольных политикой правителя соседней страны. Особенно опасными являются действия представителей государственных специальных служб, действующих не по воле своего государя, а по политическому или экономическому заказу какой-либо группировки, оппонировавшей одному или нескольким монархам.

Источником внутренней угрозы для любого руководителя являются группировки или отдельные лица, претендующие на его место. В их числе могут быть не только политические противники, но и лица из близкого окружения, в том числе родственники. Возможно также совпадение интересов внешних и внутренних оппонентов, тогда они могут объединиться против правителя. Подчеркнем, что именно опасность покушений являлась одним из побудительных мотивов репрессивной политики монархов по отношению к своему ближайшему окружению.

Выдержки из АРХИВАСТРЫ, или НАУКИ ПОЛИТИКИ

[61]

Глава 2

Смутное время

Любите врагов своих, гнушайтесь врагов Христа и бейте врагов Отечества.

Заповедь православного воинства

Вступивший 19 марта 1584 г. на престол Федор Иванович, сын Ивана Грозного и Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, по слабости здоровья не имел реальной власти. От имени царя начал править Регентский (Опекунский) совет, внутри которого начинается ожесточенная борьба за власть. Бояре немедленно отправили незаконную жену Ивана Грозного Марию Нагую и ее малолетнего сына, царевича Дмитрия, в ссылку в Углич. Затем схватились земский казначей П. И. Головин, занимавший, по словам Р. Г. Скрынникова, далеко не первое место в земской иерархии (его поддерживали бояре Голицыны, Романовы, Шереметевы и Шуйские), и Б. Я. Бельский (опричники Годуновы, Трубецкие, Щелкаловы). Противники Бельского распустили в Москве слух, будто тот отравил царя, хочет известие его сына Федора и посадить на престол Бориса Годунова. 2 апреля в Москве вспыхнул бунт против Бельского, которого отправили в почетную ссылку – воеводой в Нижний Новгород. После этого Годунов заключил политический союз с Романовыми, его двоюродными братьями по материнской линии, и стал именоваться «правителем» государства.

Летом 1584 г. по делу «о государевой краденной казне» П. И. Головин был сослан в Арзамас, но по дороге туда он неожиданно скончался – вероятно, был убит по приказу Годунова. Его брат М. И. Головин бежал в Литву. Затем в заговоре против Годунова поочередно обвинили И. Ф. Мстиславского и И. П. Шуйского. На их места назначили сыновей – Ф. И. Мстиславского и В. И. Шуйского; своим назначением оба обязаны лично Годунову. После смерти боярина Н. Р. Захарьиной-Юрьевой его родственники наследников также сослали.

Между тем Борис Годунов все уверенней пробирался к власти. Нельзя не отметить, что его возвышение началось с женитьбы на дочери Малюта Скуратова Марии. Его родная сестра Ирина с 1574 г. была замужем за Федором Ивановичем. В 1577 г. он стал кравчим, а с осени 1580 г. – боярином. Когда Федор взойшел на царство, Годунов занимал пост конюшего (с мая 1584 г.), затем постельничего (по сути, начальника личной охраны). В 1587 г., после ожесточенной дворцовой борьбы, он стал единоличным правителем государства, получившим право самостоятельных дипломатических сношений. Отвечая за безопасность государя, он обеспечивал и свою собственную безопасность, поскольку находился в постоянном соперничестве с родовитым московским боярством – Рюриковичами и Гедиминовичами. Таким образом, начало и конец династии, основанной Рюриком, ознаменовалось приходом к власти начальников личной охраны: Олега у Рюрика и Годунова у Федора.

Федор Иванович. Портрет (парсуна) начала XVII в.

После смерти Федора Ивановича в январе 1598 г. Борис Годунов был избран на царство Земским собором (17 февраля 1598 г.). Первый избранный царь оказался не самым плохим государем в отечественной истории. Современник Годунова – келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий (в миру Аверкий Иванович) Палицын о его правлении отзывался положительно: «Царь же Борис о всяком благочестии о исправлении всех нужных царств вещей зело печашеся, о бедных и нищих промышляше и милость такову великая от него бываше; злых же людей люто изгубляше и таковых ради строений всенародных всем любезен бысть» [63]. Это мнение тем более интересно, что Палицын в 1588 г. был подвергнут пале и насильно пострижен в монахи Соловецкого монастыря.

Позитивное мнение о царе Борисе у его современников явно преобладает. Приведем два примера. Доходы Приказа Большого дворца, полученные от продажи излишков податей, выплачивавшихся натурой, возросли с 60 000 при Иване Грозном до 230 000 рублей при Федоре Ивановиче, когда правителем (главой правительства) стал Годунов. Европейские обычаи начали распространяться в Московском государстве так же при царе Борисе. При нем «дети боярские» (по различным данным, от 5 до 18 человек) впервые были отправлены в Лондон, Любек и Париж учиться наукам у иноземцев.

С. Ф. Платонов дал Годунову следующую характеристику: «По мерке того времени, Борис был очень гуманной личностью, даже в минуту самой жаркой его борьбы с боярством, „лишней крови“ он никогда не проливал, лишнего жестокостей не делал и сосланных врагов приказывал держать в достатке, „не обижая“» [64]. А врагов в боярской среде у новоявленного царя было более чем достаточно: Бельские, Глинские, Голицыны, Мстиславские, Романовы, Шуйские и другие претенденты на московский престол. В. О. Ключевский писал: «Чужой ропот бояр, Борис принял меры, чтобы уградить себя от их козней: была сплетена сложная сеть тайного полицейского надзора, в которой главную роль играли холопы, доносившие на своих господ, и выпущенные из тюрем воры, которые, шныряя по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе, и хватала каждого, сказавшего неосторожное слово» [65]. Для доноса требовалась веская причина – мотивация. Она появилась после того, как в 1597 г. произошло прикрепление крестьян к земле, а дворовых поголовно стали записывать холопы. Представители низших сословий становились удобными с точки зрения вербовки: за обещание получить вольную многие становились осведомителями государя, поскольку Холопий приказ находился в его личном подчинении. Один из холопов князя Шестунова, написавший донос на своего господина, получил в награду не только вольную, но и поместье, о чем было публично объявлено в Москве.

Вооруженные силы Российского государства при Годунове имели следующую организацию.

Дворянская кавалерия вместе с царскими телохранителями составляла порядка 15 000 всадников. Регулярной пехотой являлись стрельцы. В воспоминаниях находившегося в Москве в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера сказано: «Из них (стрельцов. – Примеч. авт.) 5000 должны находиться в Москве или в ином месте, где бы ни находился царь, и 2000 (называемые стремянными стрельцами) при самой его особе, принадлежат дворцу или дому, где он живет. Прочие размещены в укрепленных городах...» [66]. Во времена Годунова и позже стремянными стрельцами назывались стрельцы, составлявшие личный полк государя. Второе значение – конные стрельцы. Нами Стремянный полк рассматривается как одно из подразделений личной охраны царя.

Не очень надеясь на лояльность холопов и уж тем более московского боярства и дворянства, Годунов начал привлекать на военную, в том числе охранную, службу иностранных наемников. Флетчер говорит о 200–250 выходцах из Европы. Эти люди, не будучи связанными кровным родством с политическими противниками Бориса, приносили присягу на верность царю и находились в его личном распоряжении. Выбор Годунова на немецких и швейцарских наемников, служивших еще в личной охране Ивана Грозного, пал неслучайно. Еще в 1291 г. несколько швейцарских кантонов образовали «союз на вечные времена» против империи Габсбургов. На протяжении двухсот лет швейцарцы отстаивали свое право на независимость в войнах с Бургундией, Францией и Священной Римской империей, в 1499 г. Швейцария провозгласила независимость. В результате гражданской войны 1531 г. победу одержали сторонники католицизма, взгляды многих швейцарцев-протестантов обратились к православной России.

Географическое положение Швейцарии, а также ее государственное устройство и чрезвычайно высокий (по сравнению с соседями) уровень свободы ее граждан способствовали появлению и развитию профессиональной военной касты. Швейцарские наемники снискали себе славу неустрашимых, неподкупных и преданных воинов-профессионалов. Доказательством заслуг швейцарских солдат стало их постоянное участие в охране Ватикана и лично Папы Римского. Согласно классической геополитической доктрине, государство следует рассматривать как живого организм, стремящегося к расширению влияния. В этом случае длительное присутствие швейцарских наемников при королевских домах Европы можно сравнить с «демонстрацией флага», что служило росту авторитета государства. Параллельно возникала возможность создания определенных агентурно-оперативных линий, обеспечивавших получение информации непосредственно от высших руководителей различных стран.

Военные доктрины, предлагавшиеся швейцарскими военными, имели преимущество перед аналогичными предложениями конкурентов из других стран. Наиболее воинственно настроенные (по Л. Гумилеву, пассионарные) граждане имели возможность реализовать себя за пределами собственного государства и тем самым выключались из участия в возможных внутренних конфликтах. Сравнение различного военного опыта позволяло военным теоретикам и практикам из Швейцарии совершенствоваться в вопросах обеспечения безопасности. Помимо швейцарских активно привлекались немецкие наемники, особенно представлявшие известный в то время г. Нюрнберг.

Уже в XV–XVI вв. в Нюрнберге существовал свой парламент – рейхстаг. Статус королевского города с большими вольностями и низкие налоги стимулировали развитие торговли и ремесел, в первую очередь «тонких и точных наук» и новейших изделий «военно-промышленного комплекса» того времени. Достижения оружейников были столь впечатляющими, что мало кто из европейских монархов не имел в своем арсенале знаменитого «нюрнбергского доспеха», который уберегал от сильного удара копьем или мечом и «держал» выстрел из большинства видов ручного огнестрельного оружия, конечно, исключая артиллерию. Хотя зафиксированы случаи, когда «нюрнбергский доспех» выдерживал попадание небольшого орудийного ядра.

Производство огнестрельного оружия в Нюрнберге, соблюдавшем «вооруженный нейтралитет»,

особенно возросло между 1420–1535 гг. За это время для собственных нужд и на продажу было изготовлено не менее 12 000 ружей – значительная по тем временам цифра.

С технической точки зрения изделия нюрнбергских оружейников имели много новшеств. Стволы некоторых ружей изготавливались с двумя запальными отверстиями боковая полка имела сдвижную крышку, предохранявшую порох от попадания влаги и высыпания. Отдельные экземпляры имели нарезные стволы с винтовыми канавками. На одном из высокоточных ружей XV в. (его изображение сохранилось в архивных документах) имеется диоптрический (!) прицел, который значительно повышал точность стрельбы. Ствол этого ружья крепился к ложу при помощи четырех винтов. У более поздних моделей были не только фитильные, но и кремневые замки различных конструкций. Похожее оружие есть и в российских музеях, что подтверждает трагический интерес к особо точному огнестрельному оружию при русском дворе.

Следует особо отметить, что при выборе швейцарцев и нюрнбержцев учитывалась профессиональная принадлежность. Все приглашенные наемники являлись протестантами или лютеранами (т. е. не католиками). Не только Иван Грозный, но и Борис Годунов следовал заветам Ивана III и Софьи Палеолог – традиция была продолжена и при Романовых.

Приглашенные на службу иностранцы освобождались от большинства налогов. Голландский купец И. Масса указывал, что Годунов был милостив к иностранцам. В частности он имел намерение выписать из-за границы ученых, чтобы учредить в Москве школу с преподаванием иностранных языков. В 1600 г. в Священную Римскую империю направили И. Крамера, «чтобы в будущем иметь среди своих подданных мудрых и способных людей. <...> Но монахи и попы воспротивились этому и ни за что не хотели согласиться, говоря, что земля их велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи и т. п. Если же иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры и внутренний мир не будет соблюдаться так как сейчас» [67].

Кроме того, «он (Годунов. – Примеч. авт.) все же выбрал из московитских детей восемнадцать дворянских сынов, из которых шесть было послано в Любек, шесть в Англию и шесть в Францию, чтобы их там обучили. Они легко выучили иноземные языки, но до настоящего времени из них только один вернулся в Россию – тот которого Карл, король шведский и проч., дал в толмачи господину Понтусу Делагарди. Его звали Димитрий. Остальные не пожелали возвращаться в свое отечество и отправились дальше по свету» [68]. Родовитое боярство и церковные иерархи в большинстве своем воспринимали подобные нововведения крайне негативно. Стремление Годунова облегчить положение посадских торговых людей и ремесленников так же приводило к неудовольствию боярства – многие хулители Бориса звали его «рабоцарем».

Неприязнь бояр вызвала ответную реакцию со стороны государя. И. Масса писал, что царь «больше верил священникам и монахам, нежели своим самым преданным боярам, а так же слишком доверял льстецам (pluymstryckers) и наушникам (oorblasers), и допустил совратить себя и сделался тираном, и повелел известить все знатнейшие роды <...> и главной к тому причиной было то, что он допустил этих негодяев, а так же свою жестокою женою (Марию Григорьевну, дочь Малюты Скуратова. – Примеч. авт.) совратить себя, ибо сам по себе он не был таким тираном» [69]. Мы полагаем, что одной из причин смуты начала XVII в. следует считать крайне неприязненные личные отношения правящей элиты, обусловленные притязаниями на престол ряда ее представителей.

Поводом к междоусобице послужило прекращение династии Рюриковичей. До сих пор одним из наиболее загадочных событий в российской истории считается смерть царевича Дмитрия, найденного с перерезанным горлом 15 мая 1591 г. на своем дворе в Угличе. Мать царевича Мария Нагая обвинила в смерти сына дьяка Битяговского надзиравшего за семейством, и косвенно Бориса Годунова. Следственная

комиссия в составе князя В. Шуйского, окольничего А. Клешина, дьяка Вылузгина и митрополита Крутицкого Геласия пришла к следующим выводам: 1) царевич зарезал себя сам в припадке падучей болезни (так тогда называли эпилепсию) во время игры с ножичком; 2) вдова Ивана Грозного и ее родня побудили угличан к убийству невинных лиц без всякого на то основания. В итоге Марию сослали в монастырь на Выксу (близ Череповца) и там заставили принять постриг, ее братьев разослали по разным городам, а виновных в беспорядках угличан казнили или сослали в Пелым. А через десять лет в Речи Посполитой объявился человек, которого стали называть «воскресшим» царевичем Дмитрием.

Рассмотрим несколько версий, связанных с обстоятельствами смерти. Для начала предположим, что ребенок погиб в результате убийства, а не несчастного случая. Кому была выгодна его смерть? Обратимся к воспоминаниям современников. Флетчер отмечал: «Младший брат царя, дитя лет шести или семи <...> содержится в отдаленном месте от Москвы под надзором матери и родственников из дома Нагих. Но, как слышно, жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на престол в случае бездетной смерти царя» [70]. К. Буссов свидетельствует, что Дмитрий однажды сделал из снега чучела, которое называл именами знатнейших московских вельмож, и саблей срубал им головы, говоря, что так будет со всеми боярами. Оба иностранца так же сообщали, что царевич характером похож на отца: он жесток и любит смотреть на мучения животных. По воспоминаниям А. Палицына, о враждебном отношении Дмитрия и его окружения к боярам – приближенным царя Федора – в Москве было хорошо известно.

Из вышеприведенного можно сделать вывод: многие московские бояре имели основания опасаться, что, став взрослым и сменив на престоле брата, Дмитрий захочет отомстить за свои унижения. Таким образом, желать смерти царевича могли в первую очередь те, кто сам мечтал сесть на московский престол, при этом Вельские, Годуновы, Мстиславские, Романовы и Шуйские были только верхушкой айсберга. Мы осознанно не отделяем Годунова от его противников. Большинство летописей, обвиняющих Бориса в убийстве, составлено после 1605 г. – в царствование Василия Шуйского, одного из главных конкурентов Годунова в борьбе за трон. Романовым, занявшим престол в 1613 г., версия об убийстве царевича по приказу Годунова править не мешала. Однако самоубийство и убийство Дмитрия – не единственные версии угличской трагедии.

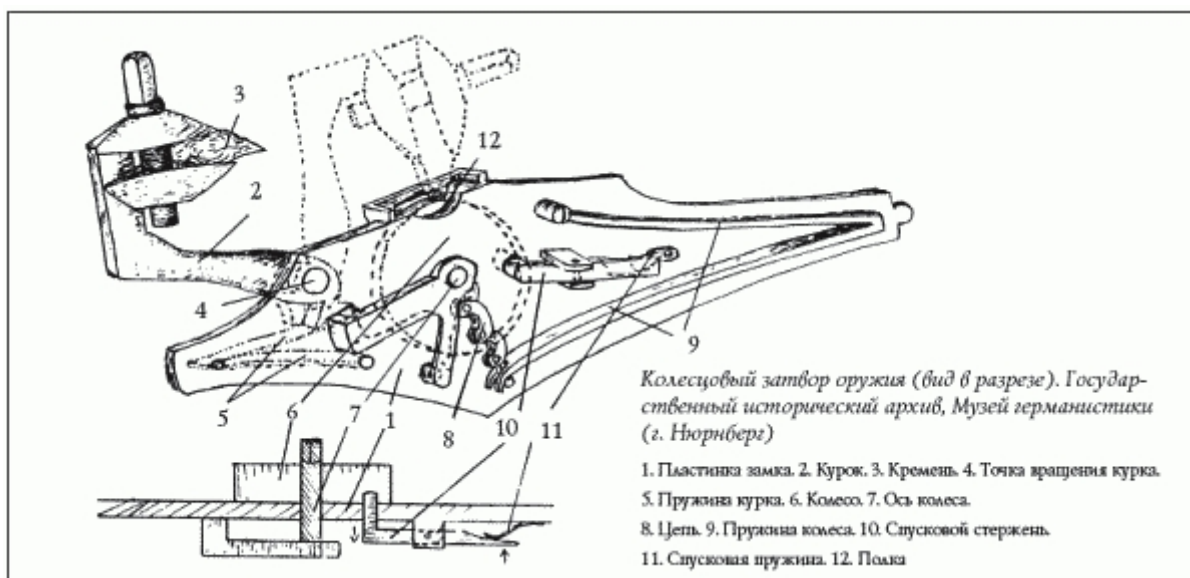
«Воскрешение» царевича в образе человека, названного впоследствии Лжедмитрием I, связано с версией, согласно которой в Угличе погиб не Дмитрий, а другой мальчик. Кто мог организовать эту подмену и для чего? Здесь есть два варианта: 1) ребенка подменили близкие люди, желавшие сохранить жизнь возможному наследнику престола; 2) подмену организовал кто-либо из приближенных царя Федора, отводивших Дмитрию роль дублера в случае смерти государя. Очевидно, что смерти царевича жаждали многие влиятельные особы, и люди из охраны Дмитрия понимали это. Они могли найти подходящего по возрасту и внешнему виду ребенка, поднять большой шум по поводу случившейся трагедии и, воспользовавшись суматохой, вывезти истинного царевича в заранее подготовленное безопасное место. В этом случае спаситель царевича имел серьезные преимущества в будущей карьере. Возможные репрессивные меры со стороны Дмитрия при соответствующей психологической обработке легко было бы направить против соперников. Примечательно, что первые слухи о том, будто царевич жив, стали распространяться в Москве в начале 1598 г., еще при жизни царя Федора Ивановича.

После избрания Бориса Годунова царем (февраль 1598 г.) слухи о чудесном спасении царевича Дмитрия стали эффективным инструментом в руках его соперников. С. Ф. Платонов отмечал: «Боярство не могло помешать ему занять престол, потому что, помимо популярности Бориса, права его на царство были в глазах народа серьезнее прав всякого другого лица благодаря родству Бориса с угасшей династией. С Борисом-царем нельзя было открыто бороться боярству потому, что он был сильнее боярства, сильнее же и выше Бориса для народа была лишь династия Калиты. Свергнуть Бориса можно было только во имя ее. С

этой точкой зрения вполне целесообразно было популяризировать слух об убийстве Дмитрия, совершенном Борисом, и воскресить этого Дмитрия. Перед этим боярство не остановилось [71]. Многие историки считают, что «воскрешение» царевича из рода Рюрика имеет московское происхождение.

Но одним раздуванием слухов дело не ограничилось, предпринимались также попытки устранить государя вооруженным путем. Сразу после смерти Федора Ивановича бывший руководитель опричнины Бельский безуспешно пытался заявить свои претензии на престол. Однако царем был избран Годунов. Бельский был обвинен в заговоре против Годунова, арестован и заключен в тюрьму. Еще одну из попыток захватить власть предпринял клан Захарьиных-Юрьевых – Романовых.

В октябре 1600 г. здоровье Годунова резко ухудшилось. На спешно созванное заседание Боярской думы царя принесли на носилках, по Москве поползли слухи о его скорой кончине. В один из дней на подворье Романовых собрались многочисленные родственники, бояре-сторонники и холопы, которые были вооружены. Многие из московской знати считали Романовых единственными законными претендентами на престол, поскольку они приходились двоюродными братьями последнему царю из династии Рюриковичей. Наиболее популярным среди шестерых братьев считался старший – Федор Никитич, человек очень образованный для своего времени. Предки Романовых со времен Василия I имели отношение к военному делу и тайной государственной службе [72]. Годунов понимал, что угроза его власти реальна, поскольку военные и специальные навыки для организации переворота у Романовых имелись.

Получив информацию об организованном сборе вооруженных людей практически у стен Кремля и стремясь предотвратить переворот, Годунов действовал решительно. В ночь на 26 октября 1600 г. он послал к дому Романовых несколько сот стрельцов. Дом был подожжен, а его защитники, оказавшие сопротивление, убиты, многие из оставшихся живых подверглись аресту. Дворянин Бартенев, служивший казначеем у боярина А. Романова, донес, что его господин хранит в казне волшебные корни, с помощью которых намерен известить Бориса и его семью. За короткое время по обвинению в чаровстве и заговоре против государя всех братьев Романовых отправили в ссылку в разные места. Федора Никитича постригли монахи под именем Филарета [73], чтобы лишить его права занять престол. Вместе с Романовыми были сосланы многие их родственники: Карповы, Репнины, Сицкие, Черкасские, Шестуновы. Александр, Михаил и Василий Романовы погибли в ссылке в 1601–1602 гг. Младшего из братьев – Ивана Никитича (Кашу) в 1602 г. Годунов возвратил в Москву.

Однако вернемся к слухам о спасении царевича Дмитрия, появление которых было выгодно не только боярству. В 1600–1601 гг. в Москве находилось посольство Речи Посполитой во главе с великим гетманом Литовским Львом Сапегой. Его считают автором плана подчинения Московского государства Речи Посполитой с помощью самозванца, посаженного на московский престол. По некоторым сведениям, в состав посольства был молодой человек, которого готовили на роль царевича Дмитрия. Таким образом, слухи о спасении сына Ивана Грозного могли иметь иностранное происхождение. Это тем более вероятно, что участие польско-литовских войск (как частных наемных, так и подчинявшихся правительству в интервенции начала XVII в. было связано с именем спасшегося (спасенного) царевича Дмитрия.

Борис Годунов. С портрета XVII в.

Отметим, что в те далекие времена передаваемые из уст в уста слухи имели гораздо большее значение, чем сейчас. Число умевших читать и писать было невелико. Даже среди бояр имелось много неграмотных. Распространение информации осуществлялось почти исключительно в устной форме, а точность ее передачи зависела от личных качеств рассказчика. Чем значительнее (уважаемее) в глазах общества он был, тем больше веры было его словам. Единственным источником официальной информации для населения являлось публичное чтение государевых грамот. В этих условиях слухи становились эффективным инструментом формирования общественного мнения.

Даже в нынешнее время распространение слухов – один из элементов психологической войны. Как показывает опыт, наибольшей эффективностью они обладают тогда, когда государство находится в

условиях политического и/или экономического кризиса. Нестабильность общества создает благоприятные условия для промывания мозгов. Именно такая ситуация сложилась в Московском государстве в результате всеобщего голода 1601–1603 гг. Только в Москве, по официальным данным, умерли более 120 000 человек.

В числе негативных последствий голода было появление множества вооруженных отрядов, состоявших из беглых или отпущенных на волю (чтобы не кормить их) холопов, посадских людей и представителей правящих сословий, искавших со своими «дружинами» легкой добычи. В 1603 г. банду Хлопка, сопоставимую с небольшой армией, с трудом разгромили в Подмоскovie. Командовавший правительственными войсками околичничий И. Ф. Басманов погиб. Войска под руководством родственника царя С. Годунова, направленные для подавления бунта в Астрахани, были разбиты «воровскими» казаками, сам военачальник едва спасся бегством. Никому не подконтрольные вооруженные отряды становились серьезной угрозой не только для незащищенного населения, но и для власти.

Таким образом, социальная база для поддержки «законного и справедливого» царя была подготовлена рядом объективных и субъективных причин. По нашему мнению, основную ответственность за события Смутного времени несет всякая, алчная и агрессивная «боярская дружинная среда», повторно – после событий, предшествовавших жордынскому нашествию, – столкнувшая Отечества с гранью катастрофы в угоду личным и клановым амбициям.

Исторические материалы, посвященные Смутному времени, указывают на самую характерную особенность той поры – многократное предательство. Большинство московских бояр и дворян неоднократно, несмотря на крестное целование, переходили от одного государя или претендента на престол к другому, руководствуясь не убеждениями, а личной выгодой. Еще одна неотъемлемая черта той поры – широкое участие в междоусобице иностранцев (поляков, литовцев, шведов, немцев, французов, шотландцев и др.), а также казаков, продававших свой клинок не за чести славу, а за корысть.

По нашему глубокому убеждению, одним из субъективных факторов Смуты явилась также крайне низкая эффективность государевых служб безопасности. В течение Смутного времени практически все претенденты на московский престол были убиты разными группировками заговорщиков. Небольшие отряды хорошо подготовленных наемников, входивших в состав царской охраны и до конца сохранявших верность присяге, изменить положения не могли.

Мы не ставим перед собой задачу выяснить истинное имя Лжедмитрия I и других лиц, выступавших под именем «воскресшего» сына Ивана Грозного. Более важной представляется роль, которую самозванцы сыграли в создавшихся условиях. Здесь и далее для их обозначения будут использованы имена, принятые в историографии. Нам (надеюсь, что наших читателей) более интересно действие, связанное с борьбой за власть и обеспечением безопасности властителей. В этой связи рассмотрим, какие шаги предпринял Лжедмитрий I (а точнее, текстостояла его спиной) для организации похода на Москву и какие контрмеры по устранению угрозы со стороны внешних и внутренних оппонентов были приняты (или не приняты) правительством Бориса Годунова.

Основной задачей Лжецаревича было заручиться поддержкой влиятельных лиц, первыми в ряду которых в 1603 г. считались крупнейшие магнаты Речи Посполитой А. и К. Вишневецкие. По какой причине братья решили поддержать человека, заявившего свои права на московский престол, не столь важно. Возможно, они поверили в то, что царевич настоящий, и решили восстановить справедливость, еще более возможно – сочли ситуацию благоприятной для реализации собственных планов. В числе таких планов могло быть объединение Московского царства и Речи Посполитой в единое государство и создание Польско-Литовско-Московской унии [74]. Главное заключается в том, что благодаря авторитету связей Вишневецких Лжедмитрий I получил необходимую поддержку у части польской знати. Немалый интерес

его персоне проявила и католическая церковь. В ноябре 1603 г. представитель Папы Римского при польском дворе нунций Рангони доложил его святейшеству о появлении в Речи Посполитой «чудом спасшегося царевича Дмитрия». Нунций содействовал встрече Лжедмитрия с польским королем Сигизмундом III, который пообещал «царевичу» финансовую помощь.

В целом польская знать приняла рассказы «воскресшего» царевича весьма сдержанно, Польский сейм 1605 г. даже запретил шляхте поддерживать самозванца. Канцлер и коронный гетман Ян Замойский охарактеризовал историю Лжедмитрия так: «Это комедия Плавтали Теренция, что ли» [75]. Часть шляхты, однако, поддержала «царевича» вопреки воле сейма. В Речи Посполитой тогда существовала поговорка: «Шляхтич в своем огороде всегда равен воеводе». Одним из самых активных сторонников Лжедмитрия стал тестя Вишневецкого сандомирский (самборский) воевода Ежи (Юрий) Мнишек. Этот человек, искусный в интригах руководствовался собственным интересом – стать вестежаря Московского.

Самозванный Дмитрий на обещания не скупился. Папе Клименту VIII он сообщил о желании принять католичество и обещал покровительствовать католической церкви в случае занятия московского престола. Мнишекам посулил 1 млн золотых в передачу во владение ряда русских городов (Новгород, Смоленск, Псков и др.). Польскому королю Сигизмунду были даны заверения о присоединении к Речи Посполитой Северной земли. Для мелкопоместной шляхты и украинских казаков привлекательно выглядели посулы вознаградить материально и предоставить вольности. Благодаря этому, а также оказанной Вишневецкими и Мнишеком финансовой поддержке под знаменами лжецаревича собралось, по разным оценкам, от 3000 до 10 000 вооруженных сторонников. С. Ф. Платонов объясняет успехи самозванца следующими обстоятельствами: «Будучи представлен к польскому двору и признан им в качестве царевича, самозванец получает поддержку, во-первых, в Римской курии, в глазах которой он служил прекрасным предлогом к открытию атинской пропаганды в Московской Руси, во-вторых, в польском правительстве для которого самозванец казался очень удобным средством или приобрести влияние в Москве (в случае удачи самозванца), или произвести муту этим ослабить сильную соседку; в-третьих, бродячем населении южных степей и в известной части польского общества деморализованной и склонной к авантюризму» [76].

Формирование войска на территории Речи Посполитой было не единственной задачей человека, решившего стать московским царем. Большое внимание он уделил вербовке сторонников непосредственно в России, в первую очередь в южных и юго-западных приграничных землях. Все лето 1604 г. от имени «царевича Дмитрия» рассылались «прелестные письма» (грамоты), ставшие особенно популярными среди украинских казаков. Один из организаторов психологической операции – пан М. Ратомский действовал с помощью лазутчиков, посылаемых на сопредельные территории. В числе лазутчиков называют русских монахов Леонида и Михаила. «Царские грамоты» порождали множество слухов о чудесном спасении царевича, а те в свою очередь обеспечили первоначальные успехи Лжедмитрия в походе на Москву.

Инициатива в психологической войне исходила из окружения Лжедмитрия. Правительство Годунова выпустило ситуацию из-под контроля; люди, от которых зависело ключевое решение, по тем или иным причинам саботировали его принятие, хотя оперативная информация о подозрительном поведении противников Московского государства о появлении Лжедмитрия поступала своевременно.

Н. И. Костомаров отмечал: «В 1605 году, когда борьба Бориса с самозванцем была во всем разгаре, Филарет друг изменился и смело отгонял себя палкою монахов, которые приходили следить за ним. Воейков доносил на него в таких словах: „Живет старец Филарет не по монастырскому чину, неведомо чему смеется, все говорит про птицловчих, да про собак, как он в мире жывал. Старцев бранити бить хочет и говоритим: „Увидите, каков я вперед буду“» [77]. Можно предположить, что опальный Федор Никитич

располагал информацией о происходящих в государстве событиях и о возможных изменениях в своей судьбе. Скорее всего, он поддерживал связь с Иваном – единственным из братьев, жившим тогда в Москве. Никаких мер по выяснению, что имел в виду Филарет, когда говорил об изменениях в его положении, предпринято не было. Возможно, что слова опального боярина восприняли как бахвальство, но не исключен и другой вариант. К 1604 г. популярность Годунова снизилась, а влияние его противников, наоборот, возросло. Поэтому нельзя исключить, что скрытые сторонники Романовых, находившиеся в окружении царя Бориса, воспрепятствовали проведению сыска в отношении Филарета и провели его в интересах последнего.

В первой половине 1604 г. слухи о том, что настоящий царевич жив и находится в Речи Посполитой, в конце концов вынудили московское правительство провести разыскные мероприятия. В результате в январе 1605 г. была выдвинута версия, что в роли самозванца выступил Григорий Отрепьев, сын галичского дворянина Богдана Отрепьева, расстриженный дьякон Чудова монастыря, одно время служивший у Романовых и Черкасских. В дипломатическом послании польскому двору по поводу Отрепьева говорилось, что он был непослушным сыном, много раз «бегал» от отца, заворовался, после принятия пострига пал в ересь и в «чернокнижье», за что был расстрижен. Представив самозванца изобличенным преступником, Посольский приказ потребовал от властей Речи Посполитой выдачи «вора». Примечательно, что это требование последовало через три месяца после того, как армия самозванца пересекла границы России.

Факты подтверждают, что государственные службы оказались не готовы своевременно и адекватно реагировать на изменение ситуации. Более того, запоздалые и бессистемные действия московских властей ожидаемой поддержки в народе и – что еще важнее – в дворянской (военной) среде не получили.

Отрепьев предал анафеме, но реакция простого московского люда на церковное решение была своеобразной: говорили, что проклинали какого-то Отрепьева, а царевич – настоящий. Это не удивительно: идея высшей («государевой») справедливости есть постоянная составляющая менталитета народных масс. Она не утратила актуальности в настоящее время: официальное название высшего государственного лица в глазах многих россиян не имеет значения, незыблемый принцип единовластия заложен в национальном сознании сотнями тысяч поколений. Российское общество реагировало на самозванца как на «доброего» царя-освободителя, способного защитить простой народ от притеснений бояр. (Но если в сознании народа закрепляется убеждение, что государь правит несправедливо, то любовь к нему сменяется ненавистью.)

Поскольку многие отечественные историки относят к версии о тождественности Лжедмитрия I и Григория Отрепьева с большой осторожностью, приведем мнение С. Ф. Платонова, одного из самых крупных знатоков смутного времени: «Неизвестно, кто он был на самом деле, хотя его личность делалась много разысканий и высказано много догадок. <...> Бесспорно, однако, то, что Отрепьев участвовал в этом замысле: легко может быть, что роль его ограничивалась пропагандой в пользу самозванца. (Есть известия, что Отрепьев приехал в Москву вместе с Лжедмитрием, а потом был сослан им за пьянство.) За наиболее верное можно так же принять то, что Лжедмитрий – зять московская, что это подставное лицо, верило в свое царственное происхождение и свое восшествие на престол считало делом вполне справедливым и честным» [78].

В середине октября 1604 г. войско Лжедмитрия I перешло границу у Киева и двинулось в сторону Москвы. Основным и весьма действенным оружием самозванца были агитация и пропаганда. «Царевич» обещал мир и благоденствие, призывая присягать ему как законному государю. Агентура самозванца успешно распространяла слухи, что король польский и влиятельные вельможи Речи Посполитой признали его истинным великим князем Московским. Пропаганда оказалась эффективной – многие приграничные города перешли на его сторону. Население самолично вязало воевод и передавало их Лжедмитрию,

некоторые из «слуг государевых» поспешили признать «царевича» законным государем и перейти на его сторону.

Одной из причин, обеспечивших победу малочисленного войска «царевича», стало предательство служилого боярства. Вероятно, первым изменником среди высшего сословия был воевода Хрущов, направленный московским правительством к донским казакам для изобличения самозванца. Когда воеводу схватили и привезли к Лжедмитрию, Хрущов признал в его лице «Иоанна» и выразил готовность служить ему как законному государю.

К январю 1605 г. на сторону Лжедмитрия I перешли Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы, Моравск, Чернигов, Белгород, Оскол, Валуйка, Воронеж, Елец и Ливны. Захваченная в этих городах московская казна использовалась для вербовки новых сторонников. Многие города пали в результате предательства. Так, сдачу Путивля объясняют изменой князя В. М. Рубец-Мосальского. При решающем штурме Кромы воевода М. Г. Салтыков (либо вследствие некомпетентности либо изменив государю) отвел пушки в тыл, лишив правительственные войска огневой поддержки.

Победа московского войска под Добрыничами 21 января 1605 г. одержана с участием отрядов иностранных наемников. Потери Лжедмитрия были огромны – свыше 10 000 человек, остаток войска бежали. «Главный военачальник Бориса, князь Мстиславский, получил в этой битве 15 ран, и если бы в дело не вмешались 700 немецких конников (которые тоже пришли в стан из своих поместий) и не бросились на помощь и выручку москвитам, то москвитам пришлось бы плохо. Эти 700 немцев отогнали Дмитрия так далеко, что он был вынужден снова покинуть Северские земли и прекратить попытку взять крепость, где был Басманов» [79].

Однако своевременное преследование и захват самозванца организованы не были. Одержавшие победу воеводы почему-то решили, что «царевич» погиб в сражении. На настойчивые требования командиров иноземных отрядов развить успех операции до полной победы, взять в плен Лжедмитрия или организовать поиски его тела на поле битвы последовал самодовольно-однозначный отказ московских воевод. Спасителям, которые воевали даже не за свое государство и честно исполняли свой военный долг, надменно указали – знайте, мол, свое место. Иноземцы и некоторые наиболее искушенные в воинском деле русские воеводы смогли лишь организовать должное охранение, препятствовавшее возможным контратакам неприятеля.

В столице праздновали победу, добытую при поддержке «германцев» и «швейцарцев», а тем временем Лжедмитрий, потерявший всякую надежду на успех, бежал в Севск, затем в Рыльск и Путивль. Согласно историческим исследованиям, он хотел уйти обратно в Речь Посполитую, но этому воспротивились местные жители, понимавшие, что ждать милости от царских войск им не приходится. За преданность Дмитрию мужчин, женщин и детей сажали на кол, вешали на деревьях за ноги, расстреливали для забавы из луков и пищалей. Подобные действия правительственных войск можно охарактеризовать словом, ставшим популярным в России на рубеже XX–XXI вв., – беспредел. Проходившие ранее через Северщину войска «царевича» ничего подобного себе не позволяли, и это еще больше утвердило народ во мнении, что Дмитрий и есть настоящий царь.

Жестокость проявленная в отношении населения поддержавших самозванца территорий, приводила к деморализации самой армии Годунова. Желание присягнуть Лжедмитрию быстро распространялось среди личного состава.

С приходом весны боевые действия были приостановлены. Лжедмитрий I воспользовался этим. Находясь в Путивле, он вел активную и успешную агитацию, обращаясь к населению и царским воеводам с многочисленными воззваниями. В отправленном Годунову письме он предлагал последнему добровольно покинуть престол, обещая взамен свою царскую милость. Растерянность правительственных войск,

лишенных нравственной опоры, да и в московском обществе целом, нарастала. Многие представители московской знати радовались успехам самозванца, ненависть Годуновым становилась в боярской среде доминирующей.

13 апреля 1605 г. Борис Годунов внезапно скончался. По поводу неожиданной смерти государя ходили разные слухи: одни утверждали, что он отравлен, другие – что он сам принял яд в порыве раскаяния. Умиравшего царя постригли в монахи под именем Боголеп. На следующий день Москва принесла присягу царевичу Федору, единственному сыну покойного Годунова.

Первое, что сделал Федор Борисович, – отозвал из армии князя Мстиславского и братьев Шуйских, а им на смену послал князя М. П. Катырева-Ростовского любимца отца – воеводу П. Ф. Басманова. Как оказалось впоследствии, это решение оказалось для него и его семьи роковым: 7 мая 1605 г. в московской армии, стоявшей под Кромами, произошел мятеж во главе с князьями В. В. и И. В. Голицыными, боярами П. Ф. Басмановым и М. Г. Салтыковым. Часть войска во главе с князьями И. М. Катыревым-Ростовским и А. А. Телятевским отказалась присягать Лжедмитрию и ушла к Москве.

Объединенное войско самозванца направилось от Путивля к Туле: этот марш был поистине триумфальным, множество людей стекались приветствовать истинного царевича». Из-под Тулы Лжедмитрий I послал в Москву Г. Г. Пушкина и Н. М. Плещеева с призывом к москвичам свергнуть Годуновых и признать его права на престол. Гонимцы прибыли в Красное Село, где их уже ждали, а 1 июня 1605 г. грамота самозванца была зачитана на Красной площади. Согласно разрядным записям, при большом скоплении народа выступил также Б. Я. Бельский, подтвердивший истинность «царского» происхождения Лжедмитрия. Его слова послужили сигналом к мятежу московский люд, полтора месяца назад присягнувший Федору Борисовичу, захватил царя, его мать, вдовствующую царицу Марию Григорьевну, и сестру, царевну Ксению. Царская семья содержалась под арестом на старом дворе Годуновых. Затем начались грабежи у родни и сторонников царя. Могилу Бориса Годунова в Архангельском соборе вскрыли и его прах перезахоронили на том участке кладбища Варсонофьевского монастыря, где покоились бездомные и убогие.

Московский люд принес присягу Лжедмитрию, а московские вельможи поспешили в Тулу засвидетельствовать «верноподданность» новому царю. Они передали самозванцу государственную печать, ключи от кремлевской казны, царские одежды и парадные доспехи. Однако в Москве оставались царская семья и патриарх Иов [80], представлявшие серьезную угрозу не столько для Лжедмитрия, сколько для продажного московского боярства. 10 июня их участь была решена. Первым делом бояре П. Басманов, В. Голицын, В. Рубец-Мосальский, дворянин М. Молчанов и дьяк А. Шереметин низложили и выслали из столицы патриарха, не признавшего самозванного царя. Затем они с помощью трех стрельцов совершили тягчайший для православного человека грех – цареубийство. Федор Борисович оказал сопротивление, поскольку «не по младости» дал Бог ему мужество. Народу позднее объявили, что царь и царица приняли яд «от страстей». Всех родственников Годуновых, 74 семьи, отправили в ссылку. Московские бояре умели расправляться политическими противниками.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий I торжественно въехал в столицу, а 21 июня венчался на царство. Правление нового царя началось с милостей: всем боярским родам, подвергнутым опале при Годунове, были возвращены прежние звания и имущество. Романовы, Шереметевы, Голицыны, Долгорукие, Куракины и др. вернулись из ссылки. Филарет получил сан митрополита Ростовского. Сняли опалу и с родственников Годуновых – некоторые из них были назначены воеводами в Сибирь и другие отдаленные места России. Лжедмитрий не только погасил долги московского правительства и удвоил жалование сановникам и войску, а также отменил часть торговых пошлин. Эти мероприятия были рассчитаны на повышение популярности самозванца в глазах общества.

Однако некоторые его действия, вроде бы призванные показать доверие к подданным, вызывают у нас недоумение. Вступив на престол, он поставил во главе московского войска бояр, которые изменили прежнему государю, и отпустил значительное число иноземных телохранителей, наградив их за верную службу. И это при том, что еще 16 июня, будучи в Коломне, он сказал немецкой депутации, что верит им больше, чем «своим русским». Данные поступки имели негативные последствия. Во-первых, охрана была ослаблена. Во-вторых, отпущенные иноземцы, преимущественно поляки, не выехали из Москвы, а потребовали повысить им вознаграждение. Неудивительно, что группы вооруженных иностранцев постепенно начали вызывать недовольство у жителей столицы. Тем временем русские вельможи уже строили заговоры против человека, в преданности которому они клялись при крестном целовании несколько дней назад. Первым начал плести интригу Василий Шуйский, изменивший до этого отцу сыну Годуновым и призывавший москвичей признать «истинного царевича».

Василий Шуйский, будучи Рюриковичем, сам претендовал на московский престол, потому что он и начал кампанию по дискредитации Лжедмитрия I. Характер боярина прекрасно описал С. Ф. Платонов: «Этот человек не стеснялся менять свои показания в деле Дмитрия: в 1591 г. он установил факт самоубийства Дмитрия и невиновность Бориса; после смерти Годунова перед народом обвинял его в убийстве, признал самозванца подлинным Дмитрием и этим вызвал свержение Годуновых. Но едва Лжедмитрий был признан Москвой, как Шуйский начал против него интригу, объявляя его самозванцем» [81]. На Шуйского донесли, он был арестован вместе с братьями Дмитрием и Иваном предстал перед Земским собором. Собор приговорил боярина к смерти, но Лжедмитрий сохранил ему жизнь. Всех братьев отпустил в ссылку, и это было еще одной ошибкой самозванца. Но еще большей ошибкой стало возвращение прощенного Шуйского в Москву в конце 1605 г. Многие историки объясняют пренебрежение мерами личной безопасности со стороны Лжедмитрия I его уверенностью в своем царственном происхождении, он не слушал предупреждения бояр о безрассудности такого поведения. По свидетельствам современников, самозванец любил военные игры, лично участвовал в штурме специально возведенных крепостей, причем вел себя как простой ландскнехт: терпел, если его толкали или сбивали с ног. Зимой 1605–1606 гг. в подмосковном селе Большие Вяземы построили ледяную крепость, оборону которой держали московские бояре, а Лжедмитрий со своими телохранителями должен был брать ее приступом. К. Буссов писал: «Оружием с обеих сторон должны были быть только снежки. <...>

Воспользовавшись удобным случаем, немцы примешали к снегу другие твердые вещества, насажали русским синяков под глазами» [82]. После штурма самозванцу подошел один из бояр и предостерег его, «сказал, чтобы он эту игру прекратил, ибо многие бояре и князья очень злы на немцев <...> и чтобы он помнил, что среди них много изменников и что у каждого князя и боярина есть длинный острый нож, тогда как он и его немцы сняли с себя верхнее и нижнее оружие и нападают только со снежками, ведь легко может случиться большое несчастье» [83].

Еще одна непростительная промашка: во время въезда в Москву своей невесты Марины Мнишек Лжедмитрий инкогнито находился в толпе с минимальной охраной во главе с П. Басмановым.

К весне 1606 г. личная охрана самозванца была несколько усилена: «В январе он (Дмитрий. – Примеч. авт.) назначил трех капитанов. Первый – француз, чисто говоривший по-немецки, – был благочестивым и рассудительным человеком, звали его Яков Маржерет, у него под началом было 100 копейщиков. <...> Второго капитана – фландрца из Курляндии, звали Матвей Кнутсон, ему были вверены 100 алебардников. <...> Третьего капитана был шотландец по имени Альберт Вандтманн, его обычно звали паном Скотницким, так как он долго жил в Польше. У него также было 100 алебардников. <...> Одна половина этой стражи должна была оберегать царя одни сутки, а другая половина – следующие сутки. Это вызвало большое недовольство, особенно среди московских вельмож, говоривших между собою: „Смотришь на наш государь уже теперь показывает этой стражей, что он и сейчас не хочет нас смотреть, что еще будет, когда

приедет польская панна со столькими поляками, немцами и казаками»^[84]. При выездах царя сопровождала ротопольяков во главе с ротмистром М. Домарацким.

Телхранители получали значительное денежное жалование и поместья. Охрану Кремля несли стрельцы Стремяного полка. Русскими советниками Лжедмитрия I являлись Б. Бельский и П. Басманов, польскими – братья Я. и С. Бучинские. Главным недостатком охраны самозванца следует считать слабую организацию разведки и контрразведки и, как следствие, отсутствие достоверной оперативной информации о замыслах и планах политических противников. Можно также предположить, что Лжедмитрий слишком уверовал в провидение Господне, защищающее его от невзгод и измен, и не уделял должного внимания той информации, которая доходила до него.

После возвращения Шуйского из ссылки в боярской среде возник новый заговор. Его возглавили Шуйские и Голицыны. К польскому королю Сигизмунду III было направлено тайное посольство во главе с Иваном Безобразовым^[85]. Бояре обещали королю всяческую поддержку при возведении на московский престол его сына Владислава. Секретная служба Лжедмитрия I боярский заговор не выявила, как не выявила и появления на юге России очередного самозванца, прозванного Лжепетром.

Вероятно, под влиянием головокружительных успехов Лжедмитрия I казачество выдвинуло своим лидером Илейку Муромца (Горчакова), который стал звать себя сыном царя Федора Ивановича. Легенда гласила, что царица Ирина в 1592 г. родила мальчика, которого по указанию Бориса Годунова подменила на девочку. Несколько тысяч казаков сначала направились в Астрахань, а затем вверх по Волге, занимаясь по пути заурядным разбоем. Лжедмитрий пригласил Лжепетра в столицу. Тот двинулся к Москве. Вероятно, каждый из них надеялся устранить противника в столице. Нельзя также исключить, что появление Лжепетра было всего лишь частью плана свержения Лжедмитрия I, рассчитанной на то, чтобы отвлечь внимание «царя» от процессов, происходивших в придворной среде.

Стоявшие во главе заговора бояре В. Шуйский, В. Голицын и И. Куракин обязались друг другу: «А кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством»^[86]. Бояре склонили на свою сторону новгородские и псковские войска численностью 18 000 человек, которые стояли под Москвой в ожидании похода на Крым. Не исключено, что было обещано не отправлять полки в дальний поход, а отпустить их дома. Шуйский успокаивал соратников, испытывавших определенные сомнения: «Если будут все заодно, то бояться нечего: за нас будет несколько сот тысяч за него – пять тысяч поляков, которые живут не в сборе, а в разных местах»^[87]. В заговор оказались вовлечены не только бояре, но и некоторые купцы, сотники и пятидесятники московских стрелецких полков, были назначены день и час выступления «Немецких» наемников, которые верно служили Годунову, а после него самозванцу, решили не трогать.

Лжедмитрий I. С гравюры XVII в.

«Немцы», как часто называли практически всех иностранцев, почти автономно проживали в своей слободе. Тому были веские причины: 1) после смерти государя наемники автоматически освобождались от присяги, поскольку служили не царствующей фамилии, а определенной персоне; 2) загнать организованные высокопрофессиональные подразделения в угол было неразумно и чрезвычайно опасно.

После 10 мая 1606 г. среди московского люда велась агитация против самозванца. Его обвиняли в намерении искоренить православие и уничтожить русское дворянство. Атмосфера накалялась. К Лжедмитрию поступали отрывочные сведения о настроениях в Москве. Немецкие алебардчики привели одного из агитаторов во дворец, но Лжедмитрий послушал бояр, уверявших, что не стоит обращать внимания на слова пьяного. Самозванный царь был настолько уверен в своей безопасности, что не придавал значения донесениям охраны, трижды(!) письменно докладывавшей ему об опасности. Однако солдаты польской пехоты не разделяли беспечности Лжедмитрия I. Они доложили Мнишеку, который был их воеводой, что москвичи не продадут больше оружия и пороха. Самозванец уверил тестя тополякам бояться нечего, но для их успокоения велел расставить по улицам стрельцкую стражу. Других дополнительных мер безопасности ни он, ни его охрана не предприняли, дежурное подразделение личных телохранителей считывал не более ста человек.

Марина Мнишек. С гравюры XVII в.

Хорошо вооруженные польские отряды могли организовать серьезный отпор и сорвать планы заговорщиков. Последним было известно, что все приехавшие поляки выставили на своих дворах стражу Мнишеки разместили у себя всю пехоту, пришедшую из Речи Посполитой. Угрозу также представляли участвовавшие в заговоре против Лжедмитрия I стрельцы Стремянного полка и поддерживавшие самозванца москвичи. Для их нейтрализации придумали простой, но эффективный план. Суть его заключалась в том, чтобы пустить слух: «Ляхи бьют государя!» – на который простой люд откликнулся бы непременно. Был предусмотрен и вариант «тихого» устранения самозванца: дьяку Осипову надлежало тайно проникнуть в царские покои и заколоть Лжедмитрия. В случае удачного покушения в роли виновных также выставили бы поляков.

К вечеру 16 мая 1606 г. подготовка к перевороту была завершена. В Москве сосредоточились вооруженные сторонники заговорщиков, в столицу никого не впускали и не выпускали. Дома, в которых ночевали прибывшие на свадьбу Лжедмитрия I и Марины Мнишек иностранцы, отметили условными знаками. Караул наемников численностью в 100 человек, несший службу у царского дворца, получил от имени Лжедмитрия приказ разойтись по домам. На посту осталось, по разным данным, от 30 до 50 человек.

В четвертом часу утра (это время часто называют часом переворотов) 17 мая 1606 г. колокольный звон возвестило начало «восстания». Все ворота Кремля были блокированы войсками мятежников, а Спасские ворота захвачены; через них заговорщики проникли на территорию царского двора. Василий

Шуйский обратился к своим сторонникам с призывом идти на «злого еретика» во имя Божье. П. Басманов, пытавшийся защитить царя, погиб от руки возвращенного тем из ссылки М. Татищева. Стрельцы внутреннего караула, не участвовавшие в заговоре, взяли Лжедмитрия I под охрану и отогнали мятежников, но последние пригрозили истреблением стрельческих семей в слободах, а Мария Нагая во всеуслышание объявила, что царь – не ее сын. После этого самозванца выдали толпе, убившей его: открытым же над ним мятежным боярам был невыгоден.

На улицах Москвы звучали призывы: «Смерть яхам!» В результате мятеж было убито свыше тысячи иностранцев. Избежать смерти смогли только те, кто, как Вишневецкий со своим отрядом, храбро оборонялся или своевременно бежал из Москвы. Послов других иностранных дворов заговорщики заранее взяли под защиту, выделив для их охраны 500 стрельцов. Иностранные наемники на русской службе практически не пострадали, поскольку сумели не только организованно уйти из Кремля, но и наладить серьезную охрану и оборону мест своего проживания. Попытки толпы поживиться получили сильный отпор. Вообще говоря, иностранные полки быстро оставили в покое, надеясь сохранить для нового государя в качестве союзников. Некоторые из иностранных офицеров впоследствии вернулись на родину, офицеры охраны К. Буссов и Я. Маржерет опубликовали воспоминания.

После удачного завершения заговора тел самозванца сожгли, пеплом зарядили пушку и выстрелили в сторону Польши, как бы символизируя конец обмана. Некоторые представители духовенства предупреждали бояр о пагубности глумления над прахом, предвещая грядущие несчастья, но их не послушали. Мятежники не предусмотрели всех негативных последствий своих вероломных действий. Боярский заговор отнюдь не способствовал единению народа, разделив его на многочисленные группировки приверженцев того или иного «царя» или претендента на царство. Интересы общества в очередной раз были принесены в жертву личным амбициям представителей российской правящей элиты.

19 мая на Красной площади сторонники Шуйского «выкрикнули» его новым русским царем. Впоследствии они стремились представить это «избрание» общенародным делом.

Понимая незаконность захвата власти, Шуйский предпринял активные меры для создания своего положительного образа. Первым шагом в этом направлении стало некоторое ограничение его полномочий. Во-первых, царь не мог никого лишить жизни без приговора Боярской думы. Во-вторых, отменялась практика преследования всего рода (семьи) за проступок одного его члена в делах политических. В-третьих, было обещано не давать веры доносам без расследования и наказывать доносчиков за несправедливые наветы. Нет сомнений в том, что ограничения были приняты под давлением московских вельмож в обмен на поддержку в заговоре против Лжедмитрия I и что они служили боярам страховкой от возможных репрессий со стороны более удачливого сообщника. Однако Шуйский не собирался терпеть рядом с собой бывших соратников: уже в июле многих из них отправил в почетную ссылку. Князь Рубец-Моссальский был назначен воеводой в Карелию, боярин Салтыков – в Иван-город, боярин Бельский – в Казань, князь Шаховской – в Путивль.

Приняв присягу, Шуйский начал рассылать грамоты с одной целью – доказать законность замены предыдущего царя Дмитрием царем Василием. Выстраивалась следующая цепь доказательств: свергнутый царь был самозванец; Шуйский же имеет право на престол, так как избран законно. Грамоты отправлялись от имени самого Шуйского, бояр и инокини Марфы (Марии Нагой). Особый упор делался на справедливости обоснования боярского переворота. В одной из грамот говорилось, что Лжедмитрий I намеревался вывести из города наиболее известных бояр, дворян и думных людей под предлогом военных учений и там их «побить». Как мы видим, в этой грамоте боярская «революция» представлена в качестве превентивного удара, нанесенного с благородной целью спасти жизнь «уважаемых» людей от проклятых ляхов».

Одним из доказательств самозванства Лжедмитрия I стали канонизация «истинного царевича» Дмитрия и торжественный перенос его мощей из Углича в Москву в июне 1606 г. Религиозный обряд использовали как средство политического убеждения россиян в правоте нового царя.

Однако меры, принятые правительством Шуйского, особого успеха все же не возымели. Слишком одиозной была личность нового царя, неоднократно менявшего свою позицию; словам Марии Нагой также не очень доверяли. Старшинство рода Рюриковичей потеряло свое значение в глазах народа, и воцарение Шуйского могла оправдать только поддержка Земским собором. Вернемся к событиям 19 мая. Легитимному способу получения власти Шуйский предпочел «выкрикивание» на площади. Захватив московский трон насильственным путем, он придал новый импульс самозванству, бунтам и междоусобицам; масштаб гражданской войны в его царствование значительно возросли.

Уже в июле 1606 г. в Москве начались мятежи, к которым подстрекали Нагие и их родственник боярин Шереметев. Волнения охватили весь юго-запад России. Воевода Путивля Шаховской объявил жителям московские «изменники» убили не Дмитрия, а «немца» и что настоящий сын Ивана Грозного скрывается в Северной земле. Это послужило сигналом к бунту в тех же городах, что и при Лжедмитрии I; население ожидало нового самозванца, личность которого уже не играла никакой роли. Желание свергнуть ненавистного московского царя овладело массами и стало доминирующим политическим лозунгом, объединившим не только разные социальные слои, но и прежних непримиримых врагов. Ярким примером сотрудничества различных политических сил стало движение, в недавнем прошлом называвшееся крестьянской войной под руководством И. И. Болотникова. Доля истины в этом названии есть.

Иван Исаевич Болотников, первым возглавивший в 1606 г. вооруженную борьбу против Василия Шуйского, – действительно выдающаяся личность. С юных лет он – профессиональный воин (его считают боевым холопом князя А. А. Телятевского), одно время казаковал на Дону и Волге, стал атаманом. Попал в плен к татарам, был продан в рабство на турецкие галеры, после освобождения европейцами через Венецию и Германию попал в Польшу, что называется – в нужное место в нужное время. В Самборе Болотников, вызвавший подозрение как русский, был задержан и доставлен к человеку, который назвался царем Дмитрием. В роли «государя» выступил М. Молчанов, один из приближенных Лжедмитрия I, непосредственный участник ликвидации семьи Бориса Годунова. На наш взгляд, участие в ликвидации и тот факт, что Молчанов сумел ускользнуть из Москвы в ночь переворота, позволяют сделать предположение о его причастности к секретной службе Лжедмитрия I или о наличии прекрасной сети информаторов, предупредивших его о заговоре. Известно, что по пути в Речь Посполитую он распространял слухи о спасении самозванца. Вероятно, этот человек задолго до названных событий проводил в Самборе работу по поиску приемлемой кандидатуры на роль «царя Дмитрия» и параллельно вербовал сторонников будущего московского «государя». Болотников, который произвел на Молчанова выгодное впечатление, был послан в Путивль назначен «большим воеводой» царя Дмитрия.

После победы болотниковцев под Кромами осенью 1606 г. в правительственных войсках началось массовое дезертирство. Так, набранные в Перми войска сначала устроили маленькую междоусобную войну, а затем разошлись по домам. Число противников Шуйского, наоборот, продолжало увеличиваться, восстание на юге России сделалось повсеместным. Боярский сын сотник Истома Пашков взбунтовал Тулу, Венев и Каширу; в Рязанском княжестве подняли мятеж воевода Г. Сунбулов и дворянин П. Ляпунов.

О Прокопии Ляпунове следует сказать особо. После смерти Бориса Годунова он перешел на сторону Лжедмитрия I, затем в составе отрядов И. Болотникова воевал против Шуйского, но в ноябре 1606 г. повинился перед царем. В 1607 г. стал думным дворянином. В 1608–1610 гг. руководил движением служилых людей против пособников Лжедмитрия II в Рязанском крае. В июле 1610 г. выступил

организатором свержения царя Василия. После захвата Москвы польскими интервентами в 1611 г. возглавил Первое народное ополчение. Когда летом 1611 г. в ополчении возникло Земское правительство, возглавил его работу. Принятый по инициативе Ляпунова «приговор 30 июня» сводил на нет данные казакам обещания «воли и жалованья». Нетрудно догадаться, какая участь ожидала вдохновителя «приговора».

Характерно, что один из его братьев – Захар – еще в 1603 г. проходил по розыску о нелегальной торговле оружием для донских казаков, за что был бит кнутом.

В Астрахани Шуйскому изменил воевода князь Хворостинин.

Московские заговоры получили логическое продолжение, пример незаконного захвата верховной власти в стране оказался заразителен. Смутное время наиболее наглядно иллюстрирует, каким тяжелым последствиям может привести недооценка руководителем государства роли специальных служб, призванных обеспечивать безопасность Отечества его личную безопасность.

После того как в октябре 1606 г. Болотников, Ляпунов и Пашков захватили Коломенское, положение Шуйского стало критическим. Правительственная армия фактически распалась, провинциальные служилые дворяне разъехались по своим городам. В строю остались дворяне «московского списка», их число в описываемый период не превышало 1000 человек. Кроме того в столице имелось несколько тысяч боевых холопов, однако их надежность была сомнительной. Часть стрельцов московского гарнизона перешла на сторону «повстанцев».

В Москве отсутствовали достаточные запасы продовольствия, поскольку многие коммуникации перерезали казаки и другие «разбойники». Не выплачивалось жалованье ратным людям. Войско «царя Дмитрия» насчитывало 20 000–30 000 человек. В этих условиях правительство Шуйского было вынуждено принимать экстренные меры для защиты столицы. И. Масса пишет, что в Москве провели перепись всех жителей старше 16 лет, которым выдали оружие. В результате число защитников города возросло примерно на 10 000 человек. Всех москвичей, имевших оружие – не только пищали и сабли, но и топоры, рогатины, – расписали «в осаду». Во многие города разослали грамоты с призывом к служилым людям собираться для обороны Москвы. Войско, сосредоточившееся в Замоскворечье, возглавил молодой талантливый воевода князь М. В. Скопин-Шуйский [88].

Однако наибольшую помощь оборонявшимся принесла не тотальная мобилизация, а раскол в мятежных войсках. Болотников проявил неосмотрительность: его грамотах обращенных к московскому низшему сословию, содержались следующие призывы: «Велят боярским холопам побить своих бояр, жен их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безыменникам-ворам велят гостей всех торговых людей побивать, имень их грабить, призывают их, воров, к себе, хотя тим давать боярство, воеводство, окольное и дьячество» [89]. Ляпунов и Сунбулов позицию Болотникова не поддержали и решили явиться повинно к царю Василию. В середине ноября 1606 г. часть язанских дворян, детей боярских, стрельцов и казаков перешла на сторону Шуйского. Последний изменников принял, простил и даже наградил. Ляпунов, в частности как мы уже указывали выше, получил чин думного дворянина. 2 декабря, во время битвы под Коломенским, на сторону царя Василия перешел со своим отрядом Истомин Пашков. Как полагал С. М. Соловьев, позиция Шуйского по отношению к изменникам базировалась на следующем: «наказать первых раскаявшихся изменников значило заставить всех других биться отчаянно и таким образом продлить и усилить страшное междоусобие...» [90]. Вероятно, переход дворянско-служилой части войска мятежников на сторону правительства мог быть обусловлен предварительной работой секретной службы Шуйского. Нельзя исключить также, что грамоты Болотникова к москвичам инспирированы московской тайной службой. Потерпев поражение, Болотников отступил в Коломну, затем в Тулу.

М. В. Скопин-Шуйский. С портрета XVII в.

Однако опасность, угрожавшая Московскому государству, не ослабла, а, наоборот, усилилась. Зимой 1607 г. в Литве объявился еще один «царь Дмитрий», вошедший в историю как Лжедмитрий II, или Тушинский вор. В мае он перешел русско-польскую границу, объявился в Стародубе и был признан населением. Шуйскому пришлось вести войну на два фронта. Только слабость личности Лжедмитрия II, формировавшего свое войско крайне медленно (лишь в сентябре он двинулся на помощь Лжепетру Болотникову), спасла царя от стратегического поражения.

Летом 1607 г. против Шуйского действовали отряды и других самозванцев. Терские казаки, поддержавшие Лжепетра, выдвинули своего самозванца – «царевича Ивана-Августа», «сына» Ивана Грозного от «брака» с Анной Колтовской. Ему поклонились Астраханцы все Нижнее Поволжье. Вслед за ним появился «внук» Грозного, «сын царевича Ивана Ивановича царевич Лаврентий». В казачьих станицах множились «дети» царя Федора: «царевичи» Симеон, Савелий, Василий, Клементий, Ерошка, Гаврилка, Мартынка. Все они вынуждали правительство распылять силы.

Шуйский, желая положить конец сопротивлению болотниковцев, принял предложение «некоего немца» Фидлера отравить самого Болотникова в Калуге. Фидлер поклялся: «Во имя Пресвятой и Преславной Троицы я даю сию клятву в том, что хочу изгубить ядом Ивана Болотникова; если же обману моего государя, тогда лишит меня Господь навсегда участия в небесном блаженстве; да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать Святого Духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душою моею дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповаю на Божию помощь и Святое Евангелие»^[91]. Фидлеру выдали 100 рублей и в случае успеха обещали 100 душ крестьян и 300 рублей ежегодного жалованья. Однако тот, прибыв в Калугу, рассказал все Болотникову отдалему тайновелье.

Приведенный пример показывает, что использование случайных людей без предварительной проверки и тщательной подготовки для проведения специальных мероприятий недопустимо. Противник

могут использоваться в своих целях, в том числе в политических. По нашему мнению, Фидлер мог быть агентом Болотникова, специально направленным для организации фальшивого покушения, чтобы предотвратить настоящее.

В этих условиях у Шуйского был один выход – сконцентрироваться силы и попытаться разбить противников поодиночке, не дав им соединиться. И. Масса писал: «Царь по усердной просьбе московских бояр решил самолично выступить в поход (против Болотникова. – Примеч. авт.) с началом лета повелел отписать все города, чтобы все дети боярские или дворяне, жившие спокойно в своих поместьях не приехавшие нести службу, были высланы, а нетчиков велено переписать лишитъ поместий, отчего многие отовсюду стали приезжать на службу, так тамножества тников выступило в поход...» [92]. Как мы видим, предпринятые московским правительством решительные меры экономического воздействия по отношению к нетчикам (дезертирам) оказались достаточно эффективными.

В конце июля 1607 г. правительственные войска начали осаду Тулы. Но руководство осадой было некомпетентным и сопротивление болотниковцев – активными профессиональным. На это раз Шуйского спас Иван Сумин, сын Кровков, муромский «сын боярский», предложивший запрудить р. Упу и затопить Тулу. В начале царедворцы посмеялись над этим предложением, потом согласились. То, что не смогли сделать бездарные воеводы, сделала вода – голод победил осажденных: они решили сдаться.

Шуйский хотел как можно скорее избавиться от Лжепетра и Болотникова, потому обещал им помилование. 10 октября Болотников приехал к царю и, встав перед ним на колени, сказал: «Я исполнил свое обещание, служил верно тому, кто называл себя Димитрием в Польше: справедливо или нет – не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь в твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсечь ее этою саблею, но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как и тому, кто не поддержал меня» [93]. Несмотря на обещание, Лжепетр был повешен, Болотников слеплен и утоплен в Каргополе, Шаховской сослан.

С. М. Соловьев так характеризовал события тех лет: «В страшное время Смуты, всеобщего колебания, человек, подобный Болотникову, не имевший средств знатности и влияния, мог в самом деле думать, что исполнил свой долг, если до последней крайности верно служил тому, кому начал служить первого раза. Но не все так думали, как Болотников; другие, не зная, кто царь законный – Шуйский или так называемый Димитрий, – считали себя вправе оставлять одного из них тотчас же скоро военное счастье объявит себя против него; иные, считая Шуйского и Лжедимитрия одинаково незаконными, уравнивали обоих соперников вследствие одинаковой неправоты обоих и вместе с тем уравнивали свои отношения к ним, считая себя вправе переходить от одного к другому: и тех других было очень много» [94].

Лжедимитрий II, в отличие от своего предшественника Лжедимитрия I и Болотникова, ни организаторскими ни военными талантами не обладал. В числе его сторонников были и русские, и поляки, и казаки, донские и запорожские, и волжские татары, объединяли ненависть к Шуйскому и стремление к наживе. Каждая из партий, соперничавших в Тушинском лагере самозванца, созданном летом 1608 г., стремилась использовать его в своих интересах.

Главную опасность для Москвы с 1608 по 1612 г. представляли польско-литовские войска, возглавлявшиеся решительными и честолюбивыми военачальниками: Лисовским, Сапегой, Рожинским, Жолкевским и др. При всех внутренних противоречиях этой партии была общая цель – посадить на московский трон своего ставленника. В 1608–1609 гг. для Лжедимитрия II были подготовлены специальные инструкции, в которых изложена стратегия контроля над Москвой со стороны Речи Посполитой (текст инструкций вы найдете в этой главе, а проанализируем мы их в следующей). В декабре 1612 г. Лжедимитрия II на охоте убил начальник его татарской стражи (!) князь П. Урусов – в отместку за казнь касимовского правителя Ураз-Махмета (Ур-Мамета).

Обнаруженное в конце XIX в. на месте Тушинского лагеря военное снаряжение позволяет оценить уровень развития оружейного дела в начале XVII в. Из огнестрельного оружия найдены стволы пищалей с кремневыми и фитильными замками (вес – свыше 3 кг, длина – до 750 мм, материал – мягкое железо, толщина стенок – до 10 мм, калибр – 10,5–12,5 мм). В казенной и дульной частях имеются утолщения, предохранявшие ствол от разрыва. К ложе ствол крепился с помощью ушек или сережек, находившихся в ее нижней части, стрельба велась круглыми свинцовыми пулями. Для изготовления пуль применялись щипцы-пулелейки, напоминающие современные пассатижи с округлой полостью для отливки пули. Для отливки сразу нескольких пуль различного калибра существовали щипцы с несколькими полостями. Стрельба велась с упора, в качестве которого использовались бердыши, служившие одновременно холодным оружием в ближнем бою.

Холодным оружием посадских людей являлись рогатины, также найденные на месте Тушинского лагеря. Кавалеристы в атаку использовали легкие копья с узколистным наконечником и массивной (иногда граненой) втулкой и сабли. Для ближнего боя в конном строю применялись кистени и булавы, самыми популярными были булавы со срезанными углами.

Для защиты воинов использовались шлемы-шишаки, кольчуги и панцири. Для изготовления кольчуги, вес которой достигал 8–12 кг, требовалось в среднем 16 000–22 000 колец. Поверх кольчуги могли крепиться дополнительные пластины-зерцала. Против кавалерии пехотинцы использовали кованые ежи – «чеснок», своеобразные мины тех лет, поражавшие копыта лошадей. Особенно опасен был «чеснок» с крючьями на концах, оставлявший при извлечении рваную рану, что значительно затрудняло лечение.

Одним из наиболее знаменательных событий Смутного времени является оборона Троице-Сергиева монастыря, представлявшего собой хорошо оснащенную крепость. Стены имели высоту около 6 метров и толщину около 3 метров. 12 башен давали возможность вести перекрестный огонь и простреливать пространство под самыми стенами. При приближении войск Сапеги и Лисовского в сентябре 1608 г. жители окрестных сел сожгли свои дома и укрылись за стенами монастыря. Число защитников крепости – воинов, монахов и крестьян – не превышало 3000 человек. Руководили обороной воевода Г. Б. Долгоруков-Роца и дворянин А. И. Голохвастов. Им противостояло почти 30-тысячное войско, но ни один из штурмов не удался. Не удалось и подвести подкоп под Пятницкую башню, чтобы взорвать ее и через образовавшуюся брешь ворваться в монастырь. Установив место подкопа, отряд защитников крепости сумел пробиться к нему. Крестьяне Никон Шилов и Петр Слотавзорвали заготовленный порох ценой собственной жизни. Осада крепости была снята в январе 1610 г., после подхода отрядов М. В. Скопина-Шуйского.

Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский – один из немногих представителей русской знати, не запятнавших себя предательством. В числе первых он осознал необходимость военно-политических преобразований. Небольшие, но хорошо обученные, дисциплинированные, связанные общей идеей и единым командованием польские войска частонаносили поражение значительно превосходящим их по численности русским. Военная отсталость московского войска стала особенно очевидной при совместных действиях Скопина-Шуйского со шведским отрядом Я. Делагарди. Поняв необходимость обучения своих войск при помощи шведов, князь поручил перевести иностранные военные уставы на русский язык, дабы узнать новые военные хитрости. Перевод осуществили М. Юрьев и И. Фомин.

Завершить эту работу помешала смерть М. В. Скопина-Шуйского в апреле 1610 г., в возрасте 24 лет. Князь был чрезвычайно популярен в России, многие хотели видеть его во главе Московского государства после смерти дяди – бездетного Василия Шуйского. Ляпунов даже прислал из Рязани послов с предложением возвестить князя на трон, не дожидаясь смерти царя. Все это представляло опасность для самого В. Шуйского, и для его брата Дмитрия, и особенно для их приближенных, запятнавших себя многократными предательствами. Делагарди, информированный о ненависти боярства к своему

соратнику, советовал тому как можно скорее покинуть Москву и отбыть верными войсками под Смоленск. Однако Скопин-Шуйский союзника не послушал и после пира у князя И. М. Воротынского заболел и скончался. По одной из версий, причиной смерти был яд, поднесенный ему в вине женой Дмитрия Шуйского Екатериной (дочерью М. Скуратова). Военно-теоретические начинания Скопина-Шуйского получили продолжение уже при Романовых.

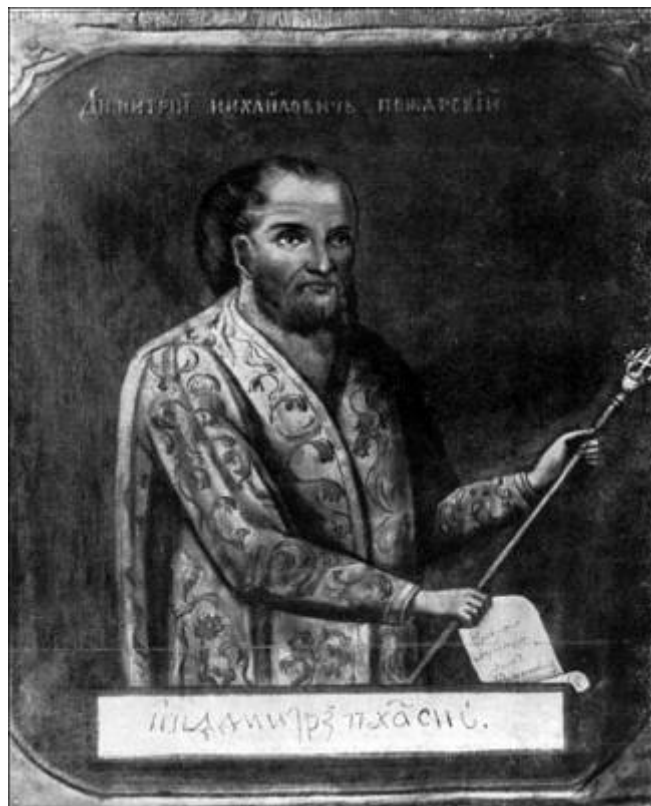
Если смерть М. В. Скопина-Шуйского была насильственной и царь Василий являлся участником заговора, то это – его самая большая ошибка. 24 июня под Можайском нового воеводу Дмитрия Шуйского разбил польский гетман Жолкевский. Причиной поражения послужил отказ иноземцев принять участие в боевых действиях: воевода не выплатил наемникам обещанное и давно ожидаемое жалованье, ссылаясь на отсутствие денег, которые у него на самом деле были. Природа человеческая всегда раскрывается в самые неподходящие моменты...

Это поражение стало для царя роковым. Заговор против него возглавил князь Ф. И. Мстиславский. 17 июля 1610 г. заговорщики во главе с З. Ляпуновым пришли во дворец и потребовали от Шуйского отречения. Своим царя князь И. М. Воротынский уговорил оставить престол и довольствоваться Нижегородским уделом. Однако через два дня зачинщики мятежа снова пришли в царские покои и заставили Шуйского (а вместе с ним и его жену, царицу Марию) принять постриг. В сентябре 1610 г. он был выдан С. Жолкевскому, который вывез его под Смоленск, а позднее в Польшу. Умер низложенный царь в заключении в Гостыньском замке. Эти события дают основания предположить: несмотря на постоянную угрозу для своей жизни, Шуйский так и не смог создать эффективную службу безопасности. Это тем более удивительно, что он сам когда-то выступил организатором заговора против Лжедмитрия I, но осознать значение «государевой охраны» применительно к себе так и не удосужился.

В итоге властям Москве пришла группировка, представлявшая старейшие московские фамилии, в истории она известна как Семибоярщина: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Ф. И. Шереметев, Б. М. Лыков, И. Н. Романов. Стремясь удержать власть в своих руках, означенные выше князья интриговали друг против друга. Система безопасности русских государей, созданная Рюриковичами, оказалась практически полностью разрушенной. Отдельные представители этой системы, оказавшись на службе у противоборствующих группировок, боролись со своими бывшими коллегами. В этих условиях имевшие единую систему управления польские войска в сентябре 1610 г. вошли в Москву, чему способствовали многие представители правящей московской элиты. Этому предшествовали следующие события. В августе 1610 г. московское правительство заключило новый договор с командующим польской армией гетманом Жолкевским. В договоре подтверждалось, что русским царем станет сын Сигизмунда III Владислав. Сигизмунд III, кстати, претендовавший на русский трон, обязывался прекратить осаду Смоленска, начатую в сентябре 1609 г. (Забегая вперед, скажем, что поляки так и не выполнили своего обещания. 3 июня 1611 г. Смоленск пал.) Именно на основании этого договора польские войска в ночь с 20 на 21 сентября заняли столицу. Реальная власть сосредоточилась в руках польского командования (гетмана Гонсевского) и его прямых пособников: М. Салтыкова, Ф. Андронова и др. Но в России были и другие люди. Нашествие «ляхов» способствовало подъему национально-освободительной борьбы. Духовным лидером сопротивления польской оккупации стал патриарх Гермоген. Будучи заточен в Чудов монастырь, через «безстрашных людей» – сына боярского Р. Моисеева и Р. Пахомова – он продолжал рассылать по городам грамоты призывом крепко «стоять в вере». В начале 1611 г. по инициативе П. Ляпунова было создано Первое народное ополчение, которое в июле того же года распалось (после убийства Ляпунова). Однако уже в сентябре 1611 г. в Нижнем Новгороде началось формирование Второго народного ополчения под руководством земского старосты Кузьмы Минина (Кузьма Минич Анкундинов), сумевшего наладить сбор денежных средств на вооружение, и зарайского воеводы князя Дмитрия Пожарского.

Кузьма Минин. Портрет XVII в.

Дмитрий Пожарский. С иконы XVII в.

В результате действий Второго ополчения 26 октября 1612 г. была освобождена Москва. Позже город еще дважды подвергся осаде – буквально по горячим следам, бесконечной осенью 1612 г. и в 1618 г. Сигизмунд III вновь безуспешно попытался захватить Москву. Короткую передышку в драматических событиях начала XVII в. предоставило подписание Деулинского перемирия 1618 г., согласно которому Россия потеряла Смоленск, Чернигов, Дорогобуж и другие города юго-западной и западной окраины. Тяжелые условия Деулинского перемирия были ликвидированы только в результате войн с Речью Посполитой в 1632–1634 и 1654–1667 гг.

Выдержки из польских инструкций

Глава 3

Становление государевых спецслужб

И в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя.

Г. К. Котошихин

Избранный на царство Земским собором 21 февраля 1613 г. Михаил Федорович Романов получил государство в самом плачевном состоянии. Его главной задачей стало освобождение Отечества от иноземных захватчиков. Ведь кроме поляков России угрожали шведы. Открытая шведская агрессия началась летом 1610 г., после падения правительства Шуйского, и продолжилась до 1617 г., когда был заключен Столбовский мир.

В начале XVII в. ударную военную силу русской армии представляли стрелецкие полки и конное дворянское ополчение. Однако их боевые возможности ограничивались слабой военной подготовкой и низким качеством командного состава. В основе материального благополучия стрельцов лежало не столько денежное жалованье, сколько доход от торговли, поэтому они были более заинтересованы в ней, нежели в изучении военного дела. При назначении воевод и командиров стрелецких и дворянских полков в первую очередь учитывались древность рода и его заслуги (система местничества). Поэтому члены Боярской думы (30–35 человек) имели практически неограниченное влияние в русском войнстве, которое, несмотря на это, разрасталось. По сведениям Г. К. Котошихина [98], московских стрелецких полков во времена первых Романовых было более двадцати.

Первым государственным учреждением, созданным в 1613 г. для защиты южных рубежей России, стал Казачий приказ (Приказ сбора казачьих кормов). Официально он ведал сбором хлеба на жалованье казакам и служилым людям «по прибору». снабжение из казны позволило царю привлечь на свою сторону часть иррегулярных казачьих формирований и тем самым укрепить границу, а также повлиять на улучшение внутриполитической обстановки.

Создание приказа было во многом обусловлено Смутой, продолжавшейся на юге России, где действовал один из сторонников Лжедмитрия II атаман Иван Заруцкий. В его войске находились и Марина Мнишек с сыном. В конце мая 1613 г. князь И. Н. Одоевский разбил войско Заруцкого под Воронежем, но преследовать остатков отрядов не стал. Заруцкий обосновался в Астрахани с лета 1614 г. начал планировать поход на Москву. По некоторым сведениям, атаман широко использовал имя «царя Дмитрия». Марина Мнишек в челобитных именовалась великой княгиней, а ее сын Иван, родившийся в январе 1611 г., – царевичем и великим князем. Несколько слов о судьбе этой женщины. За отказ от царского титула после гибели Лжедмитрия I в июле 1608 г. она была отпущена на родину, но вместо Речи Посполитой оказалась в Тушине, где признала Лжедмитрия II своим «чудом спасшимся» мужем. Когда Лжедмитрий II был убит, предприимчивая полячка, что называется, прибрала к рукам Ивана Заруцкого, который пытался поддержать кандидатуру ее сына на русский престол.

Заруцкий предполагал стянуть к себе все бродячие шайки Московского государства, взбунтовать волжских казаков, татар ногайцев и двинуться с ними вверх по Волге. Этот путь к Москве использовали впоследствии и С. Разин, и Е. Пугачев. (Мятежники, захватив приволжские рыбные угодья, обратили доходы с них в свою пользу, что обеднило московскую казну.) Донским и волжским казакам были разсланы «прелестные письма», на которые откликнулись люди определенного склада, готовые идти

куда угодно «за зипунами». Еще одним союзником Заруцкого сталосвободенный им из астраханской тюрьмы ногайский мурза Джан-Арслан. Юртовские татарымурзы Иштерека были приведены к союзничеству с мятежниками путем взятия заложников. Кроме того, атаманотправил посольство к персидскому шаху, пообещав ему в подданствоАстрахань.

В Москве понимали опасностьдействийЗаруцкого, которыймог статьчередным самозванцем, и принимали меры к подавлению мятежа.Михаил Федорович послал атамануписьмо, обещая полное прощение в случае прекращения бунта.Одновременно государь поручил подавление мятежаИ. Н. Одоевскому, окольниковому С. В. Головину и дьяку Юдину. Когда в Астраханипроизошло выступление противниковЗаруцкого, Одоевский без промедления отправилтуда суда отрядстрельцов,приказав им плыть днем и ночью. Как видим, он учел свою ошибку. Окруженные стрельцами казаки выдали руководителеймятежаправительственнымвойскам.

Держать пленников в Астраханибыло опасно, поэтомуОдоевский решил перевезти их в Казань, причем по отдельностиЗаруцкого сопровождал конвой из 130 стрельцови 100 астраханцевво главе со стрельцомБаимом Голчиным. Марину с сыном конвоировала охрана из 500 самарских стрельцовво главе с М. Слоцовым. В наказе, данном сопровождению, строгоуказывалось вести пленных «с великим береженьем», в оковах, а при попыткеосвобождения – убитых. Вскоре после прибытияв Москву Ивана Заруцкого и малолетнего «царевича» (борьба за власть невозможна без проявлений жестокости!) публично казнили. Марина Мнишек умерла в тюрьмеотболезни и оттоскипо воле. Государь, вероятно под влиянием бояр, хорошо помнивших Смутноевремя, решил датьподанным урок на будущее.

Испытывая острую нужду в военных кадрах, московское правительствостало нанимать их за границей, в первую очередь в «немецких» землях. Наемные специалистыдолжны были принадлежатьк лютеранству.Ортодоксальныхкатоликовна службу брали тольков случае крайней необходимостии на стольжесткихусловиях, чтобольшинствопретендентовне соглашались на них. Русский двор ревностно старалсяоградить своих подданных от возможного влияния папской «пятой колонны». Служилыми иностранцами– выходцами из Европы ведал созданный в 1614 г. Панский приказ. В 1624 г. он был реформирован и получил название Иноземного (Иноземского) приказа. Находясь под влиянием отца– патриархаФиларета,не доверявшего католической церкви, первый Романов особым указом запретил привлечение на военную службу католиков,чтозакрепило сложившуюся традицию перевело ее в ранг закона.

В 1630 г. были сформированы два первых пехотных полка иноземного строя, в 1632 г. – кавалерийский рейтарскийполк Ш. С. де Эберта.В подразделениях, устроенныхна западный манер, в этот период служило около 200 иностранцев. Для комплектования новых полков личным составом использовалось привлечение «беспоместныхдетейбоярских» на условиях денежного вознаграждения «по бедности».Во время русско-польской войны 1632–1634 гг. появились еще два солдатскихполка, отдельная солдатскаяротай драгунский полк А. Гордона. К 1645 г. личный составполков нового строя(регулярной армии) насчитывалуже около 35 000 человек. Можно предположить,чтоформирование такихполков преследовало две цели: повышение боеспособности армии и создание противовеса Боярской думе, опиравшейся на стрельцов.

Обеспечением личной безопасности царя до 1619 г. занимались стрельцы,они же несли охрану Московского Кремля и его внутреннихпомещений. Охрана и обслуживание царской семьи находились в ведении приказа Большого дворца и Боярской думы. В личном подчинении царя состоял«выборный» (отборный)стрелецкийполк, именовавшийся Стремянным(мы уже писали о нем), численностьюоколо 1000 человек. Ни на какую службу, кроме охранной, стрельцыэтогоподразделения не привлекались.

При избрании Михаила Романова Земским собором ему было поставленоусловие: никого без суда не

казниты все дела решать боярами и думными людьми. После возвращения в 1619 г. из польского плена отца государя – митрополита Фостовского Филарета – влияние Боярской думы на вопросы, связанные с безопасностью царской семьи, было ослаблено. Филарет (в миру Федор Никитич Романов), торжественно возведенный в сан патриарха вплоть до смерти в 1633 г., сосредоточил в своих руках огромную власть.

Некоторые обстоятельства позволяют сделать предположение, что после возвращения Филарета в условиях строжайшей тайны происходило возрождение специальных служб русского государства. Кроме него к их восстановлению могли быть причастны: глава Разбойного приказа в 1621–1628 гг. князь Д. М. Пожарский (он был стольником, т. е. одним из наиболее приближенных лиц в охране царя); глава приказа Большой казны боярин И. Б. Черкасский; келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын. Подтверждением этой версии служит тот факт, что приказ Тайных дел, созданный через 35 лет (уже в царствование Алексея Михайловича), работал очень эффективно, а это невозможно без многолетней серьезной подготовительной работы.

При Михаиле Федоровиче имелись государственные структуры, использовавшие негласные методы работы и имевшие судебно-полицейские функции: Челобитный, Посольский, Разбойный и Земский приказы. Первый Сыскной приказ (для надзора за воеводами и земщиной) был учрежден в 1619 г. Патриарх Филарет лично занимался делами Посольского приказа (в том числе внешней разведкой под дипломатическим прикрытием). В 1633 г. он составил «для своих государевых и посольских тайных дел» особый шифр («затейное письмо»), который должны были использовать доверенные лица государя. Из наказа русскому представителю Швеции Д. А. Францбекову видно, что при составлении донесений царю послу полагалось использовать тайнопись: «Да что он, Дмитрий, будучи в Свее, по сему тайному наказу о тех или иных о наших тайных делах и наших тайных вестей проведает, и ему о всем писатико государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси к Москве по сему государеву тайному наказу закрытым письмом» [99].

Авторы полагают, что во время нахождения в польском плену Филарет мог получить информацию о секретных инструкциях, составленных в Речи Посполитой для Лжедмитрия II (выдержки из инструкций мы приводили во второй главе.) Также возможно, что он получил и копии. В документах излагались рекомендации, как следует поступать царю, чтобы обеспечить личную и государственную безопасность. Изучение этих документов позволяет сделать следующие выводы. Первое: основная политическая линия на тот момент заключалась в стремлении создать унию с Российским государством. Второе: возможность создания унии неразрывно связана с обеспечением безопасности государя, придерживавшегося указанной политической линии. Третье: характер рекомендаций не оставляет ни малейших сомнений, что они составлены профессионалами в политической и военно-специальной областях деятельности. Четвертое: в числе специалистов, готовивших инструкции, были не только западные, но и российские эксперты, хорошо знавшие обстановку в России и особенности национального характера. Учитывая постоянную связь кардинала Боргезе с папским нунцием в Речи Посполитой, наиболее вероятно предположение, что идеологом такой политики выступала католическая церковь.

Отметим еще одно существенное обстоятельство. Если сравнить инструкции с изменениями в области государственного управления и обеспечения безопасности царской семьи, произошедшими в России в 1620–1682 гг., можно заметить, что многие положения указанных документов были реализованы. Написанные для ослабления или даже ликвидации России как независимого государства, они были внимательно изучены и использованы для усиления центральной власти и реформирования государственного аппарата. Филарет и его царствующий наследники, несомненно, взяли на вооружение «вражеские» разработки, исходя из соображений государственной целесообразности. Особенно это касается устройства специальных учебных заведений для подготовки государственных и религиозных кадров.

Умение использовать секретные инструкции бывших недругов для построения системы безопасности собственного государства – прерогатива дальновидных политиков, основывающих свои убеждения на глубоком общем и профессиональном образовании, подкрепленном практической деятельностью. Романовы в этом отношении многим своим современникам могли дать значительную фору. Клановая вражда, многократные предательства в среде ближайшего окружения, длительные периоды опалы и краткосрочные мгновения приближения к трону, равно как и постоянные военные конфликты, способствовали приобретению навыков формирования секретных служб, ориентированных как на стратегически, так и на тактически цели.

Как мы уже говорили, возрождение централизованных российских секретных служб происходило в условиях строжайшей тайны. Кадры для них подбирались среди наиболее сметливых, активных и доверенных стрельцов, детей боярских, городских дворян и казаков, доказавших верность Отечеству в смутное время. Центрами подготовки кадров, как и прежде, служили монастыри, находившиеся к тому же под личным контролем Филарета и его доверенных лиц.

Монастыри на Руси изначально имели двойное назначение – были религиозными и духовно-культурными центрами, а также стратегическими оборонительными сооружениями. Так, Соловецкий монастырь отражал нападения ливонцев и шведов в 1571, 1582 и 1611 гг.; Троице-Сергиев монастырь выдержал осаду в 1608–1610 и 1618 гг., Псково-Печерский монастырь – в 1611 г. В летописи последнего говорится, что ножи и бельцы вышли за стены, чтобы сразиться поляками, выбили их из туров (земляных укреплений), взяли много пленных и оружия, в том числе трипушки.

Проникнуть в монастырь постороннему человеку было практически невозможно – тем самым обеспечивалась конспирация при подготовке будущих сотрудников тайной службы. Кроме того, на Руси существовала традиция, согласно которой воины на склоне лет принимали постриги и переходили в ряды «воинства Христова», давая обет сражаться за Господа до самой смерти.

Авраамий Палицын в «Сказании об осаде Троице-Сергиева монастыря поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах» писал, что монахи были в составе всех полков, молитвою укрепляли людей и что все бились «крепко» «за веру христианскую».

Среди монахов было много образованных людей, знавших не только науку и иностранные языки, но и ратное дело. К статтюварю, сам Авраамий (в миру – Аверкий) Палицын до 1558 г. служил воеводой в г. Кола, но затем оказался в опале, был пострижен в монахи и сослан в Соловецкий монастырь (большинство историков полагают за участие в заговоре против Бориса Годунова). Известно, что его предок, получивший прозвище Палица, служил еще Дмитрию Донскому. В 1594 г. А. Палицын был возвращен из ссылки и направлен в Свяяжский Богородицкий монастырь, а в 1601 г. – на Троицкое подворье Троице-Сергиева монастыря в Москве. По нашему мнению, это первая нестыковка в официальной биографии ученого монаха. Троице-Сергиев монастырь был не рядовым, а «придворным», особо почитаемым царской семьей. Поэтому трудно поверить, что на одну из важнейших должностей эту обитель могли назначить человека случайного, а тем более заговорщика. Вероятно, перевод Палицына означал начало работы в секретной царской службе.

В 1608 г. Палицын стал келарем монастыря – вторым лицом после настоятеля, посредником между монастырем и царем. В тяжелые для Москвы дни (осада Лжедмитрия II) он организовал продажу и доставку дешевого хлеба горожанам. В 1608–1612 гг. Палицын активно участвовал во всех политических событиях, в том числе в переговорах с польским королем Сигизмундом III. В 1618 г. он руководил обороной монастыря от польских войск. При царе Михаиле Романове Палицын на короткое время стал настоятелем Троице-Сергиевой обители, но после 1620 г. по распоряжению Филарета переехал в другой монастырь – Соловецкий. В этом событии большинство историков усматривают очередную опалу, вызванную

недостаточно последовательной позицией Палицына в отношении Речи Посполитой и участия в интригах различных группировок (Шуйского, Семибоярщины, казаков, поляков). Мы полагаем, что это вторая нестыковка в его официальной биографии. Патриарх Филарет все прощением своих политических противников, а особенно изменников, не отличался. Поэтому можно предположить, что очередная «ссылка» Палицына – перевод на новое место службы, подальше от юбюпытных глаз.

Возвращаясь к системе подготовки кадров для царской секретной службы в монастырях, отметим еще один важный момент. Перевод иноков (послушников, монахов) из одного монастыря в другой мог быть мотивирован чисто церковными причинами. В то же время он обеспечивал высокий уровень конспиративности, не вызывая подозрений ни в миру, ни среди непосвященных в клерикальной среде. Посторонним было невдомек, что таким образом происходит переброска «курсанта» от одного наставника к другому, или, иными словами, осуществляется негласное комплексное многоуровневое обучение будущих слуг государевых. В процессе изучения предметов, необходимых в практической работе, священники проводили морально-психологическую подготовку обучаемых, оценивали их деловые и моральные качества. Набор дисциплин и уровень «погружения» могли дифференцироваться в зависимости от первоначальных знаний, навыков и трудолюбия учеников и конечно же от тех задач, для решения которых каждый из них предназначался.

Приведем еще несколько интересных фактов, подтверждающих нашу версию об использовании ряда положений польских инструкций. В первой половине XVII в. бояр, стоявшие во главе приказов, постепенно, но неуклонно заменяли дьяками. В начале царствования Михаила Федоровича дьяки возглавляли каждый третий приказ, к концу 1680-х гг. – четыре из каждых пяти. Одновременно отмечалось повышение уровня образованности служилого сословия. Примерно с 1621 г. в Посольском приказе в очень ограниченном количестве (практически для одного государя) изготовлялась рукописная газета «Куранты» (от нем. *couranten* – ходячие вести), состоявшая в основном из известий об иностранных событиях, переведенных на русский язык. Эта газета по составу имела аналитические и информационные отчеты, справки, протоколы, которые в наши дни регулярно получают лидеры государств. Но в то время она имела еще и громадное общеобразовательное значение, поскольку позволяла быть в курсе «живых» новостей. Учитывая амкнутость жизни русского общества того времени, чрезмерную упертость в вопросах изучения всего «не нашего, басурманского, еретического» и т. п., появление подобной газеты было большим политическим культурным событием.

Значительно расширилось письменное дело производства: его ввели не только во всех центральных органах управления, но и в местных. Это тоже большой шаг вперед: писцы закрепляли исторические положения, постепенно формировалась архивная и документально-процессуальная база.

Активно развивалось книгопечатание на московском Печатном дворе в первой половине XVII в. было выпущено около 200 книг разных наименований, в том числе «Азбука» В. Бурцева (1634 г.).

Научные знания той поры развивались преимущественно в прикладном русле и были связаны с описанием земель, торговыми военным делом. Так, в 1627 г. в Разрядном приказе была подготовлена «Книга Большому чертежу».

В области военного дела также происходили большие изменения. В 1620 г. боярин и воевода Онисим Михайлов составил первый в России «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки». С учетом собственного военного опыта он адаптировал к русским условиям нормы ряда европейских уставов. Наряду с чисто военными вопросами «Устав» Михайлова содержал практические сведения по геометрии, механике, физике, химии. Уделялось внимание организации специального военного образования и практического обучения кадров.

В составе приказа Большого дворца появилась группа придворных охотников, набиравшаяся из

людей простого звания, – «птичьих стрелков». Однако поставка дичи для царского стола была не единственной их задачей. По сведениям Л. Яковлева, они являлись резервом «государевых самопальных стрелков». Таким образом, личная государева снайперская команда, созданная Иваном Грозным (Рюриковичем), не утратила своего значения – после смены правящей династии она лишь поменяла структуру, став более организованной. Некое подобие официальной деятельности при дворе прикрывало военно-секретный характер подобных подразделений.

Начиная с первой трети XVII в. в странах, занимавших территории современных Бельгии и Германии, началось производство 2, 4, 6 и 8-ствольных пистолетов и ружей-карабинов. Отдельные мастера для специальных войсковых групп производили пистолеты укороченные карабины револьверного типа, в которых с дульной части поочередно заряжалась каждая камора, барабан проворачивался и курок взводился вручную.

Изготавливалось три основных стандарта пистолетов военного – «локтевой», с максимальной для такого типа оружия дальностью и точностью стрельбы; укороченный военный – «охотничий» и с длиной ствола «на ладонь» – «камзольный», который свободно умещался в кармане камзола и был почти незаметен при ношении за поясом. «Камзольный» вариант был особенно удобен для осуществления тайных миссий и самообороны. У некоторых особо дорогих моделей имелись два курка на ствол, что повышало надежность оружия в случае осечки, а наличие нарезного ствола при стрельбе на небольших расстояниях делало такое оружие в уверенных руках профессионалов ювелирно-снайперским. Наличие мощного скорострельного оружия давало преимущества в ближнем бою и при выполнении щекотливых поручений государя.

Известны случаи, когда противник капитулировал только потому, что не мог представить себе, что оружие может стрелять так быстро и иметь так много зарядов без помощи колдовских сил. Это позволяло смелым авантюристам проникать в стан врага и безнаказанно покидать его после выполнения диверсионных или разведывательных заданий. Многоствольные либо многозарядные пистолеты в то время воспринимались как «трансплюкаторы» или «лазерно-кибернетические бластеры», придуманные фантастами нашего времени. Несмотря на то, что в ряде государств средневековой Европы подобные виды оружия (понятное дело, что не бластеры) были запрещены к изготовлению и приобретению без личного дозволения правителя. Все мастера-оружейники, причастные к созданию особо точных ружей и пистолетов, лица, которым доверялось ношение такого оружия, были на строжайшем учете. Они получали огромные привилегии, денежные и иные средства поощрения, но в случае опалы или допущенного промаха участвующих в их ближних была поистине плачевной.

Царь Алексей Михайлович, вступивший на престол в 1645 г., получил от современников прозвище Тишайший. Оно отражало не только его характер, но и стремление действовать, привлекая к своим делам излишнего внимания. Государь продолжил военные начинания отца. В 1656–1657 гг. были сформированы два «выборных» (отборных) солдатских полка иноземного строя – 1-й и 2-й Московские. Создаваемые в качестве элитных, они комплектовывались обученными иноземному строю ветеранами Смоленского (1654 г.) и Рижского (1656 г.) походов (речь идет о русско-польской войне 1654–1667 гг.), а также «даточными людьми» из московских слобожан и стрелецких детей. Командирами полков стали полковники А. Шепелев и Я. Колюбакин. К 1663 г. в солдатских, рейтарских, драгунских и гусарских полках служили свыше 75 000 человек. Такая «гвардия» обеспечивала царю независимость от притязаний Боярской думы, позволяла противопоставить стрелецким полкам, возглавлявшимся влиятельными боярами, централизованную военную силу – более мобильную, вышколенную, обученную по последнему слову тогдашней тактики значительно лучше вооруженную.

Не стоило бы вводить регулярную армию подчинялась лично царю и содержалась за счет государевой

казны, поэтому все устремления «гвардейцев» были тесно связаны с защитой интересов государя. К царствованию Алексея Михайловича уже сложились некоторые военные династии, зачинатели которых служили еще Рюриковичам, а продолжатели закалились в горниле Смутного времени. Разумная («тихая») политика авторога царя из династии Романовых по формированию регулярных воинских подразделений личного подчинения, укрепляя царскую власть, уменьшала возможность удельных раздоров и эгоистических притязаний, столь губных для государства.

В этот период капитаны полков нового строя в большинстве уже не иностранцы, а русские; к 1674 г. русские офицеры командовали шестью рейтарскими полками из восьми. Это показывает, что линия патриарха Филарета на подготовку отечественных кадров путем постоянного обучения и обогащения передовыми достижениями иноземцев была реализована. Ее продолжили царственные сын и внук многоопытного старца.

В 1647–1648 гг. переведен на русский язык военный трактат Я. фон Вальхузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Перевод осуществили в московском Андреевском монастыре Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие «словесники», собранные боярином Ф. М. Ртищевым [100]. Этот факт также подтверждает, что в описываемый период монастыри продолжали оставаться не только духовными, но и специальными военно-политическими центрами Российского государства.

Единообразных штатов воинских частей в то время еще не существовало: полки иноземного строя делились на роты капальства стрельцкие – по-прежнему на сотни десятки. В кавалерии создавались не только рейтарские и драгунские, но и слободские казачьи полки. Один из таких полков – Ахтырский казачий, сформированный в 1651 г., в дальнейшем был преобразован в Ахтырский гусарский. Во время Отечественной войны 1812 г. полк под командованием Д. Давыдова получил известность активным участием в боевых действиях.

Алексей Михайлович прекрасно усвоил печальный опыт мудрого деда. Начавший свою «карьеру» при Федоре Ивановиче, тот познал цену высших государственных секретов: вынужденно принял постриг, спасая себя и свое потомство от неминуемой «тайной» смерти. Умение построить надежную систему безопасности высших интересов государства, воплощенных в планах государя, олицетворяющую высшую власть, – настоящее искусство.

В числе наиболее доверенных лиц «тишайшего» царя был его «дядька» (воспитатель боярин Б. И. Морозов [101]. О влиянии Морозова говорит тот факт, что его подпись под Соборным уложением 1649 г. – первая среди подписей вельмож и четырнадцатая по общему списку (после подписей государя, патриарха и двенадцати высших иерархов Церкви). В 1645–1648 гг. он фактически являлся главой правительства. Собрание «под рукой» Б. И. Морозова важнейших приказов Большой казны, Стрелецкого, Иноземного и Аптекарского свидетельствует о его посвященности в большинство государственных секретов (за исключением, может быть, тайных дел самого государя). Когда в ходе Соляного бунта 1648 г. восставшие потребовали выдачи Морозова, царь укрыл его в своем дворце, а затем отпустил его через четыре месяца в фиктивную ссылку в монастырь.

С 1649 г. главой правительства руководителем приказов Большой казны, Стрелецкого, Иноземного и Аптекарского и созданного в 1649 г. Рейтарского приказа становится тесть царя боярин И. Д. Милославский [102].

Уроки Смутного времени и восстания (бунты) 1648 г. (Москва, Томск, Сольвычегодск, Устюг), 1650 г. (Псков и Новгород) позволили молодому самодержцу сделать вывод, что его личная безопасность неразрывно связана с безопасностью государства, им управляемого. Относясь с недоверием к боярской верхушке и продолжая традицию Ивана Грозного, Алексей Михайлович приближал к себе людей

«худородных», определял их на службу в личную канцелярию, в 1654 г. реорганизованную в приказ Тайных дел (Тайный приказ). Приказ находился в непосредственном подчинении государя и выполнял интегрированные функции контрольной, следственной, дипломатической, шифровальной, оперативной и охранной царской спецслужбы.

С 1663 г. к приказу Тайных дел перешла часть функций приказа Большого дворца по управлению царским хозяйством, охране и обслуживанию царской семьи. Любое блюдо, прежде чем попасть на царский стол, подвергалось проверке и дегустации сотрудниками приказа. Аналогичной проверке подвергались лекарства, прописанные царю и изготавливаемые в Аптекарском приказе, преобразованном еще при Борисе Годунове из учрежденной в 1581 г. Аптекарской палаты, первым дегустатором лекарств являлся царский лекарь. В 1657 г. Аптекарский двор перенесен из Московского Кремля. В районе современного Петровского парка у станции метро «Динамо» был заложен Аптекарский огород, где под присмотром доверенных монастырских специалистов выращивались лечебные травы и растения для «пользования особы государя и лиц доверенных». На отдельных грядках культивировали растения для получения «особых зелий для дел государевых». Таким образом, огород был своего рода лабораторией по приготовлению наисовременнейших по тем временам лекарств и ядов, использовавшихся на тайной государевой службе. Еще один огород располагался в с. Измайловское.

В области медицины помимо традиционных народных знаний применялись и переводные «лечебники». В Аптекарском приказе проходили обучение будущие лекари и фармацевты, например, в 1654 г. курс прошли 30 стрельцов, отправленных затем в полки для «лечбы» ратных людей. Так были заложены основы специальной военной медицинской службы, неотделимой от выполнения воинских обязанностей. В состав подразделения вводилось лицо, дополнительные знания и умения которого могли быть востребованы только в определенный момент, а так он нес обычную ратную службу. Факт заслуживает особого внимания, поскольку в группах специального назначения, выполняющих прямые указания высших должностных лиц государства, дорого держать просто военного врача – необходим офицер, имеющий кроме специального образования еще и медицинское. Таким образом, можно говорить о многофункциональной подготовке сотрудников государевых служб. Это терезный и дальновидный посыл, к великому сожалению, забыт многими современными политиками военными специалистами.

Не меньшее внимание уделялось защите информации: секретные распоряжения чаще всего отдавались в устной форме, прибегали и к шифрованной переписке. В личной переписке с послами и подьячими приказа Тайных дел государь использовал систему специальных знаков (подобной «азбукой» будет пользоваться я Петр I). Образцы шифрованной переписки хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

Так, подьячему Ю. Никифорову поручалось передать руководителю русской делегации на переговорах с Польшей А. Л. Ордину-Нащокину [103] написанные тайнописью рекомендации царя.

Доступ к секретной информации строго регламентировался: направленный царем секретный документ мог прочитать только тот, кому он предназначался. Прочитав бумагу, адресат ее запечатывал особым способом и возвращал подьячему приказа Тайных дел в соответствии царским указанием: «Прочетчи, пришли назад с тем же, запечатав сей лист» [104]. О выполнении распоряжения сотрудники приказа немедленно докладывали государю, причем писать о сути распоряжения категорически запрещалось. Применялась стандартная форма письменного доклада: «Что по твоему, великого государя, указу задано мне, холопу твоему, учинить, и то государь, учинено ж» [105].

М. Н. Покровский писал «Тайный приказ с самого начала, при первых Романовых, был наделен огромными полномочиями. Даже члены Боярской думы, т. е. Государственного совета, употребляя позднейшее выражение, в этот приказ не входили и дел там не ведали. Он был, значит, вне контроля этого

Московского государственного совета. Он был подчинен непосредственно самому царю, и чиновники его на деле имели больше власти, чем члены Боярской думы» [106]. Например, с февраля 1665 г. царь приказал Разрядному приказу ежедневно направлять приказ Тайных дел сведения о положении дел в полках.

Приказом Тайных дел в разное время руководили Ф. М. Ртищев и четыре дьяка незнатного происхождения: Томила Перфильев, Дементий Башмаков, Федор Михайлов и Данила Полянский. Все они состояли «в государевом имени» – имели право принимать самостоятельные решения и подписывать царские указы за государя. Трое из дьяков – Башмаков, Михайлов, Полянский – носили титул тайного дьяка. При их отсутствии в Москве к работам по приказу Тайных дел привлекались особо доверенные дьяки из других приказов, например Е. Юрьев и А. Иванов.

Подьячие приказа Тайных дел нередко имели указание выдавать себя за сотрудников других приказов. Это способствовало поддержанию принципов конспиративности при выполнении государевых дел. Так, в декабре 1665 г. для встречи патриархов были посланы на Терек подьячие И. Ветошкин и Е. Полянский. Им было указано: «ехати с Москвы на Саратовна Царицын, на Черной Яр, на Астрахань на Терек, а едучи дорогою, проведывати всякими людьми тайно про Паисея папу, и патриарха Александрийского, и про Макария, патриарха Антиохийского, где они ныне и которымиместык Москве едут, а дорогою едучи, сказыватцаим дворцовыми подьячими, что посланы они из дворца для садового заводу, чтоббыло не прилично» [107].

Каждый из дьяков и подьячих Тайного приказа ведал только теми делами, которые были лично ему поручены государем, полагалось также докладывать царю о деятельности сотоварищей из других приказов. К исполнению некоторых поручений по линии Тайного приказа привлекались стольники из числа состоящих при государе (например, Иван Дашков и Алексей Салтыков), стрелецкие командиры головы и полуголовы (например, Артамон Матвеев, котормречь пойдет далее) и отдельные (особо доверенные) стрельцы государева Стремяного стрелецкого полка.

Таким образом, существовало четкое разделение направлений деятельности руководителей приказов. Функцию высшего контролера исполнял сам государь. Здесь четко и прагматично вырисовывается старый как мир принцип – «разделяй и властвуй». Доверяя важнейшие секреты государства особо приближенным лицам, он старался обезопасить себя от малейшей возможности измены. Подобные меры позволяли избежать заговора особо доверенных лиц или ликвидировать измену в зародыше. В крайнем случае, как при бегстве подьячего Посольского приказа Г. К. Котошихина, минимизировать ущерб, связанный с разглашением секретной информации.

Первые подьячие в Тайный приказ набирались из других приказов: Большого дворца, Стрелецкого, Разрядного и Посольского. Количество служащих постоянно увеличивалось. Вначале было 6 человек, в 1659 г. – 9, в 1669 г. – 12, в 1673 г. – 15. Отбор кандидатов скрытно производился из наиболее проверенных, способных и грамотных людей. Будучи призванными к несению новой службы, они на время удалялись от мирской жизни и проходили обучение в закрытой школе, созданной при Заиконоспасском монастыре в 1665 г. Из подьячих известны: Иван Бовыкин, Иов Ветошкин, Артемий Волков, Федор Казанец, Петр Кудрявцев, Юрий Никифоров, Порфирий Оловенников, Еремей Полянский, Иван Полянский, Алексей Симонов, Артемий Степанов, Федор Шакловитый.

Заложенная Филаретом методика обучения кадров в монастырях получила достойное развитие. Прямым подтверждением этому могут считаться факты хранения в приказе Тайных дел картографических материалов некоторых монастырей (Воскресенского Иерусалимского, Иверского, Валдайского и Крестного Онежского), и производство любых строительных работ в них только с разрешения царя [108].

Карьера сотрудников приказа способствовало усердие при выполнении особых заданий государя: подьячие назначались дьяками в другие приказы, а дьяки становились думными дьяками, но при этом они

оставались доверенными лицами царствующей особы. Таким образом расширялась внутренняя агентурная сеть различных социальных слоев общества. Некоторые из этих людей успешно продолжили службу при преемниках Алексея Михайловича.

Во второй половине XVII в. наиболее близким Алексею Михайловичу становится А. С. Матвеев [109], многократно выполнявший личные (в том числе и по линии Тайного приказа) царские поручения. В частности он проявил немалую активность при подавлении «народного» восстания 1670–1671 гг. под руководством Степана Разина. После поимки Разина А. С. Матвеев писал царю: «А в том деле работишка моя, холопа твоего была» [110].

Слово «народное» взято в кавычки не случайно. В советской историографии трактовка этого выступления была однозначной: вооруженное восстание народа против царя и бояр-угнетателей. Однако в настоящее время имеется несколько версий этого события. Г. В. Носовский и А. Т. Фоменко считают, что Разин представитель мурдынской династии, отстаивавший свои права на престол. Они отмечают, что победа правительственных войск была одержана благодаря превосходству в вооружении. От себя добавим – и благодаря работе А. С. Матвеева и других «слуг государевых». Таким образом, речь может идти о борьбе за московский трон старой и «новой» группировок.

Н. М. Михайлова полагает, что разинское выступление – первое в череде «раскольнических бунтов», потрясавших Россию на протяжении почти ста лет – с 1668 по 1774 г. Напомним читателю, что незадолго до восстания патриарх Никон [111] провел реформацию Церкви. В числе прочего Разин обещал вернуть «старую веру», но при этом совершались убийства священнослужителей, надругательства над церковными святынями и ограбления храмов. После смерти Алексея Михайловича силовая «раскольническая» деятельность прекратилась, о чем будет рассказано в следующей главе.

Отметим идеологический момент, связанный с оценкой любого вооруженного выступления. Удачное объявляется революцией; его организаторы, взявшие власть, проводят комплексные пропагандистские мероприятия, призванные поднять их реноме в глазах иностранных государств всех слоев населения. Подавленное называется бунтом, мятежом; пропагандистские мероприятия проводят люди, власть сохранившие. В любой стране в любое время народ, от имени которого выступают мятежники (или революционеры – все зависит от точки зрения), и представитель правящего режима, является объектом политического воздействия со стороны различных сил. Специальная пропаганда, активные мероприятия, черный пиар – эти термины хорошо знакомы читателям.

Никогда нельзя исключить, что вооруженное выступление, имеющее признаки внутреннего противоборства, инспирировано другой страной, преследующей собственные внешнеполитические цели. В этом плане главе государства (царю, президенту) следует проявлять крайнюю осторожность. Его секретные службы должны постоянно «держат руку на пульсе», чтобы выявить угрозу иностранного вмешательства на ранней стадии. Это позволяет выстроить систему противодействия внешней угрозе с минимальными экономическими затратами «бить врага его же оружием», лучше всего – малой кровью и на чужой территории. На наш взгляд, Алексей Михайлович и его службы хорошо понимали реальность иностранной угрозы, стараясь работать профессионально.

В первые годы правления Тишайшего общее руководство царской охраной осуществлял боярин – руководитель приказа Большого дворца, с 1663 г. дьяк приказа Тайных дел. За безопасность царской семьи отвечало несколько охранных подразделений с различными функциями и подчиненностью. В сочинении Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», написанном для государственного канцлера Швеции (!), есть любопытные сведения не только о российском государственном устройстве и об охране царской семьи. В приведенных далее выдержках стили орфография оригинала сохранены.

В. И. Савельев организацию охраны царя Алексея Михайловича в Московском Кремле описывает так:

«При особе государя в качестве телохранителей постоянно находилось двести человек – выходцев из дворянских семей. Ночью подле царской спальни дежурил главный спальничий с одним или двумя приближенными царедворцами. В соседней комнате находились шесть телохранителей, а в следующей располагались еще сорок человек» [112].

Во времена первых Романовых спальники были одними из наиболее приближенных к царю людей. В сочинении Котошихина о них говорится так: «Спальники – которые спяту царя в комнате, посуточно, по переменам, человека по четыре. И многие из них женаты люди, и бывают томчину многие годы, и с царя одеяние принимают розувают. А бывают тех спальниках из всех боярских и околничих, и думных людей дети, которым царь укажет, а иные в такой чин добиваются не могут до того прийти. И быв в спальниках, бывают пожалованы болших бояр детей бояре, а иных менших родов детей околничие, кого чем царь пожалует, по своему рассмотрению. И называют их комнатной боярин или околничей, а в посольственных писмах пишут ближними бояры и околничими, потому что от близости пожалованы» [113].

Как мы видим, спальники («спальники» у Котошихина) – дежурившие посменно сотрудники дворцовой охраны. Во главе каждой смены находился постельничий: «И того постельничего чин таков: ведает его царскую постель, и спит с ним в одном покою вместе, когда с царицею не опочивает. Так же у того постельничего для скорых и тайных его царских дел печать» [114]. При царе Алексее Михайловиче постельничим был Ф. М. Ртищев.

Вернемся к описанию Савельева: «Кроме того, у каждых ворот и дверей дворца стояли отборные молодцы. К постоянной дворцовой страже принадлежали также две тысячи стремянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищалями и зажженными фитилями – по двести пятьдесят дворца, на самом дворе и у казначейства» [115]. Напомним, что в те времена в Москве было свыше 20 стрелецких полков, в том числе «выборный» (отборный) Стремянный полк, личный состав которого насчитывал как мы уже говорили, 1000 человек.

Котошихин утверждал, что в охране Кремля участвовали все московские стрелецкие полки: «А на вахту ходят те приказы посуточно; и на царском дворе и около казны з головою стрелцов на стороже бывает по 500 человек, а досталны по городом, у ворот по 20 и по 30 человек, а в иных местехи по 5 человек; а чего в котором приказе на вахтуне достанети в допунк берут из иных приказов. А в праздничные дни которой приказ стоит на вахте, и им с царского двора идет в те дни корм и питье доволное» [116].

Вероятно, охрана (соответствует караулу нынешнего Президентского полка) осуществлялась комплексно. На наиболее ответственные посты могли заступать стрельцы из Стремянного полка, охрану менее значимых объектов – за периметром Кремля и на городских заставах – могли нести стрельцы других полков. Возможен и вариант, при котором в карауле одновременно могли находиться стрельцы Стремянного и других полков.

Внутри Кремля особое внимание уделялось охране царского двора и дворцовых помещений, которые были закрыты (литерными) зонами. Пройти во двор с оружием могли только стрельцы-караульщики. Категорически запрещалось появляться на царском дворе верхом или в карете, а также проводить через двор лошадей или экипажи. Посетители, приходившие во дворец по вызову, ожидали приема вне литерной зоны. Это ограничение распространялось на все социальные группы, в том числе на бояр и иностранцев. Те же правила распространялись на другие резиденции царя, включая походную ставку. Любое лицо, задержанное с оружием в пределах режимной зоны, немедленно подвергалось допросу «с пристрастием» для выяснения цели появления. Если человек нес оружие «не с умыслом злым», а «с простоты» – в лучшем случае отделялся ссылкой в Сибирь или на Терек «на вечное житье». В противном случае смертной казни подвергалась вся семья «татя» укусившегося на жизнь государя.

Стрельцы, несшие караул на царском дворе, сопровождали царскую семью и при выездах из Кремля, при этом охранники шли с двух сторон от кареты, раздвигая толпу обеспечивая беспрепятственное продвижение по улицам «без мушкетов с прутьем».

Кроме стрельцов государя сопровождали стряпчие, которых можно считать выездной охраной. И снова слово Котошихину: «Стряпчие. Чин их таков: как царю бывает выход в церковь, или в поход на потеху, или в полату в думу и для обедов, и в то время несут перед ним скифетра в церкви держат шапку и платок в походех возят панцырь, саблю, саадак. И посылают их во всякие ж посылки, кроме воеводств и посольств, чтобы сами были послы. А будет тех стряпчих восемь сот человек. А на Москве они, стряпчие и столники, живут для царских услуг по полугоду, пополам. А другая половина, кто хочет, отъезжают в деревни свои, до сроку» [117].

Во время торжественных выездов и официальных приемов около царя находились телохранители-рынды, вооруженные секирами. Рынды – это прообраз почетного гвардейского караула, выполняющего протокольные функции; в случае необходимости статные молодцы, одетые в парадную форму, могли оказать супостату достойный отпор. Как и положено почетному караулу, они подчеркивали статус царской особы и... отвлекали внимание потенциальных злоумышленников от негласной охраны государя.

При выездах царя на богомолье или в загородные резиденции охрана усиливалась: «Да с царем же бывают в походех стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы и иных чинов люди, которым велено бывает; да Стремянной приказ, 1000 человек стрелцов на царских лошадях» [118]. Перед царским кортежем следовал постельный возок, при котором ехали постельничий стряпчий, а с ними 300 жильцов по три в ряд. В составе конвоя находились до 3000 конных стрельцов, 5000 рейтары и 12 стрелков с «долгими пищалими». Это был отборный отряд, готовый по первому сигналу пустить в ход свое оружие.

«Долгие пищали» 12 стрелков позволяли вести снайперский огонь «пороховым зельем» на дистанции, представлявшей собой большинство людей почти колдовской. Их ружья имели линейные нарезки с винтовой составляющей, позволявшие пуле приобретать дополнительную устойчивость; опытные оружейные мастера умудрялись с ювелирной точностью делать такие.

В карете государя находились четверо ближних бояр, перед ней ехал боярин, справа от нее – окольничий. В «избушке» царевича сидели его дядька и окольничий – все под охраной стрельцов. Возки царицы и царевен также охранялись стрельцами. Женщин сопровождали верховые боярыни, а в ближнем окружении венценосных дам были собственные постельницы. Скорее всего, некоторые из них выполняли охранные функции, которые нельзя было поручить мужчинам.

В военных походах охрана государя еще более усиливалась, кадровый отбор контролировался царем: «И будет на которой войне случится быти самому царю, и в то время, смотря царь всех воинских людей, обирает себе полк из всяких чинов людей и из полков» [119]. Из состава этих полков производился отбор 1000 «добрых людей», которым полагалось находиться при царской особе «и для оберегания знамени его царского» [120] постоянно. Это подразделение комплектовалось из стольников, стряпчих, дворян и жильцов. Таким образом, в военных походах царя сопровождали три независимых друг от друга полка – стрелецкий, Стремянный и два «выборных», сформированных из приближенных к царю служилых людей.

Среди таких приближенных в сочинении Котошихина многократно упоминаются дети боярские, дворяне, жильцы и стольники. Дворяне и дети боярские несли основную тяжесть военной службы в стрелецких, солдатских и рейтарских полках – это был основной кадровый и резервный состав русского войска. Некоторые «дворяне московские» несли службу в приказах и использовались для «сыскных дел». Очевидно, у вас возник вопрос: а кто же такие жильцы? Жильцами называли детей дворян, дьяков и подьячих, живших и начинавших службу при царском дворе «для походу и для всякого дела». Общее число жильцов приближалось к 2000 человек, из них на царском дворе постоянно находились около пятидесяти.

Жильцы выслуживались в стряпчие, стольники и т. п. или продолжали карьеру на военной службе.

Стольниками, это слово вам уже не раз встречалось в тексте, назывались дети бояр, окольных и московских дворян, обслуживавшие государя и его приближенных за трапезой, в том числе на торжественных приемах. Кроме прислуживания за столом, работа стольников заключалась в негласной охране во время трапезы в контроле за подаваемыми на царский стол блюдами и напитками: «И будет тех стольников числом блиско пятисот человек. И посылают их в посольства послух самих и с послами в товарищах, и по воеводствам, и для сыскных дел, и бояр спрашивать о здоровье, как они бывають по службам. А иные на Москве сидят в приказех у дел и у послов в приставех» [121].

Большое значение уделялось сохранению секретности. А как царю лучится чем мыслит тайно, в той думе бывають те бояре и окольные ближние, которые пожалованы из спалников или которым приказано бывает приходить. А иные бояре, и окольные, и думные люди в то еполатув думу и ни для каких ни буди дел не ходят, разве царь укажет» [122].

Таким образом, во второй половине XVII в. в охране первого лица Российского государства существовали разные по подчиненности подразделения, каждое из которых обеспечивало безопасность своей зоне ответственности. Из фактов, приведенных в сочинении Котошихина и в других источниках, можно сделать вывод, что в царствование Алексея Михайловича сложилась многоуровневая комплексная система охраны. При такой системе все службы, в той или иной мере участвовавшие в решении общей задачи, должны были осуществлять оперативное взаимодействие и иметь разветвленную сеть сбора и анализа информации, позволяющей действовать по принципу наступательности (опережающей контратаки). По нашему мнению, система охраны того времени является прообразом закрытой системы охраны первых лиц государства, получившей наивысшее развитие во второй половине XX в.

Еще одной оперативно-охранной службой, созданной в годы правления Алексея Михайловича, следует считать службу охраны дипломатического корпуса при дворе русского царя. Обеспечение безопасности иностранных представителей входило в совместное ведение Посольского и Стрелецкого приказов. Параллельно осуществлялись контрразведывательные мероприятия, в том числе наружное наблюдение за перемещениями дипломатов и их местами проживания. Режим для иностранцев был установлен настолько жесткий, что несанкционированные встречи москвичами либо с представителями других государств, проживающими в Москве, практически исключались. Инструкции тех лет гласили: «Бережи накрепко, чтоб к послом и к их посольским людям подозрительные иноземцы и русские люди никтоне приходили и ни о чем с ними не розговаривали, и вестей никаких им не рассказывали, и письма никакого к ним не подносили» [123]. Наружное наблюдение осуществлялось не только «караульщиками» и «приставниками», которые вели его открыто охраняя и сопровождая дипломатов, но и тайными постами наблюдения, окружавшими посольское подворье и неотступно следившими за перемещениями представителей иностранных миссий.

При появлении у посольских подозрительных людей их следовало, «поотпустить от посольского двора», негласно задержать под охраной доставить в Посольский приказ. Горе было послушнику, без дозволения дерзнувшему вступить в преступную связь с иноземцами и еретиками, государево «слово и дело» могло настичь его в любой момент, в любом месте державы и даже за ее пределами.

В 1652 г. для иностранцев, проживающих в Москве, была выстроена слобода Кукуй (по названию ручья, впадающего в Яузу). Жители слободы подчинялись общерусским законам, хотя и пользовались некоторыми свободами (в частности свободой вероисповедания). Однако носить русское платье им категорически воспрещалось, воспрещалось так же посещать Сибирь и Поволжье. Любой выезд дозволялся только с письменного или именного разрешения вельможных персон или самого государя. За иностранцами явно и тайно наблюдали специально приставленные люди из различных приказов, каждый

из которых немедленно доносил как о действиях «иноземных гостей», так и о поведении своих соотечественников. Не стоит забывать, что к тому времени достаточное число иностранцев, заинтересованных в финансовом и карьерном продвижении, длительное время находились на русской службе, чтобы было залогом двойного контроля над ними.

Меры, предпринимаемые русскими, значительно затрудняли деятельность резидентов иностранных разведок, действовавших под дипломатическим прикрытием. Информация, получаемая от «нужных людей», позволяла более адекватно строить работу как в области внешней и оборонной политики, так и в области охраны российских должностных лиц. Если кто-то из иностранцев «случайно» заезжал не в то место, то с ним доверенные царя поступали «нечестно»: исчезнуть на беспокойных русских дорогах, или погибнуть от рук «лихих людишек», или заболеть неизвестной хворью в те времена ничего не стоило. Вольно или невольно посвященных в государственные секреты уже никогда не отпускали на родину: арсенал специальных методов воздействия на различные категории лиц был обширен.

Разрядный приказ координировал разведывательную и контрразведывательную работу в порубежных районах России – это некий прообраз армейской службы безопасности. Ответственными лицами на местах являлись воеводы приграничных районов и городов, в «штате» которых с начала XVII в. состояли лазутчики – «вестовщики». Не менее важным источником информации были русские купцы, торговавшие в других странах, вернувшиеся из плена подданные царя и выходцы из соседних государств. Полученные сведения передавались в Москву по подчиненности, особое внимание уделялось информации о приметах возможных лазутчиков и о времени их появления в столице.

За выявленными лазутчиками и внушавшими подозрение лицами устанавливалось негласное наружное наблюдение. Задерживать лазутчиков следовало, не привлекая внимания посторонних: «Около того Исайкова двора тихо ходя надзирать, не объявятся ли у него так же трибылые рубежные люди, и чтоб тайным обычаем поймать, не розслова во многие...» [124].

Надзор за иностранными офицерами, служившими в русском войске, осуществляли сотрудники Иноземного и Рейтарского приказов. Лояльность наемников по отношению к государю и управляемому им государству постоянно проверялась. Контакт офицеров с представителями посольского корпуса не поощрялся: им внушали, что подобные встречи могут вызвать подозрение при дворе. Обязательной проверке подвергались как методика обучения иностранцев своих подчиненных, так и предлагаемые ими тактические приемы, благо, иностранные офицеры представляли не только различные страны, но и различные военные школы.

Внешняя разведка при Алексее Михайловиче осуществлялась в основном по линии Посольского приказа. Легальными резидентами (по современной терминологии) являлись русские послы, которые опирались на ряд подъячих посольства и завербованных ими иностранных подданных. Основными направлениями работы дипломатической разведки была оценка внутриполитической ситуации, военной мощи и намерений Османской империи, Речи Посполитой, Швеции. В ряде случаев в состав русских посольств включались подъячие приказа Тайных дел или особо доверенные лица из ближайшего окружения государя. Однако посольства носили временный характер, фактически они являлись дипломатическими миссиями, направляемыми государем с конкретными поручениями.

Таким образом, в спецслужбах Алексея Михайловича развивались посольская, военная, пограничная разведки и военная контрразведка. Любой «слуга государев» в случае необходимости мог стать по первому слову становился) секретным сотрудником, тайным порученцем, а то и резидентом – в зависимости от пожеланий патрона, своих возможностей и обстоятельств. Принцип тотальности, использовавшийся при дворе, позволял царю эффективно проводить жизнь свою «тихую» политику.

Расследование государственных (политических) преступлений по сообщениям с мест (доносам)

обычно начиналось с формулы «Слово и дело государево» (впервые упоминается в 1622 г.). Произнесший эту фразу имел право требовать, чтобы его доставили к местному воеводе или даже к самому царю для сообщения важных и секретных сведений, касавшихся царствующей особы и государства в целом. При этом он знал, что его могут подвергнуть задержанию и провести тщательное следствие, включая применение пытки. Информация с мест немедленно докладывалась в Москву в соответствующий приказ. В случае неумелого допроса или смерти человека, выкрикнувшего «слово и дело», прежде чем государь или лицо «в имени государевом» примет решение о ценности информации, ответственность воевода, боярин или иной «служивый» могли понести тяжкую кару, вплоть до казни всей семьи виновного. Вообще, отношение к произнесшему «слово и дело» было подозрительно-осторожным: с первого взгляда было трудно разгадать, «царев» ли это «ближний доверенный» или «человек лихой в кознях». Поэтому чиновники различного уровня предпочитали все же оказывать повышенное внимание таким лицам, чтобы самим не попасть «в опалы великие», а если «кликнувшийся» оказывался «вор и разбойник», то и отыграть за нем можно было без опаски.

Наиболее полно законодательные и судебные меры защиты жизни и здоровья государя излагаются в Соборном уложении 1649 г., скрепленном подписями 315 выборных представителей всех социальных слоев. Всего в Уложении было 25 глав, вмещавших 967 статей, посвященных различным вопросам государственного и уголовного права. В частности в главах 2 и 3 дается понятие о государственном преступлении, под которым в первую очередь подразумевались действия, направленные против личности государя и царской власти. Принятие и скрепление подписями важнейшего государственного документа выборными людьми – своеобразным парламентом той поры – обеспечивало Уложению легитимность, «чтобы те все великие дела, по нынешнему его государеву указу и Соборному уложению, впредь были ни чем нерушимы» [125]. Выдержки из Уложения вы найдете ниже.

По нашему мнению, созданная при Алексее Михайловиче система личной безопасности царствующей особы была одной из лучших в мире по меркам того времени. Всякое действие против воли во благо государя закреплялось законодательно не просто царским указом: оно утверждалось высшими лицами государства и выборными от всех сословий.

Такая система всеобщего одобрения сравнима с общегосударственным референдумом, результаты которого обязательны для всех. Укрепление законодательной базы, введение в действие положений о социальной и материальной ответственности каждого участника событий, меры по предупреждению «умышлений» на государя гарантировали высокий уровень безопасности российского самодержца, поддерживали его чести и достоинство.

Нашим современникам, особенно действующим в области правоохранительной деятельности, корпоративной охраны и безопасности, не следует забывать об этом. Участвуя в нем, не помнящих родства, обычно бывает тлачевной, плохо отражает на их карьере и карьере их детей.

Выдержки из СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 г.

Глава 4

Призраки Смутного времени

*Уничтожу бунт или положу жизнь за государя, чтобы глаза
мои на старости лет большей беды не видели.*

А. С. Матвеев

После смерти Алексея Михайловича, последовавшей в конце января 1676 г., при дворе развернулась открытая борьба за власть между двумя партиями. К первой принадлежали родственники покойной царицы М. И. Милославской и их сторонники, а ко второй – группа, поддерживающая вдовствующую царицу Н. К. Нарышкину. В результате партия Нарышкиных потерпела поражение, и на престол возшел пятнадцатилетний Федор Алексеевич, сын М. И. Милославской и Алексея Михайловича. Чтобы закрепить успех, победители (в большинстве своем – представители древних боярских родов) начали расправу с оппонентами.

В частности, для устранения А. С. Матвеева была предпринята многоходовая комбинация, разработанная Сыскном приказе под руководством В. С. Волынского [127]. Вначале с помощью датчанина Магнуса Гэ был сфабрикован грамотный донос, на основании которого Матвеев был отправлен воеводой в Верхотурье. Затем последовал другой донос – лекаря Давыда Берлова, обвинившего боярина «в злоумышлениях и чаровстве». По делу о «чаровстве» Матвеева послали в Казань, а затем в Пустозерск.

Удалением приближенных Алексея Михайловича дело не ограничилось. Практически сразу началось уничтожение специальных государственных институтов, созданных в его правление.

Первый удар был нанесен приказу Тайных дел, который более чем за два десятилетия своего существования стал ненавистен боярской верхушке, все еще пораженной вирусом местничества и мечтавшей о реванше, целью которого было «сидение на престоле боярского государя». В 1676 г. приказ был упразднен, его архив частично изъят и уничтожен, а частично передан в другие приказы.

После устранения Нарышкиных наибольшим влиянием при дворе пользовались Милославские, Долгорукие и Хитровы, решившие, что юный и слабый здоровьем государь будет им подконтролен. Однако и у царя нашлись помощники, служившие верой и правдой еще его отцу в делах тайных и явных.

Одним из них являлся думный дьяк Д. М. Башмаков [128], передавший Федору Алексеевичу личную переписку и шифры отца. Большую поддержку юному государю оказал его духовный наставник Симеон Полоцкий [129], пользовавшийся исключительным доверием еще у Алексея Михайловича. За личную безопасность царя Федора отвечали два человека из его ближайшего окружения: И. М. Языков [130] и А. Т. Лихачев [131]. Поддерживал царя и думный дьяк Л. И. Иванов [132], заведовавший Посольским приказом. В лице этих людей третий Романов обрел надежную опору, уменьшившую влияние многих боярских группировок на царя.

А ситуация в государстве была достаточно напряженной. На реке Яик (ныне р. Урал) в 1677 г. началось брожение казаков. В Южной Сибири продолжалась борьба русских с киргизами, которые опустошили Томские земли. В 1681 г. начались волнения в Башкирии. На западе и юге России существовала постоянная угроза на границах. В этих условиях значительную роль сыграл князь В. В. Голицын [133]. Пользуясь особым доверием Федора Алексеевича, он выполнял личные поручения государя.

В. В. Голицын. С портрета XVIII в.

Командуя войсками в Малороссии, Голицын путем дипломатических ухищрений обеспечил заключение важного для России Бахчисарайского мирного договора, по которому устанавливалась буферная зона между Днестром и Бугом сроком на двадцать лет. Тем самым снижалась угроза южным и юго-западным рубежам, передышка позволяла накопить силы для действий при пока еще неминуемом новом конфликте. Как показывают источники, успех был достигнут благодаря важным сведениям, своевременно полученным от русской агентуры в Молдавии, Валахии и Запорожье, а также благодаря умелому использованию противоречий между крымскими мурзами и польской шляхтой.

Самым серьезным политическим решением царя Федора стало уничтожение местничества в январе 1682 г. Одним из инициаторов отмены этой системы также был В. В. Голицын, которому царь приказал изучить состояние ратного дела в государстве. Возглавляемая им комиссия по военным вопросам пришла к выводу о необходимости назначения командного состава «без мести без подбора», в чине, какой укажет государь. Опираясь на выводы комиссии, государь повелел предать огню Разрядные книги и заявил: «И от сего времени повелеваем боярам нашим и окольничим, и думным и ближним, и всяких чинов людям на Москве и в приказах и у расправных [\[134\]](#), и в полках у ратных, и у посольских, и всегда у всяких дел быть всем между собою без мести, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаями не считаться никого не укорять, и никому ни над кем прежними находками не возноситься» [\[135\]](#).

Как видим, отмена местничества затронула не только военную службу, но и всю систему государственного управления. Представители сословий, собранные на чрезвычайное «сидение», одобрили

реформу и осудили «богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество»^[136]. Многие представители древних родов подписали данный документ, наступив на горло собственной песне: была выбита важная опора из-под их амбиций и укреплено единоначалие в проведении государевой воли.

Надо ли говорить о том, что бояре, будучи не согласны с реформой, затаили обиду. Но высказать несогласие публично они не решились, опасаясь навлечь на себя царский гнев и неодобрение Русской православной церкви, иерархи которой поддержали ликвидацию местничества. Боярам, присутствовавшим при сожжении Разрядных книг, патриарх Иоаким наказал: «Начато и совершенное дело впредь соблюдайте крепко и нерушимо; а если кто теперь или впредь оному делу воспрекословит каким-нибудь образом, тот бойся тяжкого церковного запрещения и государского гнева, как преобидник царского повеления и презрительнашего благословения»^[137].

По нашему мнению, переход на новую систему подбора и расстановки кадров военной и гражданской службы был выполнен превосходно. Уничтожение местничества можно сравнить с первым этапом введения опричнины при Иване IV. И в том же другом случае с привлечением представителей высшего духовенства была проделана подготовительная работа по формированию общественного мнения. Новый подход «быть всегда без мест» опирался на прецеденты, случившиеся в ряде военных походов в предыдущие царствования. Государь одержал важную и притом бескровную победу, но через два с половиной месяца скончался, не оставив наследника. Над Россией вновь замаячил призрак Смутного времени.

Ситуация, сложившаяся в Москве к апрелю 1682 г., во многом напоминала ситуацию после смерти Бориса Годунова. При возведении на престол десятилетнего царевича Петра группа окольничих во главе с «дядькой» Б. А. Голицыным^[138] явилась во дворец, поддев под платье панцири. Кадровый состав специальных служб, ведавших вопросами царской (читай – государственной) безопасности, оказался по разные стороны баррикад – в зависимости от личных симпатий, интересов и родовой принадлежности. Придворных партий было несколько: царевича Ивана, лица, поддерживающие царевича Петра, и сторонники их старшей сестры (для Петра она была всего лишь сводной сестрой), царевны Софьи. В результате было принято решение: «старшим» царем объявлялся болезненный Иван Алексеевич, сын М. И. Милославской, а «младшим» – Петр I, сын Н. К. Нарышкиной, но оба – при правительнице Софье. Впрочем, и этому предшествовали драматические события. 27 апреля 1682 г. Нарышкины провозгласили царем младшего царевича, но в дело вмешались стрельцы, умело направляемые Софьей Алексеевной. В результате стрельцкого бунта Иван V не только был посажен на престол, но и утвержден Земским собором 26 мая 1682 г. в качестве «первого» царя.

Иван (в профиль) и Петр. С гравюры Н. Лармессена

Правительство Нарышкиных, находившееся у власти только две недели, допустило несколько кадровых ошибок, чрезмерно возвысив представителей своего рода. Многие приближенные Федора Алексеевича (потенциальные союзники) были удалены от Петра, что повлекло за собой значительное ослабление царских секретных служб. Был утерян контроль над московскими стрелецкими полками, отвечавшими за порядок в столице. Руководитель Стрелецкого приказа князь Ю. А. Долгорукий [\[139\]](#) потворствовал произволу и финансовым злоупотреблениям стрелецких полковников и в среде стрельцов не имел прежнего веса.

Его сын, М. Ю. Долгорукий [\[140\]](#), ставший преемником отца на посту опекуна Федора Алексеевича и руководивший Иноземным и Разрядным приказами, особых заслуг в военной области не имел и авторитетом стрельцов также не пользовался. Итогом бездеятельности двух высших военных руководителей стало профессиональное и личностное разложение стрелецких полков, составлявших основную вооруженную силу в Москве. К середине мая 1682 г. стрельцы оказались готовы последовать за любым, кто даже не предоставит только пообещает им наибольшие привилегии.

Единственным человеком, способным остановить беспорядки и восстановить управление, был А. С. Матвеев, вернувшийся по повелению Петра 12 мая 1682 г. в Москву. По дороге он получил известие о готовящемся заговоре и заявил предупредившим его стрельцам: «Уничтожу бунтили положу жизнь за государя, чтобъ глаза мои на старостяет большеи беды не увидали» [\[141\]](#). Артамон Сергеевич опоздал: у него не было в запасе ни времени, ни силовой опоры, за исключением Стремянного полка. Находясь более

пяти лет вдалеке от столицы, не получая оперативной информации о ситуации в ней, он не был осведомлен о заговоре Софьи и Милославских. Последние, зная способности Матвеева, спешили: переворот был назначен на 15 мая – день гибели в Угличе царевича Дмитрия Ивановича.

Сигналом к выступлению послужило ложное известие о смерти царевича Ивана отрук Нарышкиных, обеспечившее необходимую для стрельцов мотивацию к бунту. Стрельцы Стремянного полка сопротивления не оказали. В итоге Кремль, ворота которого оказались незапертыми(!), был захвачен. В течение 15–16 мая А. Матвеев, Ю. и М. Долгоруких, И. Языкова, Л. Иванова и многих других сторонников Нарышкиных убили, некоторые из них были выданы собственными службами.

19 мая стрельцы запросили долг за службу в сумме 240 тысяч рублей, их требования были удовлетворены. 20 мая в ссылку были отправлены постельничий А. Т. Лихачев, казначей М. Т. Лихачев, окольничий П. П. Языков, чашник С. И. Языков, думный дворянин Н. И. Акинфиев, думные дьяки Г. Богданов и Д. Полянский, спальники А. А. Матвеев, С. Ловчиков, стольники П. М. Лопухин, В. Б. Бухвостов и еще ряд других лиц, на которых стрельцы «били царю челом». Разумеется, в опалу попали все Нарышкины.

Спешка заговорщиков привела к тому, что дворцовый переворот оказался недостаточно подготовлен. Несмотря на отстранение властью различными способами многих сторонников Петра, стратегической цели – установления единоличной власти – Милославские не добились. Утолив свой кровавый голод и убедившись, что Иван жив, стрельцы постепенно утратили агрессивный запал. 23 мая князь И. А. Хованский [142] сообщил Софье, что стрельцы сошлись во мнении: мол, пускай по малолетству царствуют оба государя, а сестра их в том помогает. Это было все, что смогла выиграть Софья. Она правила во дворце, а в церквях постоянно произносили имя великих государей Ивана и Петра Алексеевичей.

Софья (как и ее брат Федор) была ученицей С. Полоцкого, знала иностранные языки и владела ораторским искусством. Будучи женщиной, в силу традиции она не могла рассчитывать на безусловную поддержку бояр и дворянства. Более того, летом и осенью 1682 г. правительство Софьи и молодые государыни находились под угрозой нового стрельцкого бунта. Н. И. Костомаров писал: «Так совершалось похищение верховной власти при помощи войска, напоминавшего римских преторианцев и турецких янычар. Но образовавшееся вновь правительство находилось в необходимости потакать стрельцам, которые его создали и поддерживали» [143]. Основная угроза исходила от главы Стрелецкого приказа И. А. Хованского, саботировавшего даже указы царевны о посылке в ее распоряжение Стремянного полка. Его окружала вооруженная пищалями охрана, у него на дворе постоянно находилось около ста стрельцов, при выездах карету охраняли 50 стрельцов.

Царевна Софья Алексеевна. С гравюры А. Блотелинга

В предыдущей главе мы упоминали о «раскольничьей» версии разинского восстания 1670–1671 гг. Известно, что Хованский покровительствовал раскольникам, надеясь с их помощью усилить свое влияние на Софью и при удачном стечении обстоятельств возможно, занять ее место. В подтверждение сказанного приведем один пример. 5 июля, во время полемики между раскольниками, с одной стороны, и патриархом Иоакимом и Софьей – с другой, из толпы раскольников, поддерживаемых Хованским, раздалось: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то тут и вам бы здоровы были цари-государы, а без вас пустоне будет» [144]. Как должен был поступить в этом случае верноподданный глава Стрелецкого приказа? По нашему мнению – немедленно арестовать и уличить царственной правительницы и учинить розыск: кто именно и по каким причинам внушил им подобные мысли. Но он этого не сделал, а в дальнейшем продолжал подстрекать стрельцов к неповиновению Софье и боярам из ее окружения.

В этой ситуации царевна показала себя достойной своего учителя. С середины августа она постоянно меняла места своего пребывания и дислокацию своих сил: 19 августа – с. Коломенское, 5 сентября – Саввино-Сторожевский монастырь, 14 сентября – с. Воздвиженское. Из каждой ставки она рассылала грамоты, собирая из надежных служилых людей «ударную силу», способную противостоять стрельцкому войску. Решающую помощь правительнице в борьбе со стрельцами оказала придворная группировка из влиятельных бояр, князей, служилых дворян и приказных, лидером которой стал В. В. Голицын.

Еще в 1681 г. Федор Алексеевич повелел Голицыну ведать ратными делами для их лучшего

устройства и командовать «государевыми ратями». Управление боеспособными солдатскими, рейтарскими и драгунскими полками нового строя осуществлялось через Разрядный, Рейтарский и Иноземный приказы, возглавить которые Софья поручила В. В. и Б. А. Голицыным. Во всех подчиненных этим приказам подразделениях помимо обещаний льгот и милостей «многожды» проговаривались законность правления царевны Софьи при малолетних государях и необходимость защиты ее от «лихих людей и смутьянов».

Благодаря политической поддержке бояр, крайне недовольных действиями Хованского и стрельцов, и силовой поддержке Голицыных царевна устранила «стрелецкую» и «раскольничью» угрозы. Для ареста Ивана Хованского и его сына Андрея [145] был направлен отряд дворян под командованием боярина М. И. Лыкова. Ему удалось захватить их поодиночке и без сопротивления!

После казни Хованских 18 сентября 1682 г. правительница и вся царская семья переехали в Троице-Сергиев монастырь под защиту его стен и пушек; оборону монастыря взял на себя В. В. Голицын. Решительные действия власти отрезали самые горячие головы. В ноябре стрельцов лишили звания надворной пехоты, а их майские действия были объявлены мятежом.

После возвращения царской семьи в Москву охрану Кремля усилили. Появился указ, регламентирующий режим доступа: кто, когда и через какие ворота может проходить на кремлевскую территорию во дворец. В личные покои царской семьи никто из посторонних проникнуть не мог, это относилось к боярам – независимо от важности дела. Не допускалось появление в любой части дворца с оружием. Последнее правило распространялось на тех, кто в силу обычаев того времени был вооружен постоянно, а также на иностранных послов.

К лету 1683 г. основным соперником Софьи в борьбе за власть стал царевич Петр. В первую очередь царевна опиралась на В. В. Голицына, в мае 1682 г. возглавившего Посольский и Малороссийский приказы, в ведении которых были внешние сношения России и внешняя разведка. В октябре 1683 г. Василий Васильевич получил титул царственного Большого печатника и государственных великих посольских дел оберегателя.

Между тем угроза безопасности юга и юго-запада была реальной. Почуввав очередную московскую смуту, в Крыму и Речи Посполитой надеялись оторвать от России Малороссию. Секретной службе Голицына удалось перехватить двух курьеров с подробной инструкцией по ведению подрывной работы против московских государей на Украине. Инструкция представляла собой яркий пример того, как следует вести обработку разных слоев населения для достижения политических целей. (В конце этой главы вы ознакомитесь с ней.)

В дополнение к инструкции курьерам было дано указание соблазнять жителей Малороссии обещанием почестей и обогащения: «Кто приведет народ под королевское подданство, тот делан будет великим человеком и будет обогащен; черни каждый год из казны королевской будут деньги и сукна...» [146]. Используя имеющуюся информацию и опираясь на противоречия между крымчаками и шляхтой, 6 мая 1686 г. Голицын заключил «вечный мир» с Речью Посполитой, навсегда закрепивший за Россией Левобережную Украину с Киевом, Запорожье, Северскую землю с Черниговом и Стародубом и Смоленск с окрестностями.

К успехам русской дипломатии и разведки при Голицыне следует отнести продление ранее заключенных договоров: Кардисского мира 1661 г. со Швецией и Андрусовского перемирия с Речью Посполитой 1667 г. В первом случае в Москве была организована утечка информации о том, что противоречия России со Швецией становятся неразрешимыми. Слухи, витавшие в посольских кулуарах, возродили надежды Бранденбурга, Дании и Франции втянуть Москву в войну со шведами. В столицу прибыл датский посол Г. фон Горн, изложивший Боярской думе планы антишведского союза,

направленные на развязывание войны. Дезинформация о готовности России заключить подобный союз была «продана» шведам и, для подстраховки, голландцам одним из подьячих Посольского приказа. В итоге весной 1684 г. шведское правительство продлило действие Кардисского мира, что значительно облегчило продолжение войны России с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию, поскольку Швеция обязалась не помогать Польше.

В «польском» вопросе Голицын также проявил изобретательность. В 1684 г. он объявил послам Священной лиги христианских государств (под номинальным руководством Папы Римского Иннокентия XI) [147] о заинтересованности России в широкомасштабной войне с Портой [148] и Крымом. Имея упреждающую информацию, он отказался от заключения сепаратного договора между Москвой и Веной, направленного против Речи Посполитой. Играв на противоречиях западноевропейских стран, также Речи Посполитой и Турции, Голицын постепенно доводил до польской стороны позицию России. В итоге весной 1686 г. и был заключен договор о «вечном мире».

Вступление в Священную лигу христианских государств для России означало начало войны против Османской империи и Крымского ханства. В конце 1686 г. на всем протяжении границы начались боевые действия против Османской империи и Крыма. Летом 1687 г. русские войска выступили в поход на юг под командованием все того же В. В. Голицына, который получил звание дворцового воеводы Большого полка (т. е. верховного главнокомандующего). Князь надеялся, что его внешнеполитические успехи будут способствовать венчанию Софьи на царство наравне с братьями. Однако как первый, так и второй (1689 г.) Крымские походы не принесли успеха России, что способствовало падению популярности Голицына и усилению его противников.

Основной причиной неудач русского войска в указанных походах была его низкая боевая выучка. К концу XVII в. солдаты особенно стрельцы утратили воинский дух; последние находились под ружьем не более двух месяцев в году, в остальное время занимаясь ремеслами и торговлей. А. А. Керсновский писал: «Безвременье 70-х и 80-х годов особенно пагубно отразилось на стрельцах, превратившихся в смутьянов и бунтарей – каких-то чар Московской России и представлявших своим существованием государственную опасность» [149]. Не менее (а порой и более) страшна для падения обороноспособности страны борьба группировок: стрельцкие бунты или их постоянная угроза в 1682–1689 гг. – яркое тому подтверждение.

Вторая причина неудач – распри в командном составе войска, во многом являвшиеся следствием политических интриг в Москве. В условиях непрекращающейся борьбы за политическое влияние придворные партии старались создать свои службы – более продвинутые, изоциренные, действенные, оперативные. Голицын справедливо полагал, что идея крымских походов принадлежала его противникам, надеявшимся в случае неудачи устранить его от двора или уменьшить влияние на Софью. Частые отъезды долгое отсутствие при постепенном усилении позиций молодого Петра вынуждали Василия Васильевича искать союзников, обладавших в столице реальной военной силой.

Длинная цепь придворных неурядиц и неразберихи ослабила полки иноземного строя. Некоторые офицеры предпочли искать удачу в государствах более предсказуемым будущим, другие постарались избежать придворных интриг до поры до времени отошли в тень, переведя свои полки на положение, обозначенное И. Ильфом и Е. Петровым как закон монтера Мечникова («утром деньги – вечером стулья»). Таким образом, создававшаяся на протяжении десятилетий система военной и политической безопасности государей в который уже раз оказалась под угрозой уничтожения.

Петр I. Фрагмент гравюры П. Гунста с оригинала Г. Кнеппера (конец XVII в.)

Одним из союзников Голицына был думный дьяк Ф. Л. Шакловитый [\[150\]](#) – начавший тайную службу еще при Алексее Михайловиче, Федор Леонтьевич возглавил Стрелецкий приказ после устранения Хованского. Те из стрельцов, кто продолжал митинговать подстрекать неповиновению, были частью арестованы сосланы, частью направлены на службу в отдаленные гарнизоны. Так, в 1683–1684 гг. «на вечное житье» в Киев были высланы московские стрелецкие полки полковников И. К. Ушакова, И. Скрипицина, М. Ф. Сухарева. Тогда же в Белгород отправили стрелецкие полки полковников В. С. Елчанинова, И. И. Дурова, М. Ф. Кривцова. Воинскую дисциплину удалось более или менее восстановить, но боевая подготовка стрелецкого войска продолжала оставаться на низком уровне. Начальника Стрелецкого приказа более всего интересовали дела придворные: усиление партии Петра и интриги в окружении царевны Софьи.

Многие сторонники правительницы не разделяли ее желания стать царицей. Царь, повелевающий ими, родовитыми и имеющими заслуги, – это одно, а «незамужняя девица» царевна – совсем другое. Время императриц на Руси еще не пришло. И Голицын, и Шакловитый понимали, что основа их благополучия – расположение Софьи. Они обменивались информацией о делах в столице, особенно о настроениях влиятельных лиц. Петр становился все старше и в любой момент мог заявить о своих правах самодержавного государя.

Еще одним приближенным Софьи Алексеевны был ее духовник монах Сильвестр Медведев [\[151\]](#). По официальной версии, получив распоряжение отправиться на посольство в Курляндию, Медведев

постригся в монахи, ушел из приказа и прослыл «чернецом великого ума и остроты чуждой». При этом деятельность качествами духовного звания не была для него единственной. В 1682 г. он способствовал передаче власти Софье при малолетних Иване и Петре. По некоторым признакам Медведев координировал работу одной из секретных служб царевны-правительницы.

О том, что эта служба работала достаточно эффективно, говорит тот факт, что царевна получала информацию о своих противниках непосредственно из окружения Н. К. Нарышкиной. Две постельницы Нарышкиной сообщали Софье обо всех, кто не одобрителем высказывался в ее собственный адрес и в адрес ее приближенных. Помощники царевны проводили специальные операции, направленные на разжигание недовольства среди стрельцов. По данным С. М. Соловьева, это делалось так: «Ночью в двух местах подвезжала к стрельцким караулам вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальник толпы приказывал его бить до смерти; несчастного начинали колотить, но слышался голос из толпы: „Лев Кириллович! За что его бить до смерти? Душа христианская!“ После было узнано, что мнимый Нарышкин был подьячий приказа Большой казны Шорин, доверенное лицо правительницы» [152].

К лету 1689 г. противостояние Софьи и Петра достигло критической отметки.

Став царем в 10 лет, Петр не имел реальной опоры – как социальной, так и силовой. Вероятно, поэтому уже в 1683 г. он начинает формирование личных «потешных» подразделений, ставших основой Преображенского и Семеновского полков. «Трудно, конечно, предположить, чтобы одиннадцатилетний юноша, несмотря на всю свою развитость, мог самостоятельно составить план такой коренной государственной реформы, как учреждение постоянного войска. Но весьма вероятно, что Петр, может быть, и несамостоятельно под влиянием посторонних разговоров „вверху“ и отчасти под влиянием близких к нему, а может быть, даже самих Нарышкиных, ввиду смутного времени и боясь за личную свою безопасность, возымел намерение создать себе отряд для собственной охраны. Это предположение тем более вероятно, что царская команда состояла, как мы ниже увидим, не из сверстников его и не из приближенных к нему бояр и дворян, а из людей взрослых и вместе с тем низших сословий. Была ли эта команда началом „потешных“? Можно положительно сказать, что да» [153]. Первая «потешная стрельба» была проведена 30 мая (в день рождения государя) в с. Воробьево под руководством «огнестрельного мастера» Семиона Зоммера.

История не сохранила подробные списки первых «потешных», состоявших при Петре. С уверенностью можно говорить лишь об отдельных лицах: так, в числе будущих преображенцев были стряпчие конюхи Сергей Бухвостов, по определению самого Петра – «первый российский солдат», и Яким Воронин, будущий семеновец, стольник Никита Селиванов. И пусть никого не вводит в заблуждение слово «потешные». Петровские «ближние люди» проживали в потешных [154] (еще со времен Алексея Михайловича) селах: Преображенском и Семеновском – отсюда и название. Среди «потешных» были спальники, стольники, стряпчие, комнатные и постельные истоппники, многие из них значительно старше Петра по возрасту. Мы предполагаем, что у «потешных» было две важнейшие задачи: первая – создание гласной и негласной охраны молодого царя; вторая – создание личного царского войска «иноземного строя», способного противостоять врагам.

Для «потешных забав» молодого государя выписывали и доставляли настоящие пушки (к 1684 г. – более 16) и пороховое зелье, от игрушечных и неисправных пищалей быстро перешли к боевому оружию. Изменения в вооружении «потешных войск» происходили быстрыми темпами, особенно с учетом известной московской волокиты.

«В январе 1684 г., по возвращении в Преображенское, требования его [Петра] постоянно учащаются и усложняются. Вооружение его команды со дня на день увеличивалось и по численности и по составу оружия, что дает право предположить, что и наличный состав „потешных“ увеличивался постоянно сам

собою – охотниками поступит в ряды царские. Только что Петр переехал из Москвы, как уже в январе требуются протазаны [155], обтянутые малиновым бархатом и перевитые золотым галуном, пищали винтованные и к ним все принадлежности шомпола, затравки принадлежности для чистки, огнестрельные припасы, порох, свинец, пулейки, дробь и пищаль скорострельная о десяти зарядах. Год спустя к вооружению „потешных“ прибавляются алебарды, палаши, шпаги, посольские булатные мечи и топоры, бердыши и мушкеты; каждая отправка из Москвы в Преображенское настолько уважительных размеров, что требуется перевозка сразу по несколько подвод» [156].

Потешные сражения, несмотря на все меры предосторожности предпринимаемые окружением молодого государя, происходили с реальными ранеными и убитыми. Забава перерастала в серьезное предприятие взрослого и приобретающего все больше сторонников молодого царя. Сподвижники Петра официально числились по приказам и разрядам, к которым были приписаны, там же они получали и официальное жалованье. Но уже в 1686 г. Петр организует личную канцелярию, названную по месту расположения Преображенской. В ведении Преображенской канцелярии находились не только «потешное войско», но и дела секретные. Одним из руководителей секретной службы в те годы был Т. Н. Стрешнев [157] – родственник государя по бабушке.

Т. Н. Стрешнев был не менее опытным человеком, чем противостоявший ему Медведев. Ему (Стрешневу) удалось внедрить своих людей в окружение Софьи, Голицына и Шакловитого, а также в стрелецкие полки и обеспечить безопасность государя. Об устранении Петра и его матери в лагере оппонентов говорилось неоднократно, предлагалось даже бросить ручные гранаты в кортеж царя или заминировать его багаж. Однако сотрудники петровской службы имели одно серьезное преимущество перед коллегами из службы его сестры: Петр был законным государем, а Софья – только правительницей, назначенной по малолетству братьев. В России не имелось еще прецедентов воцарения женщин (об Ольге вспоминать не будем). Поэтому мотивация служить подрастающему Петру была значительно устойчивее, чем получить сомнительные милости от его сестры, которая с каждым днем теряла реальную власть и тянула большинство своих последователей прямо к плахе. Но в тот период противостоящие боярские партии были еще достаточно сильны и представляли для окружения Петра и его последователей серьезную опасность.

Летом 1687 г. (Петру уже 15 лет) ситуация обострилась. Стороны не доверяли друг другу. Петра раздражала надменность Софьи и ее потворство стрельцам. Царевна-правительница видела, что «потехи» все более принимают вид настоящего военного дела, и не могла не понимать все возрастающую силу юного государя. К тому же Петр провел усиленный набор «потешных». Вероятно, он рассчитывал, уловив удобный момент, заполучить реальную власть.

И такой момент наступил в конце июля 1689 г., когда после нескольких выпадов со стороны Петра открыто противостояние между ним и сестрой стало неизбежным. Софья и Шакловитый пустили в ход дезинформацию о подметном письме, согласно которому «потешные» были готовы «побить царя Ивана Алексеевича и всех его сестер» [158]. 7 августа в Кремле сторонники царевны схватили петровского спальника П. Плещеева, что послужило началом к открытию «военных действий». Но... они таки не начались.

На наш взгляд, этому факту есть два объяснения. У большинства стрельцов отсутствовала реальная мотивация к открытому мятежу против законного государя. Напомним, что наиболее агрессивно настроенные стрельцы были удалены из Москвы еще в 1683 г. вследствие озабоченности правительства Софьи собственной безопасностью. Мятежникам противодействовали те стрельцы и командиры Стремяного толка, которые приняли сторону Петра. Многие полки иноземного строя признали в молодом царе свою опору, наиболее прозорливые стрельцы и казаки пришли к тем же выводам. Скорее всего,

изменение в настроениях военных было следствием грамотной работы секретной службы Петра, которая постоянно старалась выбрать из мутного стрелецкого болота наиболее правильно настроенных представителей сформировать из них своих союзников, пусть даже и временных.

Еще одной заслугой сподвижников Петра была нейтрализация Голицына: ни он сам, ни подчиненные ему полки иноземного строя не предприняли никаких действий против царя.

В течение месяца на сторону Петра перешло большинство силовых институтов государства. Ф. Шакловитый был арестован, В. Голицын и его люди сами явились с повинной. Из главных сторонников Софьи на этом этапе из Москвы сумели скрыться С. Медведев и стрелецкий пятидесятник Игита Гладкий. Через некоторое время их задержал дорожбужский воевода в Бизюковом монастыре. Если учесть, что «царевы враги» сами являлись знатоками сыска, то следует признать оперативные возможности секретных служб Петра достаточно серьезными. Успешный поиск и задержание Медведева и Гладкого были бы невозможны без широкой агентурной сети и быстрой мобилизации соответствующей сил при малейших признаках обнаружения нужного человека. И еще один момент: необходимо было не просто сыскать «отступника», а «живым поймать и ко государю скоро доставить», ведь разыскиваемый мог покончить собой и таким образом уйти от допроса и суда государева. Поскольку это происходило не так часто, можно говорить о высоком уровне подготовки секретных силовых подразделений, выполняющих волю Петра.

Одним из тех, кто обеспечил победу Петра в его противостоянии Софьей, был князь Б. А. Голицын. П. Гордон, ставший впоследствии одним из наиболее приближенных к царю иностранцев, вспоминал: «Князь Борис Алексеевич Голицын распорядился всем у Троицы потому, что никто другой не смел вмешиваться в такое дело, каким оно сначала казалось» [159]. Но у князя не сложились отношения с царицей Натальей Кирилловной: она не простила ему заступничества перед Петром в пользу В. В. Голицына. В итоге Борис Алексеевич был назначен начальником приказа Казанского дворца (по иерархии того времени – не выше 5-го места), отвечавшего за оборону южных рубежей России (границы с Персией и Османской империей). По сложившейся практике тот же приказ организовывал пограничную (сторожевую) службу.

1690–1694 гг. можно рассматривать как период двоевластия: власть вдовствующей царицы Натальи Кирилловны (современники называли ее Медведехой) фактически мало чем уступала власти ее сына. Стрелецкий приказ поручили князю И. Б. Троекурову, Разрядный – Т. Н. Стрешневу. Однако среди получивших ключевые посты были не только приближенные Петра Алексеевича и его матери. Главой Посольского приказа стал один из сотрудников В. В. Голицына думный дьяк Е. И. Украинцев [160]. А первое (боярское) правительство царя Петра Алексеевича возглавил боярин Л. К. Нарышкин [161].

Одновременно с расстановкой на ключевых постах преданных Нарышкиным и Петру людей происходило усиление личных секретных служб государя. Одна из таких малоизвестных служб находилась в составе Семеновской потешной избы (позднее – Семеновского приказа) – канцелярии, ведавшей формированием «потешных» семеновцев и сбором средств на их содержание. Мы полагаем, что ее деятельность тем не менее ограничивалась. Поскольку и семеновцы, и преображенцы выполняли функции государевой охраны, скорее всего Семеновская канцелярия создавалась и для прикрытия работы параллельного (по отношению к Преображенской канцелярии) оперативно-силового подразделения. Это логично: «потешных полков» (охранно-силовых подразделений) два, оперативно-силовых служб при них тоже две. В случае возникновения любой нештатной ситуации или разгрома одного из «потешных полков» вместе с канцелярией вторая структура могла бы взять на себя всю необходимую оперативную военную работу.

Н. М. Зотов. Гравюра с современного оригинала

Восстановление архива приказа Тайных дел, упраздненного боярами в 1676 г., было поручено «тайному советнику и ближней канцелярии генералу» Н. М. Зотову^[162], одному из воспитателей Петра Алексеевича.

После смерти матери, последовавшей в 1694 г., Петр стал фактически, а после смерти брата Ивана (1696 г.) и юридически полноправным правителем огромного государства. Отношения между братьями, несмотря на все издержки семейных отношений, всегда оставались ровными и добрыми. Иван не вмешивался в игры, затеваемые Петром, хотя был старше на шесть лет, а, напротив, всегда отдавал ему первенство. «Тихий и умом слабый» – характеризовали его современники, но молодой царь отнюдь не был глупым человеком, как пытаются представить его некоторые авторы. Слабый здоровьем отрождения, он часто пребывал в меланхолии, сторонился дворцовой суеты, пожалуй, даже побаивался бурных событий. Он успел жениться, у него родилась дочь – будущая императрица Анна Ивановна, но семейная жизнь одного из соправителей не изменила расстановки сил в придворных войнах конца XVII в.

Часто во время официальных мероприятий «государь московский», сидевший на двоенном троне, кардинально отличался своим поведением. Иван после обязательной протокольной части старался покинуть помещение, а Петр активно вступал в диалоги, высказывал свое мнение, боролся за высказанную им позицию.

Молодой самодержец желал лично вершить свои начинания, в том числе участвовать в военных походах. Обеспечивать личную безопасность царствующей особы в походных условиях было непросто, особенно учитывая его характер. Однако с этой задачей успешно справлялись «потешные войска» – преображенцы и семеновцы, получившие в 1691/92 г. полковую организацию.

Не менее опасно было оставлять без присмотра столицу недовольных царскими преобразованиями бояр и стрельцов. Надзор за положением дел в Москве возлагался на Преображенскую канцелярию, в

1696 г. реорганизованную в Преображенский приказ. Во главе приказа до самой смерти бесменно находился князь Ф. Ю. Ромодановский [163]. Он пользовался особым доверием Петра, на что указывает присвоенный ему титул князь-кесарь (т. е. цезарь, царь). Еще одним доверенным лицом государя в тайных делах был Т. Н. Стрешнев. Петр очень часто в разговорах и в письмах называл его «отцом» и даже – одному из немногих! – разрешил сохранить бороду за «испытанную преданность».

Ф. Ю. Ромодановский. С гравюры XVIII в.

По петровскому указу Преображенский приказ получил исключительное право на ведение следствия и суда по всем государственным преступлениям, тем самым он стал единственным центральным органом политического сыска в России. Все другие сыскные, судебные и «силовые» приказы были обязаны передавать материалы «слово и деле государевом».

Превращение Преображенского приказа из административного (и секретного охранно-силового) ведомства в центральный орган политического сыска происходило постепенно. Так, из сохранившихся 605 дел этого учреждения за 1696 г. лишь 5 относятся к категории политических. Осторожность Петра, после 1682 г. относившегося с недоверием к стрельцким полкам, была оправдана. В конце 1696 г. задержанию подверглась группа подьячих (Бубнов, Кренин, Реднев и др.), агитировавших против преобразований молодого государя. Агитаторов наказали для того времени довольно мягко: били кнутом и сослали без лишения чинов в Азов. В конце февраля того же года был раскрыт заговор, имевший целью убийство Петра. Во главе заговора стоял думный дворянин-стрелецкий полковник И. Е. Цыклер. Этот человек – типичный образец перевертыша: в 1682 г. он служил Милославским, затем Софье, в 1689 г. перешел к Петру. Не получив заслуженной, как он считал, награды, вновь встал на сторону Софьи. В заговоре участвовали представитель знати-стольник Ф. М. Пушкин, боярин А. П. Соковнин, некоторые стрельцкие командиры среднего звена.

Петр получил сообщение о заговоре отверных людей, служивших в стрельцких полках. Заговорщики

были схвачены, допрошены и казнены. Усилив караул у Новодевичьего монастыря, в котором находилась Софья, царь в составе Великого посольства [164] инкогнито отбыва границу.

Усиление охраны Новодевичьего монастыря оказалось не напрасным. Вскоре была обнаружена попытка стрельцов вывести царевну подземным ходом. Солдатский караул, которым командовал капитан И. Ю. Трубецкой [165], сумел, однако, пресечь побег. Но главный стрельцкий бунт был впереди. Вопреки здравому смыслу «провинившиеся» были отосланы обратно в свои полки, расквартированные в районе Великих Лук, в которых началось брожение. 6 июня 1698 г. стрельцы сместили своих начальников, избрали по четыре выборных от каждого полка и направились к столице. Цель восставших (ок. 4000 человек) была очевидна: возвести на престол царевну Софью или, в случае отказа последней, ее фаворит В. В. Голицына. Правительство выслало против стрельцов 4 полка (2300 человек) и дворянскую конницу под командованием А. С. Шеина [166] и П. Гордона [167]. 18 июня под Новоиерусалимским (Воскресенским) монастырем стрельцы потерпели поражение. Пленных, как водится, подвергли наказанию – 57 человек казнили, а остальных отпустили в ссылку. Но Петр в это время устроил. 25 августа 1698 г. он прервал свой вояж и возглавил новое следствие («великий розыск»). В результате сентября 1698-го по февраль 1699 г. были казнены 1182 стрельца, биты кнутом, клеймены и сосланы – 601. Расформировали даже московские стрельцкие полки, не участвовавшие в восстании, более того, стрельцов вместе с семьями выслали за пределы столицы.

Франц Лефорт. Гравюра П. Шенка

Отныне функции охраны возлагались на 1-й и 2-й солдатские «выборные» полки. Их назвали Лефортовским (по имени командира – верного соратника государя Ф. Лефорта) и Бутырским (по месту дислокации; командир – П. Гордон). Но главной силовой опорой Петра становились Преображенский и Семеновский полки, получившие звание лейб-гвардейских (личной гвардии). Лейб-гвардейские полки имели три основные функции: политическую (опора царской власти), воспитательную (подготовка кадров для армии и для гражданской службы) и боевую (выполнение любой военной задачи). Продолжая традиции отца, Петр назначал кандидатов на высшие (в том числе военные) должности не по знатности, а по способностям и заслугам. Предпочтение отдавалось, как правило, выходцам из гвардейских полков.

Знакомая история российской армии Л. Л. Керсновский так писал о Петровской гвардии: «Служба всегда начиналась с нижних чинов. Кандидаты в офицеры поступали рядовыми в один из гвардейских полков – Преображенский или Семеновский. Там, протянув ляжку пять-шесть лет, а кто и более (смотря по способности), они получали звание гвардии капрала либо сержанта и переводились в армейские полки, „писались в армию“ – прапорщиками либо подпоручиками. Оба гвардейских полка содержались в двойном против прочих комплекте (4 батальона вместо 2) и являлись питомником офицеров для всей армии, своего рода военными училищами, дававшими своим питомцам не только строевую, но и отличную боевую подготовку.<...>

Роль офицеров гвардии, этих первоородных „птенцов гнезда Петрова“, и значение их в стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую) службу, но и получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров и т. д. Так, в обязанности обер-офицеров гвардии входило присутствие в качестве „фискалов“ на заседаниях правительствующего Сената и наблюдение за тем, чтобы сенаторы не занимались посторонними делами. Вообще петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому государю, пример которого был на глазах у всех» [168].

При Петре армия, являвшаяся важнейшим инструментом достижения политических целей, постоянно совершенствовалась. После 1701 г. в составе гвардейских, а затем и пехотных полков появились гренадерские роты, вооруженные ручными гранатами (гренадами). В 1700-е гг. на вооружение grenадеров были приняты ручные мортирки (калибр 65–72 мм), которые вначале закупались за границей, а с 1711 г. стали производиться на русских заводах. Таким образом, в составе русской армии были созданы подразделения, явившиеся предтечей не просто современных гранатометчиков, но и подвижных подразделений специального назначения. Петровские grenадеры стали основной ударной силой пехотных полков и, пользуясь современной терминологией, могут быть названы штурмовиками.

С 1710 г. на вооружение гвардейских grenадерских рот приняты мушкетеры (8–10 на роту), стрелявшие зарядом картечи в 32 пули. Это оружие можно считать предвестником пулемета. При умелой работе grenадеры, вооруженные таким оружием, могли «выкашивать» противника целыми группами, создавая бреши для прорыва основных частей и вселяя панику в ряды противника. А в обороне мушкетеры способны были остановить не только пехоту, но и кавалерию противника. Умелое использование всего комплекса вооружения позволяло решать разнообразные тактические задачи и делало такие подразделения крайне эффективными.

В 1705 г. создано первое подразделение для поддержки действий флота – полк морской пехоты с вооружением, аналогичным вооружению grenадеров.

Наряду с развитием пехоты Петр большое внимание уделял созданию регулярной кавалерии, основу которой с 1698 г. составили драгунские полки. Драгуны (от фр. dragon – дракон) – наиболее мобильные подразделения русской армии – могли сражаться как в конном, так и в пешем строю. Они первыми стали осуществлять операции по блокированию коммуникаций противника. Сведенные в корволанты (от фр.

corps volant – легкий корпус), драгунские полки выполняли не только оперативно-тактическию и стратегически задачи: «Корволант,сиречь легкий корпус <...> наряжается для пресечения или отнимания паса у врага, или оному в тыл идти, или в его землю впасть.<...> В кавалерии роль военного училища играл лейб-режимент, куда недоросли (дворянские дети. –Примеч. авт.) писались драгунами. Сперва, в эпоху Северной войны, это был С.-Петербургский драгунский, а с начала 20-х годов Кроншлотский, наименованный с 1730 г. Конной гвардией» [169].

Стратегическая юница под командованием А. Д. Меншикова, по нашему мнению, берущая начало от монгольских конных туменов, – есть не что иное, как предвестник будущих механизированных корпусов 1930-х и танковых армий 1940-х гг. Маневренные, хорошо обученные и вооруженные войска, способные появиться в нужном месте в нужное время, ныне именуются силами быстрого реагирования.

На вооружении драгун кроме холодного оружия находились карабины, пистолеты, мушкетеры и мортирки.

Читатели могут (и совершенно справедливо) задать вопрос: почему мы так много внимания уделяем вопросам совершенствования вооруженных сил в Петровский период, ведь основное направление данной работы – история специальных служб Российского государства? Мы полагаем, что вооруженные силы, и спецслужбы входят в единую систему безопасности, призванную выявить, предупредить и в конце концов пресечь любые попытки захвата власти. Ни для кого не секрет, что спецслужбы любого государства снабжаются самым передовым и самым эффективным оружием, именно поэтому силовые подразделения имеют преимущества при любых столкновениях с противником. А о пресечении мятежей с помощью армии мы расскажем далее.

Петр I постоянно заботился о получении достоверной информации о состоянии вооруженных сил других государств. В 1697 г. в составе Великого посольства присутствовал майор Преображенского полка А. А. Вейде, впоследствии в 1717 г. президент Военной коллегии (с 1717 г.). Его работа заключалась в сборе, изучении и обобщении информации об организации и боевой подготовке «саксонской, цесарской, французской и нидерландской» армий. Была введена практика стажировки и волонтерской службы русских офицеров в иностранных вооруженных силах, позволявшая собирать информацию легальным способом.

В 1711 г., в связи с переходом русской армии на регулярную основу, была учреждена генерал-квартирмейстерская часть, одним из направлений деятельности которой являлась военная разведка. В новом «Уставе воинском» (принят в 1716 г.) военная разведка впервые приобрела правовую основу: «...а особливо надлежит ему (генерал-квартирмейстеру Примеч. авт.) генеральную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается» [170].

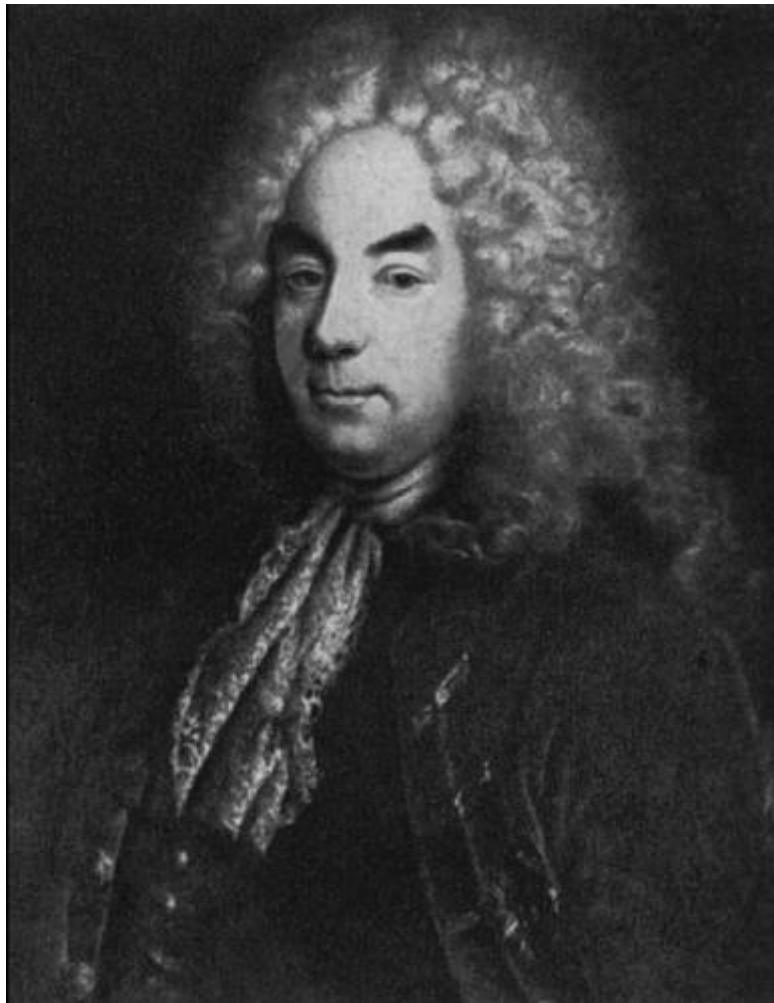
В начале XVIII в. в русском языке для обозначения человека, занимающегося нелегальной разведкой, появилось слово «шпион». Как и у древних китайцев, в Петровскую эпоху оно не несло идеологической нагрузки: им в равной степени обозначали и своих, и чужих.

Основным центром сбора информации стратегического характера продолжал оставаться Посольский приказ, осуществлявший дипломатические функции и внешнюю разведку. Направленный в 1702 г. послом в Турцию стольник П. А. Толстой [171] одновременно был и руководителем российской разведки. В его обязанности входили сбор политической и военной информации и создание агентурного влияния в среде турецкой знати. Последнее позволяло снизить вероятность военного противостояния России и Турции, избежать широкомасштабной войны на два фронта. Денег на это не жалели, из России прямо указывали: «Дабы Порту до зачинания войны не допустить (тако жбы и татарам позволения на то не давали), не жалея никаких иждивений, хотя бы превеликие оные были» [172]. П. А. Толстой опирался на местную агентуру, также использовал возможности Православной (Константинопольской) церкви. После ареста в 1710 г. он

длительное время отправлял донесения в Россию даже из турецкой тюрьмы!

Для лучшего понимания того, какое внимание Петр I уделял разведывательной работе, ниже мы приводим полный текст документа – «Тайных статей» данных Петру Андреевичу Толстому».

Ознакомившись с царским повелением, П. А. Толстой подошел к делу серьезно. По всем вопросам, представлявшимся ему непонятными, он предпочел получить дополнительные монаршие указания, что и было закреплено в пяти дополнительных статьях. Данный пример весьма нагляден: опытный царедворец, Толстой прекрасно понимал свою ответственность перед царем и Отечеством. Не стоит забывать, что он серьезно скомпрометировал себя поддержкой царевны Софьи и был причастен к стрелецким бунтам. Кстати, Петр постоянно припоминал ему это.

П. А. Толстой. Портрет XVIII в.

При исполнении как явных, так и тайных обязанностей П. А. Толстой столкнулся с проблемой, являющейся «кошмарным сном» для руководителя любой службы, – проблемой предательства подчиненных. В письме к канцлеру Г. И. Головкину [\[173\]](#) российский резидент таюписывал свои сомнения: «Нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей: живу здесь три года, они познакомились с турками, выучились и языку турецкому, и так как теперь находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере, если явится какой-нибудь Иуда – великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит<...> и если хотя один сделается ренегатом, скажет туркам, кто великому государю работает, не только наши приятели

пострадают, и всем христианам будет беда. <...>

У меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, вздумал обрусманиться. Бог мне помог об этом сведать. Я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обрусманиться; я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер – так Бог сохранил от беды...» [174].

Как следует из приведенного письма, Толстой был не только дипломатом и разведчиком, но и контрразведчиком. Он проявил себя хотя и осторожным, но решительным человеком, не боявшимся принимать весьма «острые» решения и лично их осуществлять. Можно по-разному относиться к этому, но, по нашему мнению, наказанием за предательство человека из «системы» всегда должна быть реальная и неотвратимая высшая мера».

Сам Петр I относился к проблеме предательства серьезно: не пощадил даже сына, когда тот стал угрозой для престола и государства. Взыскательно относясь к другим, он не щадил и себя. Когда в ходе Прутского похода в 1711 г. над русской армией нависла угроза поражения, он отправил письмо сенаторам, в котором указывал, чтобы в случае пленения его не считали царем и не исполняли его распоряжений. То есть он проявил глубокое понимание личной ответственности государя перед Отечеством.

Успехи спецслужб того времени во многом были обусловлены тем, что при реформировании государственного аппарата Петр сохранил преемственность внешнеполитического ведомства (Посольский приказ был преобразован в Коллегию иностранных дел) и преемственность кадров в области дипломатии и разведки. Например, в 1699 г. послом России в Голландии был назначен А. А. Матвеев [175], сын погибшего в 1682 г. «посольских дел оберегателя» А. С. Матвеева. За заслуги перед Отечеством А. А. Матвеев был удостоен графского титула. Российская разведка в начале XVIII в. работала очень профессионально. В частности сообщения о шведской военной экспедиции в Архангельск в 1701 г. поступили из Посольский приказ из трех стран: Швеции, Голландии и Дании.

С 1717 г. Петр возобновил систему двойного представительства наряду с официальными посольствами он направлял за границу особо доверенных лиц. Возможно, что это было обусловлено попавшим к царю анонимным письмом, компрометировавшим А. А. Матвеева. В качестве доверенных лиц царя обычно выступали офицеры гвардии. Тем самым получила продолжение практика Алексея Михайловича, назначавшего в состав каждого русского посольства представителя Приказа тайных дел.

Известный советский разведчик-нелегал В. Гражуль, оперативник Особой группы Я. Серебрянского и один из руководителей Школы особого назначения, охарактеризовал состояние разведывательной работы при Петре Великом: «Отличительной чертой являются широкие масштабы работы. Впервые в истории русского государства разведка распространяет свое влияние не только на всю Европу, но и на Азию. <...> Второй отличительной чертой разведки при Петре является ее активность. <...> Петр никогда не ограничивался только одной информацией. Русские дипломаты-разведчики пользовались очень широко агентурными комбинациями для оказания влияния на политику других государств и принимали агентурные контрмеры (репрессии) всегда, когда этого требовала обстановка. <...> Агентурная сеть тогдашней разведки была сетью высокоценных агентов, а не массовой мелкой агентуры. База вербовки агентуры во всех странах была преимущественно материальная. <...> Но наряду с этим <...> русские пользуются и идеологической базой для вербовок, особенно в Турции и Польше. Надо отметить тот интерес, который проявлял лично Петр к разведке. Он понимал, что разведка помогает решать сложнейшие политические проблемы» [176].

На рубеже XVII – XVIII вв. в России происходило дальнейшее совершенствование и развитие тайнописи, что обуславливалось двумя факторами: расширением и углублением дипломатических отношений и начавшейся Северной войной. Главным государственным учреждением, систематически использовавшим тайнопись, являлась Посольская канцелярия, в составе которой работало особое «цыфирное» (шифровальное) отделение. Эта служба находилась в ведении «начального президента» Государственной посольской канцелярии Ф. А. Головина [177] и лично государя, который оценил огромное значение тайнописи. Все русские послы для переписки с Посольской канцелярией и царем использовали шифры, называвшиеся «азбука», «ключ» и «цыфирь». Аналогичную переписку Петр Алексеевич вел с высшим командным составом армии и флота: с адмиралом Ф. М. Апраксиным, фельдмаршалами Г. В. Огильви и Б. П. Шереметевым. Наиболее характерными особенностями того периода следует считать повышение уровня защищенности шифров и разработку новых методов маскировки тайнописи.

Ф. А. Головин. Портрет XVII в.

Государь придавал большое значение качеству тайнописи. В одном из писем он с неудовольствием сообщал Огильви, что его «цыфирь» «к разобранию легка». Российская тайнопись начала XVIII в. представляла собой простые шифры замены: буквы алфавита заменялись в тексте на условные обозначения (буквы, цифры, особые знаки) по специальной таблице. Например, гетман Мазепа после его перехода на сторону шведов в октябре 1708 г. изображался в шифровках в виде топора и виселицы. Для усложнения дешифровки секретных донесений, попавших к противнику, они писались не только на русском, но и на французском, немецком и греческом языках. Так, один из русских шифров Петровской эпохи перехватившие его англичане сумели прочитать только через 25 лет.

Ф. М. Апраксин. Портрет XVIII в.

Не меньшее внимание Петр уделял средствам осуществления тайнописи и способам скрытной транспортировки документов. В апреле 1714 г. он направил послу России в Швеции И. Ю. Трубецкому инструкцию по применению специальных составов. В качестве контейнеров для доставки секретных посланий использовались полости в предметах быта, одежде и даже полые орудийные ядра. Последний способ был, в частности, использован русским комендантом Полтавы А. С. Келиным в 1709 г. Тогда же петровские войска применили сигнализацию (условные огни и выстрелы) для подтверждения получения шифровок: с помощью сигнализации отправитель давали знать, что послание дошло до адресата, расшифровано и понято.

Военная и Адмиралтейская коллегии, Коллегия иностранных дел занимали привилегированное положение в системе государственных учреждений благодаря тому огромному значению, которое Петр придавал армии, флоту и дипломатии, а также благодаря той роли, которую играли их президенты: генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков, генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин и канцлер граф Г. И. Головкин.

Вопросам организации контрразведки и политической полиции в Петровские времена уделялось серьезное внимание. Молодому царю в период борьбы со сводной сестрой пришлось пережить многое. Возможно, именно личный опыт сделал «петровскую службу» и скорой, и спорой. В последней четверти XVII в. контрразведкой занимались несколько государственных учреждений. Посольский приказ надзирал за иностранными посольствами, а также гражданскими иностранными подданными в России. Иноземный,

Преображенский и Семеновский приказы осуществляли контроль за иностранцами, находившимися на русской службе. Разрядный, Казанский и Малороссийский приказы совместно с пограничными воеводами проводили контрразведывательную работу в порубежных районах.

Преображенский приказ руководил не только политическим сыском, но и контрразведывательной деятельностью «Недреманное» око Ромодановского через верных «слуг государевых» следило за всеми иностранными посольствами, появившимися в Москве. Подьячие приказа, а также командированные гвардейские сержанты и «гражданские чиновники» находились во всех городах, куда прибывали иноземные купцы. Для военно-политической элиты России не было секретом, что практически все посольства и торговые миссии имели от своих государей особые разведывательные задания. «Впервые при Петре была поставлена задача борьбы с дезинформацией, клеветой, лжесвидетельством...» „понеже многим являются подметныя письма, в которых большая часть воровских и раскольнических вымыслов, которыми под видом добродетелияд свой наливают“ [178].

До 1696 г. в той или иной мере уголовным и политическим сыском занимались шесть «судных» и четыре «сыскных» приказа, Стрелецкий и Разбойный приказы и Приказ розыскных дел. Последний был специально учрежден в 1689 г. для расследования по делу Шакловитова и его сторонников.

После Стрелецкого бунта 1698 г. положение дел в области контрразведки, и особенно политического сыска, начало изменяться в сторону централизации. Полицейские функции, ранее исполнявшиеся в Москве стрельцами, отошли к Преображенскому приказу. В сентябре 1702 г. царским указом повторно было предписано направлять в этот приказ всех, кто сказал за собой «государево слово и дело». Для производства арестов, обысков, охраны и курьерской связи приказ использовал преображенцев и семеновцев гвардейских полков.

В период Северной войны 1700–1721 гг. серьезную угрозу для безопасности государства (и государя) представляла деятельность иностранных спецслужб (причем не только шведских!) и связанной с ними агентуры. Их работа была направлена на получение сведений политического, дипломатического и военного характера. Второе направление деятельности – организация подрывных операций силового характера восстаний, диверсий и террористических актов.

Вообще говоря, около 70 процентов дел Преображенского приказа связаны с расследованием так называемых народных восстаний. В 1703 г. восстали крестьяне Предуралья и Поволжья. В 1705 г. вспыхнул стрелецкий (раскольничий) мятеж, он перекинулся на другие волжские и прикаспийские города. Астрахань находилась в руках бунтовщиков семь месяцев, пока 3 марта 1706 г. не была взята правительственными войсками. С 1705 по 1711 г. продолжался мятеж башкир. В 1707–1709 гг. обширные территории на юге России от Днепра до Волги охватило восстание Кондратия Булавина. Успехи булавиновцев были столь значительны, что в условиях Северной войны Петр I был вынужден бросить против них 32-тысячную армию. Лишь после того, как казацкие старшины (успешная работа петровских секретных служб здесь налицо!) убили предводителя, восстание удалось подавить.

В 1708 г. изменил гетман Мазепа [179]. Весьма вероятно, что вторжение войск Карла XII в Россию в июле 1708 г. было скоординировано по времени с внутренними выступлениями. В отношении Мазепы это подтверждено историческими исследованиями; другие выступления (см. выше) также объективно были выгодны шведскому королю, поскольку отвлекали значительные силы русской регулярной армии с театра военных действий. Нельзя исключать участия в указанных событиях другого противника – Османской империи, чьи интересы традиционно проявлялись на юге Российского государства. Несомненно одно – внутренние конфликты ослабляли позиции Петра I, соответственно являлись выгодными его внутренним и внешним оппонентам. В этих условиях объединение части функций политической полиции и контрразведки, особенно по важнейшим «государевым» делам, в стенах Преображенского приказа, по

нашему мнению, вполне оправданно.

Одним из способов получения информации о русской армии являлся перехват корреспонденции, направляемой из армии в тыл или из одной армии в другую. Наряду с совершенствованием способов защиты информации с помощью тайнописи предпринимались и иные меры по недопущению разглашения секретных сведений военного характера. Примеры, как и в царствование Алексея Михайловича, получили законодательное закрепление. «Воинские артикулы» Петра – логическое продолжение Уложения 1649 г. Указания, направленные на сохранение военной тайны, не допускали двойного толкования или исключений: «Как офицеры, так и рядовые, да не дерзают воинских делах, о войске, о крепости, что писать, ниже о том с другими корреспондовать, под потеряннем чина, чести или, по состоянию дела, и живота своего» [180]. Военнослужащих обязали докладывать о всем, что имело отношение к слову и делу». В тексте воинской присяги было включено следующее положение: «И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества или его войск, такожде его государств людей, или интересу государственному услышу или увижу, то обещаюсь об оном по лучшей моей совести сколько мне известно будеть извещать ничего не утаить, а только во всем пользы его и лучше охранять исполнять» [181].

В 1715 г. указом Петра было объявлено: «Кто истинный христианин и верный слуга своему государю и Отечеству, без всякого сомнения, может явственно доносить словесно или письменно о нужных и важных делах самому государю или, пришед к дворцу Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, кто он имеет нужное доношение, а именно о следующем: 1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены. 2. О возмущении или бунте. 3. О похищении казны. А о прочих делах доносить, кому те дела поручены» [182]. В этом же году Петр повелел не принимать к рассмотрению анонимных писем; нашедшему подобное письмо следовало сжечь его в присутствии двух свидетелей. Это повеление имело свою предысторию, поскольку при ведении расследования пытка подвергался не только объект доноса, но и сам доноситель. «Доносчику – первый кнут» – гласит старинная поговорка. Тем самым при расследовании любого дела, производимого на основании доноса, доносчика и обвиняемого ставили в равные условия.

Прежде чем продолжить повествование о реформах в области обеспечения государственной безопасности в Петровскую эпоху, сделаем небольшое отступление и поразмышляем о проблеме, которая вызывает наибольшее неприятие у либеральной интеллигенции: о пытках и доносах. Эти слова вызывают не самые приятные ассоциации в начале III тысячелетия, особенно в тех странах, где активно пропагандируются общечеловеческие ценности и культивируются права человека. Международные конвенции в области защиты прав человека и конституции большинства государств – членов ООН, которые принято называть цивилизованными, запрещают применение пыток. Права и свободы человека и гражданина – основа демократического государства, в этом состоит одно из важнейших завоеваний общества. Однако мы предлагаем взглянуть на проблему и с другой стороны.

По нашему мнению, не совсем корректно переносить юридические и моральные нормы современности на более ранние исторические периоды и называть предков палачами и инквизиторами. В Петровскую эпоху (как ранее, так и значительно позднее) пытка как средство получения информации использовались во всех государствах. Они практиковались и во второй половине XX в. (достаточно вспомнить Индокитай, Ольстер, Чили). Да и сегодня в ряде «демократических» государств существует система секретных тюрем и «центров по борьбе с терроризмом и экстремизмом», которая позволяет обходить демократическое законодательство, применяя к задержанным «неконвенционные методы обхождения». Читатели могут сами вспомнить массу подобных примеров. Специальные службы любого «демократического» или «либерального» государства придерживаются такого же закона двойного стандарта в области морали, как и их коллеги из «недемократических» или «нецивилизованных» стран...

Кроме того, бывают ситуации, при которых «промедление смерти подобно». Допустим, захвачен террорист, знающий, где и когда будет совершено покушение или взорвется бомба. Пользуясь конституционным правом не отвечать на вопросы, он молчит. Будет ли правомерным применение к этому человеку незаконных с точки зрения права методов дознания? Что гуманнее и важнее для общества? Применить специальные методы допроса или дать погибнуть невинным людям? Чьи права выше – арестованного террориста или его возможных жертв? Оставляем ответ на совесть читателей. Для большинства специалистов дилеммы в этом никогда не было, нет и не будет.

В российском общественном слову «донос» традиционно придается негативная окраска; как и пытки, оно связано с недавним прошлым. Многие наши соотечественники стали жертвами неоправданных политических репрессий со стороны государственных органов именно в результате доносов. В данном вопросе также следует разобраться предметно. Само слово «донос» (как и любое другое) – лишь обозначение того или иного объекта или явления, нравственная оценка которых зависит от идеологии, исторически сложившегося общественного мнения и личной позиции человека.

Большинство наших сограждан искренне считают разведчик – «хороший парень», а шпион – «плохой». В результате извечный дуализм: профессия одна – идеологически-нравственных оценок две. Так и со словом «донос». Можно сказать – донес, а можно – проинформировал. В том и другом случае речь идет о сообщении определенной информации, но нравственная оценка факта диаметрально противоположна. Слова «агент», «секретный сотрудник» («сексот»), «осведомитель», «стукач», «информатор» – из того же ряда. Одни употребляют их со знаком плюс, другие – со знаком минус. Оперативная работа специальных служб любой (подчеркиваем – любой!) страны мира нацелена на то, чтобы получить максимальное количество помощников, каким бы словом их ни обозначали. В большинстве цивилизованных государств сообщения (или доносы – как вам больше нравится) о тяжких государственных преступлениях (налоговых, террористических и т. п.) поощряются хорошо оплачиваются.

Кстати даже священникам специальным указом Петра I предписывалось докладывать о крамоле, ставшей известной им во время исповеди. Разумеется, это можно осуждать с точки зрения христианской морали (сохранение тайны исповеди), но в соответствии с принципом тотальности действия государя были оправданы: они закрепляли ответственность за доносы делами особой государственной важности. Не стоило бы впадать в факт признания в христианстве «любой властью Бога», так и предписание Петра доносить информацию по «делам государевым», которая становилась известной в процессе исповеди, для приверженцев сильной централизованной власти не стало чем-то особенным и не вызвало заметного протеста со стороны духовенства.

Напомним, что в числе первых шагов по укреплению государственности России Петр фактически отделил Церковь от государства (отвмешательств дела государевы) и ликвидировал патриаршество (восстановлено только в начале XX в.). Непопулярные у православных иерархов и приверженцев традиций действия привели к тому, что Петра до настоящего времени многие считают царем-антихристом. Уменьшение «монастырского поголовья» и секуляризация церковных земель наряду с другими мерами охладили многие горячие головы, хотя и добавили Петру оппонентов из числа духовенства и верных православию соотечественников. Однако принятые меры позволили ему осуществлять тотальный сбор, а также анализ информации по важнейшим делам.

Тем не менее оппоненты всегда остаются оппонентами, а в историческом контексте врагами. В этой связи особую опасность представляли попытки физического устранения самого государя. Смерть Петра позволяла занять трон его сыну, царевичу Алексею, – противнику утцовских начинаний. Об одной из таких попыток стало известно сотруднику русского посольства в Константинополе. Эргакия. Вернувшись в Москву, он сообщил: «Когда был в Бухаресте, тогда в ночи приходил к нему один человек, закрыв свое

лицо (только очки свои показал). И говорил, что по повелению салтанатурского через подушение короля шведского велено господарю мултянскому послать нарочно двух человек из греческих купцов в Российское государство под именем купеческим, будто бы для торгового промысла, а в самом деле для того, чтобы ни всякими мерами промысл чинили высокую персону Его Царского Величества через отраву мертвита, что ему, мултянскому господарю, от Порты обещано вечно иметь господство... [183]. Кто был этот человек, сообщивший о покушении? Российский агент, потерявший канал связи, или доброволец, симпатизировавший России, остается загадкой. В результате купцов отследили и задержали.

Параллельно с организацией покушений на Петра I была предпринята попытка использовать царевича в качестве противовеса отцу. В конце сентября 1716 г. Алексей, сообщив о подчинении воле отца и воссоединении с ним, выехал из Петербурга в Копенгаген, где в то время находился царь, но в ставку не прибыл. История «ухода» царевича (он бежал в Вену под защиту австрийского императора Карла VI) сама по себе достойна отдельного рассказа, поскольку в нем усматриваются признаки тщательно спланированной и успешно реализованной специальной операции.

Царевич Алексей Петрович. Портрет работы И. Таннауэра

В числе этих признаков можно выделить: ускользновение из-под наблюдения, встреча со связниками, смену маршрутов передвижения, использование документов прикрытия, получение «политического убежища», переезды из одного конспиративного укрытия в другое и т. п. Первый раунд поединка петровские службы проиграли. Чтобы было причиной этого провала, не совсем понятно. Возможно, Петр до

последнего надеялся привлечь сына на свою сторону и не подверг отпрыска жесткому контролю. Также возможно, что это стало ошибкой исполнителей, вызванной дезинформацией со стороны царевича и тех, кто ему помогал.

Но второй раунд поединка выиграли российские службы. Операция по возвращению царевича не менее интересна, чем его «уход», в первую очередь количеством и качеством задействованных сил и средств.

В ней приняли участие различные по подготовке и формальной подчиненности специалисты. Успешный розыск Алексея провел русский резидент в Австрии А. П. Веселовский, силовую составляющую розыска представлял капитан гвардии А. Румянцев, согласия царевича на возвращение добился опытный дипломат и разведчик П. А. Толстой. На заключительном этапе операции (непосредственно при возвращении Алексея из Неаполя в Россию) были приняты дополнительные меры безопасности, чтобы не допустить бегства царевича и прочих случайностей. Через 15 месяцев после побега Алексея Петровича наконец привезли в Москву. Так была устранена одна из наиболее серьезных для Российского государства угроз.

В феврале 1718 г. Петр учредил Тайную розыскных дел канцелярию. Создание этой специальной службы обуславливалось несколькими причинами. В 1717 г., после смерти Ф. Ю. Ромодановского, руководителем Преображенского приказа стал его сын Иван [\[184\]](#). Вероятно, Петру до конца доверял его знаниям и опыту: в конце того же года было создано несколько розыскных канцелярий под руководством гвардейских офицеров: П. М. Гагарина, С. А. Салтыкова, М. Я. Волкова, Г. Д. Юсупова, И. Дмитриева-Мамонова, Г. И. Кошелева. После доставки в Россию царевича Алексея объединение розыскных канцелярий в единую службу ускорилось. По окончании следствия над Алексеем Петровичем Тайная канцелярия стала постоянно действующим органом. Ее возглавляли четыре «министра», или судьи: П. А. Толстой, И. И. Бутурлин [\[185\]](#), Г. Г. Скорняков-Писарев [\[186\]](#), А. И. Ушаков [\[187\]](#). Формально все судьи имели одинаковый статус, но главную роль играл Толстой. Работу обеспечивали секретари шести канцелярских служащих. Как и Преображенский приказ, Тайная канцелярия рассматривала особо опасные государственные преступления, сочетая функции оперативного, следственного и судебного аппарата. Тайная канцелярия и Преображенский приказ работали параллельно до конца жизни Петра Великого.

В 1718 г. произошли изменения в организации системы внутренней безопасности. Для поддержания общественно-государственного порядка Петр учредил в Петербурге должность генерал-полицимейстера, а в Москве – обер-полицимейстера, видя в полиции «душу гражданства», фундаментальный «подпор» безопасности подданных. «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицимейстеру», можно считать началом правового регулирования розыскной работы. Однако правовое регулирование все же носило фрагментарный характер и затрагивало только центральные учреждения в Петербурге и Москве. Полицейскую службу возложили на солдат столичных гарнизонов. Преступления против государя карались смертью, но в целом наказания были менее жестокими, чем в большинстве стран Европы того времени. Петр I заменил смертную казнь за «малые вины» каторгой; считая, что это беспорядки и преступления надлежит наказывать, он указывал на необходимость по возможности «сберечь» жизнь подданных.

Северная война и измена царевича Алексея стали катализатором для создания в июле 1718 г. в структуре почтового ведомства специального подразделения, занимавшегося перлюстрацией (тайным прочтением) получаемой из-за рубежа корреспонденции. Это было связано с тем, что в некоторые письма, адресованные жившим в России иностранцам, были вложены конверты с посланиями для шведских военнопленных. Карл XII стремился использовать своих попавших в плен солдат и офицеров для получения разведывательной информации и для организации подрывной работы в тылу русской армии. В августе 1719 г. был издан сенатский указ, вводивший регистрацию всех иностранцев, приезжавших для

поступления на русскую службу. Сведения о них должны были собираться в Коллегии иностранных дел, которая занималась также выдачей паспортов для выезда из России.

В октябре 1721 г. на торжественном праздновании Ништадтского мира, ознаменовавшего победу России в Северной войне, Петр призвал соратников не успокаиваться на достигнутые результаты. В «Реляции <...> торжеств о заключении с короною Швециею вечного мира» сказано: «Напоминает он (Петр. –Примеч. авт.) им (сенаторам. –Примеч. авт.) о их благополучии, что хотя бы не толь славною и полезною мир Божиею милостию храбростию своего оружия получили, однако ж бы и во время того мира роскошми и сладостию покоя себя усыпить бы не допустили, экзерцицию или употребления оружия на воде и на земле из рук выпустить бы оно всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которые через тако неерачительство весьма разорились, между которыми приклад Греческого государства, яко с собой единовѣрных, ради своей осторожности перед очами бы имели, которое государство от того под турецкое иго пришло; тако ж бы и прежния времена и состояние своего собственного Отечества перед очами имели, в котором издревле храбрые люди были, но потом на радением и слабостию весьма отобучения воинского было отстал [\[188\]](#). Таким образом, Петр напоминал приближенным: государство, каким бы сильным оно ни было, обязано следовать латинской поговорке «*si vis pacem, para bellum*» («хочешь мира – готовься к войне»).

12 января 1722 г. Петр I издал указ о реформировании Сената. 4-й пункт указа гласит: «Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут репортовать генерал-прокурору» [\[189\]](#). Государь возлагал большие надежды на эффективность работы прокуратуры; его воодушевлял пример генерал-прокурора П. И. Ягужинского [\[190\]](#), не запятнавшего себя злоупотреблениями или взятками.

В заключение этой главы скажем несколько слов о создании в конце правления Петра еще одного специального подразделения, ставшего впоследствии гвардейским полком. Для коронации супруги Петра Екатерины Алексеевны (1724 г.) была сформирована конная рота почетного конвоя – кавалергардов (кавалергард – конный охранник; от фр. *cavalier* – всадник и *garde* – охрана). Капитаном роты стал сам государь, офицерами числились генералы и полковники, капралами – подполковники, 60 рядовых отобрали из числа самых рослых и представительных обер-офицеров. Этот почетный конвой продолжил традиции рынд Алексея Михайловича. Чтобы подчеркнуть торжественность коронации, кавалергарды были одеты в специально сшитую парадную форму. По окончании коронационных торжеств роту расформировали.

За три недели до смерти Петр занимался составлением инструкции руководителю Камчатской экспедиции В. Берингу. Придворный токарь государя А. Нартов, присутствовавший при этом, впоследствии рассказал, что царь спешил сочинить наставление такого важного предприятия, будто предвидя скорую кончину, был весьма доволен тем, что завершил работу. В разговоре с адмиралом Апраксиным он вспомнил о своем намерении проложить дорогу через «Ледовитое море» в Китай и Индию. Вероятно, Петр понимал, какие стратегически перспективны открываемый торговый путь.

После смерти Петра Великого в январе 1725 г. в Российском государстве наступила эпоха, названная потом эпохой дворцовых переворотов (вообще, дворцовые перевороты существуют только, сколько существует власть, но коль скоро историкам угодно так ее называть – согласимся с их мнением). С 1725 по 1825 г. смена верховной власти в России в той или иной мере осуществлялась при силовой поддержке специальных подразделений гвардии. Таковы реалии жизни...

ПОЛЬСКАЯ ИНСТРУКЦИЯ 2-й половины XVII в.

ИЗ ТАЙНЫХ СТАТЕЙ, данных ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ТОЛСТОМУ 1702 апреля 1

Глава 5

Эпоха дворцовых переворотов

Гвардейцы помогли потому, что дело нравилось им самим, придавая им значение и случай требовать наград.

К. Валишевский

Петровская гвардия имела три основные функции: политическую, воспитательную и боевую. В 1725–1801 гг. главной функцией являлась силовая поддержка императорской власти, а воспитательная боевая отошла на второй план. Гвардия, призванная охранять престол, не только охраняла, но и свергала государей. Участвуя в заговорах, она во многом руководствовалась корпоративными интересами.

Значительная часть офицерского корпуса гвардейских полков в указанный период образовала своеобразную военно-политическую партию. Восстановить полный контроль над гвардией сумел только император Николай I. А началась эта история 28 января 1725 г., в день смерти Петра I, не оставившего ни прямого наследника, ни завещания. «Престол был отдан на волю случая и стал легкой игрушкой. С тех пор в продолжение нескольких десятилетий ни одна смена власти на престоле не обходилась без замешательства...» каждому воцарению предшествовала придворная смута, негласная интрига или открытый государственный удар. <...> Когда отсутствуют бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается посредством силы.

В XVIII в. у нас такой решающей силой является гвардия...» [197].

Реальных претендентов на престол было трое: вдова императора Екатерина, ее младшая дочь Елизавета Петровна и внук императора Петр (сын покойного царевича Алексея). Старшая дочь Петра Анна в 1724 г. под присягой отказалась вместе с женихом отрусского престола за себя и за свое потомство. На стороне Екатерины была новая служилая знать, обязанная возвышением Петру Великому, на стороне юного Петра – представители старинных боярских родов, наследники Рюриковичей и Гедиминовичей. Симпатии гвардии принадлежали Екатерине, которая не раз делила со своим мужем тяготы походной жизни.

Сторонники императрицы действовали решительно: пока П. А. Толстой и кабинет-секретарь А. В. Макаров [198] вели юридический спор о наследнике со сторонниками юного Петра А. Д. Меншиков привел гвардейских офицеров в покои Екатерины, где последние поклялись в верности «матушке». После этого полки подошли к Зимнему дворцу. Сторонник великого князя Петра – президент Военной коллегии А. И. Репнин [199] – в гневе спросил: «Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал?» [200]. Командир Семеновского полка И. И. Бутурлин ответил, что полки призваны по воле императрицы. Французский посланник Ж. Ж. Кампредон после переворота писал во Францию, что решение гвардии в России стало законом.

Получив власть помощью лейб-гвардейских полков, государыня воздала им должное: полностью вовремя выплачивалось жалованье, газета «Петербургские ведомости» регулярно сообщала о том, как правительство работает за гвардии.

В небольшой группе соратников Петра I тем временем произошел раскол. Наиболее приближенным к императрице лицом был А. Д. Меншиков, который стремился занять доминирующее положение при дворе. Первым из неприятелей «светлейшего», отстраненный от реальной власти, стал генерал-прокурор

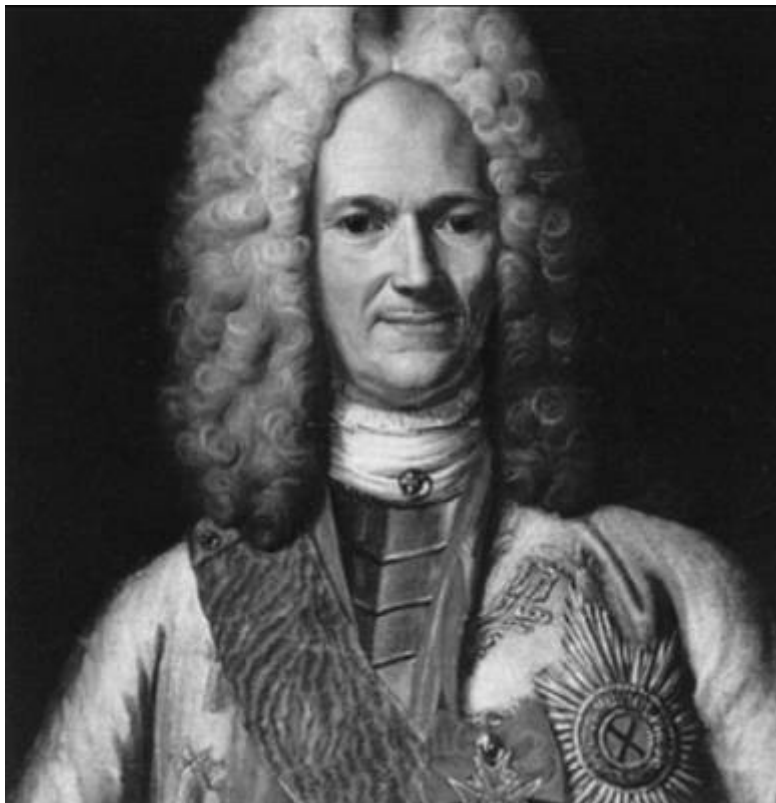
Сената П. И. Ягужинский: его не включили в число членов Верховного тайного совета, учрежденного в феврале 1726 г. В состав этого органа, призванного помогать государыне в важнейших делах, вошли: А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман [201], герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский князь Д. М. Голицын [202]. На первых заседаниях Совета императрица еще присутствовала, но потом это, по словам современников, «наскучило». Екатерине не хватало знаний и воли для серьезных занятий государственными делами: она стала подписывать решения «верховников» как свои.

Екатерина Алексеевна. Портрет работы Г. Бухгольца

В мае того же года упраздняется Тайная канцелярия – на том основании, что она была образована «на

время для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел». Дела Тайной канцелярии подлежали передаче в Преображенский приказ князя Ромодановского. Уникальность ситуации заключалась в том, что правительство находилось в Петербурге, а центральный орган политического сыска – в Москве. Фактическим руководителем Преображенского приказа в период с мая 1726 по май 1727 г. являлся А. И. Ушаков.

А. Д. Меншиков. Портрет начала XVIII в.

В делах политического розыска «верховники» одновременно являлись и следователями и судьями. Следствие по важнейшим политическим делам в столице теперь осуществлялось специальной комиссией Верховного тайного совета. Известны тайные советники этой комиссии – В. П. Степанов^[203] и А. А. Маслов^[204]. Трудно сказать с абсолютной достоверностью, что побудило императрицу согласиться с подобным решением. Вероятно, что инициировал волю государыни Меншиков, лишивший тем самым Толстого главного политического козыря – руководства одной из государственных спецслужб. Устранение Толстого, который слишком много знал, было выгодно и большинству приближенных императрицы.

Ликвидация Тайной канцелярии при Екатерине I (как и ликвидация приказа Тайных дел после смерти Алексея Михайловича) была обусловлена не государственными интересами, а исключительно интригами придворных группировок в борьбе за влияние. Когда одна служба закрывается, а на смену ей приходит другая, большая часть «горячей» информации (и не только в виде архивов) либо попадает в руки победившей стороны, либо уничтожается теми, кто играл с целью не допустить компромата. Такое многократно повторялось, повторяется еще не раз будет повторяться...

Ликвидация Тайной канцелярии, подчиненной при Петре I лично государю, повлекла за собой далеко идущие последствия. Во-первых, безвозвратно была утеряна («приватизирована» или уничтожена) часть важнейшей секретной политической информации. Во-вторых, государыня утратила личный контроль над специальной комиссией Верховного тайного совета; отдельные структуры комиссии получили

возможность исполнять волю «верховников» без ведома императрицы. В третьих ядры единой ранее государственной службы, оказавшиеся под патронажем разных царедворцев, стали открыто конкурировать друг с другом, обеспечивая безопасность не престола и Отечества того или иного вельможи либо стоявшего за ним клана. По нашему мнению, наряду с усилением внутриполитической роли гвардии ослабление единоличного контроля государя за деятельность секретных служб после смерти Петра I – одна из причин последовавших затем дворцовых переворотов. Недопонимание роли и места специальных служб в обеспечении безопасности государства (и государя!) со стороны некоторых российских самодержцев связано с их личностными качествами: недостатком специального образования, отсутствием управленческого опыта, как следствие, излишним доверием к приближенным.

В большой игре за власть между возможными наследниками императрицы Екатерины – Елизаветой Петровной и Петром Алексеевичем – Меншиков выбрал Петра I ради собственной выгоды был готов заключить союз с бывшими оппонентами. Но в начале он решил убрать Толстого даже будучи официально не у дел, тот ставался наиболее опасным противником «светлейшего», поскольку выступал против обручения его дочери Марии с Петром Алексеевичем. В апреле 1727 г. Меншиков приказал арестовать генерал-полицмейстера [205] Петербурга А. М. Девьера [206] по обвинению в заговоре против Петра I. Следственная комиссия добилась от арестованного показаний и против П. А. Толстого, которого также арестовали. «Заговорщиков» лишили чинов, званий и имущества сослали: Девьера в Сибирь, Толстого на Соловки.

В результате этой специальной операции Меншиков получил значительные политические преимущества: опасный противник был удален из столицы; появилась возможность расставить своих людей в структурах родившихся ранее Девьеру. Для достижения политических целей «светлейший» пожертвовал даже родственными связями: Девьер являлся мужем его младшей сестры Анны. После успешного раскрытия «заговора» Меншиков стал пользоваться неограниченным доверием Екатерины I. Именно под его влиянием государыня составила завещание, которое некоторые современники считали поддельным, в пользу юного Петра Алексеевича. Ее дочь Елизавета могла претендовать на престол только в случае бездетности последнего.

Днем 6 мая 1727 г. императрица скоропостижно скончалась.

Официально власть перешла в руки внука Петра Великого – Петра II, которому в тот момент было 12 лет. Кандидатуру юного императора поддержали подавляющее большинство членов Верховного тайного совета, Сената и Синода, президенты коллегий и офицеры гвардии. Скорее всего, это было связано с его юным возрастом: каждая из противоборствующих придворных группировок предполагала привлечь юного Петра на свою сторону.

Петр II. Портрет работы И.-П. Люддена

Первоначально опекуном императора стал Меншиков. Он же стали куратором сыских дел. 22 мая была восстановлена система географического распределения политических дел. Из ближних к Санкт-Петербургу мест следовало посылать Сенат из других губерний – в Москву.

Казалось, судьба к «светлейшему» благоволила: он получил звание генералиссимуса, его дочь Мария в мае обручилась с Петром II. Сподвижники Петра I Макаров, Шафиров [207] и Ягужинский были отстранены от реальной власти. Но усиление позиций Меншикова привело к тому, что против него в той или иной мере объединились и сторонники Елизаветы, и представители аристократических родов во главе с Долгоруковыми. В сентябре Петр II приказал гвардии и членам Верховного тайного совета повиноваться только его личным распоряжениям. Фаворит был лишен всех чинов, званий и сослан в Рязанскую губернию. К его дому приставили часовых, писать письма дозволяли только в присутствии начальника караула. Попытки «светлейшего» вернуть влияние были блокированы его оппонентами. В конце осени 1727 г. его официально обвинили в государственной измене и баснословной растрате казенных средств, последнее, кстати, полностью соответствовало действительности. В апреле 1728 г. Александр Данилович «с фамилией» был сослан в Тобольскую губернию. Конечным пунктом его долгого пути стал маленький населенный пункт Берёзов.

Примечательно, что в Берёзове, где фавориту пришлось доживать свой век, его жизнь приняла аскетический характер. Могилу Меншикова вскрыли в XIX в. и были поражены тем, что тело этого человека почти не изменилось. В конце XX в. появилась угроза разрушения могилы и встал вопрос о переносе праха.

Но пока соответствующие инстанции судили да рядили, природа сказала свое веское слово: останки Меншикова были унесены рекой, так как берег обрушился. Образно говоря, в небытие ушло то, что когда-то из этого небытия вознеслось...

Елизавета Петровна. Портрет работы К. Ванлоо

В феврале 1728 г. император со свитой переехал в Москву, где наибольшее влияние на Петра стали оказывать его тетка Елизавета Петровна и вице-канцлер А. И. Остерман. Год прошел в охотах, балах и придворных развлечениях. Остерман, курировавший в числе прочего и политический сыск, пытался привить государю желание участвовать в управлении государством военными делами, но особого успеха эти попытки не имели.

К началу 1729 г. место Меншикова при императоре заняли князья Долгоруковы, которым удалось оттеснить Близавету. Новой невестой Петра II стала Екатерина Долгорукова. Возможно, именно под их влиянием весной 1729 г. был упразднен Преображенский приказ. Исполнявшиеся приказом полицейские функции перешли к Сенату, в котором Долгоруковы имели сильное влияние. Мы полагаем, что новые фавориты не просто ликвидировали государеву секретную службу: они предприняли попытку монополизировать контроль над деятельностью политической полиции в рамках своего клана. Нельзя исключать того, что Долгоруковы намеревались впоследствии устранить Петра II и занять трон.

30 ноября 1729 г. произошло обручение императора с его невестой, свадьба была назначена на 19 января следующего, 1730 года. Однако в ход событий вновь, уже в который раз, вмешался Его Величество Случай. 6 января Петр II простудился и тяжело заболел. По мнению врачей, его дни были сочтены.

Понимая, что со смертью Петра II политические преимущества будут утрачены, 17 января Долгоруковы собрали семейный совет. Глава семьи Алексей Григорьевич, прибывший от постели государя, заявил, что надежды на выздоровление нет, поэтому следует выбирать наследника. Стратегический план заключался в том, чтобы провозгласить наследницей престола невесту государя. Характерно, что подобная возможность не только обсуждалась среди дипломатических представителей, но и была признана возможной. Силовой опорой для поддержки Екатерины предполагалось сделать Преображенский полк, в котором служили И. А. и В. В. Долгоруковы. Однако Василий Владимирович отверг предложение: «Как это можно сделать? И как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют» [208]. Таким образом, озвученные А. Г. Долгоруковым претензии не нашли поддержки даже в пределах семьи. Не имели успеха и попытки подписать завещание от имени императора либо воспользоваться фальшивым, поскольку Остерман не покидал умирающего Петра II на минуту. Члены Верховного тайного совета Г. И. Головкин и Д. М. Голицын, многие представители боярской знати, что особенно важно, офицеры гвардии отнеслись к намерениям Долгоруковых негативно. Наспех подготовленная попытка переворота не состоялась. 19 января 1730 г. (как раз в день, намеченный для свадьбы) Петр II скончался. Российский трон вновь стал вакантным.

Экстренно собравшиеся в Лефортовском дворце представители боярства стали келейно решать вопрос о престолонаследии. В совещании участвовали члены Верховного тайного совета – Г. И. Головкин, Д. М. Голицын, А. Г. и В. Л. Долгоруковы, А. И. Остерман, а также получившие к этому времени права членов совета генерал-фельдмаршалы М. М. Голицын, В. В. Долгоруков и губернатор Сибири М. В. Долгоруков. Таким образом, из восьми «верховников» четверо представляли клан Долгоруковых, двое – клан Голицыных. В результате бурных дебатов решили предложить российский трон Анне Ивановне (Иоанновне) – средней дочери Ивана Алексеевича, племяннице Петра I, вдовствующей герцогине Курляндской. Идея «верховников», предложенная Д. М. Голицыным, заключалась в ограничении самодержавной власти будущей государыни при усилении политических позиций членов Верховного тайного совета. Для этого постановили «послать ее величеству кондиции»; их подписание должно было послужить гарантией сохранения власти и обеспечения личной безопасности тогдашних олигархов.

Основные положения «Кондиций», а по сути ультиматума предложенного Анне Ивановне, которые она подписала 25 января 1730 г., были следующие. Герцогиня обязалась без согласия «верховников» ни с кем не начинать войны и не заключать мира; верных подданных никакими новыми податями не отягощать и государственных доходов в расход не употреблять за знатные чины, как светские, так и военные выше полковника, никого не производить; у шляхетства живота и чести без суда не отнимать. Кроме того государыня обязывалась в брак не вступать наследника себе не назначать. В случае нарушения этих условий она лишалась короны.

Двойственность документа вполне очевидна. С одной стороны, он является первым опытом

ограничения самодержавия в России: в его текст вложены далеко идущие идеи некоего подобия демократизации общества, сформулированные в понятиях XVIII в. С другой стороны, нельзя забывать, что ограничительными «кондициями» «верховники» готовили почву для реализации совсем других планов. Предложение племяннице Петра Великого занять престол было лишь ширмой, за которой скрывалось желание в ближайшее время передать бразды правления кому-либо из представителей знатных российских фамилий. Не стоит забывать, что Анна была дочерью Ивана, брата Петра, который отказался от своего имени и от имени своего потомства претензий на российский престол. Так что возможность позднее поднять вопрос о легитимности пребывания Анны Ивановны у власти «верховники» могли. Подобный случай в истории России будет повторен сыном другой Анны – старшей дочери Петра, но это будет несколько позднее...

Однако «верховники», уже представлявшие себя новыми правителями России, допустили несколько серьезных ошибок. Во-первых, после единодушного избрания императрицы члены Сената, Синода и российский генералитет не были ознакомлены с текстом «Кондиций». Во-вторых, в письме к герцогине Курляндской олигархи сообщили, что «пункты» одобрены «всеми духовными и светскими чинами», и тем самым совершили подлог. В-третьих, они недооценили возможности оппонентов, направивших в Митаву собственных гонцов.

Одного из таких тайных гонцов отправил к Анне Ивановне П. И. Ягужинский, который призывал не во всем доверять посланникам «верховников», а подождать до Москвы, где ей откроют истинную правду». Оперативные возможности «недреманного государева ока», как нарек Ягужинского Петр Великий, были далеко не самыми худшими. Обер-прокурор имел достаточно информаторов в различных кругах и мог вполне определенно проанализировать сложившуюся ситуацию. В качестве гонца он выбрал своего адъютанта П. С. Сумарокова, бывшего к тому же камер-юнкером гольштейн-готторпского двора и в этом качестве имевшего преимущества для поездок. Сумароков имел в этом деле и личную мотивацию: Ягужинский обещал в случае успешного выполнения задания отдать ему в жены свою дочь, в которую адъютант был влюблен.

Еще одного гонца к своему брату Р.-Г. Левенвольде [209] послал давний друг герцогини Курляндской и Остермана К.-Г. Левенвольде [210]. Третий курьер (доверенный монах) был отправлен вице-президентом Синода Ф. Прокоповичем [211]. У Церкви были свои оперативные возможности в плане перемещения «слуг Божьих» по стране.

Мы обращаем особое внимание читателей на обеспечение безопасности курьеров потому, что в случае захвата депешами, адресованными Анне Ивановне, их ожидала неминуемая и мучительная смерть. После кончины Петра II Долгоруковы установили вокруг Москвы караулы под командованием начальника почтового ведомства бригадира Г. Палибина. Был усилен надзор за всеми иностранцами, включая послов, а Ямской приказ получил указание подводить и подорожных без ведома «верховников» не выдавать.

Несмотря на принятые меры, все посланники достигли Митавы вовремя. Анна грамотная сыграла свою роль, милостиво приняв делегацию от «верховников», «Кондиции» подписала и, 10 февраля 1730 г. прибыв в подмосковное село Всесвятское, действовала с осторожностью.

А в Москве тем временем происходили далеко не простые события. Уже через день после избрания Анны Ивановны императрицей в придворной среде распространились слухи, что «верховники» решили ограничить самодержавную власть. Сформировалась оппозиция, опасавшаяся получить вместо одного самодержца 10 самовластных фамилий. И хотя часть московской элиты поддержала устремления Долгоруковых и Голицыных, большинство среднего и мелкого дворянства выступало против них. Радикальные сторонники самодержавия даже предлагали перебить «верховников» еще до приезда Анны.

На подъезде к Москве Анна была встречена сводным отрядом, состоявшим из батальона Преображенского полка и эскадрона кавалеристов (по одним данным, кавалергардов, по другим – конногвардейцев). Она лично поднесла им чарки с водкой и тут же объявила себя полковником преображенцев и капитаном кавалеристов. Эти действия, подсказанные ей «верными друзьями», солдатами были встречены с одобрением. Более того, с точки зрения права здесь все выглядело безукоризненно: звание полковника Преображенского полка и капитана придворной кавалерии мог носить только законный самодержец. Таким образом, запущенная некоторое время назад оперативная комбинация с хорошо продуманными элементами идеологической войны, тонкой дезинформацией и мощным силовым обеспечением не дала сбоев.

По нашему мнению, в сообщениях есть одна неточность на тот момент в составе гвардии не было ни одного конного полка. Скорее всего, кавалерийский эскадрон состоял из кавалергардов, восстановленных в 1726 г. Екатериной I, которая приняла на себя звание их капитана. Также возможно, что в составе эскадрона находились драгуны Кроншлотского полка, созданного Петром I в 1721 г. Допущение тем более вероятно, что этот полк впоследствии был переименован Анной Ивановной в лейб-гвардии Конный.

Анна Ивановна. Портрет работы Г. Бухгольца

Между 15 и 25 февраля императрица прилагала интенсивные усилия по приобретению сторонников и поиску возможности отказаться от подписи под «Кондициями». А юридические основания для аннулирования «Кондиций» имелись достаточно веские, поскольку «верховники» пошли на прямой подлог, сообщив Анне, что то же желание об ограничении самодержавия приняты с одобрения Сената Синода и генералитета. Еще один подлог члены Верховного тайного совета совершили, когда сделали вид (уже после прочтения «Кондиций», подписанных Анной, в Москве), что сей документ – это ее личная инициатива. Тем самым легитимность «Кондиций» становилась сомнительной не только с морально-этической точки зрения, но и с позиций закона.

В сущности, Анне не составило труда найти союзников, недовольных усилением позиций

«верховников». Особую роль государыня возлагала на родственников по матери Салтыковых, популярных среди гвардейцев.

Члены Верховного тайного совета понимали опасность, которую представляла для них оппозиция, и стремились ограничить контакты императрицы с внешним миром. Вход в ее помещения для предполагаемых противников Долгоруковых и Голицыных был воспрещен. В этих условиях связующим звеном между Анной Ивановной и ее сторонниками стали женщины. В. Л. Долгоруков, лично наблюдавший за режимом допуска к государыне, или недопонимал, как умеют работать женщины, или не имел возможности их эффективно контролировать. Для передачи письменных сообщений использовались тайники: часы, табакерки и т. п. В качестве «почтового ящика» выступал даже младший сын фаворита императрицы Э. И. Бирона (по некоторым данным, и Анны), за пазуху которого прятались послания. Ситуация в Москве постепенно складывалась в пользу Анны, ей оставалось только ждать удобного случая.

В ночь с 24 на 25 февраля сторонники императрицы не ночевали дома, чтобы избежать арестов, к 10 часам утра они прибыли в Кремль. К тому времени охрана царской резиденции была удвоена по приказу В. Л. Долгорукова. Однако Анна Ивановна лично пригласила начальника дворцовой стражи капитана Л. фон Альбрехта и предупредила, что вскоре возможны перемены в высшем военном руководстве. В этот день представитель шашт дворянства предпринял попытку передать государыне прошение об ограничении власти Верховного тайного совета и об установлении конституционной монархии. Анна написала на проекте «быть по сему», предложив просителям обсудить будущую форму правления и в тот же день представителю в результате этого решения она противопоставил дворянских депутатов верховникам», которые надеялись взять реванш, дав оппонентам короткий срок на обсуждение и закрыв для всех выходы из дворца.

Однако вход во дворец оставался открытым, дворцовые помещения стали постепенно заполняться гвардейцами. Их основное требование звучало воинственно: «Мы, верные подданные Вашего Величества, верно служили Вашим предшественникам, пожертвовав нашу жизнь на службу Вашему Величеству, но не можем терпеть тиранию над Вами. Прикажите нам, Ваше Величество, и мы повергнем к Вашим ногам головы тиранов»^[212]. Мгновенно оценив сложившуюся ситуацию, государыня приказала начальнику дворцовой стражи обвинять только генералу С. А. Салтыкову^[213]. После смены военного руководства, признанного гвардейцами, для «верховников» и сторонников конституционной реформы не оставалось никаких шансов. Во дворце, блокированном гвардейцами, они из властителей превратились в заложников. К четырем часам пополудни все было закончено. Анна приказала принести «Кондиции» и разорвала их, к радости сторонников самодержавия.

Став полновластной «хозяйкой России», Анна Ивановна использовала для политического сыска все известные ранее организационные формы: и постоянные учреждения, и временные комиссии, и розыскные поручения отдельным чиновникам. Но все же она не чувствовала себя в безопасности, даже выписав из Курляндии близких людей, главную роль среди которых играл Э. И. Бирон. Уже 4 марта 1730 г. последовал императорский указ об упразднении Верховного тайного совета и восстановлении Сената «на таком основании и в такой силе», как при Петре Великом. Сенат становится высшим надзорным органом в деле политического розыска. 22 июля в Московской губернии был учрежден Сыскной приказ для ведения «татиных разбойных и убийственных» дел. Этот полицейский приказ стал первой формальной силовой структурой, созданной императрицей. Вероятно, его появление связано с ростом недовольства Бироном со стороны московского дворянства.

Затем недовольство распространилось и на гвардию: там открыто говорили, что, если бы попался «тот который надобен», его бы «уходили». Почувствовав ненадежность петровских полков, в августе 1730 г. государыня приняла решение о формировании нового гвардейского полка, получившего

наименование Измайловского. Задуманный как противовес старой гвардии, новый полк комплектовался по другому принципу. Офицеров набирали из иностранцев, преимущественно земляков Бирона: курляндцев, лифляндцев, эстляндцев. Рядовой состав комплектовался не из дворян, а из однодворцев Малороссии, ранее служивших в местной вспомогательной милиции. Командиром полка назначили К.-Г. Левенвольде, ставшего к тому времени генерал-адъютантом.

Наряду с созданием собственной гвардии в начале 1731 г. Анна Ивановна решила назначить себе преемника. Гвардейцам и высшим чиновникам, вызванным во дворец, объявили, что это решение предпринято с целью предупреждения беспорядков, подобных имевшим место после смерти Петра II. Однако имя преемника не назвали, поэтому служилый люд вынужден был принести присягу на верность любому лицу, которого выберет государыня. Но и эти меры не принесли Анне успокоения. Особенно сильно на нее подействовал случай, когда одна из карет кортежа, следовавшая перед императорской, внезапно провалилась под землю. Расследование происшествия показало, что впереди был подкоп; возникла версия о спланированном покушении на императрицу.

Возможно, что этот случай стал одной из причин восстановления 24 марта 1731 г. Канцелярии тайных розыскных дел, совмещавшей функции оперативного и следственного аппарата по политическим преступлениям. Канцелярия вела также дела об иностранном шпионаже в России. Руководство ею поручили А. И. Ушакову. Новый «старый» начальник политической полиции имел личное и полное представление о работе этой службы, причем «с обеих сторон забора». Канцелярия имела статус коллегии и разместилась на генеральном дворе в Преображенском. Штат канцелярии состоял из сенатского секретаря В. Казаринова [214], нескольких подъячих, сторожей, двух заплечных дел мастеров, одного сержанта, одного капрала и 30 солдат. На нужды канцелярии выделили 3360 руб., столько же, сколько отпущалось Преображенскому приказу.

Вместо Верховного тайного совета 18 октября 1731 г. был учрежден Кабинет министров. В него вошли граф Г. И. Головкин (1-й кабинет-министр) А. И. Остерманы представитель княжеского рода, сложившегося в России во второй половине XVI в., А. М. Черкасский. После смерти Головкина его последовательно заменяли П. И. Ягужинский и А. П. Волынский [215].

Воссоздание службы безопасности не изменило решения Анны Ивановны о переезде в Петербург, куда двор перебрался в январе 1732 г. Те лица из высшего общества, которые по каким-либо причинам казались государыне подозрительными, чести жить в Северной столице не удостоились и оставались в Москве либо по высочайшему повелению уехали в провинцию. Во время переезда и до сентября 1732 г. Тайная канцелярия именовалась «походной». Полицейский контроль над проживавшими в Москве подданными утрачен не был: в августе в Первопрестольной, сначала в Преображенском, а затем на Лубянке, разместилась ее контора (филиал) во главе с родственником императрицы, генерал-адъютантом С. А. Салтыковым. В 1732 г. в Московской конторе тайных розыскных дел числились 16 человек: сенатский секретарь Степан Патокин (в 1732–1743 гг.), протоколист канцелярист, два подканцеляриста, восемь копиистов, сторожи два заплечных дел мастера. В связи с болезнью Патокина вторым секретарем в конторе служили Тихон Гуляев (в 1738–1741 гг.) и некий Хрущев (в 1741–1743 гг.).

В Санкт-Петербурге государыню встретил генерал Б. К. Миних [216], с именем которого связаны многие позитивные начинания в области военной реформы. В 1731 г. было учреждено первое специальное учебное военное заведение – Шляхетский кадетский корпус для обучения офицеров, произведенных из нижних чинов. Большинство историков называют правление Анны Ивановны временем засилья иностранцев, но это не совсем так. При ней прием иностранцев на службу осуществлялся только при наличии серьезных рекомендаций, денежное содержание иностранных и русских офицеров было уравнено. Так, по данным военно-учетных документов, в 1729 г. в русской армии имелись 30 русских

генералов и 41 иностранец, в 1738 г. – 30 русских и 31 иностранец. Число иностранных офицеров в армии с 1729 по 1738 г. выросло всего на 3 процента (с 34 до 37 процентов). Уравнение иностранцев и российских подданных в чинах и денежном довольствии повысило авторитет императрицы в военной среде (особенно в гвардии) и обезопасило ее от гвардейских беспорядков.

Наибольшим влиянием при дворе пользовались Бирон, Левенвольде, Остермани Миних, но все они (кроме Бирона) служили в России еще со времен Петра. Порочная практика бездумного раболепия перед всем иностранным не раз приводила к печальным последствиям, однако у этой «палки» есть и другой конец – полное отрицание всего иноземного. Поскольку в сфере безопасности любое непродуманное решение приходится расплачиваться человеческими жизнями, необходимо учитывать критически оценивать как отечественный, так и зарубежный опыт. Не следует пренебрегать иностранными специалистами, особенно если выполняются два условия: 1) существует механизм контроля, позволяющий выявить истинные намерения иностранцев и принять адекватные меры пресечения, и 2) для иностранцев создаются условия, при которых они начинают чувствовать себя «своими» и служат Российскому государству как своему Отечеству.

В эпоху Анны Ивановны, несмотря на возраставшее негативное отношение к иностранцам, заговоров против государыни составлено не было. Отчасти это объясняется эффективной работой Канцелярии тайных розыскных дел: фраза «слово и дело» стала символом и этой эпохи. Записи именных указов в канцелярии свидетельствуют, что императрица внимательно следила за ходом многих расследований, давала распоряжения об арестах, обысках и участвовала в допросах. Обо всех более или менее значимых политических делах Ушаков докладывал лично императрице. В 1732 г. в штат канцелярии состояли: секретарь Хрущёв (в 1732–1740 гг.), три канцеляриста, четыре подканцеляриста, пять копиистов и два заплечных дел мастера. По особо важным делам: смоленского губернатора князя А. А. Черкасского (в 1734 г.), бывшего главы «верховников» князя Д. М. Голицына (в 1736 г.), фаворитов Петра II князей Долгоруковых (в 1738 г.) и кабинет-министра А. П. Волынского (в 1740 г.) – были организованы четыре временные следственные комиссии.

Другой причиной благополучного – с точки зрения личной безопасности – царствования Анны Ивановны явилось ее искусное лавирование между группировками придворных, т. е. следование столь известной и в конце XX в. системой сдержек и противовесов. Два петровских полка были уравновешены двумя вновь созданными. Руководителем Канцелярии тайных розыскных дел являлся Ушаков, старый служака из русского дворянства. Гвардию и армию контролировали Миних (ольденбуржец), Левенвольде (лифляндец) и брат фаворита Г. Бирон (курляндец), но при этом большинство гвардейцев были русскими дворянами. Таким образом, отсутствовала монополия одной группировки на специальные государственные институты: царедворцы боролись друг с другом за благоволение государыни. Коллегию иностранных дел (и дипломатическую разведку) при Анне Ивановне курировали два человека: Г. И. Головкин и А. И. Остерман.

В это же время была проведена первая в российской истории военная кодификация, позволившая систематизировать основные на тот период военные профессии и специальности, сопоставить их с системой рангов, званий, функциональных обязанностей. Указы императрицы с немецкой точностью «разграфили» созданную Петром военную систему. Упорядочение затронуло и наиболее важные направления развития тех или иных родов войск, совершенствования частей и служб, что позитивно сказалось на руководстве и контроле за деятельностью этих структур. Намеченные направления в последствии были с успехом, хотя не без обычного для России запаздывания, реализованы.

После смерти Петра и до восшествия на престол его племянницы полицейская служба практически не развивалась, так как все усилия близких к трону людей сводились к попыткам удержать власть.²³

апреля 1733 г. Анна Ивановна подписала указ «Об учреждении полиции в городах», согласно которому в крупных городах империи создавались полицейские управления. «Реестр губерний: Новгород, Киев, Воронеж, Астрахань, город Архангельский, Смоленск, Белгород, Казань, Нижний Новгород, Тобольск. Провинциальные: Псков, Вологда, Калуга, Тверь, Переславль Рязанский, Коломна, Кострома, Ярославль, Симбирск, Брянск, Орел. Да сверх вышеописанных в городах же Шлиссельбурге и в Ладозге»[\[217\]](#).

Управления возглавляли полицмейстеры в чине капитана – в губернских и поручика – в провинциальных городах. В штате городского управления состояли унтер-офицер, капрал, 8 (в губернских) или 6 (в уездных) нижних чинов, а также 2 канцеляриста. Денежное содержание выплачивалось за счет средств гарнизонов. Для оказания помощи полиции из горожан назначались сотские, пятидесятские, десятские и ночные караульщики. Эти преобразования способствовали развитию петровских начинаний и более плотному взаимодействию населения с полицейскими службами по поддержанию общественного порядка. Выделенные от горожан представители составляли низовую общественную прослойку, которая позволяла полиции действительно считаться народной и поддерживать порядок с помощью самого населения. Правда, ограничивалось это пока относительно крупными городами. В малых городах и в сельской местности подобной структуры по поры не существовало, что затрудняло заблаговременное выявление и предупреждение «злонамеренных деяний» в отношении государя и его подданных.

Рассказывая о системе безопасности времен Анны Ивановны, нельзя не упомянуть о пристрастии самой императрицы к искусству стрельбы. Государыня была отменным стрелком и практиковалась ежедневно, стреляя на охоте и просто по мишеням, причем не только на пленэре, но и в манеже. В простенках царского дворца находились заряженные ружья, а во время поездок, по воспоминаниям современников, Анна Ивановна не расставалась с одним из своих великолепных штуцеров. Особое направление того времени – совершенствование личного стрелкового оружия императрицы и ее окружения. Отлично стреляя сама, императрица требовала того же и от придворных дам. Увлечение стрельбой для женщины, даже венценосной, в те годы явление довольно редкое. Но, в конце концов, страсть к стрельбе ее можно понять.

«Странное» увлечение имело, однако, и чисто практическое значение с точки зрения безопасности монаршей особы. Во-первых, Анна Ивановна смогла бы сама защитить себя в случае опасности. Во-вторых, ее меткая стрельба служила сильнейшим сдерживающим фактором для возможного злоумышленника. В-третьих, давайте поразмыслим, обучая придворных дам искусству снайперской стрельбы, не создавала ли она тем самым особую группу телохранительниц? Прямых письменных доказательств этого предположения нет, но, как известно, безопасность – дело личное и крайне секретное, в том числе и от собственных приближенных. Но если вспомнить историю, документально подтвержденные традиции снайперской стрельбы в России в ближнем государевом кругу берут начало еще от Ивана Грозного. Поэтому наше предположение логично и прагматически оправданно.

6 октября 1740 г. у Анны Ивановны произошел очередной и очень сильный приступ камменно-почечной болезни. Бирон, Миних и Остерман убедили императрицу подписать завещание в пользу Ивана Антоновича – сына Анны Леопольдовны, племянницы государыни. Поскольку ребенку было в то время всего несколько месяцев, регентом при малолетнем императоре назначался Бирон. 17 октября Анна Ивановна скончалась, а на следующее утро служивый люд принес присягу новому императору. Текст присяги и манифест почившей государыни о регентстве Бирона отпечатался одну ночь.

Подобная торопливость фаворита объяснялась тем, что часть гвардии и чиновничества намеревалась передать регентство цесаревичу Ивану Антоновичу Ульриху Брауншвейгскому. Потенциальный мятеж Бирон подавил в самом зародыше. При безусловной поддержке Ушакова, всегда преданно служившего тому, кто находился у власти, 20 наиболее активных заговорщиков арестовали и допросили с пристрастием. От цесаревича

государя уволили из армии и из гвардии «по собственному желанию». Анне Леопольдовне было сказано, что кроме ее сына есть более достойный претендент на российский престол – внук Петра I. Елизавете Петровне Бирон пообещал хорошее содержание, надеясь жениться на ней своего сына. Однако опасность подстерегала Бирона с другой стороны, как говорится – пришла беда, откуда не ждали.

Фельдмаршал Миних, имевший личные неприязненные отношения с регентом, склонил Анну Леопольдовну на свою сторону и с ее согласия в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. совершил дворцовый переворот. Со своим адъютантом Ж. Г. Манштейном и несколькими десятками преданных гвардейцев он арестовал Бирона. В некоторых документах упоминается, что заговорщики легко проникли в спальню регента потому, что слуги забыли закрыть задвижки на дверях. Может быть, забыли, а может быть, не закрыли осознанно, имея к тому специальные инструкции и личную мотивацию. Однако до спальни надо еще добратся и сделать это было не так-то легко.

По нашему мнению, действия Миниха не были спонтанными. В ночь переворота царскую резиденцию (Зимний дворец) охраняли солдаты Преображенского полка, в котором он был генерал-поручиком. В карауле резиденции Бирона (Летний дворец) также стояли преображенцы, охрана имела право открывать огонь на поражение при приближении более чем двух человек. Около трех часов утра (!) Анна Леопольдовна собрала офицеров своей охраны, объявила о решении арестовать Бирона и благословила Миниха. Последний, взяв 30 гренадеров, направился к Летнему дворцу, в охране которого было не менее 300 (!) человек. У резиденции Бирона последовал обмен парламентариями, и после коротких переговоров караул открыл ворота дворца.

Манифест Ивана Антоновича был издан на следующий день после ареста всегильного фаворита. В манифесте Бирона объявляли расхитителем казны, оскорбителем родителей императора и нарушителем государственных устоев. Войска, собранные к Зимнему дворцу, присягнули «благоверной государыне правительнице, великой княгине всея Руси» Анне Леопольдовне без всяких колебаний.

Как мы видим, Миних учел многие факторы, обеспечившие ему успех. Во-первых, он действовал от имени матери государя, чье положение в глазах солдат было выше, чем положение Бирона. Во-вторых, в карауле стояли солдаты и офицеры, отношение которых к регенту являлось более чем прохладным. В-третьих, время «4» соответствовало всем рекомендациям по проведению подобных мероприятий. В-четвертых, была обеспечена соответствующая психологическая поддержка уже после свержения Бирона. Если все перечисленное списывать на удачу, то Миних, несомненно, один из самых удачливых руководителей политических специальных операций за всю историю России.

Однако весной 1741 г. опытный царедворец сам угодил в ловушку. Подав очередное прошение об отставке он ожидал, что его вновь будут уговаривать остаться, а этого не произошло: Остерман убедил Анну Леопольдовну, что фельдмаршал становится опасным для царской семьи.

После отстранения Бирона от власти в рядах гвардии, особенно у преображенцев, стало формироваться недовольство правящей фамилией. Историки полагают, что это связано исключительно с ростом патриотически настроенных в гвардии и борьбой против иноземного засилья при дворе. Это справедливо, но только отчасти. Все предыдущие государи проявляли особое внимание к гвардии, а Анна Леопольдовна ее пренебрегла, ни разу не появившись в гвардейских казармах.

Нельзя сказать, что «государыня правительница» не понимала неустойчивость своего политического положения. Канцелярия тайных государственных дел, работая эффективно, имела информацию о настроениях в столичном гарнизоне. Ушаков неоднократно докладывал Анне Леопольдовне, что ее основной противник, на которого делают ставку оппоненты, – дочь Петра I Елизавета. «Возле дворца цесаревны учредили особый тайный пост – „безвестный караул“, при котором долгое время, „бессменно для присматривания“, находился урядник Щегловитов.

В январе 1741 г. на этом посту стояли аудитор Барановский и сержант Оберучев. Тем самым они исполняли именной указ правительницы Анны Леопольдовны, которая через гвардейского майора Альбрехта предписала Барановскому: „На том безвестном карауле имеет он смотреть во дворце <...> Елизавет Петровны: какия персоны мужеска и женска полу приезжают, такожи ея высочество <...> куда изволит съезжаться как изволит возвращаться, о томбы повсядневно додавать записки по утрамему, майору Альбрехту“, что тот и делал. Для этого Барановскому отвели специальную квартиру в соседнем с дворцом доме, из которой, по-видимому, и велось наблюдение за всеми посетителями дворца Елизаветы. Квартира-пост была строго засекречена, и о сохранении тайны ее помощника Барановского сержант Оберучев предупреждал под страхом смерти. Утренние записки-отчеты шпионов сразу попадали к мужу правительницы, принцу Антону-Ульриху.

Брауншвейгскую фамилию, стоявшую тогда у власти, беспокоили в первую очередь тайные связи Елизаветы с гвардейцами, а также с французским послом маркизом Шетарди, о приезде которого к Елизавете предписывалось рапортовать медленно по начальству. Позже, на следствии по делу Миниха в 1742 г., Оберучев показал, что „Альбрехт, бывало спрашивал, не ходятли к государыне Преображенского полку гренады? И он, Оберучев, на то ответствовал не видно, когда б они ходили“. Из допроса еще одного шпиона – Щегловитого видно, что Миних приказывал ему нанять извозчиков и ездить по городу вслед за экипажем Елизаветы Петровны.

Когда весной 1741 г. возникла опасностьговора Елизаветы с Минихом, таи за домом фельдмаршала установили тайный надзор. По личному указу принца Антона-Ульриха секунд-майор Василий Чичерин с урядником и десятком гренадеров „не в солдатском платье, но в шубах и в серых кафтанах“ следили за домом Миниха. Они имели инструкцию (в верности которой их заставили присягнуть), „что ежели оный фельдмаршал граф Миних поедет из двора инкогнито, не в своем платье, то б его поймать и привезть во дворец“.

Из позднейшего допроса Чичерина на следствии 1742 г. видно, что гренадеры следили за домом Миниха по ночам и делали это по сменам, и гренадеры к тому же показали, что сам Чичерин „за ними смотрел, чтоб они всегда ходили, и их бранивал, ежели не пойдут“. Чичерин возмущался не без основания: каждый гренадер-шпион получал за работу огромные тогда деньги – 20 рублей, а капрал – 40 рублей. По-видимому, власти внедрили „надежных людей“ (так это называлось в документах) и в число слуг цесаревны, с чем связан внезапный арест в 1735 г. регента хора цесаревны Петрова, причем у него сразу же забрали текст подозрительных пьес, которые из Тайной канцелярии передали на экспертизу Феофану Прокоповичу» [218].

По совету кабинета-министра М. Головкина и обер-прокурора Сената И. Брылкина Анна Леопольдовна решила в день своего рождения, 7 декабря 1741 г. (ей исполнилось 23 года), объявить себя императрицей. Предполагалось также арестовать Елизавету Петровну. Любопытно, что сведения о подготовке переворота в пользу «дщери Петровой» поступали в окружение Анны не только от агента наружного наблюдения Канцелярии тайных розыскных дел, но и через Стокгольм и Лондон, где преследовали свои политические цели.

Еще весной 1741 г. лорд Гаррингтон направил в Петербург письмо, в котором сообщалось о решении секретной комиссии шведского сейма стянуть усиленную войска, расположенные в Финляндии. На это комиссию подвигло известие шведского посла в Петербурге Нолькена об образовании в России «партии», готовой с оружием в руках возвести на престол Елизавету Петровну. Нолькен утверждал, что план окончательно улажен между ним и агентами великой княжны при помощи французского посла маркиза И. Ж. де ла Шетарди и что переговоры с Елизаветой велись через состоявшего при ней француза-хирурга Г. Лестока.

Данное письмо объясняет оперативность русской армии в короткой войне со Швецией. 26 августа, менее чем через месяц после объявления войны шведами, русские войска под руководством пяти иностранных генералов наголову разбили противника под Вильманстрандом.

Непонятно другое – по какой причине Анна не действовала столь же решительно по отношению к Елизавете, особенно если учесть, что в официальном английском послании речь шла о подрывных действиях против российской короны со стороны представителей иностранных государств. Кроме того, частые посещения Елизаветой гвардейских казарм не ускользнули от внимания Тайной канцелярии. Вполне вероятно, что правительница недооценила реальность угрозы, исходящей от «искры Петровой», но так же возможно, что Елизавета сумела усыпить бдительность матерималолетнего государя при помощи дезинформации, суть которой заключалась в следующем.

В мемуарах большинства иностранных участников и очевидцев событий 1741 г. приводятся свидетельства «нерешительности» Елизаветы, которая постоянно уклонялась от дачи каких-либо письменных обещаний как шведам, так и французам. Таким образом, никаких документальных подтверждений участия Елизаветы в заговоре не имелось. Стиль поведения великой княжны был выбран своеобразный: она играла роль недалекой и распутной, по мнению двора, женщины, которую, кроме мужчин и веселья, ничто не интересовало. Поездки в гвардейские казармы непременно сопровождалась кутежами и разного рода увеселениями. Гвардейцы любили Елизавету искренне, та отвечала им взаимностью и была крестной матерью отпрысков многих из них.

Наряду с этими предположениями у нас есть еще одна версия, объясняющая лояльное отношение правительства Анны Ивановны к Елизавете. Не была ли великая княжна участницей оперативной игры, которую вела со своими зарубежными коллегами русская секретная служба, решая не только политические, но и контрразведывательные задачи? Как известно из исторических источников, особым мягкосердечием по отношению к противникам трона А. И. Ушаков не отличался, но в отношении Елизаветы он вел себя более чем благожелательно. После коронации Елизаветы он не только не был подвергнут опале, но и сохранял свой пост до 1747 г. Таким образом, руководитель Тайной канцелярии вполне мог являться участником (одним из организаторов или сочувствующих) сложной политической игры, в которую были вовлечены Австрия, Британия, Швеция и Франция. Даже вмешательство противника Елизаветы Остермана, получившего в середине ноября секретную депешу из Силезии, гласившую, что заговор близится к завершению, не привело к аресту великой княжны, хотя 23 ноября ее допросила лично правительница.

Допрос заставил Елизавету и ее сторонников из «русской» партии действовать решительно. В ночь с 24 на 25 ноября 1741 г. около 300 гренадеров Преображенского полка (среди них – ни одного офицера!) совершили стремительный марш, в результате которого Брауншвейгская фамилия была устранена с русского престола.

Бескровность переворота свидетельствует о тщательной подготовке. Пароль для входа во дворец был известен заранее, караул сопротивления заговорщикам не оказал. А иностранцы, знавшие о заговоре, были неприятно удивлены стремительными действиями Елизаветы. Они говорили впоследствии, что переворот произошел без них.

Вступив на престол, Елизавета Петровна первым делом наградила преобразенцев, чья гренадерская рота получила почетный титул лейб-кампании (т. е. состоящей непосредственно при монархе). Все рядовые не из дворян (а таких было свыше 80 процентов) были возведены в дворянское достоинство (пожизненно). Сержанты и капралы стали майорами и капитанами, а офицеры, даже не участвовавшие в перевороте, – генералами. Гвардейцы, и в первую очередь гренадеры из лейб-кампании, потребовали высылки из России всех иностранцев и расширения собственных привилегий. По сути, из бутылки был

выпущен джинн. В 1742 г., будучи направлена в Финляндию, гвардия взбунтовалась. Бунт удалось подавить только решительными действиями генерала Н. А. Корфа, арестовавшего нескольких зачинщиков и приказавшего прилюдно их расстрелять.

Государыне отныне следовало опасаться не только сторонников свергнутой фамилии, но и своих «кумовьев», несмотря на то, что, став императрицей, она приняла звание полковника всех гвардейских полков. Но о своей собственной безопасности Елизавета работала тщательно.

Способности дочери Петра в этой области оказались весьма высокими. С 1725 по 1741 г. она была в самом центре политических интриг при дворе четырех (!) государей и для каждого из них представляла реальную и несомненную (по современной терминологии) угрозу. Все ее предшественники в указанный период (особенно Анна Ивановна) осуществляли за великой княжной постоянный надзор, как гласный, так и негласный. В руках противников Елизаветы имелись эффективные инструменты лишения возможности занять российский престол: замужество особенно вдали от России и без права возвращения в Отечество, опала и заточение в монастырь, «тихая» смерть. Однако будущая императрица после смерти отца проживает в веселье и полном здравии 16 (!) лет и наконец благополучно – и лично (!) – совершает дворцовый переворот, который, по мнению большинства современников, произошел вследствие удачного стечения обстоятельств. Булгаковский Воланд произнес бы по этому поводу знаменитое: «Не верю!»

По нашему мнению, еще при жизни Петра Великого Елизавета стала объектом пристальной заботы российских спецслужб, вначале как любимая дочь императора, а затем как носительница и продолжательница его замыслов. Общеизвестно, что в семье у Петра были особые отношения с дочерьми Анной и Елизаветой. Ликвидация Тайной канцелярии при Екатерине I и Преображенского приказа при Петре II, несомненно, могла подтолкнуть часть сотрудников этих ведомств к сотрудничеству с Елизаветой, они могли составить костяк ее личной секретной службы. Мы уже упоминали о странном пренебрежении Ушакова информацией об участии великой княжны в заговоре против Ивана Антоновича. Возможно, что бесшабашное поведение при дворе было предложено ей кем-либо из сотрудников спецслужб: эта линия максимально соответствовала возрасту и характеру Елизаветы и являлась на тот момент наиболее безопасной. В 1735 г. жена английского резидента в Петербурге леди Рондо писала, что приветливости и кротости дочери Петра внушают любовь и уважение, на людях она весела, но высказанные в личной беседе разумные и основательные суждения заставляют думать, будто ее легкомысленное поведение – притворство.

Постоянные перемещения Елизаветы из одной резиденции в другую, мотивированные ее участием в охотах, балах и увеселениях, создавали серьезные трудности как для слежки, так и для организации покушений со стороны многочисленных недругов. При юной княжне постоянно находились молодые люди из петровских гвардейских полков, которых придворная молва, а затем и большинство историков считали ее «галантами». Мы позволим себе сделать предположение, что основной задачей этих офицеров и сержантов были отнюдь не только амурные похождения. Обожатели и воздыхатели, постоянно находящиеся при молодой особе и ищущие ее расположения, – идеальная маскировка для группы личных телохранителей. Недаром, как только кто-либо из них отправлялся в ссылку или отдаленный гарнизон, его место немедленно занимал очередной реальный или мнимый «любовник». После переезда княжны в Петербург ее двор отличался тем, что, проводя время в разного рода увеселениях, не подпускал к себе никого из непроверенных посторонних лиц.

Нам могут возразить: став императрицей, Елизавета продолжала вести прежний образ жизни. Этому есть объяснение: привычка и натура. Кроме того, система охраны продолжала функционировать на тех же принципах, только с привлечением большего количества сил и средств. Француз Ж. Л. Фавье, наблюдавший императрицу в конце жизни, писал о просвечивавших сквозь ее доброту и гуманность

высокомерию, иногда жестокость особенно подозрительности и ее страх перед утратой власти, об умении искусно притворяться. Мнения двух иностранных наблюдателей о способностях Елизаветы Петровны лицедействе (и в юном, и в зрелом возрасте) совпадают.

После 1741 г. безопасность государыни в первую очередь обеспечивала Канцелярия тайных розыскных дел, до 1747 г. руководимая Ушаковым, а затем А. И. Шуваловым [219]. Секретарями канцелярии были Тихон Гуляев (в 1741–1743 гг.), некий Набоков (в 1743–1757 гг.) и С. И. Шешковский [220] (с 1757 г.). После смерти в 1742 г. С. А. Салтыкова Московскую канцелярию тайных розыскных дел возглавил сам Ушаков. Затем руководство Московской канцелярией перешло к секретарю, который стал приближенным Ушакова В. Казаринов (в 1743-м – после 1748 г.).

Об особой секретности при обеспечении безопасности императрицы свидетельствует тот факт, что практически никто из приближенных не знал, в какой комнате она будет ночевать в той или иной резиденции. Это подтверждает частности художник А. Бенуа. После изучения планов Царского сельского дворца он пришел к выводу, что «в нем отсутствовала апартаментная императрицы».

Усиление мер безопасности было предпринято после разоблачения и ареста в 1742 г. камер-лакея А. Турчанинова и прапорщика Преображенского полка П. Квашина, готовивших ночное убийство Елизаветы. Тогда же был подготовлен маршрут срочной эвакуации государыни из Петербурга в Москву. Через каждые 20–30 верст имелись сменные лошади, расстояние преодолевалось за двое суток. С учетом состояния дорог того времени и езды в тяжелой карете средняя скорость в 30 километров в час впечатляет. Надо ли говорить том, что все представители вергнутой Брауншвейгской фамилии находились под строжайшим надзором в местах не столь отдаленных».

Однако Тайная канцелярия была не только органом политического сыска, но выполняла и контрразведывательные задачи. В 1745 г. лейб-медик Елизаветы Г. Лесток, долгое время облеченный личным доверием государыни, один из ее ближайших советников, имевший прямой доступ в покои императрицы, был разоблачен как агент французской, прусской и британской разведок. В 1748 г. его отправили в ссылку сначала в Углич, а затем в Великий Устюг.

Следствие по делу Лестока велось в Канцелярии тайных розыскных дел и было не единственным. В 1756 г. императрица поручила Шувалову и Воронцову [221] расследовать дело о подозреваемых в «шпионстве» французском миссионере Валькруассане и бароне Будберге. В 1761 г. в Тайную канцелярию было передано дело по подозрению генерала Тотлебена (саксонского уроженца) в «сношениях» с пруссаками. В январе 1762 г. велось большое дело о «шпионстве» в русских войсках в Пруссии.

Коллегия иностранных дел под руководством А. П. Бестужева-Рюмина [222], а затем М. И. Воронцова во времена Елизаветы Петровны обеспечивала сбор разведывательной информации и параллельно с Тайной канцелярией занималась борьбой с иностранным шпионажем, в том числе и внешней контрразведкой европейских дворов. Из Варшавы политическую информацию сообщали коронный канцлер граф Я. Малаховский и другие влиятельные польские магнаты. В Османской империи российскими агентами были сразу несколько чиновников, в том числе помощники реис-эфенди (министра иностранных дел). Бестужеву-Рюмину удалось добиться высылки из России французского посланника Шетарди, агентов прусского короля Фридриха – принцессы А. Е. Ангальт-Цербстской Брюмера, а также запрещения (еще до ареста) Лестоку вмешиваться в иностранные дела.

Для тайного вскрытия и копирования корреспонденции, представлявшей интерес для российских секретных служб, канцлер Бестужев-Рюмин создал службу перлюстрации – знаменитые «черные кабинеты». Информация, полученная путем перехвата письменных посланий, позволяла российскому двору более адекватно строить внешнюю и оборонную политику, выявлять, предупреждать и пресекать угрозы безопасности государыни. Попутно заметим, что перехвати перлюстрация корреспонденции, в том

числе и дипломатической, практиковались во всех (!) государствах того времени. Древняя мудрость гласит: «Кто предупрежден – тот вооружен». До настоящего времени перехват и расшифровка конфиденциальной информации осуществляются применением самых современных технологий и состоят из ключевых элементов секретных мероприятий.

В правление Елизаветы Петровны серьезное внимание уделялось развитию криптографии. Создание новейших шифров в середине XVIII в. обусловлено начавшейся Семилетней войной [223]. Своими успехами российская криптография обязана математику Л. Гольдбаху. Именно он сумел раскрыть шифры французского посла маркиза Шетарди. Опыт, приобретенный Гольдбахом, позволял ему раскрывать ту же «цыфирь» в течение двух недель. «Цыфирные азбуки» включали в себя свыше 1000 величин; секретные послания практически полностью стали шифроваться помощью цифр. Словарь шифров включал не только буквы, но и слоги, географические названия, имена, даты. Для усложнения дешифровки были введены особые знаки, так называемые пустышки, не несшие смысловой нагрузки. Пустышки усложняли работу дешифровальщиков противника, а посвященные люди предупреждались об их наличии специальными символами, обозначавшими границы не несших нагрузки знаков.

В начале царствования Елизаветы Петровны произошло событие, сыгравшее значительную роль в истории сыскного дела. Известный вор и разбойник Ванька Каин, добровольно сдавшись властям, предложил свои услуги в розыске и задержании уголовных преступников и беглых. Для проверки заманчивого предложения выделили специальную команду из солдат и полицейских чиновников. Деятельность этого подразделения оказалась настолько эффективной, что о его успехах узнали в Сенате: Ваньку простили и определили доносителем Сенатского приказа. Несколько лет эта команда очищала Москву от воров и разбойников – соответственно росло благосостояние бывшего преступника. В ущерб службе он передался сребролюбию и попустительству, что закономерно: арест и приговор, каторга.

Метод привлечения бывших преступников для поимки других преступников был оценен и вошел в арсенал спецслужб. Во Франции в начале XIX в. одно из подразделений криминальной полиции возглавил бывший каторжник Ю.-Ф. Видок, ставший одним из основателей криминалистики. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. подобная тактика применялась при ликвидации боевых подпольных групп в Западной Украине. Лидеры среднего звена УПА – ОУН, зарабатывая прощение властей, «сдавали» бывших соратников и принимали личное участие в ликвидации особо опасных боевиков.

По повелению Елизаветы Петровны был принят новый Устав воинский 1755 г., заменивший петровский Устав 1715 г. Инициатором принятия Устава явился президент Военной коллегии П. И. Шувалов. «Вводя в армии пруссачину, Шувалов отдавал лишь дань общему для всей тогдашней Европы преклонению перед Фридрихом II, доведшим автоматическую выучку своих войск до крайней степени совершенства и превратившим свои батальоны „машины для стрельбы“» [224]. Следует особо отметить, что знаменитое огневое превосходство прусской пехоты было основано на технологии стрельбы в 30 темпов (команд). Однако Устав 1755 г. в части огневой подготовки русской пехоты оказался не востребованным до конца и на практике изучался слабо. Так, несмотря на победы русских войск при Грос-Егерсдорфе и Цорндорфе, потери были не в нашу пользу – 3: 2 и 2: 1 соответственно.

Противником войны с Пруссией был великий князь Петр Федорович, появление которого в России и объявление его наследником престола имеют прямое отношение к безопасности императрицы. Напомним, что его мать Анна Петровна – старшая сестра Елизаветы Петровны, выйдя замуж за Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, отказалась от трона за себя и свое потомство. Однако Елизавета понимала: став совершеннолетним, племянник вполне может в качестве внука Петра Великого предъявить права на российскую корону. Проживая за границей, он мог стать рудием в руках европейских монархий и представлял серьезную угрозу для Елизаветы Петровны. В начале 1742 г. по требованию императрицы 14-

летнего Карла Петра Ульриха доставили в Петербург, где он, приняв православие, был наречен великим князем Петром Федоровичем и официально объявлен наследником престола. Этим решением императрица превращала самого опасного потенциального конкурента в союзника. Кроме того, она получила возможность контролировать племянника с помощью доверенных лиц, находившихся в его окружении.

В августе 1745 г. венценосная тетка женила племянника на немецкой принцессе Софии Фредерике Августе – дочери князя Христиана Августа Ангальт-Цербстского, состоявшего на военной службе у прусского короля Фридриха II. Приняв православие, принцесса София (Софья) стала именоваться великой княжной Екатериной Алексеевной. Нельзя не отметить, что неприязненные отношения между наследником престола и его супругой установились в первый же год семейной жизни. Именно личную неприязнь Екатерины к мужу, ее честолюбие, искусно подогреваемое окружением, следует считать одной из причин последующего отстранения Петра Федоровича от власти. Будущий император в силу солдатского воспитания в юном возрасте собственным поведением превратил жену из соратницы в конкурента. При жизни Елизаветы опасность для ее племянника не существовало: императрица контролировала Екатерину не менее тщательно, чем Петра. Приближенные великой княжны, заподозренные Тайной розыскных дел канцелярией в интригах против государыни, немедленно подвергались опале. Так, в 1758 г. потерял пост канцлер Бестужев. Екатерина была подвергнута допросу лично Елизаветой в присутствии ее мужа и А. И. Шувалова.

В отличие от Анны Леопольдовны, Елизавета Петровна в тревожной ситуации действовала решительно и быстро. Сторонники Екатерины были отправлены в ссылку или высланы из страны, сама великая княжна заключена под домашний арест. Видя слабые способности племянника к управлению государством, Елизавета решила назначить наследником престола своего внука Павла, а регентом при нем – одного из братьев Шуваловых. И только воля Екатерины, выраженная в словах «я буду царствовать или погибну», а также удачно проведенная оперативная комбинация с ее мнимым отъездом на родину позволили великой княжне через год (!) вернуть расположение государыни. Однако это не означало, что императрица перестала ее контролировать. Усилению контроля способствовали тот факт, что Россия вела войну с Пруссией, а Елизавета никогда не забывала, что мать Екатерины – княгиня Августа Елизавета – имела конфиденциальные поручения от Фридриха II. Так или иначе, но до конца своих дней Елизавета Петровна была избавлена от серьезных покушений на ее царственную особу. 25 декабря 1761 г. императрица скончалась, императором стал ее племянник Петр II.

Петр III. Портрет XVIII в.

Его деятельность после восшествия на престол вызвала сильное недовольство петербургской знати. Одним из первых решений императора стало прекращение войны с Пруссией и вывод русских войск из Берлина, который за три дня до того был ими взят. Это вызвало ненависть практически всех гвардейских офицеров. Решение государя логично вытекало из его отношения к участию России в Семилетней войне. История подтвердила, что Петр III правильно понимал, кто должен быть нашим союзником: с 1762 г. и до 1914 г. ни одного военного конфликта между Пруссией и Россией не было, а интересы России в Восточной Пруссии были надежно защищены. Император не вывел из Восточной Пруссии русские войска и приказал направить к ее берегам кронштадтскую эскадру для прикрытия российских торговых судов. На действиях Франции и Австрии против России мы подробнее остановимся в дальнейшем.

Отношение государя к елизаветинским гвардейцам можно охарактеризовать как крайне негативное. Будучи наследником престола, он называл их «янычарами». Еще в походах Миниха гвардия участвовала в половинном составе – один батальон из полка, а в Семилетней войне вообще не участвовала (!). Петр III распустил лейб-кампанию – гвардейскую гренадерскую роту, единственная «военная» заслуга которой – участие в возведении на престол Елизаветы Петровны; гвардейским офицерам он приказал явиться в полки, чтобы исполнять свои служебные обязанности лично и проводить строевые учения. Император не скрывал намерения упразднить гвардейские полки, а для начала собирался послать воевать в Данию, чтобы отобрать у нее Шлезвиг в пользу Гольштинии. Военные начинания Петра III вызвали в гвардии недовольство, ставшее основой для формирования заговора. Впоследствии для оправдания действий Екатерины по свержению венценосного супруга была придумана версия о слепом преклонении Петра III перед Фридрихом II. Свергнутому императору приписали то, чего он не делал, в частности введение прусских военных уставов. Но, по сути, он потребовал от своих войск только одного – строгого соблюдения Устава, принятого его тетей, причем на личном примере: государь ежедневно в 11 часов проводил вахтовый парад – развод дворцового караула.

Еще одним сословием, крайне недовольным реформами Петра III, было духовенство. Объявив о свободе вероисповедания, он запретил церковный надзор за личной жизнью. Указ от 29 января 1762 г. прекращал преследование старообрядцев. Последовавший за ним манифест от 28 февраля объявлял амнистию бежавшим за рубеж раскольникам, купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям, дезертирами проч. Им разрешалось вернуться в Россию до 1 января 1763 г. без «всякой боязни и страха». Указом от 21 марта 1762 г. монастырские имения были подчинены гражданским коллегиям, монастырские крестьяне переводились в ведение государства, им отдавались в вечное пользование пахотные земли монастырей. Для содержания духовенства царь назначил «собственное жалование». Таким образом, Церковь лишалась собственности и даровой рабочей силы.

Манифест от 18 февраля 1762 г. «О вольности дворянской» подробно регламентировал все стороны жизни дворян. Обязательная военная служба отменялась, но тем, кто находился на военной службе, разрешалось выходить в отставку только в мирное время. На службу за рубежом дозволялось поступать исключительно к союзникам, с обязательством вернуться в Россию по первому требованию. По достижении дворянским сыном 12 лет родители были обязаны письменно отчитать, чему их сын обучен, желает ли учиться дальше и где. Родителей, которые не хотели обучать своих детей, предлагалось рассматривать как нерадивых о добре общем и презирать всем «верноподанным и истинным сынам Отечества». Им запрещалось появляться при дворе, участвовать в публичных собраниях и торжествах. Менее обеспеченные дворяне могли определять своих детей на учебу в Кадетский корпус, находившийся под патронажем императора.

Большим ударом для российской знати стал указ о «бессребренности службы», запретивший преподносить чиновникам подарки в виде крестьянских душ и государственных земель. Знаками поощрения могли быть только орден и медали.

Деятельность Петра III в социально-политической области менее значительна: введение гласного суда, ограничение личной зависимости крестьян, повышение роли купечества в обществе. Большую роль в реформах играли пользовавшиеся его доверием секретарь Д. В. Волков [225], генерал-прокурор Сената А. И. Глебов [226], директор Кадетского корпуса А. П. Мельгунов.

Однако император совершил немало ошибок, одна из которых явилась для него роковой. Речь идет о ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел – секретной политической полиции Российской империи, которая за 37 лет своего существования стала символом государственной власти. Служители «слова и дела» внушали страх представителям всех сословий. Постепенно распространялась информация о пытках,

применявшихся при допросах арестованных, русское общество стало отождествлять канцелярию с инквизицией. Возможно, по этим причинам 21 февраля 1762 г. эта секретная служба была ликвидирована.

Обоснование формулировалось следующим образом: «Независимое выражение, а именно „слово и дело“ не должно зависеть от ничьего, и мы запрещаем употреблять его никому, о ком, кто отныне не употребит пьянствовали в драке или избегая побоев и наказания, таковы тотчас наказывать так, как в полиции наказываются зорники и бесчестники» [227]. Если принять за основу предположение, что политическая полиция была ликвидирована из-за желания императора устранить возможные доносы и пытки, то наряду с введением гласного суда такое его стремление является весьма демократичным. Однако для ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел у Петра II имелась еще одна причина. Как мы уже упоминали, канцелярия занималась не только политическим сыском, но и контрразведкой, в том числе против Пруссии. Поэтому нельзя исключить, что решение о ее упразднении принято из желания угодить Фридриху II.

И все же в любом случае ликвидация политической полиции как института защиты основ государственности (говоря современным языком – конституционного строя) без создания других защитных механизмов недопустима. Одним росчерком пера император лишил себя структуры выявления, предупреждения и пресечения попыток отстранения законного государя от власти – структуру, которая способна добывать необходимую информацию и использовать ее для устранения угрозы на ранних стадиях минимальными людскими и материальными затратами и потерями.

Можно предположить, что император имел намерение создать собственную секретную службу взамен Канцелярии тайных розыскных дел. На это косвенно указывает пункт 10 манифеста от 21 февраля. В нем указывается, «чтобы каждый, кто имеет нам донести о деле важном, справедливом и действительно до упомянутых двух пунктов принадлежащем, приходил без всякого опасения к нашим генерал-поручикам Льву Нарышкину и Алексею Мельгунову, да тайному секретарю Дмитрию Волкову, кои для того монаршей нашей доверенностью удостоены кои нам обо всем верное донесение чинить должны именно и точно нашим императорским словом через сие объявляя, что за справедливый донос всегда учинено будет, смотря по важности дела, достойно награждение...» [228]. Но это намерение реализовано не было. Мы предполагаем, что ликвидация канцелярии без создания другой спецслужбы были заинтересованы политически противники Петра II.

Проанализировав реформы императора, толковые аналитики секретной службы (а такие в России были всегда) с большой долей вероятности могли бы определить круг недовольных. Затем следовало провести оперативную разработку отдельных лиц из этого круга для установления доказательств антигосударственной деятельности, после чего поручить работу по аресту заговорщиков либо оперативным работникам судейским чиновникам, либо преданным государю силовым подразделениям. Подобные подразделения в распоряжении Петра II имелись. В 1755 г. еще наследником престола он начал создавать собственную гвардию, костяк которой первоначально составляли выходцы из Гольштинии. К 1762 г. ее общая численность не превышала 3500 человек, из них около 2000 было собственно гольштинцев, около 1500 – пруссаков, гессенцев, лифляндцев, шведов и украинцев. Гвардия, имевшая на вооружении около 30 орудий, дислоцировалась в Ораниенбауме.

Верные люди из окружения императора не раз указывали ему на подозрительную активность его супруги и даже внедрили в окружение заговорщиков С. Перфильева, но Петр III на предупреждения не реагировал. В частности Фридриху II он писал, что солдаты зовут его отцом и не будут повиняться женщине, что он гуляет один пешком по улицам Петербурга. Эти слова как нельзя лучше раскрывают характер императора, уповавшего более на Бога, чем на своих подданных. Возможно, Петр отчасти понимал исходившую от жены угрозу. Некоторые современники упоминают его намерении развестись

Екатериной и жениться на Е. Воронцовой, якобы он хотел объявить об этом после празднования своего тезоименитства 28 июня 1762 г.

А тем временем Екатерина дивившая ставку Петергофа активно собирала сторонников, особенно из числа гвардейских офицеров. Позднее она писала, что русская корона ей нравилась больше, нежели «особа» мужа. Как показано выше, Екатерина была политически интригующе при Елизавете. Так, в 1756 г. в письме к своему политическому советнику английскому посланнику Ч. Уильямсу она рассказала, как будет действовать если Шуваловы в случае внезапной смерти Елизаветы предпримут попытку отстранить ее с мужем от власти в пользу Павла Петровича.

К лету 1762 г. в заговоре против императора состояли: граф Н. Панин – действительный тайный советник, камергер, сенатор, воспитатель царевича Павла; граф П. Панин – генерал-аншеф, герой Семилетней войны; княгиня Е. Дашкова (в девичестве Воронцова) – ближайшая подруга и компаньонка Екатерины; князь М. Дашков – один из лидеров петербургской масонской организации; князь М. Волконский – дипломат и полководец Семилетней войны. Особо ценными для заговорщиков были начальник петербургской полиции барон М. Корф и шеф Измайловского полка граф К. Разумовский, а также офицеры лейб-гвардии во главе с братьями Орловыми. По мнению ряда историков, к заговору были причастны влиятельные масонские круги, которых в окружении Екатерины представлял таинственный «господин Одар». По мнению очевидца событий датского посланника А. Шумахера, под этим именем скрывался граф Сен-Жермен.

А. Г. Орлов и Г. Г. Орлов. С портрета Ж. Л. Девельи

Скорее всего, заговорщики имели информацию о намерении Петра развестись с супругой после 28 июня и также готовились к этой дате. Подтверждением сказанному может служить тот факт, что 26 июня участвовавшие в заговоре офицеры-гвардейцы стали спаивать солдат столичного гарнизона. На занятые Екатериной у английского купца Фельтена деньги (мотивация – покупка драгоценностей) было закуплено более 35 000 ведер водки. Этим примитивным, но весьма эффективным способом не участвовавшие в заговоре полки «выбивались» из игры, поскольку теряли способность сопротивлению заговорщикам. К сожалению, и в настоящее время алкоголь является одним из наиболее опасных противников солдата. Каждый, кто участвовал в боевых действиях или специальных операциях, может привести примеры гибели тех, кто полюбился на выпивку.

Однако заговорщики не ограничивались раздачей водки. Они использовали намерение императора развестись с Екатериной в своих целях: распускали слухи, что Петр решил заточить жену в Шлиссельбургскую крепость или убить. К этому добавлялось следующее: государь решил переженить гольштинцев пруссаков с придворными дамами, православных священников заставляя носить платье лютеранских пасторов, начнут брить им бороды и т. п. В XX в. Й. Геббельс сформулировал подобную методику в одной фразе: «Ложь, для того чтобы в нее поверили, должна быть чудовищной». Следует отметить, что подобные мероприятия имели успех в среде петербургского дворянства и духовенства.

Однако 27 июня план заговорщиков чуть было не сорвался. Один из участвовавших в заговоре преображенцев сболтал лишнее постороннему офицеру. В результате капитан-поручик П. Пассек был арестован. Но отсутствие ценной государственной секретной службы и, возможно, саботажа со стороны генерал-полицмейстера М. М. Корфа привели к тому, что эту важнейшую информацию императору передали. Понимая, что заговор может быть раскрыт, его участники действовали решительно. Утром 28 июня Екатерина покинула Петергоф и направилась в столицу, где солдаты гвардейских полков принесли ей присягу как императрице Екатерине Алексеевне. Однако даже в гвардии единодушной поддержки мятежники не получили: измайловцы и семеновцы перешли на сторону Екатерины, а преображенцы колебались и кричали, что умрут за Петра. Только после ареста ряда преображенских офицеров (С. Р. Воронцова, П. И. Измайлова, П. П. Воейкова и др.) полк перешел на сторону бунтовщиков.

Мятеж встал перед Петром III в Петергофе куда к середине дня с сообщением о событиях в столице прибыл генерал-поручик М. Измайлов. Гольштинские гвардейцы заявили государю, что будут защищать его до самой смерти, но Петр, морально не готовый к подавлению мятежа, колебался и отдавал противоречивые друг другу приказы.

По нашему мнению, одним из оптимальных вариантов для него являлась экстренная эвакуация в Лифляндию и Восточную Пруссию, к месту квартирования действующей армии под командованием преданного Петру генерала П. А. Румянцева [229]. Даже не имея заранее отработанных маршрутов эвакуации, под защитой сохранивших верность кавалерийских подразделений отступление армии было мероприятием вполне выполнимым. Для заслона от возможного преследования следовало использовать пехотные и артиллерийские части гольштинцев, поручив командование ими фельдмаршалу Миниху, отправленному в ссылку Елизаветой (на 20 лет!) и возвращенному Петром III. Позже в ответ на вопрос Екатерины Миних признался, что готов был пожертвовать жизнью за монарха, вернувшему ему свободу.

Некоторые авторы указывают еще на два варианта действий: двинуться на Петербург или укрыться в Кронштадте. Первый вариант мог иметь шансы на успех только в том случае, если бы император получил поддержку армейских полков столичного гарнизона, но они оказались выведены из игры «Ивашкой Хмельницким» (алкоголем). Кроме того, Екатерина с гвардией в 10 часов выступила в Петергоф, так что встреча противоборствующих сторон произошла бы в полевых условиях, при значительном (3: 1) численном перевесе мятежников, которым терять было нечего.

Граф Н. И. Панин. Портрет работы XVIII в.

Граф П. И. Панин. Портрет работы XVIII в.

Эвакуация в Кронштадт имела тот недостаток, что император отсутствовал, а для переброски (одновременно с ним) гольштинской гвардии на о. Котлин. Еще один важный момент – сторонники императора не располагали информацией о настроениях в гарнизонах Петербурга и Кронштадта. Не следует забывать, что столичное дворянство и духовенство в большинстве своем поддерживали Екатерину. На наш взгляд, эвакуацию Петра III в действующую армию, с учетом отрицательного отношения армейских офицеров к гвардии, следует считать более предпочтительной из указанных вариантов.

Таким образом, время и возможности для организации эвакуации у Петра III были, не было главного – воли монарха к сопротивлению. Утром 29 июня он был арестован и подписал заранее составленный манифест об отречении от престола. Фридрих II оценил действия заговорщиков как «безумные», а заговор как «плохо составленный»; он считал, что российского монарха погубил недостаток мужества. Низложенного Петра III отправили в Ропшу под тщательное наблюдение екатерининских гвардейцев и 7 июля 1762 г. задушили. Официально было объявлено, что император скончался «от геморроидальных коллик». По отношению к конкурентам в борьбе за престол Екатерина предпочитала действовать по принципу: «Нет человека – нет проблемы». Она придерживалась убеждения, что политика редко подчиняется нравственным законам.

Первейшей задачей Екатерины Алексеевны после восшествия на престол было убедить подданных в том, что целью переворота являлось избавление государства от «ничтожества» «солдафона». Если в Петербурге свержение Петра III восприняли достаточно благосклонно, то в Москве и провинции дело обстояло иначе. Очевидец переворота секретарь французского посланника К. Рюльер свидетельствовал, что в старой столице при оглашении манифеста о воцарении Екатерины в солдатских рядах говорилось, что

гвардия располагает престолом по своей воле. Однако помощники Екатерины знали свое дело. Успешное формирование негативного мнения о Петре III достигалось различными методами, в основном устной пропагандой и письменными «свидетельствами» очевидцев. Одновременно усилили контроль над распространением позитивной информации о свергнутом императоре. Любое лицо, уличенное в симпатии к Петру, в скором времени оказывалось под арестом. Гольштинскую гвардию расформировали, около 1800 человек отправили на родину, около 1300 уволили либо приняли на русскую службу.

Как и в начале правления Елизаветы, гвардейцы, совершившие переворот, могли стать серьезной угрозой для безопасности императрицы. Екатерина это прекрасно понимала. Осенью 1762 г. в письме к С. Понятовскому [\[230\]](#) она писала о необходимости вести себя весьма осторожно. Основным назначением гвардейских полков стали охрана престола и отчасти подготовка офицеров для армии, однако эта подготовка оставляла желать лучшего. Керсновский справедливо указывал: «Недоросли из дворян <...> писались в гвардию в раннем детстве за частую отрождения. <...> Производство их в унтер-офицерское звание и первый офицерский чин шло заочно, „за выслугу лет“, – и очень многие „уходили в отставку“ как и не увидев своего полка! Те же, кто являлся в полки, несли легкую и приятную службу. <...> Когда им приходила очередь заступать караулы, слуги несли их ружья и амуницию. Службу за них отправляли гвардейские солдаты, взятые по набору (сдаточные) и служившие без всяких поблажек» [\[231\]](#).

Как часто подобная ситуация повторялась в истории России: осыпанные милостями «придворные подразделения» медленно, но верно разлагались. Не участвуя в сражениях, они утрачивали боевые традиции; офицерский состав не занимался боевой подготовкой и воспитанием солдат; сводилось на нет чувство товарищества и тактичности чванство достигали неимоверных размеров. Именно здесь лежат корни «дедовщины», с одной стороны, и ничем не оправданные потери в первых боях – с другой. Можно утверждать, что состояние государственной точности боеготовности любого подразделения определяется как заботой «человеке с ружьем», так постоянным контролем за состоянием военных коллективов.

Не имея реальной возможности контролировать гвардию в начале царствования, Екатерина II стала создавать собственные специальные институты. Манифестом от 19 октября 1762 г. она подтвердила решение свергнутого мужа о ликвидации Тайных розыскных дел канцелярии. Однако, хорошо понимая значение секретной политической полиции, императрица передала расследование дел по важнейшим государственным преступлениям в ведение Сената, спрятав в его респектабельных стенах Тайную экспедицию.

Уже 2 октября генерал-прокурор Сената А. И. Глебов получил от государыни указание рассматривать дела о государственных преступлениях вместе с тайным советником Н. И. Паниным [\[232\]](#). Тайная экспедиция, как и ее предшественники, объединяла политический сыск и контрразведку. Поручив контроль над Тайной экспедицией двум высшим чиновникам, императрица получила возможность контролировать обоих. Глебов в 1764 г. сменил генерал-прокурор А. А. Вяземский [\[233\]](#). Основной фигурой в Тайной экспедиции являлся обер-секретарь С. И. Шешковский, остававшийся на этом посту до 1792 г. Агентурно-наблюдательный отдел Петербурга возглавлял генерал-полицеймейстер В. Чичерин.

Екатерина II. Портрет последней трети XVIII в.

Московское отделение Тайной канцелярии подчинялось московскому главнокомандующему: вначале генерал-фельдмаршалу П. С. Салтыкову (в 1763–1771 гг.), затем генерал-аншефу М. Н. Волконскому (в 1771–1780 гг.), а еще позже – генерал-аншефу А. А. Прозоровскому (в 1790–1795 гг.). Агентурно-наблюдательной сетью в Москве заведовал обер-полицеймейстер Н. Архаров. Екатерина II сохранила также практику формирования временных следственных комиссий для рассмотрения особо опасных государственных преступлений. В помощь комиссиям придавались сотрудники Тайной экспедиции. Вскоре после смерти Петра III императрица посетила Шлиссельбург, где находился в заключении свергнутый Елизаветой Иван Антонович. Ознакомившись с содержанием царственного узника, она дала секретную инструкцию караульным офицерам, в случае попытки освобождения обязав арестантов умертвить Жогда

в июле 1764 г. поручик Смоленского пехотного полка В. Я. Мирович предпринял попытку освободить «законного государя», Иван Антонович был убит офицерами охраны, выполнившими личный приказ государыни. Мы полагаем, что «неудачная» попытка освобождения вполне могла быть организована по инициативе самой императрицы. Екатерина II запретила пытать Мировича и привлечь к следствию его брата и противоречия следственной практики тех лет. Таким образом, «заговор» Мировича скорее всего – одна из первых успешных спецопераций новой секретной службы Ее Величества. (Судьба самого Мировича была печальной: он был осужден Сенатом и казнен.)

В 1769 г. по доносу А. Постниковой властям стало известно намерении офицеров Преображенского полка Афанасьева, Жилина, Озерова и Попова свергнуть Екатерину II и провозгласить императором Павла Петровича. Следственную комиссию возглавил Никита Панин, в нее вошли генерал-прокурор Сената А. Вяземский, генерал-полицмейстер Петербурга В. Чичерин и кабинет-секретарь П. Елагин. Расследование установило виновность офицеров, которые были лишены всех чинов, званий и дворянства. Часть из них приговорили к пожизненному заключению в крепости, часть сослали в Нерчинск и на Камчатку. В 1772 г. в Тайной экспедиции велось следствие по делу капралов Преображенского полка Оловяникова, Подгорого, Чуфаровского, подпоручика Тобольского полка Селехова и группы солдат, которые хотели убить Екатерину II и короновать ее сына. Императрица внимательно следила за ходом следствия и дала Вяземскому указание «гвардию вычистить корень зла истребить». Всех заговорщиков «навечно» отправили в Нерчинскую каторгу.

Н. И. Панин не только контролировал Тайную экспедицию, но и являлся руководителем Коллегии иностранных дел, также он заведовал дипломатией и внешней разведкой. По сути, он действовал в соответствии с правилами того времени: «Дипломат XVIII века <...> был вправе вербовать себе открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществляя в докуп официальных лиц, что вообще было в порядке вещей» [234]. Поскольку он считался признанным мастером конспирации и тайных межгосударственных интриг, государыня всегда внимательно прислушивалась к его советам.

Денег на организацию агентурных сетей (в том числе агентств влияния) не жалели. Только в Польшу в 1763 г. было направлено более одного миллиона рублей. Но если надо, то действовали и силовыми методами, причем быстро и решительно. В октябре 1767 г. (защита диссидентов) в одну ночь были захвачены и отправлены в Россию вожаки католической оппозиции: епископы Солтык, Залусский и гетман Ржевусский с сыном.

Ожесточенное противодействие русской разведке в Польше оказывали не только поляки, сколько Турция и Франция, заинтересованные в ослаблении России. Столкновение интересов привело к русско-турецкой войне 1768 г. и к разделу Польши в 1772 г. между Австрией, Пруссией и Россией.

Панин уделял большое внимание обеспечению секретности при переписке посольства резидентур столицей. При переписке следовало пользоваться не одним, а несколькими шифрами. Особое внимание надлежало уделять указанию, какой именно «цыфирью» зашифрована корреспонденция. Не меньшее внимание отводилось дешифровке переписки иностранных посланников в России с их монархами. «Черные кабинеты», вскрывавшие, копировавшие и дешифровавшие корреспонденцию, работали при Екатерине II эффективно. К чести императрицы следует сказать, что сама она относилась к сохранению тайных конфиденциальной информации очень серьезно. Она лично составляла и запечатывала депеши и, чтобы сохранить секрет их содержания, ни с кем не держала совета.

В отличие от гвардии в действующей армии происходили позитивные изменения. В конце Семилетней войны по инициативе П. А. Румянцева в ее составе был создан батальон легкой пехоты, предназначенный для действий на флангах в засадах. В 1764 г. в Финляндской дивизии (военном округе) П. И. Панин, брат Н. И. Панина, сформировал опытный егерский батальон, боевая подготовка и тактика

которого строились с учетом действий на сильно пересеченной местности. Инициативу боевых генералов поддержала Екатерина II. Опыт оказался удачным, и в 1765 г. был сформирован Егерский корпус, разделенный на отдельные команды (современные роты), каждая численностью 66 человек при одном офицере, приданные 25 пехотным полкам. Слово «егерь» (от нем. *Jäger* – охотник) удачно отражает тактику легкой пехоты: выследить добычу, скрытно подойти на расстояние прицельного выстрела и поразить цель с первого выстрела. Отметим, что большинство прославивших русское оружие на рубеже XVIII–XIX вв. военачальников (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. И. Багратион и др.) в разное время командовали егерями. Не исключено, что овладение егерской тактикой, предполагавшей самостоятельность мышления, инициативу отход от шаблонов банального военного устава стала основой их полководческого искусства.

Специфика боевых действий егерей диктовала особые условия комплектования и подготовки: в егеря отбирали кандидатов ростом не выше пяти аршин двух вершков (165 см), но самых лучших, проворных и здоровых. Упор в обучении делался на индивидуальную подготовку, развитие умения действовать самостоятельно в рассыпном строю на флангах и в тылу противника, точную прицельную стрельбу. В 1777 г. егерские команды пехотных полков были сведены в 6 отдельных батальонов, в 1785 г. батальоны развернуты в егерские корпуса 4-батальонного состава (10 к 1795 г.). Мы полагаем, что егеря выполняли определенную внутреннюю функцию и формировались как противовес гвардии. Их возглавляли преданные императрице генералы и офицеры, как правило, далекие от придворных интриг; боевая подготовка егерей была на несколько порядков выше, чем гвардейцев.

В 1775 г. сформированы Донская и Чугуевская казачьи команды и лейб-гусарский эскадрон, образовавшие Собственный Ее Величества конвой – основу личной охраны. Гвардия, егеря и конвой при необходимости могли использоваться как силовая составляющая при проведении разведывательных, контрразведывательных полицейских операций.

Созданная Екатериной II за 13 лет после прихода к власти полноценная система безопасности успешно работала до самой смерти императрицы. Основными звеньями этой системы были Коллегия иностранных дел, Тайная экспедиция, полиция, внешняя разведка и контрразведка, функционировавшие в рамках этих ведомств. Особо следует отметить, что государыня ежедневно принимала доклады генерал-полицмейстера Петербурга генерал-прокурора Сената или главы Коллегии иностранных дел.

Эта система во многом была создана в результате работ Екатерины, отличавшейся поразительным трудолюбием. Фридрих II подчеркивал, что во Франции 4 министры работают только, сколько эта великая женщина. Императрица любила работать сама, она умело выбирала себе помощников, сопоставляя их личные качества с интересами дела. Потомкам она оставила изложение принципов своей кадровой политики: «Изучайте людей, старайтесь пользоваться ими, не вверяясь им без разбора; отыскивайте истинное достоинство хотя бы оно было на краю света: по большей части оно скромно и [прячется где-нибудь] в отдалении. Доблесть не лезет из толпы, не жадничает, не суетится, позволяет забывать себе» [235]. Деньги, награды и звания для деятельных и инициативных помощников Екатерина не жалела и никогда не предавала тех, кто ей служил преданно и профессионально. В 1764 г., при назначении А. А. Вяземского генерал-прокурором Сената государыня рекомендовала ему надеяться на Бога и на нее – ведь она «не выдаст». Личные качества Екатерины и ее кадровая политика предопределили успех длительного царствования этой женщины.

Наибольшую угрозу для безопасности Екатерины II и Российского государства представляло восстание под руководством Е. И. Пугачева (в 1773–1775 гг.). Оно происходило во время длившейся уже пять лет русско-турецкой войны, а Пугачев выступал под именем покойного государя Петра III. «Народное войско» Пугачева имело многие признаки военной организации, характерной для регулярной армии. Были учреждены Военная коллегия и Походная канцелярия, подразделения имели знамена, в том числе одно из

знамен гольштинской гвардии. На территории контролировавшихся повстанцами, создавались отряды, выполнявшие военно-полицейские функции.

Мы полагаем, что восстание было организовано не без помощи извне. В сентябре 1762 г. король Франции Людовик XVI направил послу в Петербурге барону де Бретею инструкцию, в которой определил цель своей политики в отношении России – удалить ее от европейских дел.

Франция активно поддерживала Турцию и противодействовала усилению русского влияния в Польше. Взяв в 1772 г. Краков, А. В. Суворов захватил там несколько французских офицеров, которых отправил в Сибирь как уголовных преступников. Затем через Константинополь в Россию были направлены несколько офицеров, подданных Франции, принявших участие в организации пугачевской армии. В частности в 1774 г. за связь с мятежниками подстрекательство среди военнослужащих арестовали полковника на русской службе Ф. Анжели [236]. Финансирование армии Пугачева также осуществлялось из-за рубежа. Например, французский посол в Вене принц Л. де Роган сообщал послу в Константинополе рафуде Сен-При, что король готов предоставить ради осуществления своих замыслов любую сумму.

Турецкие военачальники также разрабатывали планы оказания поддержки войскам Пугачева через Крым и Северный Кавказ. Из переписки дипломатов следовало, что в военной операции в поддержку Пугачева должны были участвовать французские офицеры и что Людовик XVI послал в Константинополь офицера Наваррского полка и 50 000 ливров на расходы [237]. (Русский посланник в Вене князь Д. М. Голицын сумел завербовать одного из сотрудников французской миссии и получил копии депеш.)

По нашему мнению, «народное» восстание Пугачева имеет все признаки специальной операции, осуществленной при участии иностранных государств целью организации партизанской войны в тыловых районах России. Эта война характеризовалась ведением не только боевых рейдов, но и специальных психологических операций, направленных на снижение морального духа российских солдат. Выступая под именем покойного государя, Пугачев привлекал в свои ряды сторонников и старался убедить правительственные войска, что они сражаются «законным императором». В качестве примера приведем его указ от 19 сентября 1773 г.: «Сим моим имянным указом регулярной команде повелеваю: как вы, мои верные рабы, регулярные солдаты, редовые и чиновные, напредь сего служили мне и предкам моим, великим государям, императорам Всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Федоровичу до последней капли крови. И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милостимой, придите ко мне с послушанием и, положя оружие свое пред знаменами моими, явите свою верно подданническую мне, великому государю, верность...» [238].

Некоторые историки считают, что Пугачев объявил себя императором Петром Федоровичем под влиянием раскольников. На первых допросах он показал, что мысль выдать себя за Петра III внушили ему раскольники Иосиф Коровка, добрянский купец Кожевников и «иргизский старец» Филарет. При встрече с последним обсуждались два варианта измены престолу. По первому Пугачев должен был стать таманом яицких казаков и увести их вместе с семьями к турецкому султану, по второму – объявить себя чудесно спасшимся от смерти императором Петром Федоровичем, отцом законного наследника Павла, и поднять казацкий мятеж целью свержения императрицы Екатерины III. После очной ставки с Кожевниковым и Коровкой Пугачев заявил, что оклеветали их. Версия о «подсказке» раскольников подтверждает тем, что именно они устроили Пугачеву побег из казанской тюрьмы в зиме 1773 г. Объяснима и кандидатура Петра III – ведь это именно он прекратил преследования раскольников за веру и весьма почитался ими. Местности, по которым проходили рейды Пугачева, были в те времена оплотом старобрядчества. Таким образом, внутренней движущей силой восстания являлась религиозная оппозиция.

Общая численность пугачевских отрядов – свыше 50 000 человек, имевших на вооружении более 100

орудий. Угроза трону государству была серьезной. Французский посланник Д. де Дистрофф писал в Париж, что внутренние неурядицы волнуют Екатерину II больше, чем война с турками. Эти волнения имели под собой серьезные основания. В самом начале пугачевского бунта генерал А. И. Бибииков [239] получил агентурную информацию о возможном бунте направленного в Поволжье Владимирского гренадерского полка. Бибииков «писал секретно <...> к губернаторам Новгородскому, Тверскому, Московскому, Владимирскому и Нижегородскому, чтобы они, во время прохождения полков в Казань мимо их губерний, а особенно гренадерского Владимирского, по дорожным кабакам приставили надежных людей, которые бы подслушивали, что служивые между собою говорят во время их похода. Сие распоряжение имело свой успех, ибо по приезде в Казань получил он донесение от Нижегородского губернатора Ступишина, что действительно между рядовыми солдатами существует разговор положить во время сражения пред бунтовщиками муржу, из которых главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны» [240].

Подавить сопротивление восставшим удалось только после заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. с Турцией, направив против Пугачева свыше 20 полков под руководством боевых генералов (в их числе был А. В. Суворов). В наказание за поддержку мятежников Яицкое войско переименовали в Уральское, а р. Яик – в Урал. У войска отобрали артиллерию, оставшихся живых участников восстания направили воевать на Кавказ.

После подавления пугачевского бунта в губерниях были созданы нижние земские суды, выполнявшие функции сельской полиции, до этого не существовавшей вовсе. Деятельность сельской полиции регламентировалась «Учреждением для управления губерний» (1775 г.). Земский исправник (капитан-исправник) и члены суда (4–5 человек) выбирались на уездном дворянском собрании и утверждались губернатором. Нижним судам подчинялись избираемые из крестьян сотские и десятские. Суды следили за порядком, исполняли решения вышестоящих властей и проводили предварительное следствие по уголовным делам.

Великая смута, охватившая большую часть империи и выявившая запоздалое реагирование на назревающие волнения и недовольства, послужила толчком для совершенствования полиции. Городская полиция существовала в столицах губернских и крупных уездных городах. В столицах губернских городов ее возглавляли обер-полицмейстеры, в уездных – городничие (впоследствии полицмейстеры), подчинявшиеся местным властям. В 1782 г. был издан «Устав благочиния», по которому в городах создавались специализированные административно-полицейские органы – управы благочиния. Согласно «Табели о рангах», для служащих городской полиции вводились специальные звания, определялись условия их продвижения по службе.

Еще одно следствие пугачевского бунта – решение Екатерины II ликвидировать независимую Запорожскую Сечь. Большинство запорожских казаков ушли в Турцию, используя в качестве предлога для бегства рыбную ловлю в Черном море. Остальные в последней четверти XVIII в. переселили на Буг, а впоследствии на Кубань. По ходатайству А. Потемкина во время 3-й русско-турецкой войны 1787–1791 гг. вновь приняты в российское подданство запорожцы составили Черноморское войско. Специфика ведения боевых действий против горцев Кавказа (разведка, засады, налеты) в условиях сильно пересеченной местности привела к появлению особых пеших команд, которые впоследствии стали именовать пластунскими. Характер выполняемых ими задач, способы ведения боевых действий, сочетание агентурной и силовой разведки, а также методы подготовки во многом были схожи со службой и назначением современного армейского спецназа.

Историк кубанского казачества А. И. Серба так описывает систему подготовки пластунов: «Будущие разведчики обучались побеждать голыми руками вооруженного противника, в одиночестве противостоять нескольким врагам, совершать длительные пешие переходы, быстро бегать, плавать, уметь действовать

в экстремальной ситуации все резервы тела, в нужный момент придавать конечностям и суставам неестественное положение. Заодно закалялась и воля будущих лазутчиков: их учили держать удар, быть невосприимчивым к физической боли, не теряться в любой ситуации: например, внезапно провалившись при беге в ночном лесу в яму-ловушку, обучаемый во время падения должен был поразить цель из пистолета или нанести по сторонам несколько ударов кинжалом. Лучшим из выпускников доверялись тайные миссии, остальные усиливали различные спецотряды [241]. Девиз пластунов («Лисий хвост, волчья пасть») наилучшим образом характеризует особенности их тактики.

В 1773 г. в Италии появилась особа, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы и А. Г. Разумовского, более известная читателям под именем княжны Таракановой, хотя сама она этим именем никогда не пользовалась. До того как стать Елизаветой II, новая явленная «великая княжна» поменяла около десяти имен и фамилий. Для нашей темы особый интерес представляет то, что талантливая авантюристка (или инструмент в руках какой-либо из спецслужб?) объявила себя наследницей российского престола именно в разгар пугачевского бунта. В августе 1774 г. командующий средиземноморской эскадрой А. Г. Орлов получил от «великой княжны» письмо с предложением вступить в ряды ее верно подданных. В нем «цесаревна» намекала на родственные связи с Пугачевым... называя последнего князем Разумовским. Самозванная княжна не знала и не могла знать, что Орлов был доверенным лицом Екатерины I. Доложив о полученном письме, «Алехан» немедленно получил приказ задержать самозванку с помощью любых (!) имевшихся в его распоряжении средств.

В письме к Орлову императрица демонстрирует хорошую осведомленность о действиях и перемещениях «цесаревны» и приказывает: «Я вас уполномочиваю чрез сие послать туда (в Рагузу. – Примеч. авт.) корабль или несколько, с требованием выдать сей твари<...> и в случае непослушания дозволяю вам употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько в город метать можно; а буде без шума достать пособ есть, тоя и на сие соглашусь» [242]. Отметим, что Екатерина II, приказывая применить силу на чужой территории, делает это в письменном виде и не боится брать на себя ответственность за возможные международные осложнения. Поэтому естественно, что все ее указания исполнялись, невзирая ни на какие препятствия [243]. С помощью тщательной разработанной и грамотно исполненной оперативной комбинации самозванка была задержана и доставлена в Петербург.

Во время пугачевского бунта крайне обострились отношения императрицы с наследником престола великим князем Павлом Петровичем. Один из организаторов заговора против Павла I в 1801 г. генерал Л. Л. Беннигсен писал: «Павел подозревал даже Екатерину II в злом умысле на свою особу. Он платил шпионам с целью знать, что говорили и думали о нем, и чтобы проникнуть в намерения своей матери относительно себя. Трудно поверить следующему факту, который, однако, действительно имел место. Однажды он пожаловался на боль в горле. Екатерина II сказала ему на это: „Я пришлю вам своего медика, который хорошо меня лечил“. Павел, боявшийся отравы, не мог скрыть своего смущения, услышав имя медика своей матери. Императрица, заметив это, успокоила сына, заверив его, что лекарство самое безвредное и что он сам решит принимать его или нет.

Когда императрица проживала в Царском Селе в течение летнего сезона, Павел обыкновенно жил в Гатчине, где у него находился большой отряд войска. Он окружил себя стражей и пикетами, патрули постоянно охраняли дорогу в Царское Село, особенно ночью, чтобы воспрепятствовать какому-либо неожиданному предприятию. Он даже заранее определял маршрут, по которому он удалится бы с войсками своими в случае необходимости: дороги по этому маршруту по его приказанию, заранее были изучены доверенными офицерами. Маршрут этот вел в землю уральских казаков, откуда появился известный бунтовщик Пугачев» [244].

Если сказанное Беннигсеном – правда, то Екатерина имела основания относиться к сыну с

подозрением. Тем более что Пугачев не раз упоминал в своих речах наследника престола («Сам я царствовать же не желаю, а восстанавливаю царствие государя цесаревича» [245]). Кстати составившие приносили присягу не только «Петру III», но и Павлу Петровичу его супруге Наталье Алексеевне. А. С. Пушкин со слов потомков А. И. Бибикова записал: «Вот один из тысячи примеров: великой князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросил, во сколько времени полк его в случае тревоги может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено и что у брата его отымают толк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице и объяснил ей, что слова великого князя были не что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: „Скажи своему брату, что в случае тревоги полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчину“» [246]. Из этого примера видно, с какой тщательностью государыня контролировала контакты сына с военными. В конце жизни Екатерина II намеревалась передать престол внуку Александру Павловичу, минуя наследника престола. Нашлись очевидцы, что предсмертный манифест императрицы о назначении наследником Александра, равно как и указ о лишении Павла прав на престол, были переданы последнему его сторонниками и незамедлительно уничтожены.

6 ноября 1796 г. Павел I стал российским императором. Первым делом он приказал своей гвардии прибыть в Петербург. В составе гатчинской гвардии состояло 6 номерных пехотных батальонов, 1 артиллерийский батальон и 3 кавалерийских полка (жандармский, драгунский и гусарский) общей численностью около 2000 человек. Личный состав подразделений был распределен по полкам лейб-гвардии с сохранением чинов. Срок службы для рядовых гатчинских гвардейцев сокращался до пятнадцати лет.

«Маленькое „гатчинское войско“, своего рода потешное, было протестом против екатерининской гвардии и ее порядков. Суровые и „отчетливые“ гатчинские службисты, „фрунтовики“, составляли решительный контраст изнеженным сибаритами, щеголями и мотами „зубовских“ времен, лишь для проформы числившихся в полках и проводивших время в кутежах повесничестве» [247]. Для гвардейских господ офицеров реформы Павла оказались болезненными еще и потому, что нижние чины из дворян, числившиеся при полках, но находившиеся в длительных отпусках, были уволены. Запись дворянских недорослей в гвардию «с пеленок» отменили: начинать служить в войсках дети дворян могли не ранее шестнадцати лет званию юнкера.

Численность гвардии при Павле I значительно возросла. В 1796 г. были сформированы два отдельных батальона лейб-гвардии – Егерский и Артиллерийский (на базе бомбардирской роты Преображенского полка), а в 1798 г. – два новых кавалерийских полка. На основе Донской и Чугуевской команд создан лейб-гвардии Казачий, а на основе лейб-гусарского эскадрона – лейб-гвардии Гусарский полки. Эти части же не составляли Собственный Его Величества конвой и несли службу по охране царя и членов его семьи наравне с полками «старой» гвардии. В 1799 г. к гвардии причислены Лейб-Уральская сотня Кавалергардский корпус. Последний имел статус гвардии великого магистра Ордена святого Ивана Иерусалимского (Мальтийского ордена). В нем полагалось иметь около 200 дворян из числа членов ордена. Кардинального качественного изменения облика гвардии не произошло. Историк К. Валишевский объясняет этот парадокс: «В данном случае результат же должен был оказаться удачным – даже в отношении личной безопасности реформатора Гатчинский элемент, вместо того чтобы держаться верх над непокорной частью, куда его ввели <...> наоборот, в ней совершенно растворился, усвоив себе привычки этой обособленной среды и послужив только пробуждению в ней, путем реакции, стремлений к порицанию правительства, дремавших до тех пор при спокойных условиях существования посвященного удовольствиям» [248].

Поскольку армия всегда является силовым инструментом внешней политики, попробуем рассмотреть военные преобразования Павла I, до последнего времени оценивавшиеся большинством историков только

как негативные. Военный историк Ю. Веремеев проанализировал некоторые позитивные начинания императоров военной области. В первую очередь они касались нижних чинов (рядовых). Была введена дисциплинарная и уголовная ответственность офицеров за сохранение жизни и здоровья солдат. Телесные наказания приказано допускать в крайних случаях и только для исправления нерадивых солдат, а не для их «калечения». За беспорочную выслугу в 20 лет нижние чины навсегда освобождались от телесных наказаний. Для солдат установили отпуски продолжительностью 28 дней в год, их стали награждать знаками отличия орденом Святой Анны и «донатом» ордена Святого Ивана Иерусалимского. Удержания из солдатского жалования, а также его невыплата стали наказываться даже смертной казнью.

В области обмундирования произошли два серьезных изменения. Во-первых, солдаты получили суконную шинель для зимнего и холодного времени (до Павла они имели на все сезоны только мундир). Во-вторых, для часовых в зимнее время введены овчинные тулупы валенки; значение этой одежды для армии в российских климатических условиях трудно переоценить. При каждом полку учреждены лазареты, лекарями в них допускались только лица, сдавшие экзамен в Медицинской коллегии. Отставленным от службы из-за увечий или прослужившим более 25 лет солдатам назначались пенсии с содержанием в инвалидных ротах. Умерших и погибших солдат стали хоронить с воинскими почестями, а могилы передавать под присмотр инвалидным гарнизонным ротам. Использование нижних чинов в качестве рабочей силы в офицерских или генеральских имениях запрещалось.

Со службы уволили свыше 300 генералов и 2000 офицеров, не сумевших ответить на простые вопросы по военному делу. Отпуски офицеров и генералов устанавливались в размере одного месяца в году. Производство в унтер-офицерские чины неграмотных было запрещено. Все вновь открывающиеся офицерские вакансии следовало заполнять только выпускниками военно-учебных заведений или опытными унтер-офицерами из дворян, сдавших экзамены на грамотность знание устава. Назначенный генерал-инспектором артиллерии, А. А. Аракчеев [249] придал артиллерийскому делу новый импульс. Управление соответствующими подразделениями было централизовано, русская армия получила новые образцы орудий, превосходившие иностранные по боевым характеристикам при меньшем в полтора раза весе. Император намеревался распространить некоторые передовые разработки егерской тактики на линейные подразделения.

В декабре 1796 г. в России была создана служба специальной фельдъегерской связи. Первоначальный контингент фельдъегерского корпуса почти весь состоял из гвардейских унтер-офицеров, в 1799 г. в списке корпуса числилось 5 офицеров и 80 фельдъегерей. Первым командиром корпуса стал подполковник Н. Е. Касторский. Фельдъегеря неотлучно стояли при государе, в том числе во время перемещений по стране, и были готовы отправиться в любую точку бескрайней Российской империи с высочайшим поручением.

Получила развитие топографическая служба, чьей задачей стало картографирование районов расположения войск и маршрутов их возможного передвижения. Особое внимание уделялось дорогам, связывавшим штабы дивизий и подчиненных им частей. Для обобщения поступавших съемочных материалов, а также подготовки к изданию топографических карт и планов император учредил в 1796 г. чертежную мастерскую, в 1797 г. преобразованную в Депо карт. Известно, что точные карты и надежная связь во многом являются залогом успеха при ведении военных действий или специальных операций.

«Павловская муштра имела до некоторой степени положительное воспитательное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распущенную армию, особенно же гвардию конца царствования Екатерины. Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшим на службу как на приятную синекуру <...> было дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего служба. <...> Порядок и „единообразие“ всюду были наведены образцовые. Ослабевшая струна была подтянута... и перетянута...» Петровский дуб был срублен. Вместо него на русскую почву пересажена потсдамская

осина, и эту осину велено считать лучше дуба. <...> Русская военная доктрина – цельная и гениальная в своей простоте – была оставлена. <...> С павловских вахт парадов русская армия пошла тернистым путем через вейротеровскую диспозицию, пфулевскую стратегию реадовскую неразбериху – к севастопольской Голгофе» [250].

Наиболее серьезным ударом по передовым методам русской тактической стрелковой подготовки во времена Павла I следует считать введение в 1797 г. нового Устава, разработанного по прусскому образцу. Это было вызвано преклонением императора перед Фридрихом II, хотя прусский Устав к тому времени устарел на 50 лет. Отсутствие системного военного образования и особенно боевой практики привели государя к недооценке передовых военных идей русских полководцев. В числе причин могла быть и сознательная дезинформация со стороны противников России, направленная на подрыв мощи ее армии. Кроме того, Павел стремился к искоренению порядков ненавистного ему предыдущего царствования, что подогревалось интригами придворных. «Из трех назначений петровской гвардии – политического, воспитательного строевого – оставлено только строевое» [251]. Даже «разбавленная» гатчинцами лейб-гвардия не стала как это было при Петре I, опорой трона и коллективным помощником государя.

Соответствовавшая империуму удобная для боя военная форма, введенная Г. А. Потемкиным, была упразднена, вместо нее войска одели в тесные мундиры и обувь прусского образца 50-летней давности. Ненавидя Потемкина, говорившего, что завиваться, пудриться и заплетаться – не дело солдат, Павел I восстановил эти абсурдные для армии элементы. Официально телесные наказания были сокращены, но на практике они применялись в отношении не только солдат, но и офицеров, император лично наказывал провинившихся. Реформы Павла I – проводимые слишком радикально и деспотично, не всегда адекватные требованиям времени, – породили крайнее недовольство в среде российской элиты. Серьезное недопонимание государем роли личной службы безопасности (вероятно, в силу завышенного самомнения) позволило заговорщикам в марте 1801 г. успешно осуществить дворцовый переворот.

В 1797 г. были ликвидированы управы благочиния. Это затрудняло розыск лиц, подозреваемых в преступлениях, или беглых преступников, ограничивалось участие общей полиции в мероприятиях по обеспечению государственной безопасности. Тайная экспедиция, которую в 1794 г. возглавил А. С. Макаров [252], своей функции по охране царствующей особы не выполнила. А ведь первый «звонок» для Павла Петровича прозвучал еще в августе 1797 г., когда части гвардии окружили Павловск и были готовы взбунтоваться. Тогда переворот не произошел только по причине отсутствия гвардейцев лидера, способного немедленно взойти на престол. Павел, несомненно, понимал, что его жизнь находится под угрозой, и решил обезопасить себя, выстроив новую резиденцию – Михайловский замок. В инженерном отношении замок – совершенный специальный объект: он мог выдержать длительную осаду и противостоять артиллерийскому обстрелу. В девять часов вечера на всех больших улицах Петербурга устанавливались заставы, не пропускавшие никого (кроме врачей). Однако опоры в людях, без которых самые прочные укрепления ничего не стоят, император не нашел! Даже генерал-губернатор Петербурга П. А. Пален [253], которому подчинялась столичная полиция и который ежедневно докладывал государю полицейские сводки, принадлежал к заговорщикам.

Кроме него в заговоре состояли генерал-адъютант императора П. В. Аргамаков, а также несколько генералов, в том числе командиры гвардейских полков: Преображенского – П. А. Талызин, Семеновского – Л. И. Дегерядович, Кавалергардского – Ф. П. Уваров. В группу заговорщиков входило свыше 50 офицеров гвардии. Заговор был организован в интересах с согласия наследника престола Александра Павловича. Несмотря на то что противники Павла I не проводили агитации среди нижних чинов гвардии и ограничили участие в заговоре гражданских лиц, об их нелегальной деятельности в столице стало известно. За две недели до переворота о нем говорили даже на улицах. Как писал Я. И. де Санглен [254], вечером 11 марта в скором убийстве царя ему сообщил извозчик, т. е. заговор был секретом Полишинеля. По воспоминаниям

современников, командир лейб-гвардии Гусарского полка А. С. Кологривов, комендант Михайловского замка генерал-адъютант Н. О. Котлубицкий и полковник Н. А. Саблуков, командир эскадрона конногвардейцев, несшего внутренний караул в замке, так же знали о заговоре, но не предприняли мер для его предотвращения. Можно сказать, что в Петербурге имели место два заговора: один (с целью устранения императора) составили конкретные лица, а во втором (заговоре молчания) – состояли все недовольные государем жители столицы.

Единственным, кто предупредил Павла о перевороте, был генерал-прокурор П. Х. Оболянинов [255]. В начале марта 1801 г. император предпринял попытку возвратиться с ссылки преданных ему А. А. Аракчеева и Ф. И. Линденера, но эту попытку блокировал Пален: письма Павла, отправленные втайне от последнего, были им перехвачены и предъявлены императору уже как фальшивка. После направления вторичных депеш Пален (также секретно) отдал приказ задержать прибывших у городских застав. Усиливавшиеся подозрения государя и возможность репрессий вынудили заговорщиков перенести дату выступления с 15 (день смерти Юлия Цезаря) на 11 марта. В этот день для несения главного караула в Михайловском замке был назначен 3-й батальон Семеновского полка, шефом которого состоял цесаревич Александр.

Перед тем как перейти к действиям заговорщиков, рассмотрим схему охраны царской резиденции. Ее составляли четыре караула. Главный караул – рота Семеновского полка под командованием капитана Пайкера – располагался в кордегардии у парадной лестницы. Вспомогательный караул из 30 солдат Преображенского полка под начальством поручика С. Н. Марина находился во внутренних помещениях первого этажа. Перед кабинетом императора несли службу 30 конногвардейцев под командованием полковника Н. А. Саблукова. Охрану помещений императрицы Марии Федоровны осуществлял караул из 30 семеновцев под командованием поручика А. Волкова. Проникнуть в замок, окруженный рвом с водой, можно было только по подъемным мостам. В ночное время доступ в него имело строго ограниченное число лиц. Однако заговорщикам, принадлежавшим к руководству гвардии и полиции, эти меры безопасности были хорошо известны. Они действовали так.

После состоявшегося 11 марта военного парада Пален (как военный губернатор) приказал всем гвардейским офицерам собраться у него и после часового ожидания передал им слова, якобы сказанные Павлом I: «Государь поручил мне вам передать, что он в высшей степени недоволен вашей службой. Каждый день, при всевозможных обстоятельствах замечает с вашей стороны небрежность, леность, нерадение к его приказам и общее отсутствие жердя, которых он не может терпеть далее. И вот мне приказано вам объявить, что если вы совершенно не измените своего поведения, он вас направит в такое место, где и костей ваших не сыщут. Идите по домам и старайтесь в будущем служить лучше» [256]. По нашему мнению, эти слова – элемент психологической обработки гвардейцев. Под их влиянием участвовавшие в заговоре офицеры еще более укрепились в намерении свергнуть императора, а неосведомленные задумались о своей дальнейшей судьбе. Наши предположения основаны на том, что во время парада Павел I не высказал никакого недовольства по его поводу, а ведь он не упускал случая устроить разнос подчиненным.

По распоряжению Константина Павловича, шефа Конной гвардии, полковник Саблуков, не участвовавший в заговоре, был назначен в этот день дежурным по полку и, следовательно, не мог исполнять обязанностей начальника внутреннего караула, на который заступил его эскадрон. Когда Саблуков явился с докладом в Михайловский дворец, Павел повелел ему снять караул с поста и вестив казармы, заявив, что он недоволен полком и намерен отправить его в провинцию, а эскадрон Саблукова – в Царское Село. Нести охрану у дверей кабинета государь поручил двум своим невооруженным лакеям. Собственноручное устранение караула во главе с офицером, по мнению современников, готовым исполнить свой долг, имеет два объяснения: 1) интриги заговорщиков, внушивших Павлу мысль о

«ненадежности» полка, 2) фатализм императора.

Из трех оставшихся караулов «путчисты» же имели опоры только в карауле императрицы, но по повелению Павла дверь, ведущая из его спальни в покои супруги, была забаррикадирована. В этом историки также усматривают происки заговорщиков. Начальник главного караула капитан Пайкер, переведенный в Семеновцы из гатчинцев, был Павлу верен, но двое поручиков его роты состояли в заговоре. Командир преображенцев поручик Марин также состоял в заговоре и включил в состав своего караула екатерининских гренадеров. Пароль для входа в Михайловский замок мятежникам был известен, а генерал-адъютант П. В. Аргамаков имел право на доклад императору в любое время. Доступ в замок осуществлялся через малые ворота, для чего у них опускали подъемный мост. Командир лейб-гвардии Измайловского полка генерал П. Ф. Малютин в заговоре не участвовал и в ночь переворота был нейтрализован самым простым способом. В компании нескольких мятежников он усиленно боролся с «Ивашкой Хмельницким». Сторонник Павла I командир лейб-гвардии Гусарского полка генерал А. С. Кологривов был посажен Паленом под арест. В ночь с 10 на 11 марта 1801 г. Михайловский замок окружил батальон Преображенского полка во главе с генералом П. А. Талызиным. Солдаты объявили, что они прибыли на защиту императора. Несколько позже подошел батальон Семеновского полка под командованием генерала Л. И. Дегерядова. Однако эти подразделения не понадобились. Высокопоставленные заговорщики без шума проникли во дворец через малые ворота, поднявшись по черной лестнице, оказались в покоях императора. Взломав двери в спальню, они убили Павла. Другие мятежники нейтрализовали внутреннюю охрану. По свидетельству проживавших в Михайловском дворце фрейлин, двери их комнат в ночь переворота были заперты снаружи. Александр Павлович, выйдя к окружавшим дворец войскам, объявил, что Павел скончался от «апоплексического удара», что сам он пойдет «по стопам Екатерины» и срочно отбыл в Зимний дворец.

Привести войска к присяге новому императору оказалось непросто: многие солдаты и офицеры гвардейских полков отказывались повиноваться Александру, не веря в смерть Павла. Верных присяге гвардейцев смогли убедить, только продемонстрировав им покойного государя. «Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11 марта 1801 г. являются одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии» [257]. Обращаясь к полковнику Саблукову, великий князь Константин сказал: «Мой друг... после всего, что произошло, мой брат может царствовать, если ему угодно, но, если когда-нибудь престол должен будет перейти ко мне, я, конечно, от него откажусь» [258]. Через 24 года это стало причиной очередного политического кризиса с участием гвардии.

Глава 6

Двойственность Александра Благословенного

Александр часто был не в силах решить в самом себе борьбу враждебных принципов и впадал в ошибки, которые потом мучительно его преследовали...

А. Н. Пыпин

При вступлении на престол Александр I декларировал свое желание пойти по стопам венецанской бабушки, следствием чего стала некоторая либерализация внутренней политики. 2 апреля 1801 г. император прибыл в Сенат, где повелел огласить манифест об упразднении Тайной экспедиции. Резолютивная часть манифеста гласила: «...рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объектами, судимы и наказуемы общею силою закона, Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела, в оной бывшие, отдать Государственный архив к вечному забвению; на будущее же время вводить их в 1 и 3 департамента Сената и во всех тех присутственных местах, где ведаются дела уголовные» [259]. Надо отметить, что ликвидация Тайной экспедиции была встречена российским обществом, в особенности его высшими слоями, с энтузиазмом, так как это соответствовало представлениям о более справедливом порядке правления. По сути, произошло то, что в конце XX в. в Российской Федерации называют модным словом «реформирование».

Одной из причин ликвидации легальной государственной структуры политической полиции, несомненно, явилось желание Александра Павловича завоевать симпатии в обществе. Другой (не менее важной) причиной вполне могла быть неудовлетворительная работа экспедиции, поскольку главную задачу – обеспечение безопасности государя (Павла I) – она не выполнила. При этом следует иметь в виду, что ликвидация формализованной структуры тайной полиции вовсе не означала ликвидацию политического сыска, структуры военной разведки и контрразведки, структуры политической разведки «при иных дворах», входящих в общую систему государственной безопасности.

По нашему мнению, в начальный период царствования Александра I произошло следующее. Отдельные звенья политической полиции и контрразведки, утратившие доверие государя и, возможно, представлявшие для него опасность, были ликвидированы. Часть функций Тайной экспедиции и часть ее кадров были переданы в ведение обозначенных в манифесте департаментов Сената. Отдельные доверенные лица императора продолжили (или начали) свою работу вне рамок официально существовавших учреждений или используя последние в качестве прикрытия. Ситуация, когда сотрудники специальных служб работают собственной страной нелегально, в истории большинства стран мира отнюдь не редкость.

В случае с Александром I это было именно так. Его отец за четыре месяца до покушения, 6 декабря 1800 г., учредил Тайную полицейскую экспедицию при петербургском военном губернаторе, которым тогда был П. А. фон Пален. Во главе экспедиции находился надворный советник И. Гагельстром. Мы считаем, что Пален, который был одним из руководителей заговорщиков, использовал эту структуру по своему усмотрению. Однако новый император отнюдь не стремился уничтожить ненавистное наследство отца. Более того, очень быстро главные заговорщики были удалены от трона. Так, в апреле 1801 г. Пален был назначен (даже с повышением!) управляющим Коллегии иностранных дел. А на его

место пришел не участвовавший в интригах двора боевой генерал и опытный разведчик князь М. И. Голенищев-Кутузов. Тайная полицейская экспедиция перешла в ведение нового военного губернатора, который в июне 1801 г. обеспечил тихую отставку Малена с последующей ссылкой в курляндское имение. Иностранная сделка на четыре месяца была поручена Н. П. Панину [260], который в начале октября сменил В. П. Кочубей [261].

Для реформирования государственного аппарата в июне 1801 г. государь составил Негласный комитет, в который входили его единомышленники: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев [262], П. А. Строганов [263], А. Е. Чарторыйский [264]. Комитет планировал провести кодификацию законодательства, подготовить типовые законопроекты и провести реформу государственного управления. 8 сентября 1802 г. был издан манифест «Об учреждении министерств».

Александр I. Портрет работы Дж. Доу

Первым председателем Комитета министров стал А. Р. Воронцов [265]. Министерства связанные с безопасностью государства возглавили: генерал от инфантерии С. К. Вязмитинов [266] (военно-сухопутные силы), адмирал Н. С. Мордвинов [267] (военно-морские силы), А. Б. Куракин [268] (иностранные дела). Министры имели право законодательной инициативы, представляли ежегодные доклады о деятельности министерств императору и Сенату, который мог отменять распоряжения министра. Руководителем Министерства внутренних дел стал В. П. Кочубей, его заместителем – П. А. Строганов, начальником канцелярии – М. М. Сперанский [269]. В составе Департамента внутренних дел МВД находилась Экспедиция спокойствия и благочиния, состоявшая из двух отделений, ведавших сельской и городской полицией.

15 сентября Кочубей направил секретное послание М. Ф. Каменскому (исполнявшему в августе-ноябре 1802 г. обязанности военного губернатора), в котором интересовался деятельностью Тайной полицейской экспедиции. Основными вопросами были следующие: за кем, в каких местах и каким образом ведется наблюдение; кто составляет штат экспедиции; есть ли у начальника инструкция; каковы результаты деятельности на какие средства экспедиция существует. Мы полагаем, что все эти вопросы свидетельствуют о том, что о существовании Тайной полицейской экспедиции Кочубей узнал, только от министра внутренних дел.

Каменский (случайный человек на должности военного губернатора) направил Кочубею инструкцию – «Учреждение Тайной полицейской экспедиции», утвержденную еще Павлом I. В инструкции, в частности, говорилось: «Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти и безопасности правления. Как то: словесные или письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища. <...> Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, относящиеся к здравью государя, его императорской фамилии, к безопасности его самодержавия и продовольствию дешевому жителей оного и к безопасности управления и управляемых» [270]. После Каменского военным губернатором [271] Петербурга становится Я. А. Толстой [272].

Интерес Кочубея был вызван тем, что руководство полицией обеих столиц возлагалось не на МВД, а на военных губернаторов, отвечавших за свои действия непосредственно перед царем. В их подчинении также находились Тайная полицейская экспедиция в Петербурге и в Москве – Особая секретная полиция. В обязанность этим службам вменялся надзор за настроениями в разных слоях общества и (отчасти) наблюдение за иностранцами. Им предписывалось узнавать распространявшиеся в народе слухи, «вольнодумности» и «ропот», в том числе путем проникновения в «секретные сходбища». Привлечение кадров на службу в тайную полицию осуществлялось на условиях строжайшей тайны, без сословных ограничений. Основным методом добывания информации являлись личные наблюдения сотрудников в общественных местах. Надзор за иностранцами в Петербурге осуществляла специальная агентурная сеть, состоящая из лиц, служивших иностранцам, называлась она Сообществом он-лакеев.

Все эти учреждения существовали независимо друг от друга. Этот факт особенно интересен: он лишь раз подчеркивает, что реформирование служб проходило по весьма прагматичным жестким правилам. Руководители каждой из структур лично и конфиденциально докладывали государю о достижениях, а заодно и о деятельности коллег-конкурентов или о допущенных ими (конкурентами) промахах. Учитывая ситуацию (вовлеченность в заговор против Павла I далеко не последних лиц империи), Александр создавал систему, позволяющую избежать нового заговора, теперь уже направленного против него самого. С этой целью он разделил полномочия надзирающих и контролирующих органов так, чтобы

иметь возможность сравнивать поступающую информацию и в случае необходимости дублировать мероприятия по одним и тем же объектам. Это лишний раз подчеркивает – принцип тотальности деятельности спецслужб был прекрасно известен государю и реализовывался им на практике.

Наряду с МВД и военными губернаторами руководство полицией осуществлялось и по линии Министерства военно-сухопутных сил (в городах, управляемых военными комендантами) и Министерства военно-морских сил (в портовых городах). Для реорганизации управления городской полицией был создан временный комитет из трех министров. Итогом работы комитета стал указ 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах», который определял устройство, функции и компетенцию городской полиции.

В 1804 г. в составе петербургской полиции была образована общегородская внешняя часть – предвестник современной патрульно-постовой службы МВД. Ее задачей являлось патрулирование по городу вне рамок какого-либо участка, а также оказание помощи приставам, надзирателям городским стражам в случае необходимости. Внутреннюю часть составляли управы благочиния, руководившие деятельностью частных приставов и квартальных надзирателей. Они обеспечивали исполнение распоряжений властей, вели предварительное следствие, следили за соблюдением паспортного режима и за торговлей в городе. Непосредственное руководство полицией Петербурга осуществлялось обер-полицмейстером Ф. Ф. Эртелем [273], полицией Москвы – А. Д. Балашовым [274], подчинявшимся военным губернаторам столиц.

Дальнейшее совершенствование органов безопасности происходило в условиях военного времени: зимой 1804 г. началась война с Персией, осенью 1805 г. – с Францией. Отбывая с русскими войсками за границу, Александр I назначил главнокомандующим в Петербурге С. К. Вязмитинова и дал поручение генерал-адъютанту Ф. Ф. Комаровскому [275] учредить Высшую полицию и образовать для составления правил о ней специальный комитет. Во исполнение воли императора в сентябре 1805 г. был создан временный межведомственный комитет Высшей полиции («Комитет 5 сентября»). Согласно записке государя, в его состав должны были войти министры военно-сухопутных сил, юстиции и внутренних дел. Комитет должен был «...получать немедленно и исправно сведения посредством обер-полицмейстера: 1-е. О проживающих в Столице подозрительных людях, о коих вовсе неизвестно, каким делом они занимаются. 2-е. О приезжающих в Столицу из-за границы или из внутри государства таких же подозрительных людях. 3-е. О различных в городе слухах и известиях, опасение и тревогу наводящих. 4-е. О источниках, откуда такие разглашения происходят. 5-е. О скопищах и собраниях подозрительных» [276].

В 1806 г. Кочубей и Сперанский провели реорганизацию Экспедиции спокойствия и благочиния в Экспедицию государственного благоустройства. Последняя по структуре состояла из двух отделений и пяти столов. Первый стол в первом отделении собирал сведения обо всех преступлениях и происшествиях, о прибывающих из-за границы и выезжающих из страны, осуществлял контроль над публичными зрелищами и собраниями; второй стол ведал организацией рекрутского набора в армию, доставкой осужденных к месту отбытия наказания, установлением штатов полицейских команд; третий стол ведал кадровой работой: назначением, награждением и увольнением полицейских чинов. Второе отделение занималось организацией охраны общественного порядка и рассматривало жалобы на полицию.

13 января 1807 г. по предложению Н. Н. Новосильцева Александр I учредил особый комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия («Комитет 13 января»). В первом пункте «Положения о комитете» указывалось: «Коварное правительство Франции, достигая всеми средствами пагубной цели своей – повсеместных разрушений и дезорганизации, между прочим, как известно, покровительствует рассеянному во всех землях остаткам тайных обществ под

названием иллюминатов, мартинистов (масонские течения. – Примеч. авт.) и других тому подобных и через посредство всех европейских государств исключая техловредных людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся, и таких еще тайных сообщников, которые, так сказать, побочным образом содействуют французскому правительству и посредством коих преуспевает оно в своих злонамерениях» [277].

Комитет являлся центральным координационным органом контрразведки и политической полиции одновременно. В «Положении» указывалось, что МВД будет сообщать в комитет информацию о подозрительной переписке, получаемой через губернаторов и дирекцию почт. Ввиду ухудшения внешнеполитической обстановки деятельность комитета была направлена и на полицейское умиротворение окраинных губерний. Возглавил его министр юстиции князь П. В. Лопухин, в состав вошли сенаторы Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров, по необходимости в работе комитета принимали участие В. П. Кочубей и С. К. Вязмитинов. При смене должностей люди менялись. При комитете создавалась Особенная канцелярия [278] из 23 сотрудников. Исполнительными органами комитета становились секретные полицейские органы Петербурга, Москвы и службы полицмейстеров губернских, уездных и портовых городов. Комитет просуществовал до начала 1829 г., наиболее интенсивно (состоялось 170 заседаний) он работал 1807 по 1810 г. Большинство дел было связано с наблюдением за лицами, распространявшими слухи, состоящими в масонских ложах и заподозренными в работе на Францию.

В 1809 г. военным губернатором Петербурга назначается генерал-адъютант А. Д. Балашов. Для более действенного надзора за соблюдением паспортного режима в столицах в структурах полиции Москвы и Петербурга в 1809 г. создаются конторы адресов для регистрации всех прибывавших как на постоянное жительство, так и для работы по найму. За исполнением регистрации следили частные приставы и квартальные надзиратели. В Петербургской конторе адресов имелось отделение для регистрации иностранцев, связанное как с МИД, так впоследствии и Особенной канцелярией при министре полиции, контролирующей выдачу иностранцам паспортов.

Деятельность полиции строго регламентировалась. Инструкции того времени настолько четко и конкретно написаны, что вызывают искреннее восхищение логикой и профессионализмом лиц, составлявших подобные документы. Возьмем для примера «Правила полицейским градским стражам», объявленные по высочайшему повелению в 1809 г. Первое, на что мы обращаем внимание, – это статус градского стража полицейские нижние чины – как солдаты, полицейский часовой имеет те же права, что и часовой на военном посту. Те, кто служил в армии, прекрасно поймут, о чем идет речь: по военным уставам часовой есть лицо неприкосновенное, подчиняющееся строго ограниченному кругу лиц и имеющее бесспорное право применения оружия на поражение. Таким образом, полицейский на посту был изначально максимально защищен законом Российской империи. Государь, перед тем как спросить за несение службы, обеспечивал личную безопасность своего слуги: пока часовой у будки держал в руке алебарду, его никто из посторонних людей не имел права тронуть. Но и ответственность полицейского была высокой – наравне с солдатами.

Изучение обязанностей градских стражей показывает, что они выполняли функции, соотносимые с функциями современных участковых, сотрудников муниципальной полиции, наружного наблюдения и службы охраны должностных лиц, а также часть функций полиции безопасности и контрразведки. Это требовало достаточной высокой подготовки широкого спектра навыков.

Участие полицейских в охране императора и высших должностных лиц империи заключалось в том, чтобы доносить надзирателю о проезде членов императорской фамилии, военного губернатора, обер-полицмейстера и полицмейстеров. Для грамотного исполнения охранной службы градские стражи должны были знать в лицо и уметь распознать «в любом платье» военного губернатора, обер-полицмейстера и

полицмейстеров, частных следственных приставов, а также надзирателей, квартальных поручиков и городских унтер-офицеров своих частей. Проходящий мимо будки дозор надлежало окликнуть («Кто идет?») и отрапортовать обо всем, что было замечено.

Чтобы эффективно работать как в области охраны должностных лиц, так и в обеспечении общественного порядка, полицейским полагалось соблюдать дисциплину. Один из наряда назначался частным приставом за старшего, двое других обязаны были его слушаться. Отлучаться поста не разрешалось. Каждый градский страж должен был знать наизусть, сколько на его территории находится домов, фабрик, заводов, питейных и других заведений и кому они принадлежат. Не меньшее значение придавалось моральному облику полицейских: они должны были быть всегда трезвыми, опрятными, «вестить себя честно», помогать тем, кто по требованию помощи.

Наружное наблюдение за подозрительными людьми также было расписано. Стражам полагалось замечать, не несет ли кто-нибудь «сумнительное в краже», не сходен ли по приметам находящимся в розыске; следить «неприметным образом», куда пойдет подозрительный человек, дать знать о нем по необходимости сторожам другой будки; выяснить, в какой дом направляется подозрительный человек, и известить своего надзирателя или поручика об этом. В случае явного подозрения предписывалось спросить, откуда и куда идет этот человек и что несет; если «видимо он похож на вора», то отвести его в съезжий двор к дежурному. Наружное наблюдение за лицами, вызывавшими подозрение у полицейских, способствовало предотвращению или раскрытию множества уголовных преступлений, выявлению неблагонадежных (с точки зрения государственной безопасности) российских подданных или иностранцев.

В ходе реформы государственного управления, проводимой использовавшим французский опыт Сперанским, 25 июня 1811 г. было учреждено Министерство полиции. Его руководителем стал военный губернатор Петербурга А. Д. Балашов. Министр полиции получал звание генерал-полицмейстера и наделялся чрезвычайными полномочиями. Он имел право требовать свое распоряжение войска без санкции военного министра и отдавать непосредственные распоряжения командирам полков, мог требовать любые сведения от местных органов власти и управления без согласования с другими министерствами и освобождался от ответственности за превышение власти, если действовал «в видах общей безопасности».

В Министерстве полиции входили три департамента: Общая и Особенная канцелярии. Департамент исполнительной полиции состоял из трех отделений. Первое отделение заведовало кадровой работой полиции и сбором сведений о преступлениях и происшествиях; второе надзидало за проведением следствия по уголовным делам и контролировало исполнение приговоров; третье действовало в Сенате при проведении ревизий в губерниях, отвечало за рекрутский набор и земское ополчение. Департамент хозяйственной полиции контролировал продовольственное снабжение городов, в том числе следил за пресечением спекуляции. Медицинский департамент надзирал за санитарным состоянием в губерниях, организовывал снабжение лекарствами. Общая канцелярия занималась общим делом производством.

Особенная канцелярия, возглавляемая Я. И. де Сангленом, находилась в личном подчинении министра. Она осуществляла надзор за иностранцами, выдавала заграничные паспорта, занималась цензурой, выполняла личные поручения министра и вела секретное дело производства. Постепенно канцелярия стала одним из органов политической полиции и контрразведки, а ее начальник обладал правом личного доклада императору без согласования с министром; он также получал указания государя по надзору за высокопоставленными чиновниками империи. Например, в августе 1811 г. Александр I дал А. Д. Балашову и Г. М. Армфельту [\[279\]](#) тайное приказание «примечать» за поступками М. М. Сперанского, а де Санглену поручил контролировать деятельность Балашова. Позже Санглен писал, что все они действовали как телеграфы, нити которых были в руках государя. Сообщество лон-лакеев в 1811 г. было

официально «расформировано», чтобы на практике заменить гласный надзор за иностранцами на негласный. Агентурная сеть перешла в подчинение Особенной канцелярии Министерства полиции. Через Дирекцию почт МВД в Министерство полиции и одновременно в «Комитет 13 января» поступали полученные с помощью перлюстрации «немедленные и верные сведения о подозрительных переписках».

В апреле 1812 г. А. Д. Балашов был направлен в действующую армию для выполнения особо важных поручений государя. Исполняющим обязанности министра полиции стал С. К. Вязмитинов, а управляющим Особенной канцелярией Министерства полиции – М. Я. фон Фок [\[280\]](#), сменивший на этом посту де Санглена.

Еще одним органом государственной безопасности в Российской империи была Собственная Его Императорского Величества канцелярия, с 1812 г. выполнявшая общегосударственные контрольные функции. Управлял канцелярией В. Р. Марченко [\[281\]](#).

В системе Военного министерства действующей армии так же были созданы специальные службы и подразделения, обеспечивавшие безопасность государства императора. Один из значимых шагов в этой области – создание в первой половине 1811 г. Внутренней стражи. Ее особые военно-полицейские функции перечислены в положении о ней: охрана и восстановление внутреннего порядка; борьба с разбойниками; «рассеяние» запрещенных законом «скопищ»; поддержание порядка при исполнении церковных обрядов «всех исповеданий» (т. е. задачи, во многом аналогичные задачам современных Внутренних войск). Формированием, вооружением, материально-техническим обеспечением подразделений внутренней стражи ведало военное министерство служебной деятельностью Министерства полиции. Инспектором Внутренней стражи, в ранге помощника военного министра, стал генерал-адъютант императора Е. Ф. Комаровский, который позднее писал в мемуарах, что по желанию государя он должен был «быть между ним и Барклаем-де-Толли [\[282\]](#)», который с января 1810 г. по сентябрь 1812 г. являлся военным министром. Из этого следовало: инспектор Внутренней стражи имел двойную подчиненность и право личного доклада государю, что, несомненно, повышало его статус и позволяло лично доносить информацию во всей полноте, минуя дополнительные инстанции.

В царствование Александра I Россия вела пять войн на суше и на море: с Персией (1804–1813 гг.), Турцией (1806–1812 гг.), Францией (1805–1807 и 1812–1813 гг.), Швецией (1808–1809 гг.). Как известно, вооруженные силы любого государства – силовой инструмент при осуществлении не только внешней, но и внутренней политики. При подавлении крупномасштабных антигосударственных выступлений внутри страны армия часто играет роль «последнего довода королей». Но армия не может действовать вслепую. Поэтому одной из забот императора стала получение достоверной информации о политических и военных намерениях противников и союзников России. Основным органом, занимавшимся получением разведывательной информации, с 1802 г. стало Министерство иностранных дел. После А. Б. Куракина, который был министром пару месяцев, на этом посту сменилось несколько человек: А. Р. Воронцов (1802–1804 гг.), А. Е. Чарторыйский (1804–1806 гг.), А. Я. Будберг (1806–1807 гг.). Несколько дольше продержался назначенный после заключения Тильзитского мира Н. П. Румянцев [\[283\]](#) (1807–1814 гг.).

Помимо МИДа военную и политическую разведку вели еще несколько специальных служб, а также лица, уполномоченные императором. В 1808 г. личным осведомителем государя и одним из его тайных агентов становится министр иностранных дел Франции Ш. М. Талейран. Вероятно, найдется немного самодержцев, сумевших лично заполучить информатора такого высокого уровня. Множество псевдонимов Талейрана (Юрисконсульт, Красавец Леандр, Кузен Анри, Анна Ивановна) показывают, насколько русская разведка и Александр I следили за соблюдением правил конспирации. Связь с Талейраном обеспечивал посол России в Париже К. Р. В. Нессельроде [\[284\]](#). Переписка велась в зашифрованном виде, все важные источники Талейрана имели свои псевдонимы: например, министр полиции Фуше обозначался как

Президент, Наташа, Бержъен. Основные направления политической информации также шифровались: например, фразы «любовные шашни Бутягина» (секретарь русского посольства) и «английское земледелие» относились к внутреннему положению во Франции.

В феврале 1808 г. с письмом государя в Париж направляется его адъютант-толковник А. И. Чернышёв [285]. А через год Александр I поручает Чернышёву быть его личным представителем при Наполеоне. Сочетая легальные и нелегальные методы работы, Александр Иванович, обладавший огромным обаянием, стал одним из выдающихся разведчиков своего времени. Репутация «недалекого покорителя женских сердец» была прекрасным прикрытием для регулярного получения политической и военной информации в великосветских салонах. Так, сотрудник Военного министерства Франции М. передал Чернышёву копию еженедельной сводки для Наполеона о численности и дислокации французских войск. Еще два источника работали в Военной администрации и Государственном совете Франции. В донесении от 2 декабря 1811 г. Чернышёв, в частности писал, что, по сообщению его источников, выражения, использованные Наполеоном в циркулярном послании военному ведомству в отношении русских, говорят о скором разрыве отношений. Однако в тот же период Чернышёв попадает под подозрение, и при негласном обыске его парижской квартиры (Чернышёв выезжал в Петербург) полиция обнаруживает донесение одного из его источников. Естественно, что после обвинений в шпионаже о возвращении во Францию не могло быть и речи.

Еще одним (менее известным) личным агентом российского императора во Франции был И. О. де Витт [286]. После заключения Тильзитского мира (июль 1807 г.) он выходит в отставку и поступает волонтером на французскую службу (тем не менее по приказу Александра I из списков русской армии его никто не вычеркивает). Позднее Витт попадает в походный штаб Наполеона, где начинает исполнять секретные задания французского императора. В 1809 г. он женится на Ю. Любомирской и помогает поддерживать ее подруге М. Велевской (будущей любовнице Наполеона) связь с императором Франции. В 1811 г. Наполеон назначает Витта своим личным агентом в герцогстве Варшавском. При этом Витт числится в списках 2-й армии П. Багратиона. За две недели до нападения Наполеона на Россию Витт переплывает Неман и сообщает Барклаю-де-Толли последние сведения о противнике.

Зимой 1810 г. военным министром России становится генерал М. Б. Барклай-де-Толли, и это год становится переломным в работе российской разведки. Ранее вся разведывательная информация, приходившая из-за границы от сотрудников российских дипломатических представительств, вначале поступала в МИД. Затем по решению министра иностранных дел она передавалась в Военное министерство. Бывало так, что сведения, «которые доходили дипломатическим путем до канцлера Румянцева, не всегда сообщались Военному министерству» [287]. А те донесения, которые доставлялись военному министру, «недостаточно обращали внимания на все относившееся к военным приготовлениям в Европе» [288].

Докладные Чернышёва и его собственный серьезный анализ дипломатических донесений убедили Барклая-де-Толли и Александра I в необходимости создания особого органа, отвечающего за сбор стратегической военно-политической информации. Таким органом 29 сентября 1810 г. стала Экспедиция секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил. Аппарат экспедиции состоял из пяти человек: подчинявшегося военному министру директора, трех экспедиторов и переводчика. Директором экспедиции император назначил своего флигель-адъютанта-толковника А. В. Воейкова [289].

В число задач экспедиции входило добывание стратегической оперативно-тактической информации военного характера, а также контрразведка – выявление и нейтрализация агентурного противника. В 1810 г. офицеры-разведчики действовали под прикрытием должностей адъютантов и гражданских чиновников при русских посольствах. В Австрии работал толковник Ф. Т. Тейль фон Сераскеркен, в Баварии – поручик

П. Х. Грабе, в Испании – поручик П. И. Брозин, в Пруссии – подполковник Р. Е. Ренни, в Саксонии – майор В. А. Прендель. Им предписывалось соблюдать строжайшую конспирацию. Так, от майора В. А. Пренделя требовалось хранить в «непроницаемой тайне» поручение приобрести точные статистические и иные данные о состоянии Саксонского королевства и Варшавского герцогства, особенно в области военного дела.

В составе Министерства иностранных дел находились три секретные экспедиции: шифровальная, дешифровальная и перлюстрации. Цифирный комитет МИД был центральным органом, отвечавшим за сохранение секретности при переписке. Его сотрудники обеспечивали введение новых шифров, осуществляли надзор за их хранением и использованием, выводили из применения устаревшие или скомпрометированные шифры, готовили доклады для императора. Российские криптографы работали в интересах Военного министерства. С середины XVIII в. российские дешифровальщики вели борьбу с королевской, а впоследствии республиканской и императорской Францией. Эта деятельность была достаточно успешной: российские императоры, в том числе и Александр I, имели в руках значительную часть секретной французской переписки. Военное руководство Франции при Наполеоне I (и практически вплоть до Второй мировой войны) использовало для шифровки секретных сообщений книги.

Параллельно с организацией стратегической разведки под руководством Барклая-де-Толли создается также тактическая военная разведка. Штабы армий и корпусов, размещенных на западной границе, получили указание начать сбор сведений о дислокации и численности французских войск на сопредельных территориях. На основании этих сведений можно было сделать вывод о степени готовности французской армии начать военные действия. Поскольку агентурных сетей на сопредельной территории не имелось, добывать разведанные планировалось через лиц, имевших возможность легально пересекать границу. Одним из руководителей русской армейской разведки был полковник Л. А. Турский [290]. В 1811 г. он обосновался в Белостоке, где создал широкую сеть осведомителей из числа местных евреев.

Однако организация тактической разведки была сопряжена с частым недостатком необходимых денежных средств. 21 октября 1811 г. Багратион докладывал Барклаю-де-Толли: «Крайне трудно сыскать верных людей, ибо таковы требуют весьма важную сумму. Естественно рискнуть быть повешенными в случае падшего на него подозрения, он[и] могут откупиться ямея большие деньги. <...> У меня есть в виду надежные люди, достойные всякого доверия, но все они жалуются на скупость платежа и никто не соглашается какие-нибудь 200 червонцев собою рискнуть» [291].

Аналогичное послание направил военному министру 6 декабря 1811 г. один из наиболее активных организаторов разведки на западной границе подполковник М. Л. де Лезер: «Крайняя осмотрительность, которая проявляется жителями герцогства [Варшавского] по отношению к путешественникам, создает для нас большие трудности в заведении агентов шпионов, способных принести пользу» [292].

Развертывание агентурной сети в «пожарном порядке» привело к тому, что, имея опережающую информацию о готовящемся нападении французов, точное место и точное время переправы наполеоновской армии летом 1812 г. тактическая разведка определить не смогла.

В первой трети 1812 г. специальные службы военной направленности были значительно усилены. В частности 27 января принято «Учреждение для управления Большой действующей армией» и установлена новая структура Военного министерства. Экспедиция секретных дел переименована в Особенную канцелярию при военном министре. 19 марта Войекова на посту директора канцелярии сменил полковник А. А. Закревский [293]. Канцелярия отвечала за особо секретные вопросы: проведение разведки, обобщение и анализ поступающей разведывательной информации, выработку рекомендаций для составления военных планов, осуществление передислокации воинских частей на границе.

Кроме Особенной канцелярии на правах «особого установления» (отдела) непосредственно

военному министру подчинялся Военный ученый комитет, сотрудники которого занимались аналитической работой, в том числе в области разведки и контрразведки. В составе Главного полевого штаба Большой действующей армии под управлением начальника Генерального штаба находилась Квартирмейстерская часть.

В «Учреждении для управления Большой действующей армией» было определено: «§ 64. Квартирмейстерская часть делится на два отделения, из коих: 1. Делает все приуготовительные соображения к военным операциям; 2. Приводит в действие и ведает все дела, подлежащие тайне. <...> § 69. К первому отделению Генерал-квартирмейстерского управления принадлежит: собрание сведений о земле, где война происходит. Сведения сии суть: 1. Лучшие карты военно-топографические описания; 2. Табелы о способах и богатствах края; 3. Табелы о числе населения; 4. Исторические заметки о бывших войнах в краю, армией занимаемом; 5. Обзорение мест тыла армии» [294]. Из приведенного текста видно, что 1-е отделение Квартирмейстерской части являлось специальным информационно-аналитическим подразделением действующей армии.

Еще одним органом обеспечения безопасности действующей армии стало Дежурство армии. В «Учреждении для управления Большой действующей армией» его функции обозначены так: «§ 65. Дежурство армии делится на четыре отделения, из коих: <...> 2. Ведает полицию армии. <...> § 71. К первому отделению Дежурства принадлежат пароли, лозунги, отзывы и сигналы. <...>

§ 73. К третьему отделению Дежурства принадлежат: <...> переписка о всех подробностях внутренней службы с Военным министерством; <...> выдача паспортов и пропусков» [295].

Таким образом, возглавлявшееся дежурным генералом (название должности, в которой мог состоять и полковник) Дежурство армии отвечало за режимные, заградительные и фильтрационные мероприятия. Для их обеспечения в качестве военной полиции и конвоя Главной квартиры Большой действующей армии привлекались наиболее подготовленные и заслуживавшие абсолютного доверия подразделения, например Ингерманландский драгунский полк. Воинские части из состава военной полиции и конвоя Главной квартиры несли дозорную и караульную службу, охраняли обозы и чиновников, участвовали в разведках и рекогносцировках.

Одновременно с реорганизацией Военного министерства 27 января 1812 г. в действующей армии создается Высшая воинская полиция. Деятельность Высшей воинской полиции регламентировали следующие документы: «Образование Высшей воинской полиции при армии», «Инструкция начальнику Главного штаба по управлению Высшей воинской полицией», «Инструкция директору Высшей воинской полиции» [296]. Все они были особо секретными. Официальное название этой службе было дано по соображениям конспирации, и исполнение полицейских обязанностей – только часть поставленных задач. Основными задачами воинской полиции было ведение разведки и контрразведки на сопредельных территориях, а также контрразведывательная работа в действующей армии и в местах ее дислокации. В именном императорском указе Сенату [297] руководство полицией в губерниях, объявленных на военном положении, передавалось в распоряжение главнокомандующего действующей армией. Практическое руководство полицейскими и таможенными органами в приграничных губерниях осуществлялось специальными сотрудниками воинской полиции.

В полном объеме все три инструкции могли знать император, военный министр, начальник Главного штаба, три командующих Западными армиями, директор Высшей воинской полиции и три директора полиции при армиях. В реальности число посвященных людей было еще меньше. В частности Барклай-де-Толли одновременно являлся военным министром и командующим 1-й Западной армией.

15 марта 1812 г. инструкции были направлены командующим армиями, тогда же назначаются директора полиции при армиях: в 1-ю – Я. И. де Санглен, во 2-ю – подполковник М. Л. де Лезер, в 3-ю –

статский советник И. С. Бароцци [298]. 17 апреля 1812 г. директором Высшей воинской полиции становится де Санглен, одновременно руководивший воинской полицией 1-й армии. Предусмотренные штатами структуры Высшей воинской полиции во 2-й и 3-й армиях практически не были сформированы. Бароцци к работе не приступил, а де Лезер после Смоленского сражения был заподозрен «в сношениях с неприятелем» и сослан в Пермь – в условиях открытого военного действия проводить длительное сложное расследование было бы непросительной роскошью. На деле руководство полицией во 2-й и 3-й армиях осуществлялось подчиненными де Санглена.

Документы, которые вы прочтете, нуждаются в комментариях, поскольку они написаны предельно конкретно и не допускают двойного толкования. Но все же остановимся на некоторых принципиальных моментах. Основным методом деятельности Высшей воинской полиции, обеспечивавшим получение информации, являлось использование секретной агентуры. Нам не известно, были ли знакомы авторы документов с трактатом Сунь-цзы (VI–V вв. до н. э.), однако многие положения тождественны наставлениям его автора – великого китайского стратега. В любом случае наши предки имели колоссальный опыт знания в области специальных видов деятельности, более того – они прекрасно применяли их на практике.

Выделим несколько основных принципов, на которых строилась оперативная работа Высшей воинской полиции. Само ее существование являлось государственной тайной: подавляющее большинство генералитета даже не подозревало о ее создании. В среде допущенных к тайне существовало железное правило: каждый знает только то, что ему положено по должности, необходимо для эффективной работы. Наказание для отступника было самым суровым и осуществлялось без суда, о чем поступавшего на секретную службу кадрового сотрудника осведомляли; он принимал присягу, приведенную в приложении [299]. Кадровый состав Высшей воинской полиции формировался не по кастовому или семейному, а исключительно по профессиональному принципу. Работа полиции в целом и каждого сотрудника в отдельности оценивалась по конечному результату. Государь не скупился на расходы, связанные с деятельностью секретной службы, и не жалел наград для ее сотрудников.

Особо следует отметить тот факт, что на всех указанных документах стоит резолюция императора «быть по сему». Это позволяет предположить, что Александр лично контролировал важнейшие вопросы обеспечения государственной безопасности. У нас нет сомнений, что и другие специальные институты империи находились под его постоянным пристальным вниманием. Еще раз подчеркнем: в те времена понятия «государственная» и «личная безопасность» были для российских императоров тождественными.

Соперничество российских и французских спецслужб само по себе достойно специального рассмотрения, скажем одно – нам противостоял опытный и умный противник. В Петербурге резидентуры возглавляли французские послы Р. Савари и А. Коленкур. Сотрудники секретного посольства Прево собирали сведения в приграничных губерниях. Группа маршрутчиков полковника А. Платтер добывала информацию не только в Москве, но и в девяти губерниях. Военно-разведывательное бюро маршала Даву в Данциге собирало топографические сведения и вело опрос лиц, пересекавших границу. Разведбюро в Варшаве имело не менее 36 агентов, наблюдавших в Прибалтике, Белоруссии и Малороссии за дорогами и строительством крепостей. Велся также опрос команд судов, заходивших в российские порты. Была предпринята попытка (Маковский и Турский) проникнуть на Дон и поднять восстание казаков.

Для примера приведем небольшой отрывок из воспоминаний де Санглена, посвященный началу его работы на посту директора воинской полиции в Вильно.

«Государь, призвав меня, сказал:

– Я получил от берлинского обер-полицмейстера Грунера уведомление, что здесь уже несколько месяцев скрываются французские офицеры, шпионы; их должно отыскать.

Я спросил государя, не известны ли имена их или не означены ли какие-либо их приметы.

– Нет, – отвечал государь, – но их отыскать должно; ты знаешь, я тебе одному верю, веди дело так, чтобы никто о нем не знал.

Я поручил трем моим чиновникам ходить каждый день по разным трактирам победать, все рассматривать и выглаживать мне о том доклады; виленскому же полицмейстеру Вейсу поручил строгое должное наблюдение за приезжими из Польши. Здесь узнали мои отряженные, что у Балашова чиновник о том же хлопчет; следовательно, не одному мне доверено дело. Я рассердился и стал сам ходить в знаменитый тогда трактир Кришкевича. Здесь я заметил одного крайне развязного поляка, со всею наружностью фронтовика, который не щадил шампанского и бранил Наполеона напропалую. Возвратясь домой, я приказал полицмейстеру Вейсу попросить его ко мне. Я потчевал его чаем; узнал, что ему хотелось бы возвратиться двумя товарищами в Варшаву, но что вероятно, теперь никого не выпустят. Я воспользовался этим случаем, предложил ему мои услуги, призвал начальника моей канцелярии Протопопова, чтобы записать их имена и заготовить им паспорта. Между тем приказал полицмейстеру Вейсу обыскать его квартиру, выломать полы, в случае нужды – трубы и печи, а гостя своего задержал разными разговорами; он назвал себя шляхтичем Дранженевским, никогда не служившим в военной службе.

Является полицмейстер, вызывает меня; я вышел, приказав караулу гостя не выпускать. Вейсом были привезены найденные в трубе печи и под полом следующие бумаги: 1) инструкция генерала Рожнецкого [300], данная поручику Дранженевскому; 2) патент на чин поручика, подписанный Наполеоном; 3) замшевый пояс со вложенными в нем червонцами, 5 т. 4) записки самого Дранженевского о нашей армии и наших генералах. Дело было ясно; недолго продолжался его допрос, он вынужден был к сознанию.

Пока я посылал за двумя его товарищами, потребовал меня к себе государь.

– Ты не отыскал, – сказал он мне, – а Балашов уже представил мне трех шпионов, французских офицеров, им открыты ж торыя велел остановить.

– Документы французских шпионах представлены Вашему Величеству?

– Нет! Вероятно, все сделано в порядке.

– Так позвольте мне завтра утром представить Вашему Величеству трех французских шпионов с документами: одного поручика и двух статских чиновников.

– Как же это? – сказал император.

– Государь! Это обыкновенная полицейская штука: хватят первых бродяг, выданных за шпионов и отправят вдалеке, чтобы молчали; так поступали граф Пален при императоре Павле I.

– Быть не может! – отвечал государь.

– Мои шпионы с документами, ибо я без ясных доказательств никого, а еще менее невинных, представить не осмелюсь.

– Я велю к тебе прислать балашовских, допроси их и скажи мне, что от себя люди.

Я до второго часу бился с моими двумя шпионами, за исключением уже признавшегося Дранженевского. Остальные эти два, статские чиновники, были отправлены в Вильну французским резидентом Бильоном из Варшавы, тоже инструкциями; все трое содержались у меня под караулом.

На другое утро представила все эти документы Барклаю для представления Его Величеству – чтобы иметь посредника между императором и мною. Я [никому] более не доверял. Шпионов велено было

отправит в Шлиссельбург, за исключением одного статского французского, которого оставил при себе.
<...>

Я свел связи с кагалом виленских евреев и за их ручательство отправил жиду в Варшаву, который ехал с товаром, он первый известил меня о будущем приезде Нарбонна в Вильну и прислал прокламацию Наполеона к его солдатам, которую я представил Барклаю...» [301].

Из приведенного фрагмента следует, что Санглен «открыл» французского разведчика при личной встрече в трактире. В мемуарах он конспирирует: на самом деле информацию об агентах представил секретный сотрудник русской разведки отставной ротмистр Д. Саван, являвшийся так называемым двойным агентом. Деятельность миссии специального посланника Наполеона I графа Л. Нарбонна, прибывшего в Россию в начале мая 1812 г., находилась под контролем отечественных спецслужб. В ходе этого визита были выявлены все контакты французской миссии, а секретный сотрудник Станкевич, устроившийся к графу камердинером, сумел изъять и скопировать инструкцию Наполеона. Д. Саван передал Нарбонну подготовленную офицерами Главного штаба Большой действующей армии стратегическую дезинформацию о намерении русского командования дать генеральное сражение войскам Наполеона на границе. В операции по дезинформации противника непосредственно участвовал и император Александр I, который сообщил Нарбонну о своем намерении не оставлять без сопротивления пограничные территории.

Штаб Высшей воинской полиции был небольшим. Часть людей пришла из Министерства полиции: коллежский асессор барон П. Ф. Розен, поручик И. А. Лешковский, надворный советник П. А. Шлыков. С началом войны к ним добавились полицмейстеры городов Вильно (Вейс) и Ковно (майор Е. А. Бистром), таможенный чиновник А. Бартиц, дворянин И. Я. Закс, подполковник Е. Г. Кемпен, капитан К. Ф. Ланг, отставной ротмистр В. Ривофиннолли. Секретное дело производство вели губернский секретарь Протопопов, коллежский секретарь Валуа, коллежский регистратор Головачевский и студент Петрусевич.

Оперативники Высшей воинской полиции на месте не сидели. Розен и Бистром направлялись в район Динабург – Рига; Ривофиннолли – в район Подмосковья; Бартиц – в Белосток; Шлыков – под Полоцк, под Смоленск, в 3-ю армию и в Москву, Лешковский – в корпус П. Х. Витгенштейна; Кемпен – в Мозырь, для развертывания агентурной работы в Белоруссии. Ланг с казаками специализировался на захвате «языков». После отступления в Белостоке, Велиже, Могилёве, Полоцке были оставлены агентурные сети, которые действовали весь период оккупации. Большую часть агентуры составляли евреи, преимущественно торговцы и ремесленники.

После отставки Барклая-де-Толли сотрудники его ведомства отбыли в Петербург. Де Санглен был определен в Военное министерство, где исполнял свою должность до 1816 г. Директором Высшей воинской полиции в армии стал способный контрразведчик П. Ф. Розен.

Имея значительное численное превосходство (3: 1) и огромный боевой опыт, французский император (как впоследствии А. Гитлер) намеревался быстро разбить русскую армию в приграничных сражениях и принудить Александра I заключить мир на выгодных для себя условиях. А в результате он был вынужден преследовать ускользающую «добычу», все более растягивая коммуникации и значительно уменьшая ударную силу основных армейских корпусов. В этой связи можно сказать, что Отечественная война 1812 г. обогатила русскую армию колоссальным опытом ведения партизанских действий на коммуникациях противника.

В числе организаторов «малой войны» на оккупированной территории был и А. Чернышёв, опиравшийся в работе на личный опыт разведчика. Многие офицеры-разведчики командовали партизанскими отрядами и занимались оперативно-тактической разведкой, диверсионными операциями и организацией народного партизанского движения. К Д. Давыдову, И. Дорохову, И.

Вадбольскому, И. Ефремову, А. Сеславину, А. Фигнеру и многим другим вполне применим современный термин «разведчик специального назначения». В первой четверти XIX в. по опыту разведывательно-диверсионных операций в тылу вражеских войск наша армия не имела себе равных [302]. К сожалению, опыт партизанских партий (спецназа своего времени) не нашел должного развития в теории и практике военного искусства. Только столкнувшись с сопротивлением в ходе многолетней Кавказской войны, об этом вспомнили опять.

Личную охрану Александра I во время войны осуществляла лейб-гвардия. 18 мая 1811 г. была сформирована лейб-гвардии Черноморская казачья сотня, ставшая личным конвоем императора. 27 февраля сотня в количестве 4 офицеров, 14 урядников и 100 казаков прибыла в Петербург и была зачислена в лейб-гвардии Казачий полк 4-м эскадронном. Его командиром стал войсковой полковник А. Ф. Бурсак. Во время Заграничных походов 1813–1814 гг. полк выполнял функции императорского конвоя. Структурно входил в состав Главной квартиры.

Из уроков Отечественной войны 1812 г. высшее военно-политическое руководство Российской империи не сделало соответствующих выводов. После назначения Барклай-де-Толли командующим 1-й Западной армией координация работы стратегической разведки была нарушена. Особенная канцелярия Военного министерства вошла в состав штаба той армии и работала только на ее интересы. Офицеры 1-го отделения квартирмейстерской части Полевого штаба Большой действующей армии занимались информационно-аналитической работой и разведкой только в пределах театра военных действий. Высшая воинская полиция также действовала в интересах действующей армии, не занимаясь стратегической разведкой. Ни во время Отечественной войны, ни после нее удачный опыт 1810–1812 гг. по созданию единого координационного органа стратегической военной разведки, к сожалению, в очередной раз в отечественной истории не был востребован. Скоро об этом придется горько пожалеть...

«Причиной этому стало то, что победа в Отечественной войне и отсутствие России <...> серьезного внешнего противника, угрожавшего ее национальной безопасности, сформировали, как представляется русских царей, правительства и военного командования в некоторой степени излишнюю уверенность в непобедимости русского оружия и не подталкивали их к проведению реформ в армии и на флоте, подобных тем, к которым уже приступили Англия и Франция» [303].

12 декабря 1815 г. Александр I вновь «тасует колоду» и учреждает новый высший орган военного управления – Главный штаб Его Императорского Величества. В состав штаба вошло и Военное министерство. Сбор военных сведений об иностранных государствах установилась обязанность канцелярии Управления генерал-квартирмейстера. В 1818 г. начальник Главного штаба П. М. Волконский [304] поставил офицерам управления задачу составить «Общий свод всех сведений о военных силах европейских государств» (крепости и войска). Ряд офицеров были посланы за границу, но эта работа так и не была завершена.

Практически сразу после окончания войны и возвращения армии из-за границы началось ничем не оправданное снижение боеспособности ее основной части. Школа боевой подготовки безжалостно искоренялась, ее место занимала утомительная и бессмысленная на войне шагистика. Вопреки возражениям многих старших военачальников во главе с М. Б. Барклаем-де-Толли, И. И. Дибичем [305] и А. А. Аракчеевым в 1817 г. часть армии перевели на систему военных поселений. Аракчеев на коленях умолял не делать этого, говоря: «Государь, вы образуете стрелцов!» [306]. Симптоматично, что решение о возвращении к фридриховским методам обучения войск император принял во многом под влиянием западных советчиков. Муштра приобрела совершенно дикие формы, солдат запарывали на смерть. Система военных поселений и чрезмерное увлечение «гатчинской» строевой подготовкой стали одной из причин массового дезертирства не только солдат, но и офицеров. Шах Персии даже сформировал из таких

дезертиривший гвардейский батальон(!), вернувшийся на родину только при Николае I.

Большинство современников Александра I называют основной чертой характера государя противоречивость. Скорее всего, на протяжении всей жизни он не мог простить себе молчаливого согласия на убийство отца. Вероятно, именно в этом кроется причина перемен его политических настроений, стремление путем либеральных преобразований искупить свою вину. Обратной стороной было подсознательное чувство страха за собственную судьбу, что особенно ярко проявилось в 1812 г. Тогда для спасения Отечества престол был вынужден назначить главнокомандующим действующей армией нелюбимого со времен Аустерлиц фельдмаршала князя М. И. Кутузова. Эти два чувства – вины и страха, боровшиеся в душе государя, – часто приводили к непоследовательности в действиях. Кстати говоря, многие исследователи движения декабристов считают, что специальные службы империи не справились со своей задачей и проглядели подготовку восстания 14 декабря 1825 г. Однако, по нашему мнению, повинны в этом не специальные службы государства, а непосредственно император в силу названных особенностей личности.

К 1815 г. спецслужбы Российской империи имели колоссальный опыт работы как внутри России, так и за ее пределами. После возвращения армии в Россию значительная часть войск была расквартирована в Королевстве (Царстве) Польском и западных губерниях. В конце 1815 г. Высшая воинская полиция подверглась реорганизации, превратившись в Военно-секретную полицию. После ухода в отставку де Санглена центральная канцелярия в Петербурге прекратила свое существование, ее функции были переданы Особенной канцелярии Министерства полиции. В составе Военного министерства осталась только Военно-секретная полиция в Варшаве, созданная на базе Высшей воинской полиции 1-й армии. Формально она находилась в подчинении начальника Главного штаба Его Императорского Величества генерал-лейтенанта М. И. Дибича, но реально ею руководил начальник Главного штаба великого князя Константин Павловича генерал-лейтенант Д. Д. Куропаткин [307]. В задачи Военно-секретной полиции входили: разведка (внешняя контрразведка) в Австрии и Пруссии; контрразведка и политический сыск на территории Польши; борьба с контрабандистами, фальшивомонетчиками и религиозными сектами. По сути, это была многопрофильная служба безопасности, что объяснялось особым статусом Царства Польского и цесаревича Константина Павловича.

В самой империи также происходили изменения в спецслужбах. 27 декабря 1815 г. был сформирован Гвардейский жандармский полубатальон, которому 6 января 1816 г. пожалованы права и преимущества старой гвардии. 10 июля 1815 г. Барклай-де-Толли предписал отобрать в каждом полку по одному офицеру и пять рядовых – жандармов [308] – для поддержания порядка. 27 августа сформированные таким образом команды были упразднены. Вместо них Борисоглебский драгунский полк переименовали в Жандармский и отдельными командами распределили по армии. Это были специальные полицейские подразделения с военной организацией и дисциплиной. В феврале 1817 г. по личному распоряжению Александра I в составе Отдельного корпуса внутренней стражи создаются конные жандармские формирования быстрого реагирования. Жандармы несли службу в Петербурге, Москве и Варшаве (по одному дивизиону в составе 334 человек), губернских и портовых городах (по одной команде в составе 31 человека) и подчинялись обер-полицеймейстерам (полицеймейстерам).

Особенная канцелярия Министерства полиции, выполнявшая под руководством М. Я. фон Фока функции политической полиции и контрразведки, в 1815–1819 гг. состояла из трех отделений (столов) и секретной части. 1-й стол осуществлял надзор за иностранцами и выдавал заграничные паспорта, 2-й собирал сведения о типографиях и книжных лавках и занимался цензурой, 3-й надзирал за сектами «подозрительными бродягами». Секретная часть контролировала проживание высланных из столиц и следила за политически неблагонадежными. Она же рассматривала дела о злоупотреблениях полицейских чиновников. Работу Министерства полиции с подачи В. П. Кочубея признали неудовлетворительной 4

ноября 1819 г. оно было присоединено к Министерству внутренних дел. Общую канцелярию Министерства печати объединили с канцелярией МВД, Особенную канцелярию и Цензурный комитет также передали в ведение МВД, где они продолжали исполнять свои задачи. Возглавил Особенную канцелярию фон Фок. Министр внутренних дел В. П. Кочубей, гнушавшийся политическим сыском, определил ему более скромное положение, чем ранее.

Кроме Особенной канцелярии МВД в Петербурге существовали и другие органы, выполнявшие функции контрразведки и политической полиции. «В Петербурге была тройная полиция: одна в Министерстве внутренних дел, другая у военного генерал-губернатора третья графа Аракчеева; тогда даже называли по именам тех из шпионов, которые были приметны в обществах...» [309]. Столичная полиция подчинялась военному губернатору М. А. Милорадовичу [310] – боевому генералу, но в вопросах уголовного и политического сыска лицу недостаточна опытенному. Фактически его помощником по этой линии стал полицейский чиновник Фогель. Агентура Аракчеева действовала в основном в военных поселениях и отчасти в частях столичного гарнизона. Специальные поручения государя получали отдельные лица, докладывавшие о своей деятельности лично ему. Так, начальник южных военных поселений империи граф И. О. Витт обязывался «иметь наблюдение» за южными губерниями, Киевом и Одессой. К 1820 г. система специальных служб Российской империи была разветвленной, они имели в своем составе опытные кадры.

Однако, как это часто бывает в подобных случаях, работа специальных институтов государственной безопасности направлялась не только на выявление и пресечение угроз престолу государству, но и на противодействие коллегам из параллельных структур. Декабрист Г. С. Батеньков впоследствии вспоминал: «Квартальные следили за каждым шагом всемогущего графа (Аракчеева. – Примеч. авт.). Полицейский мастер Чихачев обыкновенно угождал и изменял обеим сторонам. Мне самому граф указал на одного из квартальных, который, будучи переодетым в партикулярное платье, спрятавшись торопливо в мелочную лавочку, когда увидел нас на набережной Фонтанки» [311]. Батеньков дал следующую оценку профессионализму полицейских агентов: «Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами карбонарии, и либералы и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, и доносы обрабатывали, как приходило в голову. Никому не были они страшны» [312]. Характеристика велика неприятная, но следует иметь в виду, что слова Батенькова относятся тем сотрудникам полиции, которые вели наблюдение на улицах и в присутственных местах. Сотрудники специальных служб, работавшие по линии контрразведки против иностранцев и в высшем петербургском обществе, имели другой уровень образования и профессиональной подготовки. Другое дело, что государь не всегда прислушивался к мнению профессионалов и не всегда адекватно оценивал предоставлявшуюся им информацию.

В гвардии, призванной быть опорой трона, но уже не раз свергавшей государей, ситуация к 1820 г. сложилась следующая. К началу XIX в. изменился рядовой состав: еще при Павле I он перестал комплектоваться дворянами, после 1815 г. были введены новые правила комплектования. В начале отличившиеся в боях и лучшие по поведению солдаты армейских полков ежегодно отбирались в гренадерские и кирасирские полки. Из этих элитных армейских полков лучших солдат отбирали в гвардию, допускался набор рядовых непосредственно из армейских полков и кантонистов [313]. Первичный отбор кандидатов в гвардию производили командиры армейских полков, а затем специально посылавшиеся гвардейские офицеры. Прибывавших на пополнение гвардии солдат осматривали и проверяли великие князья и император. Признанных неудовлетворительными высылали обратно на счет полкового командира, что могло испортить его карьеру. К 1820-м гг. солдатский состав гвардии состоял преимущественно из заслуженных ветеранов кампаний 1805–1815 гг. Мы полагаем, что введение новых правил комплектования

и наличие в рядовом составе гвардии большого числа ветеранов не позволили декабристам привлечь солдат на свою сторону.

Замена боевой подготовки муштры плац-парадами затронули гвардию даже в большей степени, чем армию. В сентябре 1820 г. 52 офицера лейб-гвардии Измайловского полка подали прошение об отставке в знак протеста против проведения строевых занятий после окончания учений. Аналогичный случай имел место в лейб-гвардии Конно-егерском полку. Но из желания угодить императору некоторые полковые командиры проявляли такое усердие в муштре, что к ним вполне применима поговорка: «Услужливый дурак опаснее врага». Одним из таких офицеров был командир Семеновского полка полковник Ф. Е. Шварц. «Без образования, едва знал русскую грамоту, не имел дара слова», – так характеризовал его семеновец В. И. Рачинский [314].

16 октября 1820 г. солдаты 1-й гренадерской (государевой) роты самовольно построились и потребовали от начальства отменить мотры и учения по праздничным дням, дасть другого командира и улучшить материальное положение. Никто из офицеров участия в выступлении солдат не принимал. 17 октября роту отправили в Петропавловскую крепость. 18 октября солдаты остальных рот полка потребовали немедленного возвращения товарищей в казармы. Для переговоров с солдатами в полк приезжали все их начальники: командир 1-й бригады великий князь Михаил Павлович, командующий Гвардейским корпусом И. В. Васильчиков [315], начальник штаба корпуса А. Х. Бенкендорф [316] и военный губернатор М. А. Милорадович. Переговоры не удалась, и полк в полном составе добровольно отправился в Петропавловскую крепость.

К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка [317] и другие свидетели событий единодушно отмечают в своих воспоминаниях, что после заключения в крепость солдат Семеновского полка (3000 человек) в городе и гарнизоне царил тревога на грани паники. Это обуславливалось тем, что военные и гражданские власти прежде были уверены в лояльности гвардии. Информации о настроениях в казармах они не имели. Все силы городской полиции были брошены на ее добычу оперативными методами. Милорадович приступил к созданию собственной сети осведомителей в гарнизоне. В результате командование Гвардейского корпуса все же снизило интенсивности утомительности строевых учений.

«Семеновская история», как ее называли впоследствии, не имела аналогов в русской армии. Во-первых, инициатором возмущения стала рота Его Величества. В лейб-гвардии Преображенском, Семеновском и Гренадерском полках, шефом которых являлся Александр I, государевыми считались 1-е гренадерские роты, которые, в числе прочих обязанностей, несли караул в императорских резиденциях. Во-вторых, выступление произошло без участия офицеров и без применения оружия, оно не имело политических требований. При расследовании выяснилось, что поводом к нему послужило бесчеловечное обращение с солдатами командира полка. И. В. Васильчиков и М. А. Милорадович так донесли государю, что мол, бунт случился из-за глупости и грубости полкового командира.

Александр I, находившийся в это время в Австрии, не поверил генералам. Он написал Аракчееву, что весьма сомневается в виновности полковника Шварца и в том, что солдаты возмущались по собственному разумению. Император был прекрасно осведомлен о существовании в России тайных обществ и полагал, что их деятельность в первую очередь направлена против политики Священного союза, учрежденного монархами Австрии, Пруссии и России в Париже в 1815 г. По нашему мнению, возмущение солдат Семеновского полка не инспирировано извне, оно действительно явилось реакцией на самодурство командира и тяжелейшие условия придворной службы, однако впоследствии это выступление было использовано в политических целях.

Через неделю после «Семеновской истории» была обнаружена антимонархическая прокламация, озаглавленная «К преображенцам», написанная от имени семеновцев и подписанная «Единоземлец».

Автору установить удалось, но мнение генералитета причинах бунта изменилось. Начальник Главного штаба П. М. Волконский писал генералу И. И. Дибичу: «Ясно, что смуты эти были давно и настойчиво готовятся ожесточенными подстрекателями которых, по моему мнению, должно искать между офицерами; я вполне убежден, что предположение это наконец подтвердится особенно если удастся расположить солдат, переведенных в армию, к болтливости...» [818]. Следствие над зачинщиками бунта над полковником Шварцем заняло более полугодя.

5 ноября 1820 г. Александр I отдал приказ о расформировании полка, его личный состав распределили по восьми пехотным дивизиям 1-й и 2-й армий. Полк был заново образован из батальонов Петербургского (шеф – король Пруссии) и Кексгольмского (шеф – император Австрии) ренадерских полков, считавшихся образцовыми «фрунтовиками». По окончании следствия 9 зачинщиков наказаны шпицрутенами и сосланы на каторгу. Недоверие императора к гвардии оказалось столь велико, что в апреле 1821 г. Гвардейский корпус из Петербурга отправил в карантин под Вильно, где он оставался до лета 1822 г. Полиция получила указание установить негласный надзор за гвардейцами. Осенью 1821 г. открылось следствие по делу о четырех бывших офицерах Семеновского полка, заподозренных в подстрекательстве к бунту: А. Ф. Вадковскому, Н. И. Кашкарова, Д. П. Ермолаева и И. Д. Щербатова. К весне следующего года следствие было завершено, и на утверждение императора представили три варианта приговора. Александр, как и в других случаях, колебался и не принял окончательного решения до самой смерти.

После событий 1820 г. государь стал часто посещать монастыри, беседовать со старцами. По нашему мнению, это могло быть связано с приближением к «роковому рубежу» – возрасту Павла I на момент смерти (46 с половиной лет). Александр все меньше времени уделял государственным делам, переключая повседневную работу на А. А. Аракчеева, с личностью которого историки связывают внутриполитический курс России 1820–1825 гг. – так называемую аракчеевщину. В действительности инициатор запретительной мер – Александр I, а Аракчеев – лишь преданный и усердный исполнитель. С 1822 г. последний стал докладчиком императора по большинству вопросов. Любое лицо, просившее аудиенции, сначала принимал Аракчеев; почти все назначения на высшие государственные и военные посты так же проходили через него.

Именно ему русская артиллерия обязана выдающимися успехами. Исполняя волю императора, он настоял на переходе русских войск в тыл шведской армии по льду Ботнического залива во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. Одна маленькая деталь, характеризующая этого человека, – Аракчеев отказался от звания фельдмаршала и ордена Андрея Первозванного, пожалованных императором за заслуги в войне 1812 г. Даже недоброжелатели не могли обвинить его в казнокрадстве или взяточничестве.

Чтобы более объективно оценить «реакционный» курс правительства рассмотрим политическую жизнь в Российской империи после 1815 г. В ноябре 1815 г. в Царстве Польском было введено конституционное правление; наместником назначен цесаревич Константин Павлович. На открытии сейма в 1818 г. император заявил, что надеется распространить вводимые в Польше «законно-свободные учреждения» на всю империю. По его поручению Н. Н. Новосильцев разрабатывал проект конституции «Уставную грамоту Российской империи». 1 января 1810 г. в соответствии с планом государственных преобразований М. М. Сперанского был образован Государственный совет; предусматривалось, что сенаторы будут детально рассматривать все законопроекты перед утверждением царем. В 1815 г., беседуя с французской писательницей мадам де Сталь, Александр I сказал, что желает уничтожить крепостное право. Эти слова были услышаны не только в Европе, но и в России и вызвали воодушевление в российском обществе. В 1818 г. Аракчеев получил секретное поручение разработать проект отмены крепостного права. Подготовленный проект предусматривал постепенный выкуп помещичьих крестьян за счет государства. Крестьяне получили бы по две десятины земли на условиях аренды и могли впоследствии

выкупить ее у помещиков. В 1816–1819 гг. крепостное право было отменено в прибалтийских губерниях: Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Инициатива исходила от помещиков указанных губерний. Произошли изменения в системе комплектования армии. Население Финляндии было избавлено от рекрутского набора. Срок службы в польских войсках снизили до семи лет. Несмотря на предложения Аракчеева сократить срок службы в русской армии с 25 до 8 лет его уменьшили только в гвардии (всего на 3 года).

Между тем Александр I допустил серьезную ошибку – почти все поступающие к нему проекты держались в секрете от подданных, что не могло не способствовать распространению слухов и домыслов и, несомненно, послужило причиной к созданию тайных дворянских обществ.

После Отечественной войны 1812 г. в России начинается масонский бум: в ложах в те годы состояли многие представители аристократии. Кое-кто состоял даже в двух или трех тайных обществах. Сам император присутствовал на заседании ложи «Трех добродетелей», а пояснения ему давал А. Н. Муравьев, обращаясь к государю на «ты». В фонде Особенной канцелярии МВД имеются материалы деятельности масонских лож: «Великой ложи Астреи», 1815–1822; «Великой провинциальной ложи», 1815–1819; масонских лож в Бессарабии; об участии в них А. С. Пушкина и проч. [319]. «Великая тайна» масонских лож была секретом Полишинеля, их реальная антигосударственная деятельность не простиралась дальше разговоров о необходимости либеральных реформ. Время от времени в литературе обсуждается вопрос: были ли масонами декабристы? Да, были, но далеко не все. Известно, что в ходе следствия над декабристами выяснялись причины их вхождения в масонские ложи: кое-кто из них считал ложи удобным местом для вербовки сторонников, другие использовали их как прикрытия собственных тайных обществ, третьи вступали в масоны из идеалистических или мистических соображений.

Наряду с масонскими ложами создавались и другие тайные общества, имевшие политическую направленность. В 1814 г. М. Ф. Орлов и М. А. Дмитриев-Мамонов создали «Орден русских рыцарей» для сопротивления «лихоимству и другим беспорядкам», которые часто встречались во внутреннем управлении России.

Организаторы ордена предполагали отменить крепостное право и ограничить самодержавие, лишить императора права объявлять войну, изменять существующие законы и вводить налоги без согласия Сената. Орден распался после назначения Орлова начальником штаба 7-го корпуса генерала Н. Н. Раевского. В 1814 г. возникла «Священная артель», в которую входили офицеры (И. Г. Бурцов и М. Н. Муравьев) и лицеисты (И. И. Пущин, М. К. Кюхельбекер, В. Д. Вальховский). Ее члены вели беседы о желательности изменения существующего строя; программы и устава артели не имела. Это был более клуб, чем тайное общество.

В 1816 г. создается тайное общество «Союз спасения» (с 1817 г. «Общество истинных и верных сынов Отечества»). В него вошли С. П. Трубецкой, А. Н. и Н. М. Муравьевы, И. Д. Якушкин, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, П. И. Пестель, М. С. Лунин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский; всего около 30 человек. В уставе общества (разработан П. И. Пестелем и С. П. Трубецким) провозглашалось установление в России конституционной монархии. Судя по второму названию, основатели общества считали всех остальных российских подданных либо неистинными, либо неверными согражданами.

В 1817 г. Пестель встретился в Митаве с одним из убийц Павла I графом П. А. Паленом и имел с ним беседу. Старый заговорщик предостерег молодого «коллегу» от попыток изменить политическое устройство России с помощью тайной организации.

Мы предполагаем, что Пестель мог поинтересоваться у Палена подробностями устранения отца Александра I от власти, спрашивать его совета по организации переворота. В это время высшее общество было чрезвычайно взволновано слухами о том, что правительство намерено включить в состав Царства Польского западные губернии, присоединенные к России в правление Екатерины II. Польский вопрос стал

катализатором организации первого московского заговора (с целью убийства императора). Н. К. Шильдер писал в неопубликованных заметках о словах И. Д. Якушкина: «Тогда были слухи, что Александр I удалился в Варшаву, откуда издаст манифест „реформах“. Декабристы были убеждены, что, вслед за этим последует общая резня помещиков“. Чтобы избежать этого – решили убить Александра» [320]. В этой связи можно предположить: намерение убить императора возникло у заговорщиков в 1817–1818 гг., т. е. еще до «аракчеевской реакции». Первоначальная причина убийства связана не с отступлением Александра I от либеральных реформ, а с желанием эти реформы предотвратить. В любом случае заговор с целью убийства первого лица государства позволяет считать заговорщиков опаснейшими государственными преступниками.

В 1818 г. на основе распущенного «Союз спасения» образуется «Союз благоденствия». В это время в высшем обществе усилились слухи о подготовке императором конституции и о возможности отмены крепостного права. После реальной отмены крепостного права в прибалтийских губерниях дворянство в каждом путешествии императора по стране считало опасность освобождения крестьян или другой местности. Новый союз имел два организационных центра – в Петербурге и Тульчине, где располагался штаб 2-й армии; он насчитывал около 200 членов. «Союз благоденствия» был устроен по образцу прусского общества «Тугендбунд» («Tugendbundes», «Союз добродетели»), которое было основано в 1808 г. в Кенигсберге для улучшения нравственного состояния и благосостояния прусского (затем немецкого) народа.

Законоположение «Союза благоденствия» имело сходство с уставом «Тугендбунда», но в немецком уставе больше практических указаний, обязательных для членов общества. Последний обязывал всех вступающих в союз помещиков освобождать крестьян с землей, а законоположение рекомендовало помещикам только человеческое обращение с крестьянами. Таким образом, на деле члены «Союза благоденствия» не спешили освободить своих собственных крестьян, хотя и имели на это право в соответствии с указом 1803 г. «О вольных хлебопашцах». Налицо расхождение между благими намерениями и реальными действиями «радетелей» за народное счастье!

«Слово, письмо и пример», которые рассматривались в качестве основных средств улучшения нравственности и благосостояния народа членами «Тугендбунда», не удовлетворяли российских последователей. «Союз благоденствия» приступил к подготовке захвата власти насильственным путем, что являлось антигосударственной деятельностью и прямым нарушением присяги. А в ней говорилось: «Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим Крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору...» [321]. Некоторые историки и публицисты много говорят о дворянской чести декабристов – по нашему мнению, честь и измена присяге несовместимы. Получая от государя чины и вотчины, но при этом готовясь к его насильственному свержению, да еще на каждом углу кичиться своей честью, как бояре кичились бородой и древностью рода, – это выше нашего понимания...

Напомним, что основной ошибкой Александра I следует считать замену планомерной, систематической боевой подготовки пустой строевой муштрой. Увлечение внешней стороной службы, вероятно, было связано с неистребимой любовью императора к парадности. Сыграла свою роль и победа над наполеоновской армией: она принесла чувство самоуспокоенности, подогреваемое западными «советчиками», особенно после «мирового собрания» ведущих масонских лож в 1814 г. Но существовали еще один немаловажный нюанс, о котором поклонники декабристов предпочитают не вспоминать. В офицерской и особенно в гвардейской среде ухудшилась дисциплина. Молодежь позволяла себе обсуждать распоряжения вышестоящих начальников, что является прямым нарушением воинского устава, а подчас и откровенно пренебрегала исполнением служебных обязанностей.

Будущий император Николай I таюписывал нравы, царившие в Зимнем дворце в 1818 г.: «...большую частью время проходило в шутках и насмешках насчет ближнего; бывали и интриги. В тоже время вся молодежь, адъютанты частой офицеры ждали в коридорах, теряя время или употребляя оное для развлечения почтитакоже и не щадя начальников, ни правительство...» Долго я видел и не понимал; сперва родилось удивление, наконец, и я смеялся, потом начал замечать, многое видел, многое понял; многих узнал – и в редком обманулся» [322].

Осенью 1818 г. Александр I назначил младшего брата Николая командиром 2-й бригады (лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки) 1-й гвардейской дивизии. Здесь уместно сказать, что будущий самодержец не готовил себя к престолу: будучи третьим сыном Павла, при живом Константине он на трон не претендовал. Николай знал и любил военное дело и хотел стать военачальником. Тем сильнее был шок, испытанный им от осознания реальной ситуации в гвардии.

«Я начал знакомиться с своей командой, – писал он, – и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были в нас твердовлиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо чтоя по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками (отметим, что Николай – член императорской семьи (!) – не имел никаких преимуществ по службе перед другими командирами бригад и подчинялся начальнику дивизии, командиру Гвардейского корпуса и военному генерал-губернатору. – Примеч. авт.). <...> Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранялась едва только фронт уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

<...> По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, т. е. военным распутством, крылось что-то важнее, и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих, на добрых малых, но запущенных и оттого же знающих, и на решительно дурных, т. е. говорунув дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался от них избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне отплачивалось» [323].

Отметим, что требовательность юного (22 года) командира бригады не оттолкнула от него измайловцев и егерей через семь лет, во время декабрьского мятежа и теи другие выполнили воинский долг перед престолом без колебаний.

В 1818–1820 гг. происходило совершенствование структуры «Союза благоденствия», он все более становился классической конспиративной организацией. Высшими органами являлись Совет коренного союза и Коренная управа. Законоположение, упоминавшееся выше, устанавливала строгую подчиненность им территориальным (побочным и главным) управ. Полную информацию о структуре, планах и деятельности союза (особенно об организации царевубийства и вооруженного восстания) имели только основатели.

Отдельные члены союза занимались специальной деятельностью, скрытой от большинства соратников. Среди них был член Коренной управы полковник Ф. Н. Глинка, в 1819–1822 гг. находившийся «по особым поручениям» при петербургском военном генерал-губернаторе. Как заведующий Особенной канцелярией генерал-губернатора он имел доступ практически ко всем сведениям, составляющим государственную и служебную тайну. Глинка также имел прямое отношение к некоторым специальным вопросам, связанным с деятельностью военной полиции и контрразведки, и мог обеспечивать

руководителям «Союза благоденствия» оперативное прикрытие. Когда в конце ноября 1820 г. корнет лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронов доложил Милорадовичу об организации, его информация была блокирована. Глинка сумел отобрать у Ронина «письменное показание» и доказать своему шефу «ложность» доноса. По представлению Васильчикова «клеветник» корнет был отставлен со службы и выслан в родовое имение. В конечном счете компетентность Милорадовича в вопросах безопасности стоила ему жизни. Учитывая грамотную (и рискованную) работу Глинки, нельзя исключать того, что автономная ячейка «Союза благоденствия» известная как общество Глинки – Перетца представляла собой спецслужбу (единственную или?), обеспечивавшую безопасность заговорщиков.

К концу 1820 г. в «Союзе благоденствия» возникли разногласия по вопросу будущего государственного устройства России. Не все члены союза были согласны на вооруженный захват власти и отстранение или устранение императора. В начале 1821 г. в Москве съезд Коренной управы (12 человек) объявил союз распущенным. По поводу этого события существуют две версии. Одни участники съезда считали, что решение о роспуске действительно есть самоликвидация тайного общества, другие рассматривали его как способ удаления наименее воинственных членов. Несомненно, на роспуск союза повлияли политические разногласия лидеров, наиболее радикальные из которых предпочитали республиканскую форму правления (более умеренные склонялись к конституционной монархии). Мы определяем это как реорганизацию, в результате которой были созданы новые тайные общества – «Северное» и «Южное», приступившие к подготовке армейской «революции».

«Северное общество» появилось в Петербурге осенью 1823 г. Его учредителями являлись Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, С. П. Трубецкой, в числе активных членов был К. Ф. Рылеев. Программный документ общества – «Конституция» – разработана Н. М. Муравьевым. «Конституция» предусматривала установление конституционной монархии, федеративное устройство России и ликвидацию крепостного права. Большинство членов «Северного общества» считали необходимым после свержения старой власти для определения государственного устройства принятия Конституции и провести Учредительное собрание. Одним из основных принципов «северяне» называли обеспечение прав личности, в первую очередь для дворян (!), избирательные права ограничивались имущественным цензом. За помещиками сохранялась основная часть земли, порядок освобождения крестьян почти совпадал с предложениями Аракчеева. Единство взглядов на государственное устройство России в «Северном обществе» не было: сторонники Рылеева считали себя республиканцами.

Участники «Южного общества», образованного в марте 1821 г. на базе Тульчинской управы «Союза благоденствия», были более радикальны в политических взглядах. Центральным органом этой организации являлась Директория, в состав которой вошли П. И. Пестель, А. П. Юшневский и Н. М. Муравьев (от «Северного общества»). Наиболее известные деятели «южан» – С. Г. Волконский, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, М. П. Бестужев-Рюмин. Программный документ – составленная Пестелем «Русская правда» – имел антифеодальную направленность, предусматривал ликвидацию крепостного права с наделением крестьян землей за счет помещиков, во владении которых было свыше 10 000 десятин. Половина земельных угодий каждой волости оставалась в частной собственности, другая половина переходила в общественную. Россия виделась унитарным государством с республиканской формой правления, избирательные права планировалось предоставить всем гражданам. Помимо того, Пестель имел планы, тщательно скрываемые от большинства соратников (о них ниже).

В Малороссии была еще одна, менее известная, тайная организация, основанная в 1818 г. армейскими офицерами И. И. Горбачевским, братьями А. И. и П. И. Борисовыми. Первоначально она именовалась «Общество первого согласия», затем «Обществом друзей природы» и окончательно оформилась под названием «Общество соединенных славян». Большинство его членов – младшие офицеры из мелкопоместных дворян. Главная политическая цель – создание федерации славянских

народов при условии ликвидации самодержавия и отмены крепостного права. Проект «соединенных славян» имел ярко выраженную геополитическую направленность и не мог быть реализован без изменения государственных границ на юге и востоке Европы.

Члены «Северного» и «Южного» обществ перетягивали народные массы не решались. В России того времени идеи борьбы с самодержавием не встречали поддержки в низах. Дворянских революционеров устраивал кровавый опыт Французской революции 1789–1793 гг. Не желая испытать подобное на себе, они надеялись добиться своих целей с помощью вооруженного восстания, совершенного армией, в основном – гвардией. Не доверяя солдатам, заговорщики агитацию среди них не вели. «Соединенные славяне» не одобряли идею чисто военной революции как чреватой диктатурой. Имея достаточные основания для подобных подозрений, они все же присоединились в сентябре 1825 г. к «Южному обществу».

За внешне демократичными положениями «Русской правды» просматривалась приверженность Пестеля к установлению жесткой авторитарной диктатуры. Он являлся сторонником «временного революционного правительства» в течение десяти лет осуществлявшего бы чрезвычайное правление. Выборы в парламент России (Народное вече) могли быть осуществлены только после проведения в жизнь положений «Русской правды». Документ предусматривал всемогущество государства, жестко контролирующего граждан, жертвующего интересами гражданина во имя общего блага. Одним из механизмов, призванных обеспечить осуществление программных целей «Русской правды», Пестель считал усиление политического сыска.

В найденной при его аресте «Записке о государственном правлении» обнаружен проект создания так называемого Вышнего благочиния (службы безопасности) с привлечением для специальных нужд жандармерии (вы найдете его в конце главы). Задачей Вышнего благочиния было обеспечение внутренней безопасности. Эта задача должна была выполняться в условиях строжайшей секретности и личного состава службы глубоко конспирировался; само существование службы являлось государственной тайной (это совпадает с принципами организации Высшей воинской полиции).

П. И. Пестель наделял задуманную им спецслужбу самыми широкими полномочиями. Помимо современных задач службы безопасности, контрразведки, ГУБОП, налоговой полиции и полиции нравов Вышнее благочиние получало право надзора над судебной системой и вероисповеданием граждан. Основную информацию следовало получать с помощью агентуры. Исполнение распоряжений правительства должна была контролировать внутренняя стража (жандармерия).

Создатель документа хорошо понимал суть агентурной и оперативно-розыскной деятельности и так точно, что не подкрепленный силой закон – лишь благопожелание, и определил количество жандармов в 10-кратном (!) размере по сравнению со штатами Российской империи при Александре I. Не забыл он и о материальном стимулировании сотрудников стражи.

Мысли П. И. Пестеля являются «крамольными» для людей его круга: в дворянской, и особенно офицерской среде, вплоть до 1917 г. бытовала стойкая неприязнь к тайному сыску. Мы полагаем, что недопонимание роли спецслужб в обеспечении внутренней безопасности государства – как со стороны «просвещенного» общества так и со стороны Николая II – стало одной из множества причин последующего краха династии Романовых.

Соображения Пестеля были известны в полном объеме ему одному, остальные члены «Южного» и «Северного» обществ имели крайне отрывочную информацию. Большинство современников характеризуют этого «борца за свободу» как человека, неохотно допускавшего свободу печати совсем не допускавшего никаких, даже открытых обществ. Он был сторонник равенства, осуществляемого всемогущим и деспотическим государством. В его представлениях странно переплетались такие понятия, как конституция, республика, свобода, самодержавие и диктатура. Основным способом достижения

политических целей Пестель считал убийство членом императорской фамилии.

Одним из тех, кого готовили на роль убийцы государя, был капитан А. И. Якубович, которого заговорщики называли Брутом и Маратом одновременно. К убийству царя готовился и Каховский: тренировался в стрельбе, производил разведку маршрутов передвижений императора, в том числе в Царском Селе. Подготовка мятежной гвардии и подготовка к царскому убийству осуществлялись параллельно. Рылеев считал, что покушение на царя должно явиться актом террориста-одиночки. При этом в случае неудачи заговорщики как организованная группа выводились из-под ответственности государства, а в случае успеха тайное общество получало практически идеальный результат: оставалось вне критики и морального осуждения в свете и в народе. Таким образом, подготовка покушения осуществлялась конспиративно, заранее готовились мероприятия прикрытия на случай возможного провала.

В то время как члены тайных обществ обсуждали планы переустройства Российской империи и готовились к свержению самодержавия, последний был более обеспокоен ростом революционного движения в Европе. Эта обеспокоенность нашла отражение в решениях, принятых монархами ведущих европейских стран в Троппау. В 1823 г. на Веронском конгрессе Александр I заявил: «Я покидаю дело Греции, потому что усматриваю в войне греков (против турок) признаки революции» [324]. Российское правительство следило за политическими процессами, происходившими в Европе, и с подозрительностью относилось к западной литературе, распространявшейся в стране. Российские подданные, осуществлявшие, по мнению правительства, непозволительную переписку с иностранцами или отправлявшие за границу, находились под контролем. Основная информация о европейских «карбонариях» поступала по каналам МИД возглавляемого К.-Р. В. Нессельроде.

В 1820 г. А. Х. Бенкендорф по собственной инициативе подал императору докладную записку «Дело о тайных обществах существующих в Германии и других европейских государствах и Записку о причинах и ходе народного освободительного восстания карбонариев в Неаполе». В этих документах дан анализ характера задач европейского революционного и национально-освободительного движения. Александр Христофорович высказался также за принятие срочных и действенных мер по отношению к членам тайных обществ России, но его дельные и своевременные предложения поощрения не получили.

Информация о деятельности заговорщиков постоянно поступала к государю. Незадолго до «Семеновской истории» командующему Гвардейским корпусом Васильчикову библиотекарь штаба М. К. Грибовский [325] сообщил о существовании политического заговора. Генерал решил дождаться возвращения императора из Австрии и не провел должного расследования. 4 января 1821 г. император утвердил «Проект об устройстве военной полиции при Гвардейском корпусе». Процитируем его: «Начальство гвардейского корпуса необходимо должно иметь самые точные и подробные сведения не только обо всех происшествиях вверенных войсках, но еще более – о расположении умов, о замыслах и намерениях всех чинов. Корпус сей окружает Государя, находится почти весь в столице, и разные части оно, не быв разделены, как в армии, большим пространством тесно связаны и в непрерывном сношении между собой. Источники, посредством которых получает начальство сведения, весьма недостаточны даже не надежны. Обыкновенный путь через полковых командиров; но [они] частые знают сами, часто по собственной выгоде или по ложному понятию могут скрывать разные происшествия, и, к несчастью иногда за ними самими необходимо бывает наблюдать<...>

Если даже полковые командиры будут все знать происходящее в полках и доводить до сведения начальства все еще не достаточно. Офицеры посещают общества и имеют связи; беспокойное брожение умов во всей Европе <...> может вкратце к нам, могут прийти злые намеренные люди, которые, будучи недовольны самым лучшим правлением, в надежде собственных выгод станут замышлять губные затеи;

может даже встретиться с такими же земцы, завидуя величю России, подошли к тайным искусным агентам и легко успеют вкрасться в общество. Совершенно необходимо иметь военную полицию при Гвардейском корпусе для наблюдения войск, расположенных в столице и окрестностях, прочие по отдаленности не могут быть удобно наблюдаемы и в сем отношении не так важны. <...> Полиция сия должна быть так учреждена, чтобы самое существование ее покрыто было непроницаемою тайной... [326].

Несмотря и с обычной российской нерасторопностью, но система организации структуры военной контрразведки постепенно внедрялась в военные структуры, способствуя получению информации об «опасных настроениях и заговорах», которыми было пронизано практически все.

Грибовскому поручили организацию тайной полиции в гвардейских частях, а также информирование правительства происходивших событий. В штате полиции имелось 9 смотрителей, а нижними чинами и 3 – за офицерами; бюджет устанавливался 40 000 рублей в год. Смотрители нижними чинами получали 600 рублей в год, смотрители офицерами – 3000 рублей, сам Грибовский – 6000 рублей в год. Аналогичная полиция создавалась и в дислоцированной в Малороссии 2-й армии.

Грибовский действовал успешно: заранее получил информацию о подготовке съезда в Москве, назвал имена основных участников – М. А. Фонвизина, М. Ф. Орлова, П. Х. Граббе, Н. И. Тургенева, Ф. Н. Глинки, сообщил также о совещаниях, проходивших в провинции. В мае 1821 г. через начальника штаба Гвардейского корпуса Бенкендорфа он представил Александру I докладную записку о деятельности «Союза благоденствия» с изложением его структуры и целей; были указаны имена наиболее активных членов. Царь получил записку после возвращения из очередной поездки в Верону, Венецию, Баварию и Богемию. После смерти императора документ был обнаружен в его кабинете без каких-либо пометок. Вероятно, с ней был ознакомлен цесаревич Константин Павлович, который изложил свое мнение в записке «О вредном направлении умов военных людей и о мерах, принятых для отвращения в войсках духа вольнодумства». В записке Константина Павловича, направленной начальнику Главного штаба П. М. Волконскому 19 мая 1821 г., говорилось, что идеи «вольнодумцев и бунтовщиков» распространяются, что они в нынешних обстоятельствах являются опасными. Следовало принять самые решительные меры, дабы дух вольнодумства не мог попасть в войска.

Осенью 1821 г. к императору вновь поступила информация о деятельности тайных обществ. По одной версии, информатором являлся М. К. Грибовский, по другой – генерал-майор А. Ф. Орлов [327], который мог узнать некоторые тайны заговорщиков от своего брата М. Ф. Орлова. Информация «О розысках заговора в Южной армии по поводу дела о В. Ф. Раевском в конце 1821 – начале 1822 г.» поступила из 2-й армии. Таким образом, начиная с 1820 г. император имел доказательства существования деятельности в России конспиративных организаций заговорщиков. Но единственной реакцией Александра I стал указ от 1 августа 1822 г. о запрещении масонских лож и тайных обществ. У всех военных и гражданских чинов бралась подписка, что они не являются членами какого-либо тайного общества, но никаких репрессивных мер по отношению к действительным членам таковых не было.

По нашему мнению, непринятие государем решительных мер объясняется следующими причинами. Александр мог считать, что тайные общества, возникшие по образцу масонских лож, являлись не подрывными организациями, а клубами единомышленников. Возможно, он не хотел признать перед европейскими монархами тот факт, что Россия (как и Европа) пропитана революционными настроениями. Нерешительность государя могла быть обусловлена и его прежними либеральными воззрениями. А. С. Пушкин в дневнике высказался предельно категорично: «...Покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря» [328].

Военно-секретная полиция активно работала в Царстве Польском. Ее штат состоял из начальника

отделения, чиновника по особым поручениям, прикомандированного жандармского офицера и канцеляриста ведавшего делопроизводством. Но при этом имелась разветвленная сеть резидентур. Среди резидентов в 1823 г. значились подполковник Засс, полковник Е. Г. Кемпен; дивизионный генерал А. А. Рожнецкий руководил заграничной агентурой, начальник 25-й пехотной дивизии генерал-майор Рейбниц отвечал за разведку в австрийской Галиции и в стратегически важном округе Лемберг (Львов). Для выполнения отдельных поручений привлекались проверенные кадры: армейские и жандармские офицеры, гражданские чиновники, командиры воинских частей.

Длительное время не принимая решения о расследовании деятельности тайных обществ, самодержец поставил специальные службы в двусмысленное положение. При отсутствии конкретных указаний о лицах, в отношении которых имелась оперативная информация, сотрудники этих служб не могли действовать эффективно. Только в 1824 г. император осознал серьезность ситуации. В записке, обнаруженной в его бумагах и относящейся к этому времени, говорится: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлился по крайней мере разливается между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при этом миссионеров для распространения своей партии...» из генералов, полковников, полковых командиров, сверх сего большая сеть разных штаб-и обер-офицеров» [329].

В августе 1824 г. граф Витт получил задание государя лично вступить в контакт членами «Южного общества». При посредничестве состоящего при нем чиновника для особых поручений А. К. Бошняка он начал переговоры с В. Н. Лихаревым и В. Л. Давыдовым. Граф выдвинул версию, что он давно знает о существовании тайного общества, полностью поддерживает его цели, желает присоединиться к нему и готов через год поставить под ружье 50 000 войска. Давыдов сообщил об этом предложении Пестелю. Тот, хотя и был обрадован, проявил осторожность и посоветовался с генерал-интендантом 2-й армии А. П. Юшневским. Последний, получив письмо от Пестеля и подумав «с полчаса», передал ответ через Н. И. Лорера, что графа Витт принимать не следует, а необходимо всячески остерегаться. Лобовая попытка императора внедрить в ряды заговорщиков свое доверенное лицо не удалась.

Зато удалась другая. В декабре 1824 г. унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуд [330] самостоятельно обнаружил заговор, существующий во 2-й армии. Ему удалось войти в доверие к членам «Южного общества» Н. Я. Булгари и Ф. Ф. Вадковскому и узнать, что в расквартированных на юге России войсках действует конспирированная военная организация. В мае 1825 г. он отправил письмо своему соотечественнику лейб-медику императора Я. В. Виллие для передачи в собственные руки государя. После этого Шервуд был вызван к А. А. Аракчееву, а в июле представлен Александру I. Император подробно расспросил его о заговоре и поручил разработать план дальнейшего «разведывания» общества. В соответствии с представленным государю планом Шервуд должен был продолжить оперативную работу в Одессе и Харькове. По приказу императора дело посвящено И. О. Витту, которому надлежало обеспечить оперативнику все средства от открытия «любопытных».

В октябре 1825 г., когда царь находился в Таганроге, Шервуд, представив Вадковскому мнимый «отчет» своих действиях в пользу тайного общества на юге России, сумел вызвать у него откровенности полученные сведения о руководителях общества и направил Аракчееву. Но тут вмешался Его Величество Случай. В сентябре 1825 г. дворовые графа Аракчеева убили его домоправительницу Н. Ф. Минкину. Граф впал в депрессию и, не уведомив самодержца, «по тяжкому расстройству здоровья» передал дела генерал-майору А. Х. Эйлеру [331]. Сообщение Шервуда Аракчеев не читал, а пакет его донесением срочно отправили императору в Таганрог. Рапорт поступил к тому в начале ноября, когда Александр I был уже серьезно болен. Тем не менее он приказал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу направить помощь Шервуду лейб-гвардии полковника С. С. Николаева.

Сведения, имевшиеся в распоряжении правительства давали возможность для пресечения заговора, но никто из заговорщиков при жизни Александра I арестован не был. Таким образом, бездействие самодержца (а вслед за ним и высших должностных лиц империи) в отношении антиправительственной организации сыграло трагическую роль. Мы полагаем, что выступление на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. явилось прямым следствием нежелания Александра I доводить дело до кровопролития.

Еще одной серьезной причиной выступления гвардейцев стала ошибка государя в вопросах престолонаследия. Согласно Акту престолонаследия, принятому 5 апреля 1797 г. (при императоре Павле I), трон переходил по праву первородства по мужской линии. В правление бездетного Александра I наследником престола считался Константин Павлович. Мы уже упоминали о его намерении отказаться от престола, впервые высказанном после смерти Павла I. 20 марта 1820 г. был обнародован высочайший манифест о расторжении брака Константина принцессы Саксен-Кобургской Анны Федоровны. Согласно манифесту в случае последующего неравного брака цесаревича его жена и дети лишались титулов прав престолонаследия. 14 января 1822 г. Константин будучи женатым на особе нецарской крови – пани И. Грудзинской, письмом на имя Александра I формально отрекся от права на российскую корону, передав его в соответствии с Актом 1797 г. младшему брату – Николаю Павловичу.

2 февраля 1822 г. Александр I от своего имени и имени вдовствующей императрицы Марии Федоровны в письменном ответе Константину Павловичу выразил свое согласие с его решением. Передача прав на престол Николаю Павловичу была оформлена секретным манифестом от 16 августа 1823 г., однако самого Николая Павловича об этом документе официально не оповестили. Манифест был передан на хранение митрополиту Московскому Филарету. В случае кончины государя манифест должны были вскрыть прежде всякого другого действия московский епархиальный архиерей и генерал-губернатор прямо в соборе. Копии манифеста в запечатанных пакетах направили в Государственный совет, Сенат и Синод. Кроме Филарета о завещании знали еще три человека: мать императора Мария Федоровна, великий князь Константин Павлович и обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын [332].

Возможно, подготовив необходимые бумаги для легитимной передачи трона одному из своих братьев другому, император не обнародовал их потому, что считал этот вопрос внутренним делом царствующей династии. М. А. Корф приводит разговор между Александром I и князем А. Н. Голицыным незадолго до отъезда государя в Таганрог, записанный со слов последнего. Голицын позволил себе заметить государю о «неудобстве», которое может возникнуть, «...когда акты, изменяющие порядок престолонаследия, остаются столь долгое время не обнародованными, и какая может родиться оттого опасность в случае внезапного несчастья» [333]. Император был поражен справедливостью этих слов, но после минутного молчания, указав рукой на небо, тихо сказал: «Будем же полагаться в этом на Господа. Он лучшим образом сумеет все устроить не жели мы, слабые смертные» [334]. Даже на смертном одре Александр не дал распоряжений относительно своего преемника и не раскрыл тайны секретного манифеста.

О желании передать престол Николаю Александр I впервые заговорил с ним в 1819 г. Николай писал в дневнике: «Кончился сей разговор; государь уехал, но мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами, и с которой всюду открываются приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить и воротиться. Вот совершенное изображение нашего ужасного положения. С тех пор часто государь в разговорах намекал нам про сей предмет, но не распространяясь более об оном; а мы всячески старались избегать оного. Матушка 1822 года начала нам про то же говорить, упоминая о каком-то акте, который будто бы братом Константином Павловичем был учинен для отречения в нашу пользу, и спрашивала, не показывал ли нам оный государь» [335]. Сохранение отречения от престола цесаревича Константином

тайне и тайное же назначение наследником престола Николая стало для заговорщиков юридическим поводом к восстанию, которыми не преминули воспользоваться.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЫСШЕЙ ВОИНСКОЙ ПОЛИЦИИ ПРИ АРМИИ

ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ШТАБА ПО УПРАВЛЕНИЮ ВЫСШЕЙ ВОИНСКОЙ ПОЛИЦИЕЙ

ИНСТРУКЦИЯ ДИРЕКТОРУ ВЫСШЕЙ ВОИНСКОЙ ПОЛИЦИИ

*ДОПОЛНЕНИЕ К СЕКРЕТНЫМ ИНСТРУКЦИЯМ, НАПРАВЛЕННОЕ БАРКЛАЕМ-де-ТОЛЛИ де САНГЛЕНУ 11
апреля 1812 г.*

ПРИСЯГА ДЛЯ АГЕНТОВ

Из ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ ВЫШНЕГО БЛАГОЧИНИЯ

Глава 7

От Сенатской площади до Малахова кургана

Государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышляющих о цареубийстве. Его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

А. С. Пушкин

Александр I скоропостижно скончался в Таганроге 19 ноября 1825 г. Начальник Главного штаба и генерал-адъютант покойного императора И. И. Дибич немедленно отправил два сообщения о смерти: великому князю Константину Павловичу, которого считал наследником престола, и императрице Марии Федоровне. Известие о кончине государя было получено в Варшаве 25 ноября в семь часов вечера. Узнав о смерти брата Константин Павлович немедленно оповестил об этом гостившего у него Михаила Павловича. Как следует из воспоминаний последнего, Константин Павлович прочел Н. Н. Новосильцеву, дежурному генералу А. И. Кривцову, начальнику канцелярии Л. И. Гинцу и князю А. Ф. Голицыну копии документов своего отречения и заявил, что единственным законным преемником русского престола является Николай Павлович. В течение ночи и следующего утра были подготовлены официальные бумаги, подтверждавшие отречение, а также частные письма на имя Николая и Марии Федоровны. 26 ноября Михаил Павлович выехал с этими документами в столицу.

В Петербурге известие о смерти Александра получили утром 27 ноября во время молебна за здравие императора. Николай Павлович, считая своего старшего брата законным наследником престола, незамедлительно присягнул ему. Затем он привел к присяге внутренние караулы Зимнего дворца от Кавалергардского, Конногвардейского и Преображенского полков. Днем к присяге были приведены все войска столичного гарнизона.

В тот же день состоялось заседание Государственного совета. Князь А. Н. Голицын (единственный, знавший о содержании секретного манифеста) начал настаивать на немедленном вскрытии пакета, однако некоторые члены Госсовета возражали. Д. И. Лобанов-Ростовский заявил, что этого делать не следует, поскольку «у мертвых нет воли». Его поддержали А. С. Шишков и М. А. Милорадович, аргументируя свою позицию тем, что Николай Павлович уже принес присягу Константину. Председательствующий князь П. В. Лопухин решил все же распечатать пакет, и текст манифеста стал известен. По настоянию Милорадовича было принято решение идти к Николаю Павловичу и положитьсья на его волю.

Николай заявил депутации, что аим движет священный долг перед старшим братом. Поскольку войска уже начали присягать новому императору, он призвал членов Госсовета принести присягу Константину Павловичу «для спокойствия государства». По воле Николая это сделали не только члены Государственного совета, но и Сенат и Синод.

Здесь уместно упомянуть о роли военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга М. А. Милорадовича, которому на тот момент подчинялись войска гарнизона и столичная полиция. Отважный офицер и умелый военачальник, он пользовался заслуженным уважением в войсках и в силу должностного положения и авторитета владел реальной властью. Мы полагаем, что граф поддержал кандидатуру Константина Павловича по той причине, что последний мог стать для него менее требовательным государем, чем Николай.

Великий князь Константин Павлович

Возможно, Милорадович ожидал упреков или даже отстранения от должности за неудовлетворительною состоянием дисциплины в гвардии. В определенной степени повторялась ситуация с Петром III и Павлом I. Вечером 27 ноября князь Ф. П. Шаховской сказал Милорадовичу, что тот поступил весьма смело. Милорадович парировал, что чувствует за спиной поддержку гвардии. Можно предположить, что он в какой-то мере (скрыто или открыто) интажировал Николая, намекая на его непопулярность среди части гвардейских офицеров. Будущий император в тот момент не имел силовой поддержки (кроме 2-й гвардейской дивизии, которой лично командовал) и не знал оперативной обстановки. Учитывая моральный аспект и практические соображения, он, тем не менее, поступил тактически правильно. Николай решил действовать безупречно с точки зрения законности, осторожно выяснял обстановку, постепенно приобретал сторонников, накапливая военные и политические резервы на случай, если будет суждено подчиниться воле покойного императора, и сохраняя должный пиетет к старшему брату.

Великий князь Николай Павлович. Портрет работы Дж. Доу

Тем временем в Таганроге происходило следующее. 1 декабря 1825 г. на имя покойного императора поступило письмо от капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды [342]. В нем говорилось: «В России назад тому уже 10 лет как родилось и время от времени значительным образом увеличивается тайное общество под именем общества либералов; члены сего общества или корень оного мне до совершенства известен <...> равно как и план деятельных их действий» [343]. Высшее военное командование империи наконец осознало опасность антиправительственной деятельности тайного общества в вооруженных силах. Начальник Главного штаба И. И. Дибич и генерал-адъютант Александра I А. И. Чернышёв взяли ответственность за раскрытие заговора на себя и стали действовать быстро, благо, что сдерживающего фактора в лице покойного императора они уже не имели. 5 декабря 1825 г. Чернышёв

выехал в Тульчин, имея на руках приказ об аресте Пестеля, 13 декабря один из наиболее опасных заговорщиков был арестован. 10 декабря Дибич получил доклад И. В. Шервуда с доказательствами участия в заговоре Пестеля С. И. Муравьева-Апостола. В тот же день полковнику лейб-гвардии Казачьего полка С. С. Николаеву был отправлен приказ арестовать Ф. Ф. Вадковского. Решительные действия по разоблачению и аресту руководителей и многих членов «Южного общества» предотвратили вполне возможную «большую кровь».

Нахождение формально признанного самодержца в Варшаве и отсутствие каких-либо распоряжений с его стороны после 27 ноября породили в правящих кругах Петербурга состояние неопределенности. Для реализации планов заговорщиков создались благоприятные условия, но у них не было проработанного плана, который мог быть введен в действие немедленно. Наиболее радикальные руководители «Северного» и «Южного» тайных обществ планировали вооруженное выступление на первую половину 1826 г. Заговорщики получили через окружение придворных медиков данные о слабости здоровья Александра I и о том, что можно ожидать развязки именно в этот период. Один из вариантов переворота предусматривал силовой захват власти в момент смены императоров на престоле. Но, поскольку Константин Павлович находился в Варшаве, вне пределов досягаемости заговорщиков, и не издавал манифеста о своем вступлении на престол, лидеры «революционеров» не могли прийти к какому-либо решению. Тем не менее они вели интенсивную разведку в стане сторонников Николая, причем на очень высоком уровне.

«Город казался тих; так, по крайней мере, уверял граф Милорадович, – вспоминал Николай Павлович, – уверяли и тенежные, которые ко мне хаживали, ибо я не считал приличным показываться почти не выходя из комнат. Но в то же время бунтовщики были уже в сильном движении, и непонятно, что никто сего не видел. Оболенский, бывший тогда адъютантом генерала Бистрома, командовавшего всю пехоту Гвардии <...> ежедневно бывал во дворце, где тогда обычай был собираться после развода в так называемой Конно-Гвардейской комнате. Там, в шуме сборища разных чинов офицеров и других, ежедневно приезжавших во дворец узнавать о здоровье матушки, но еще более приезжавших за новостями, с жадностью Оболенский подхватывал все, что могло быть полезным к успеху заговора, и сообщал соумышленникам узнанное. Сборища их бывали у Рылеева. Другое лицо <...> Якубовский (Якубович. – Примеч. авт.) в то же время умел хитрости своею и некоторою наружностью смельчака втереться в дом графа Милорадовича и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Чего Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал от графа, у которого как говорится, часть сердца было на языке» [344].

3 декабря в Петербург прибыл Михаил Павлович, который вручил Марии Федоровне и Николаю письма от Константина Павловича. Однако в письмах не было (и не могло быть) манифеста, в котором тот отказывался от данной ему присяги, принесенной через сутки после отъезда Михаила Павловича из Варшавы. Николай вспоминал, что ему удалось «...убедить матушку, что одних сих актов без явной опасности публиковать нельзя и что должно непременно стараться убедить брата прибавить к тому другой, в виде манифеста с изъяснением таким, которое бы развязывало от присяги, ему данной» [345].

Члены императорской фамилии в тот же день направили в Варшаву фельдъегеря Белоусова с письмом, в котором просили Константина Павловича написать манифест о отказе от присяги, и решили не предавать огласке его первое послание. Тот факт, что Михаил Павлович не принес присягу в Варшаве, служил для общественному мнению косвенным подтверждением отречения Константина Павловича от престола.

Чтобы предотвратить утечку информации, на семейном совете приняли решение отправить Михаила Павловича из Петербурга. Официально было объявлено, что великий князь едет в Варшаву с сообщением о

здоровье Марии Федоровны.

Местом пребывания младшего сына Павла I выбрали почтовую станцию Неннале в 300 верстах от Петербурга по Рижскому тракту. Михаил выехал во второй половине дня 5 декабря. По дороге он должен был останавливать возвращавшихся из Варшавы и задерживать всех, кто мог знать об отказе Константина Павловича от вступления на престол. Начальнику почтового ведомства и доверенному лицу императора Александра I князю Голицыну вменялось следить за поступлением корреспонденции из Царства Польского. Частные письма, приходившие из Варшавы, задерживались и временно адресатам не направлялись; бумаги, полученные по эстафетам из канцелярии наместника, передавались лично Николаю. Он вспоминал: «Бумаги, не терпящие отлагательства, должен был я лично вручать себе тем, к коим адресовались, и просить их вскрывать в моем присутствии, положение самое несносное!» [346].

Временный отъезд Михаила Павловича из столицы имел большое значение и с точки зрения безопасности императорской фамилии. С 5 по 13 декабря взрослые члены семьи Романовых по мужской линии пребывали в разных местах, что создавало известные трудности для их одновременного захвата при ликвидации. Константин находился под защитой преданных ему польских войск, состоявших из двух пехотных корпусов и кавалерийской дивизии. Недопущение к власти Николая имело смысл только после того, как документы об отречении Константина приобрели законную силу, т. е. получали признание на уровне Государственного совета, Сената и Синода. В этой ситуации тот, кто первым получал информацию об отречении Константина Павловича, имел больше возможностей для мобилизации и тактического развертывания своих сил.

Упорная борьба за обладание информацией, а значит и за возможность эффективно реализовать ее в своих интересах, между специальными службами Николая и аналогичными службами заговорщиков шла десять дней (4–13 декабря).

Значительная часть участников заговора состояла из адъютантов высших начальствующих лиц: при цесаревиче Константине – М. С. Лунин; при принце А. Вюртембергском – А. А. Бестужев; при главнокомандующем 1-й армией Ф. В. Остен-Сакене – П. П. Титов, В. А. Мусин-Пушкин и Ф. Л. Бреверн; при главнокомандующем 2-й армией П. Х. Витгенштейне – А. А. Крюков, В. П. Ивашев, Н. В. Басаргин и А. П. Барятинский; при дежурстве гвардейской пехоты – Е. П. Оболенский; при финляндском генерал-губернаторе А. А. Закревском – Н. В. Путятин; при смоленском генерал-губернаторе Н. Н. Хованском – А. Чевкин, при 2-м корпусе – А. И. Сабуров; при генерале Н. Н. Раевском – П. А. Муханов; при генерале Я. А. Потемкине – К. П. Оболенский; при генерале А. И. Чернышёве – В. Д. Сухоруков; при главном командире Кронштадтского порта Ф. В. Моллере – П. А. Бестужев. Указанные лица могли получать информацию от своих патронов и их ближайшего окружения. Однако меры секретности, принятые правительственной стороной, позволили Николаю Павловичу иметь информационное преимущество.

Параллельно с ведением разведки заговорщики занимались подготовкой вооруженного выступления гвардейских полков, частью офицерского состава которых они привлекли на свою сторону. Особые надежды декабристы возлагали на Кавалергардский и Измайловский полки: из них вышло и в них служило наибольшее число членов тайных обществ. По плану Пестеля после отстранения династии Романовых Кавалергардский полк должен был стать единственной охраной новой власти; планировалось, что он получит название Полк царских мечников и будет состоять из 16 дружин (эскадронов) латников. Он составлял бы прикрытия Императорского Величества и был бы ближний его телохранитель, занимая исключительно во дворце все внутренние караулы [347]. Из других гвардейских частей заговорщики рассчитывали на Гвардейский морской экипаж, Гренадерский, Московский и Финляндский полки. Кроме собственно участников «Северного» и «Южного» обществ, лидеры мятежников надеялись на поддержку членов масонских лож и ранее существовавших тайных обществ, среди которых были опытные в военном

деле старшиофицеры.

На собраниях руководителей заговора под руководством С. П. Трубецкого был разработан следующий план действий. Перед принятием присяги состоявшие в заговоре офицеры должны были склонить солдат к мятежу используя в качестве аргументов ложные сообщения об аресте великих князей Константина Михаила и о незаконности присяги Николаю. Первому отряду под командованием капитана Нижегородского драгунского полка А. И. Якубовича, поручался захват Зимнего дворца и арест императорской семьи. Для этого предполагалось использовать Гвардейский экипаж, Измайловский полк и Конно-пионерный эскадрон. Вторым отрядом, возглавляемым полковником 12-го Егерского полка А. М. Булатовым, должен был овладеть Кронверком (арсенал) и Петропавловской крепостью (под прицелом пушек крепостинаходился Зимний дворец). В качестве основной ударной силы вторым отрядом намечались 1-й и 2-й батальоны Гренадерского полка. Третьему отряду, под руководством С. П. Трубецкого, надлежало блокировать здание Сената. Рылееву и Пущину поручалось предъявить сенаторам, под угрозой оружия, ультиматум не присягать новому императору, объявить правительство изложенным и передать власть Временному правительству. В этой части операции главная роль отводилась 1-му и 2-му батальонам Московского полка.

Чтобы придать мятежу характер народной революции, Якубович предложил сыграть на низменных страстях жителей Петербурга и использовать вариант, уже опробованный при свержении Петра III. Он планировал, открыв кабаки и организовав бесплатную раздачу водки для населения, взбунтовать толпу и направить ее к Зимнему двору и в богатые кварталы города. В случае неудачи восстания проговаривался вариант поджога столицы и отступления в Москву для соединения с войсками, находившимися под контролем членов «Южного общества». Чтобы обезглавить правительственные войска и внести панику в ряды сторонников самодержавия, Рылеев предложил убить Николая. Каховскому поручили рано утром 14 декабря проникнуть в Зимний дворец и совершить индивидуальный (!) террористический акт до начала общего выступления. М. А. Бестужев должен был захватить великого князя Михаила Павловича на Нарвской заставе при въезде в Петербург.

В планах заговорщиков важное место отводилось караулам: быстрый захват ключевых объектов без их поддержки практически невозможен. Особый расчет возлагался на караулы по 1-му отделению, Петропавловской крепости и Нарвской заставе. Наиболее важными были караулы по 1-му отделению: внутренний караул и главная гауптвахта Зимнего дворца, присутственные места на Гороховой (дом № 2), Адмиралтейство, Сенат. Дежурный по этим караулам командир 2-го батальона Финляндского полка полковник А. Ф. фон Моллер ранее состоял в тайном обществе. 2-я и 3-я фузилерные роты 1-го батальона Гренадерского полка занимали караулы в Кронверке и Петропавловской крепости. В карауле у Нарвской заставы стояла 2-я гренадерская рота Московского полка.

Главным руководителем (диктатором) восстания был избран С. П. Трубецкой, его заместителем — старший адъютант (начальник штаба) гвардейской пехоты Е. П. Оболенский.

Окончательный план выступления выработали 10–13 декабря на квартирах Рылеева и Оболенского, однако замысел заговорщиков не дано было осуществиться.

Ранним утром 11 декабря в Петербург прибыл барон Б. А. Фредерикс с пакетом от генерала Дибича для передачи в собственные руки императору. Николай Павлович так описал его приезд: «Спросив полковника Фредерикса, знает ли он содержание пакета, получил в ответ, что ничего ему неизвестно, но что какой-то пакет послан в Варшаву, по неизвестности Таганроге, где находился государь. Заключив из сего, что пакет содержит обстоятельство особой важности, я был в крайнем недоумении, на что мне решиться? Вскрыть пакет на имя императора был поступок столь важный, что решиться на сие казалось мне последнюю крайность, к которой одна необходимость могла принудить человека, поставленного

самое затруднительное положение, и – пакет вскрыт! <...> Дело шло о существующем только что открытом распространённом заговоре, которого отразились через всю империю, от Петербурга до Москвы и до второй армии в Бессарабии. <...> Должно было действовать же теряя минуты, с полною властью, с опытностию и решимостию – я не имел ни власти, ни права на оную; мог только действовать через других, из одного доверия ко мне обращавшихся, без уверенности, что совет моему последуют; и притом чувствовал, что тайно подобной важности должно было наипаче скрывать от всех <...> или преждевременно заговорщикам не открыты, то замыслы их уже не скрывать от правительства [248].

Б. А. Фредерикс

Николай немедленно пригласил к себе Милорадовича и Голицына и ознакомил их с приложениями к депеше Дибича: «Писанные рукою генерал-адъютанта графа Чернышёва для большей тайны, в них заключалось изложение открытого обширного заговора. <...> Известно было, что заговор касается многих лиц в Петербурге и наиболее в Кавалергардском полку, но в особенности в Москве, в главной квартире 2-й армии, и в частях войска, ей принадлежащих, а также в войсках 3-го корпуса. Показания были весьма неясны, неопределительны; но однако еще за несколько дней до кончины своей покойный император велел генералу Дибичу, по показаниям Шервуда, послать полковника лейб-гвардии Измайловского полка Николаева взять известного Вадковского, за год выписанного из Кавалергардского полка. Еще более ясны были подозрения на главную квартиру 2-й армии, и генерал Дибич уведомлял, что вслед за сим решил послать графа Чернышёва в Тульчин, дабы уведомить генерала Витгенштейна происшедшем и арестовать князя С. Волконского, командовавшего бригадой, и полковника Пестеля, в одной бригаде командовавшего Вятским полком.

Подобное извещение в столь затруднительное и важное время требовало величайшего внимания, и решено было узнать, кто из поименованных лиц в Петербурге, и не медля их арестовать, как о капитане Майборде ничего не упоминалось, но должно было полагать, что через него получатся еще важнейшие

сведения, торешился граф Милорадович послать адъютанта своего генерала Мантейфеля генералу Роту, дабы, приняв Майбороду, доставить в Петербург. Из петербургских заговорщиков по справке никого не оказалось налицо; все были в отпуску, а именно – Свистунов, Захар Чернышёв и Никита Муравьёв, что более еще утверждало справедливость подозрений, что они были в отсуствии для съезда, как в показаниях упоминалось. Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существовании заговора и в вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратиться внимание полиции, но все осталось тщетным в прежней беспечности» [349].

В распоряжении военного губернатора имелись следующие силы и средства. Кроме сотрудников общей полиции, в Петербурге находились подразделения Отдельного корпуса внутренней стражи: внутренний гарнизонный батальон и жандармский дивизион. Функции военной полиции исполнял лейб-гвардии Жандармский полукэскадрон. Гарнизонный батальон выполнял задачи по охране и конвоированию арестантов и нес полицейскую караульную службу. Жандармские части изначально создавались как подразделения быстрого реагирования. В дивизионе были конная и пешая команды. Конная состояла из 25 офицеров, 35 унтер-офицеров, 264 жандармов и 4 трубачей; пешая – из 1 офицера, 18 унтер-офицеров и 102 жандармов. В полукэскадроне, который был полностью кавалерийским, служили 4 офицера, 10 унтер-офицеров, 80 жандармов и 2 трубача. Все жандармы имели на вооружении драгунские ружья со штыками образца 1809 г. и драгунские палаши, кавалеристы дополнительно имели по два пистолета. Жандармы были обучены действовать большими командами и даже в одиночку. В умелых руках – эта грозная сила, однако Милорадович был храбрый солдатно посредственный полицейский.

В середине дня 12 декабря из Варшавы прибыл фельдъегерь Белоусов. «Вскрыв письмо брата, удостоверился я с первых строк, что участь моя решена, но что единому Богу известно, как воля Константина Павловича исполнится, ибо вопреки всем нашим убеждениям решительно отказывал в новом акте, упираясь на то, что, не признавая себя императором, отвергая присягу, ему данную, как такую, которая неправильно ему принесена была, не считает себя вправе и не хочет другого изречения непреклонной своей воли, как обнародование духовной императора Александра и приложенного к оному акта отречения своего от престола. Я предчувствовал, что, повинувшись воле братней, иду на гибель, но нельзя было иначе, и долг повелевал сообразить единственно, как исполнить сие с меньшею опасностью недоразумений и ложных наветов.<...> Изготовив в скорости проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было притом опубликовать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма – к матушке ко мне как к императору» [350], – писал об этом событии Николай.

К Михаилу Павловичу отправил курьера с предписанием прибыть в Петербург в восемь часов вечера 13 декабря. На это время было намечено заседание Государственного совета, на котором Николай намеревался объявить себя императором. О прибытии фельдъегеря от Константина Павловича Михаил не знал: тот добирался в столицу по Рижскому тракту.

Тем временем известие о прибывшем фельдъегере распространилось по Петербургу и через некоторое время дошло до руководителей заговорщиков. Вечером 12 декабря в Зимний дворец прибыл подпоручик лейб-гвардии Егерского полка Я. И. Ростовцев и доложил, что в столице готовится вооруженное выступление против Николая. Он настоятельно просил не награждать его за сообщение о заговоре в гвардии, полагая это своим долгом верно подданного.

Получив новую информацию о намерениях заговорщиков, Николай Павлович решил форсировать события. 13 декабря он вызвал командующего Гвардейским корпусом генерала А. Л. Воинова, вступившего в командование гвардией в 1824 г. («... человек почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобрести никакого веса в своем корпусе» [351]). Николай поставил его в известность воле

Константин поручил собрать всех генералов и полковых командиров гвардии в Зимнем дворце в понедельник, в 6 часов утра. Он намеревался обратиться к высшему командному составу гвардии, «...дабы лично им объяснить весь ход происшедшего <...> и поручить им растолковать все ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядку» [352]. К 8 часам вечера Государственный совет был собран, но Михаил – личный свидетель волеизъявления Константина – отсутствовал. Он получил сообщение о прибытии в Петербург только в 14 часов 13 декабря и прибыть к назначенному времени физически не мог. В это же время лидеры мятежников на своем последнем заседании приняли решение о начале восстания утром 14 декабря.

Николай позднее вспоминал: «Мы ждали Михаила Павловича до половины одиннадцатого ночи, и его не было. Между тем весь город знал, что Государственный совет собран, и всякий подозревал, что настала решительная минута, где томительная неизвестность должна кончиться. Нечего было делать, и я должен был следовать один. <...> Подойдя к столу, я сел на первое место, сказав: „Я выполняю волю брата Константина Павловича“. И вслед за тем начал манифестом моему восшествию на престол. Все встало, и я также. Все слушали в глубоком молчании и по окончании чтения глубоко мне поклонились, при чем отличился Н. С. Мордвинов, против меня бывший, всех первый вскочивший и ниже прочих отвесивший поклон, так что оно мне странным показалось. Засим должен был я прочесть отношение Константина Павловича к князю Лопухину, в котором он самым сильным образом выговаривал ему, что он слушался будто воли покойного императора Александра, отослав ему духовную и акт отречения и принеся ему присягу, тогда как на сие права никто не имел. <...> Во внутреннем конногвардейском карауле стоял то время князь Одоевский, самый бешеный заговорщик, но никто сего не знал; после только вспомнили, что он беспреестанно расспрашивал придворных служителей происходящем» [353].

В 7 часов утра присягу Николаю принесли члены Сената, Синода и большая часть личного состава гвардейских полков, дислоцированных в столице. Из гвардейской кавалерии в самом Петербурге стояли только Кавалергардский и Конный полки и Черноморский эскадрон, на окраинах города – 2-я, 4-я и 6-я сотни Казачьего полка, другие три сотни были на льготе на Дону. Остальные полки – Гусарский, Драгунский, Кирасирский, Конно-егерский, Уланский и Лейб-кирасирский Ее Величества (не гвардейский) – дислоцировались вне пределов столицы. Все гвардейские пехотные полки – Преображенский, Московский, Семеновский, Гренадерский, Измайловский, Павловский, Егерский и Финляндский – имели в казармах 1-е и 2-е батальоны, 3-и батальоны находились в окрестностях столицы. Гвардейский экипаж, артиллерия, саперы, инвалидные роты, вспомогательные подразделения, учебные негвардейские части, а также жандармы дислоцировались в городе. Таким образом, большая часть гарнизона присягнула новому императору, что позволило создать достаточный кредит доверия в силовых подразделениях и рассчитывать на лояльность большинства войск.

14 декабря офицеры-мятежники затемно были в казармах и вели среди солдат своеобразную агитацию. Она основывалась не на идеях равенства граждан, сокращения срока службы или других демократических ценностях, знакомых современному российскому обществу, а на банальной лжи! Солдатам Московского полка А. А. Бестужев говорил, что их (солдат) обманывают: государь (Константин Павлович) не отказался от престола, а закован в цепи; шеф полка (Михаил Павлович) задержан под Петербургом и тоже в цепях. Солдатам Гренадерского полка он же говорил, что от него (солдатам) прислал Константин Павлович, поэтому вторично присягать не следует. Лейтенант А. П. Арбузов уверял матросов Гвардейского экипажа, что в окрестностях столицы стоит армия, которая уничтожит всех присягнувших Николаю. Подобных свидетельств в материалах Следственного комитета по делу декабристов имеется множество.

Утверждение заговорщиков о незаконности новой присяги базировалось на следующих постулатах: Николай узурпировал власть; законный государь Константин I и великий князь Михаил Павлович

арестованы. Последнее утверждение было для солдат особенно важным: части, активную агитацию которых проводили мятежники, входили в состав 1-й гвардейской дивизии, находившейся под командованием великого князя. Столь постыдный для офицеров обман объясняется тем, что подтолкнуть мятеж у прошедших Отечественную войну солдат можно было только под предлогом, что они выступают за правое дело.

План мятежников осуществился только на этапе агитации и только в трех частях: Гвардейском экипаже, частично Московском и Гренадерском полках. Когда наступило время действовать и рисковать своей жизнью, организаторы заговора повели себя далеко не самым лучшим образом: Каховский отказался выступить в роли террориста-одиночки; Булатов и Якубович вовсе не явились в полки и не приняли командование своими отрядами; Рылеев и Трубецкой также не явились на Сенатскую площадь. «Диктатор» Трубецкой за один и тот же день изменил и императору, и своим товарищам по обществу. Большинство заговорщиков поступили также: 14 декабря безропотно присягнули Николаю I в составе своих полков.

Необходимо особо отметить введение личного состава гвардейских рот, несших 14 декабря караульную службу по городу. Всего в караулах находилось 16 рот: по две – Московского и Гренадерского, четыре – Финляндского, пять – Павловского и три – Учебного карабинерного полков. Дежурный по караулам 1-го отделения полковник А. Ф. фон Моллер решительно отказал мятежникам. Его поддержали все подчиненные офицеры: подпоручик Н. Д. Тулубьев (2-й внутренний караул Зимнего дворца), штабс-капитан Прибытков (главная гауптвахта Зимнего дворца), подпоручик Куткин (присутственныйместа на Гороховой), поручик Зейфарт (караул у Адмиралтейства) и подпоручик Я. Насакен (караул у Сената). Караулу при Адмиралтействе пришлось пробиваться сквозь толпу лейб-гренадер. Особенно трудное положение сложилось для караула Насаке на здании Сената.

На посту дома князя А. А. Лобанова караульная смена проходила сквозь цепи восставших. Две смены в 24 штыка, выведенные Насакеном, простояли под ружьем лицом к лицу и почти вплотную к каре восставших, издавая жест, когда вдали показывался Николай. Роты Гренадерского полка, несшие караул в Кронверке и Петропавловской крепости, также остались в руках правительства. Начальник караула у Нарвской заставы поручик А. С. Кушелев отказался от предложения М. Бестужева захватить Михаила Павловича при въезде в Петербург. 4-я фузилерная рота Московского полка (командир Куприянов), занимавшая караул в Измайловском полку, присягнула вместе с измайловцами. Сменивший Одоевского во внутреннем карауле князь В. А. Долгоруков [\[354\]](#) на вопрос Николая I, может ли он на него рассчитывать, ответил: «Я – князь Долгоруков». Ни один из караулов не выступил на стороне мятежников.

Пришедшие в полки заговорщики действовали так. Во время церемонии в Московском полку Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. и А. А. Бестужевы уговорили часть солдат 1-й гренадерской, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й фузилерных рот не присягать. Командир бригады генерал-майор В. Н. Шеншин, полковой командир П. А. Фредерикс и полковник П. К. Хвоцинский, пытавшиеся противодействовать мятежникам, получили тяжелые ранения. В итоге заговорщики вывели на Сенатскую площадь чуть более 670 штыков. В Гренадерском полку на стороне восставших оказались большая часть 2-й гренадерской, 1-й, 4-й, 5-й и 6-й фузилерных рот, отдельные люди из 2-й и 3-й фузилерных рот, оставшиеся от караула, примерно 1250 штыков. Под командованием адъютанта 2-го батальона Н. А. Панова они двинулись сначала в Зимний дворец, затем на Сенатскую площадь. В Гвардейском экипаже мятеж поддержали все 8 строевых рот артиллерийская команда (около 1100 штыков из штатного числа 1280). Мятежные части вышли без артиллерии, а матросы Гвардейского экипажа – без патронов, с учебными деревянными кремнями в ружьях (всего около 3000 штыков и три 30 офицерах).

В самом начале восстания действия правительства носили спонтанный характер. Николай I и его

приближенные знали о факте заговора и возможности вооруженного выступления, но не знали ни планов противника, ни сил, которыми он располагает. Должностные лица, отвечавшие за безопасность столичного военного губернатора Милорадовича, комендант города генерал П. Я. Башуцкий [355] и обер-полицмейстер генерал А. С. Шульгин [356], – не сумели выявить это и предотвратить такое развитие событий. Командующий гвардией генерал А. Л. Воинов растерялся, поскольку никогда не имел дела с подавлением мятежей в собственных войсках. Император допустил серьезную ошибку, приказав большинству старших офицеров собраться в 11 часов во дворец на молебен: в результате многие подразделения на некоторое время остались без высшего командования. В этих условиях государь заявил Бенкендорфу, что если они умрут, то умрут исполнив долг.

«Вскоре засим (после отъезда полковых командиров. – Примеч. авт.) прибыл ко мне граф Милорадович с новыми уверениями совершенного спокойствия. <...> Приехал генерал Орлов, командовавший конной гвардией, с известием, что полк принял присягу; поговорив с ним довольно долго, я его отпустил. Вскоре за ним явился ко мне командовавший гвардейской артиллерией генерал-майор Сухозанет с известием, что артиллерия присягнула, но что в гвардейской конной артиллерии офицеры оказали сомнение в справедливости присяги, желая сперва слышать удостоверение сего от Михаила Павловича, которого считали удаленным из Петербурга, как будто из несогласия его на мое вступление. Многие из сих офицеров до того вышли из повиновения, что генерал Сухозанет должен был их всех арестовать. Но почти в сие же время прибыл наконец Михаил Павлович, которого я просил сейчас же отправиться с артиллерией для приведения заблудших в порядок.

Спустя несколько минут после сего явился ко мне генерал-майор Нейдгардт, начальник штаба гвардейского корпуса, и, взойдя ко мне совершенно в расстройстве, сказал: „Государь! Московский полк в полном восстании; Шеншин и Фредерикс тяжело ранены, и мятежники идут к Сенату; я едва их обогнал, чтобы донести вам об этом. Прикажите, пожалуйста, двинуться против них первому батальону Преображенского полка и Конной гвардии“. <...> Разрешив первому батальону Преображенскому выходить, дозволил Конной гвардии седлать, но не выезжать; и к сим отправил генерала Нейдгардта, послав в то же время генерал-майора Стрекалова, дежурного при мне, в Преображенский батальон для скорейшего исполнения. Оставшись один, я спросил себя, что мне делать? и, перекрестясь, отдался рукам Божиим, решил сам идти туда, где опасность угрожала. <...> Поставив караул поперек ворот, обратился к народу. <...> В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав: „Дело плохо, они идут к Сенату, но я буду говорить с ними“, – ушел, и я более его не видал...» [357]

Милорадович, несмотря на его попытку вести при дворе собственную игру, в последний свой час повел себя как храбрый солдат и верный слуга императора. Он лично выехал на площадь перед восставшими, попытался убедить их вернуться в казармы, что, скорее всего, ему бы удалось. Понимая это, Каховский из пистолета Оболенский штыком смертельно ранил генерала.

Тем временем Николай I продолжал действовать. «Надо было мне выигрывать время, дабы дать войскам собраться, нужно было отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным. <...> У кого-то в толпе нашелся экземпляр (манифеста. – Примеч. авт.), я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и, единый, Бог меня поддерживал. Наконец Стрекалов повестил меня, что Преображенский 1-й батальон готов. Приказав коменданту генерал-лейтенанту Башуцкому остаться и не трогать места без моего приказания, сам пошел сквозь толпу прямо к батальону. <...> Батальоном командовал полковник Микулин, и полковой командир полковник Исленьев был при батальоне. Батальон тогда мне честья прошел по фронту, спросив, готовы ли идти за мной, куда велю, получил в ответ громкое молодецкое: „Рады стараться!...> Никакая кисть не изобразит геройскую, почтенную и спокойную наружность сего истинно первого батальона в свете в столь критическую минуту. Скомандовав по-тогдашнему: „К атаке в колонну, первый и осьмой взводы, в

полоборотаналево и направо!“, повел я батальон.<...> Узнав, что ружья не заряжены, велел батальону остановиться зарядить ружья. <...>

Адъютант моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевести детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выехать ко мне на площадь. В это самое время услышали мы выстрелы, и вслед за сим прибежал ко мне флигель-адъютант князь Голицын <...> с известием, что сэрф Милорадович смертельно ранен.

Народ прибавлялся со всех сторон, я вызвал стрелков на фланги батальона и дошел таким образом до угла Вознесенской. Не видя еще конной гвардии, я остановился и послал за нею <...> с тем, чтобы полк скорее шел. Тогда же слышали мы ясно: „Ура, Константин!“ на площади против Сената, и видна была стрелковая цепь (из состава мятежников. –Примеч. авт.), которая никого не подпускала» [358].

Лично командуя войсками, Николай I несколько раз подвергался серьезной опасности. Когда император привел батальон преображенцев к Сенатской площади, он разговаривал с Якубовичем, но последний не решился напасть на государя. Вероятно, этому помешали свита и решительный вид преображенцев. Заметьте зданя Главного штаба Николай позволил проследовать мимо себя восставшей части Гренадерского полка, не прячась за спины адъютантов. После того как правительственные войска окружили мятежников, император лично проводил рекогносцировку и несколько раз оказывался под пулями. Мы полагаем, что столь рискованное поведение руководителя государства в данной ситуации было оправданным: он подал личный пример подчиненным, сумел увидеть и оценить обстановку на месте событий.

Предпринятые Николаем I дополнительные меры по охране Зимнего дворца были весьма своевременными, особенно учитывая, что первоначально в карауле находилась одна рота Финляндского полка. Немедленно по получении вызова от государя во дворец прибыл лейб-гвардии Саперный батальон (четыре роты) и успел занять позиции за несколько минут до попытки захвата дворца гренадерами во главе с Н. А. Пановым. Кроме саперов к охране Зимнего были привлечены 1-я (Его Величества) рота Гренадерского полка, не поддавшаяся на агитацию заговорщиков, и четыре роты Учебного саперного батальона. Всего к охране было привлечено 10 рот (2000 штыков) под общим командованием коменданта города генерала П. Я. Башуцкого. К защите дворца привлекались также четыре роты Преображенского и три роты Павловского полков.

В толпы и батареи где солдаты высказывали сомнения в истинности присяги, Николай немедленно направлял высших офицеров гвардии и своих адъютантов, которые объясняли положение дел. Самое активное участие в приведении подчиненных к присяге принял великий князь Михаил. В его воспоминаниях сказано: «...Солдаты ослеплены были отнюдь не мечтаниями о каком-либо ином порядке вещей, а единственно призраком законности, и в самом уклонении своем от новой присяги видели только исполнение своего долга, отнюдь не замышляя ничего против царственной семьи...» [359]. В ротах жонной артиллерии и среди оставшихся в казармах рот Московского полка солдаты при появлении Михаила недоумевали: «Как же нам сказали, что Ваше Величество в оковах?» [360]. Чтобы доказать гвардейцам, что их обманули, Михаил Павлович повторно присягал вместе с ними.

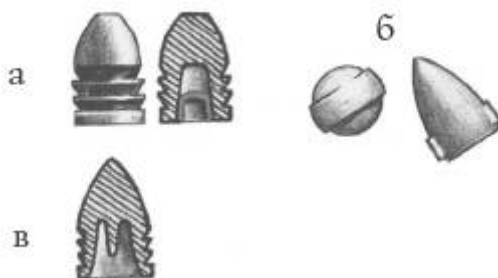
Гвардейские матросы С. Дорофеев, М. Федоров и А. Куроптев, стоявшие в строю мятежного экипажа, спасли жизнь Михаила Павловича, когда Кюхельбекер хотел убить великого князя выстрелом из пистолета: «„Что он тебе сделал?“ – закричали они, и один выбив из рук Кюхельбекера пистолет, оба другие начали бить его прикладами своих ружей» [361]. Только личное вмешательство Михаила предотвратило неминуемую смерть покушавшегося.

Активную помощь Николаю I оказали: принц Е. Вюртембергский; генерал-адъютант Александра I К. Ф. Толь, И. В. Васильчиков, А. Х. Бенкендорф, П. В. Голенищев-Кутузов [362], Н. И. Депрерадович, Е. Ф.

Комаровский, В. В. Левашов[363] и В. С. Трубецкой; флигель-адъютанты М. Бибиков, А. М. Голицын; почти все адъютанты Николая Павловича – А. А. Кавелин, В. А. Перовский, Н. П. Годуин, Ф. Ф. Беллинсгаузен, А. П. Лазарев, В. Ф. Адлерберг; из других лиц – генералы Н. И. Демидов, И. М. Ушаков и А. Н. Потапов.

К трем часам пополудни мятежные войска были блокированы на Сенатской площади, на городские заставы прибыли 3-и батальоны гвардейских полков, обеспечив дополнительное прикрытие города по внешнему периметру. Площадь была оцеплена жандармами, которые не пропускали к месту событий гражданских лиц. Поскольку угрозы на мятежников не действовали, а после Милорадовича при переговорах был смертельно ранен командир Гренадерского полка Н. К. Стюрлер, генерал И. В. Васильчиков предложил императору применить против восставших пушки. После четырех выстрелов картеж мятежников было обращено в бегство, еще два выстрела картежью было сделано для рассеивания восставших на льду Невы. Всего среди личного состава мятежных частей по данным полковых ведомостей, пропали без вести, погибли и были смертельно ранены 40–45 человек. С правительственной стороны убиты и смертельно ранены 6 человек. По сведениям полиции, включая случайные жертвы среди гражданских лиц, 14 декабря погибли 70–80 человек.

Задержание мятежников и поддержание порядка в городе государь возложил на А. Х. Бенкендорфа, И. В. Васильчикова и А. Ф. Орлова. Из примерно 3000 мятежников, вышедших на Сенатскую площадь, задержаны около 700 человек, около 20 пропали без вести, остальные добровольно вернулись в казармы. Немедленно началось производство дознания о руководителях восстания, которое проводили генералы свиты К. Ф. Толь и В. В. Левашов, а также лично Николай I. Аресты осуществляли генерал-адъютанты флигель-адъютанты императора (в зависимости от звания и должностного положения подозреваемого), им в помощь выделялись жандармские команды.

Образцы боеприпасов к нарезному оружию начала XIX в. – пули: а) пули к нарезному штуцеру; б) пули Минье; в) бельгийская пуля

В ночь с 14 на 15 декабря получена первая письменная улика: черновик плана восстания с указанием фамилий и обязанностей заговорщиков, собственноручно составленный Трубецким Сам «диктатор» скрывался в доме свояка, австрийского посла графа Л. А. Лебцельтерна На дом посла распространяется право экстерриториальности поэтому потребовалось вмешательство министра иностранных дел Нессельроде. После некоторого сопротивления Трубецкой был выдан.

Будучи доставлен к императору, он вначале отрицал свое участие в заговоре, но, увидев неопровержимые улики своей виновности, упал к его ногам, умоляя сохранить ему жизнь. «Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнить, но, несмотря на то, изобличал еще больше и себя и многих других»[364].

При проведении следствия Николай I дал указание членам комиссии предоставить каждому

оговоренному возможность оправдаться. Принцип презумпции невиновности в те годы исполнялся более строго чем в настоящее время. Так, капитан Якубович, против которого следствия не оказалось улик, был вначале отпущен, а освобожденный за отсутствием доказательств поручик Назимов до вновь последовавшего ареста даже нес службу во внутреннем дворцовом карауле. Некоторые заговорщики пришли с повинной. Многих, как Н. Н. Депрерадовича, приводили к государю их отцы – заслуженные боевые генералы.

17 декабря 1825 г. указом Николая I создан «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года». 15 января в соответствии с повелением государя не называть комитет тайным члены комитета решили дать ему другое название – «Комитет для изыскания о злоумышленном обществе». 29 мая 1826 г. он был переименован в комиссию. Председателем этого органа стал военный министр А. И. Татищев, членами являлись: великий князь Михаил Павлович; действительный статский советник князь А. Н. Голицын; генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, И. И. Дибич (начальник Главного штаба), П. В. Голенищев-Кутузов (военный губернатор Петербурга), В. В. Левашов, А. И. Чернышёв и дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов. В аппарате комитета (комиссии) состояли 14 человек во главе с правителем дел военным советником А. Д. Боровковым и его помощниками: флигель-адъютантом толковником В. Ф. Адлербергом и титулярным советником А. И. Карасевским.

Несмотря на то что комитет являлся временным, его работа была хорошо организована: к лету 1826 г. следствие по делу о тайных обществах, насчитывавшее свыше 2000 дел, закончилось. Это стало возможным благодаря тому, что члены комитета имели навыки проведения подобных расследований и опирались на хорошо отработанные методы расследования дел о шпионаже и государственных преступлениях. Можно предположить, что сотрудники аппарата, взятые из нескольких ведомств, ранее имели отношение к государственным секретам и пользовались безусловным доверием начальников. Семь писарей аппарата были прикомандированы по тому же принципу: трое из канцелярии военного министра, двое из канцелярии генерал-кригскомиссара, один из инженерного департамента и один из провиантского. Среди чиновников и писарей комитета большинство сотрудников имели отношение к военной или военно-морской службе.

А. И. Чернышёв, вернувшийся в Петербург 4 января 1826 г., уже 9 января (!) представил комитету записку, в которой обобщил полученные сведения о тайных обществах. Он перечислял основные направления расследования и отмечал, что провести его следует максимально тщательно в возможно короткие сроки; он же предложил схему допросов арестованных. Комитет рассмотрев предложения генерала в тот же день (!), постановил:

«1) Производство допросов поручить господам членам комитета генерал-адъютантам Чернышёву и Бенкендорфу, придав им флигель-адъютанта толковника Адлерберга с чиновниками. <...> 2) Общее направление дела, рассматриванию вступавших бумаг, сношения всякого рода и все распоряжения по сему делу предоставит председателю комитета для производства оставит военному советнику Боровкову, 8-го класса Карасевского и 9-го класса Григорьева.

3) Заседания разделить на два разряда:

а) Частные. Они должны происходить ежедневно, в них присутствовать председателю и членам, имеющим по комитету особые занятия, в предыдущих пунктах изъясненные, о коих каждый день ведется журнал за их подписанием. б) Общие. В них присутствуют все <...> члены, кои созываются особыми приглашениями для выслушания отобранных показаний и разрешения обстоятельств, требующих общего суждения.

Примечание. Само собою разумеется, что и другие члены имеют полное право присутствовать

ежедневных заседаниях, когда будут свободны от постоянных своих должностей» [365].

Следствие над декабристами было организовано таким образом. Во время допросов члены комитета задавали подозреваемым устные вопросы, которые затем направлялись арестованным в письменном виде. Сохранившиеся в следственных делах вопросы к арестованным и письменные ответы на них достаточно полно отражают ход следствия. Совершенно очевидно, что при составлении вопросов чиновники комитета не подтасовывали показания одних подсудимых, предъявляя их другим. Письменные показания декабристов, на которые ссылались следователи, переписывались дословно с заменой первого лица на третье. Иногда опускались имена авторов показаний и упоминающихся в них лиц. Крайне важно отметить, что случаев, когда кому-либо из обвиняемых предъявлялись фальсифицированные показания других подсудимых, отсутствующих в персональных следственных делах, не выявлено.

В середине декабря начались аресты членов «Южного общества», был арестован С. И. Муравьев-Апостол. 31 декабря, когда на юге стала известна о поражении декабристов, заговорщики освободили его из-под ареста и взбунтовали Черниговский полк. Мятеж возглавили С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин. Для агитации солдат они применили тоже средство, что и их сообщники в Петербурге. Один из братьев Борисовых говорил о несуществующих членах общества из числа представителей всех славянских народов, о мифическом сербском графе Макгавли. С. И. Муравьев-Апостол в Василькове объявил солдатам, что Константин ишили трона. Однако надежды заговорщиков на поддержку других полков, в которых служили члены «Южного общества» и «соединенные славяне», не оправдались. 3 января 1826 г. мятежники были разбиты при поддержке конной артиллерии – последнего довода императора (*ultima ratio regis*).

На следующий день пленных черниговцев доставили в Белую Церковь, большинство из них приговорили к лишению чинов, каторге и ссылке. 1-я гренадерская рота Черниговского полка во главе с капитаном Козловым, оставшаяся на стороне правительства 20 января была переведена в старую гвардию (Московский полк) в полном составе с сохранением чинов.

В отношении солдат, принявших участие в восстании, Николай I проявил поистине государственную мудрость. Наиболее отличившиеся нижние чины были удостоены денежных наград от 30 до 500 рублей, в зависимости от заслуг. Матросы Гвардейского экипажа, практически в полном составе вернувшиеся в казармы вечером 14 декабря, утром следующего дня принесли перед Адмиралтейством присягу лично императору. Рядовой состав экипажа получил прощение, экипажу возвращено гвардейское знамя. Приказом по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 г. из солдаты младших офицеров, добровольно явившихся в казармы, был составлен Сводный полк (3 роты Московского и 4 роты Гренадерского полков), чтобыискупитьвину боевой службой на Кавказе.

На составление полка поступило 33 офицера и 1333 нижних чина; командиром полка назначен полковник И. П. Шипов; личный состав сохранил гвардейскую форму. На Кавказе в состав полка были включены 145 нижних чинов бывшего Семеновского полка и еще 581 участник восстания 14 декабря, а также 64 заслуженных солдата кавказских полков. В декабре 1827 г. Сводный полк вернулся в столицу, его батальоны вошли в состав своих коренных полков 3-ми батальонами.

Большинство офицеров-заговорщиков воспользовались предоставленной возможностью оправдаться: дали признательные показания и раскаялись в своих действиях, о чем впоследствии многие десятилетия принималось было упоминать. Каховский писал Николаю I, что не смеет просить простить его заблуждение, Рылеев – что отрекается от своих заблуждений и политических правил. Пестель сообщал Левашову о разрыве всего, что связывало его с тайным обществом, и просил пощады. Вероятно, искреннее раскаяние подавляющего большинства офицеров стало смягчающим обстоятельством при вынесении

наказаний. Из 40 смертных приговоров, вынесенных в судебных заседаниях, император утвердил только пять, заменив четвертование повешением. Родственники мятежников, не замешанные в их преступлении, не подверглись опале, были оставлены на службе, а многие даже награждены и повышены в чинах за верную службу.

Николай I внимательно изучал материалы Следственной комиссии, желая понять реальное положение дел в империи, доставшейся ему в наследство от старшего брата. Он стремился уяснить положительное содержание в проектах декабристов и поручил делопроизводителю Следственной комиссии А. Д. Боровкову изложить вытекающие из них (проектов) выводы о насущных государственных потребностях. Многие начинания государя были направлены на устранение выявленных недостатков, что потребовало от него кропотливой работы по осуществлению «постепенных усовершенствований». Военным губернатором Петербурга был назначен П. В. Голенищев-Кутузов, обер-полицмейстером стал Б. Я. Княжнин [366].

Уже в декабре 1825 г. Николай I дал указание ряду приближенных составить проект преобразования тайной государственной полиции. Одним из первых в январе 1826 г. представил свои соображения А. Х. Бенкендорф. В апреле император направил его записку И. И. Дибичу и графу П. А. Толстому, чтобы они высказали свое мнение по данному вопросу. В течение первой половины 1826 г. император получил в свое распоряжение еще несколько проектов. Бенкендорф обратил внимание на социально-политические аспекты деятельности тайной полиции, принципы ее формирования и служебной деятельности, отметил необходимость тщательного обсуждения этого вопроса. Поскольку многие предложения Александра Христофоровича были в дальнейшем реализованы, приведем полный текст его обращения к императору:

«События 14-го декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение.

Тайная полиция почти немислима, честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются нею.

Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно лишь иметь в некоторых городах почтмейстеров, известных своею честностью и усердием. Такими пунктами являются Петербург, Москва, Киев, Вильна, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Тобольск.

Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника.

Он должен бы носить звание министра полиции и инспектора корпуса жандармов в столице и в провинции. Одно это звание дало бы ему возможность пользоваться мнениями честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости. Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться к этому начальнику стекались бы сведения от всех жандармских офицеров, рассеянных во всех городах России и во всех частях войска: это дало бы возможность заместить эти места людей честных и способных, которые часто брезгают ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства считают долгом ревностно исполнять эту обязанность.

Чины, кресты, благодарности служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды, но для тайных агентов не имеют такого значения, и они нередко служат шпионами за и против правительства. Министру полиции придется путешествовать ежегодно, бывать время от времени на

больших ярмарках, при заключении контрактов где ему легче приобрести нужные связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся к наживе.

Его проницательность подскажет ему, что не следует особенно доверять кому бы то ни было. Даже правитель канцелярии его не должен знать всех служащих у него и агентов.

Личная выгода и опасение лишиться чрезвычайно доходного места будучи в услужении у верности этого правителя канцелярии относительно тех дел, которые должны быть известны ему.

Гражданские и военные министры даже частные лица встретят поддержку и помощь со стороны полиции, организованной в этом смысле.

Полиция эта должна употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха. Всякий порядочный человек сознает необходимость добротной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления. Но всякий опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги.

Первая – внушает местным людям безопасность, вторая же – пугает их и удаляет от престола.

Итак первое и важнейшее впечатление, произведенное на публику этой полицией, будет зависеть от выбора министра и от организации самого министерства; судя по ним, общество составит себе понятие о самой полиции.

Решив это дело в принципе, нужно будет составить проект, который по своей важности не может быть составлен поспешно, но должен быть результатом зрелого обсуждения, многих попыток и даже результатом самой практики [\[367\]](#).

3 июня 1826 г. Николай I подписал указ о присоединении Особенной канцелярии МВД к Собственной Его Императорского Величества канцелярии:

«Предметам изявлять сего III Отделения Собственной моей канцелярии назначаю:

1. Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции.
2. Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов.
3. Известия об открытии жю фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документами проч., коих разыскания и дальнейшее производство остается зависимость от министерства финансов и внутренних дел.
4. Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.
5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.
6. Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются государственные преступники.
7. Все постановления распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из онога выезжающих.
8. Ведомостию всех без исключения происшествий.
9. Статистические сведения, до полиции относящиеся [\[368\]](#).

А. Х. Бенкендорф

Основой III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии стала Особенная канцелярия МВД. Но, поскольку одним из направлений деятельности отделения являлась контрразведка, его состав могли быть вовлечены и сотрудники Высшей воинской полиции. В ряде публикаций, посвященных деятельности последней, упоминается о ее реформировании именно в 1826 г. Главным начальником III Отделения назначался А. Х. Бенкендорф. Его ближайшим помощником стал М. Я. фон Фок, старый полицейский волк, руководивший Особенной канцелярией МВД до 1826 г. Ум, знания, оперативный опыт и административные способности этих людей обеспечили успешную работу III Отделения и положили начало формированию централизованной системы органов государственной безопасности.

В момент основания III Отделения состояло из четырех экспедиций: 1-я ведала всеми политическими делами, которые представляли собой основной интерес Высшей полиции, и сведениями о лицах, состоявших под полицейским надзором; 2-я – раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, местами заключения и «крестьянским вопросом»; 3-я надзидала за иностранцами; 4-я вела переписку о «всех вообще происшествиях» и ведала личным составом. Штат III Отделения составляли при его создании всего 16 человек: 4 экспедитора, 4 старших помощника, 5 младших помощников, экзекутор, журналист, помощник экзекутора и журналиста. Управляющий и оперативные сотрудники (чиновники особых поручений) в штате не числились!!!

О том, как в III Отделении умели хранить секреты, говорит следующий факт. Когда после 1917 г. новая власть решила ознакомиться с его архивами, оказалось, что в них практически отсутствуют данные о деятельности внутренней и заграничной агентуры. Подавляющее большинство сохранившихся агентурных донесений являются копиями, фамилии агентов в них не указываются, они заменены условными обозначениями. Данные об агентуре держались в строжайшей тайне не только от посторонних лиц, но и от сотрудников отделения. Даже руководители отделения далеко не всегда сообщали друг другу имена доверенных лиц.

25 июня государь назначил Бенкендорфа шефом жандармов, 26 июля – командующим Главной

квартирой. В этой должности он отвечал за личную безопасность Николая I и его семьи, система охраны которых претерпела существенные изменения. Со времен Петра охрану императора и его ближайшего окружения осуществляли офицеры и солдаты гвардейских полков, привлекавшиеся для несения караульной службы по очереди. Однако к рассматриваемому времени дворянство перестало быть надежной опорой власти, более того – в значительной части оно ушло в оппозицию. Необходимо было искать новых помощников. 2 октября 1827 г. в составе Главной квартиры из ветеранов Отечественной войны 1812 г. была сформирована Рота дворцовых гренадер. Из 120 нижних чинов роты 69 имели Георгиевские кресты, 84 – Знак отличия ордена Святой Анны за 20 лет беспорочной службы. Командиром роты стал капитан Е. Г. Качмарев [369], сражавшийся на Бородинском поле в звании фельдфебеля. Гренадеры новой роты несли караул и вели полицейский надзор в каждом из императорских дворцов. Все офицеры роты были выходцами из простых солдат. 14 апреля 1849 г. был создан Московский отряд Роты дворцовых гренадер, который размещался в Московском Кремле. Командиром отряда был назначен штабс-капитан Блинов. Рота стала образцом новой организации внутренней охраны высших представителей государственной власти Российской империи.

В 1827 г. военную организацию получает таможенная стража. До этого погранично-таможенные функции выполняли вначале казачьи полки (по одному на 150 верст, 1811 г.), затем команды таможенной стражи (с 1819 г.). При Николае I на 13 таможенных округов приходилось 4 бригады, 7 полубригад и 2 отдельные роты. Бригады и полубригады состояли из рот, а роты – из отрядов, в которых несли службу пешие и конные стражники. В 1835 г. таможенным стражникам было высочайше повелено именоваться пограничной стражей.

Для несения конвойной службы при дворе в 1828 г. сформирован лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, состоявший из представителей знатных фамилий кавказских народов. Командовал полуэскадронам потомок крымского хана ротмистр Султан Азамат Гирей. Штаб полуэскадрона состоял из 5 офицеров, 9 юнкеров и 40 оруженосцев. В 1832 г. в состав конвоя вошла Команда кавказских линейных казаков (будущие Терские сотни), предназначенная исключительно для охраны государя. В ней служили 2 офицера, 4 урядника и 24 казака. В марте 1833 г. состав команды увеличили вдвое и разделили ее на две смены: одна несла службу в течение трех лет в Петербурге, другая находилась на льготах в станицах. В 1836 и 1839 гг. были сформированы Команда лезгин и Команда мусульман, которые подчинялись командиру Кавказско-Горского полуэскадрона. Срок службы в командах устанавливался 4-летний. Все командиры охранных подразделений подчинялись непосредственно командующему Главной квартирой.

Рота дворцовых гренадер

Некоторые историки полагают, что охранная служба при Николае I была организована плохо, в качестве подтверждения ссылаясь на его прогулки по Невскому проспекту без сопровождения. Мы можем с уверенностью утверждать, что в данном случае речь идет об отсутствии видимых для посторонних глаз проявлений ее работы. Анализ имеющихся материалов показывает, что специальные службы в тот период предпочитали действовать на дальних подступах к объекту охраны, активно занимались выявлением и предупреждением возможных, даже гипотетических покушений. Поскольку III Отделение и Главную квартиру возглавлял один человек, проблем при взаимодействии спецслужб не возникало, что крайне важно для организации работы различных структур государственного аппарата. Оперативно-агентурное обеспечение охраны осуществлялось сотрудниками III Отделения по разным направлениям, что позволяло держать под контролем всех подозрительных, с точки зрения охраны государя, лиц.

28 апреля 1827 г. Николай I издал указ «Об учреждении пяти округов Корпуса жандармов». На основании указа Российская империя разделялась на 5 (с 1 июля 1836 г. – на 8) жандармских округов, которые в свою очередь разделялись на жандармские отделения. Корпус жандармов стал исполнительным органом III Отделения в губерниях. В 1827 г. в Корпусе числились: 3 генерала, 41 штаб-офицер, 160 обер-офицеров, 3617 нижних чинов, 457 нестроевых. Возглавляли округа генералы (полковники), подчиненные непосредственно шефу жандармов. В каждую губернию назначался штаб-офицер, подчинявшийся окружному генералу. Председатель Государственного совета В. П. Кочубей предложил передать руководство жандармерией в ведение МВД, а его командира сделать товарищем министра. Государь это предложение не утвердил, так как пожелал возлагать на него свои личные поручения. В 1836 г. жандармы внутренней стражи были выведены из Отдельного корпуса внутренней стражи и вошли в состав Корпуса жандармов. Тем самым Николай I придал собственной службе безопасности необходимый дополнительный силовой инструмент.

Тайный агент III Отделения княгиня Д. Х. Ливен, урожденная Бенкендорф

Деятельность сотрудников III Отделения и Корпуса жандармов регламентировали секретные внутренние инструкции. Первая из них, составленная в сентябре 1826 г., известна как «Инструкция А. Х. Бенкендорфа чиновнику III Отделения». Скорее всего, документ в его первичном варианте составлен управляющим III Отделения М. Я. фон Фоком, а затем утверждён соответствующими приказами и редакцией. Подобные инструкции получали руководители жандармских отделений и жандармские офицеры, производившие ревизии в губерниях. В феврале 1827 г. было составлено дополнение к инструкции жандармским офицерам, и уже в марте–апреле его стали вручать рассылать жандармам вместе с инструкцией. В дополнении особое внимание обращается на независимость и негласность действий жандармов. Инструкция и дополнение к ней, с текстом которых вы ознакомитесь в конце главы, составили негласный свод правил офицера Корпуса жандармов.

Остановимся подробнее на организации работы III Отделения. В отчёте 1828 г. Бенкендорф писал, что в первые три года существования на учёт брались все лица, в том или ином отношении выдвигавшиеся из толпы. За их действиями, суждениями и связями устанавливалось тщательное наблюдение. Деятельность тайных обществ наполеоновской агентур в России в первой четверти XIX в. показала, что

политическая полиция и контрразведка не могут работать, полагаясь только на заявления законопослушных подданных. Основными методами деятельности III Отделения стали: перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение и внедрение секретных сотрудников в центральные и местные государственные учреждения, светские салоны. По прошествии времени трудно сказать кем был тот или иной человек, сотрудничавший с III Отделением: агентом в современном понимании этого слова или кадровым сотрудником службы, тайно работавшим под прикрытием какой-либо официальной должности.

Главными задачами III Отделения стали сбор и анализ информации о состоянии российского общества. Уже с 1827 г. сотрудники отделения составляли обзоры общественного мнения, включая рукописную «Секретную газету». Так зародилось первое штатное аналитическое подразделение отечественных спецслужб, материалы которого легли в основу некоторых позитивных изменений в социальной сфере. К таким изменениям следует отнести «Фабричный закон» 1835 г.; учреждение особой комиссии для исследования быта рабочих и ремесленников в 1841 г.; устройство больниц в Петербурге и Москве. Уже в 1830-е гг. аналитики III Отделения утверждали, что крепостное состояние – «пороховой погреб под государством». В обзорах общественного мнения уделялось местам всем социально значимым слоям населения Российской империи: членам императорской семьи, высшему обществу, среднему классу, чиновничеству, армии, крестьянству, духовенству и некоторым национальным и религиозным группам. По мнению сотрудников спецслужб, наибольшая опасность для общества исходила от нечистоплотных некомпетентных чиновников, а наибольшую угрозу государю представляла дворянская молодежь, зараженная вольнодумными и неконструктивными теориями переустройства общества. Именно против них были направлены основные усилия Корпуса жандармов при проведении политического сыска.

Как и ранее, перлюстрация корреспонденции уделялось значительное внимание. «Чёрные кабинеты» работали в Петербурге, Москве, Бресте, Вильно, Радзивилове (в 1840 г. перенесен в Житомир) и с 1840 г. – в Тифлисе. Чиновники, занимавшиеся перлюстрацией, официально числились почтовыми служащими, их деятельность считалась совершенно секретной. Всего в этой области трудились 33 человека, из них 17 – в Петербурге. Перлюстрация дипломатической корреспонденции находилась в ведении министра иностранных дел. В 1828 г. три секретных экспедиции МИД: шифровальная, дешифровальная и перлюстрация – были объединены в Департамент внешних сношений. В 1846 г. секретные подразделения МИД получают наименование Особенная канцелярия министерства, которая подчинялась непосредственно министру.

Руководство работой секретных сотрудников и агентов III Отделения осуществлял управляющий отделением вместе с двумя-тремя наиболее доверенными сотрудниками. Большинство исследователей российских органов политического розыска XIX в. справедливо считают основным организатором агентурной работы в тот период М. Я. фон Фока. Он имел хорошее образование, владел несколькими иностранными языками, обладал большим опытом оперативной работы. В сохранившихся письмах фон Фок называет некоторых представителей в том числе и высшего света, из числа своих помощников: статского советника Нефедьева, графа Л. И. Соллогуба, коллежского советника Бландова, писателя и драматурга С. И. Висковатова (о нем мы расскажем ниже) и даже одного из князей Голицыных. Подчеркнем, сегодня достаточно сложно дать однозначное толкование статусу этих людей в нынешнем понимании: были ли они добровольными агентами или кадровыми сотрудниками службы на нелегальном положении.

К сожалению, деятельность самого фон Фока на посту управляющего III Отделением длилась всего пять лет. Он скончался в 1831 г. По поводу его кончины А. С. Пушкин, имевший с III Отделением достаточно тесные и во многом очень специфические отношения, в своей записной книжке отметил следующее: «Его смерть – бедствие общественное».

Вторым управляющим III Отделением (в 1831–1839 гг.) стал А. Н. Мордвинов [370], его сменил Л. В. Дубельт [371], принятый в Корпус жандармов лично Бенкендорфом в 1830 г. При поступлении на жандармскую службу Дубельт написал жене, что желает стать опорой людей бедных и отдавать справедливость угнетенным. Как и многие офицеры, поступавшие в Корпус жандармов из армии, Дубельт первоначально недопонимал значение агентурной работы. Но впоследствии, став в 1835 г. начальником штаба корпуса и затем управляющим III Отделением, получив соответствующее своему статусу характеру работы подготовку, он уделял ей должное внимание. Уточним, что должность чиновника особых поручений по функциональным обязанностям во многом схожа с деятельностью современного руководящего оперативно-работника органов государственной безопасности.

Л. В. Дубельт

Историк И. М. Троцкий, изучавший в 1920-е гг. деятельность III Отделения с позиций революционеров, писал: «III Отделение строилось в сравнительно спокойное время: в течение всего николаевского царствования в России не было ни одного крупного революционного выступления» [372]. По нашему мнению, эти слова – лучшее подтверждение хорошо поставленной оперативно-агентурной работы данной секретной службы, обязанной своими успехами тем, кого привлекли Бенкендорф и фон Фок. Большинство кадровых сотрудников, в том числе работавших под прикрытием внутри страны и за рубежом, были люди великолепно воспитанные и прекрасно образованные, многие с выраженным литературным талантом. Чтобы читатель мог самостоятельно оценить интеллектуальный уровень тех, кто во времена Николая I обеспечивал безопасность государства, приведем несколько примеров.

Начнем с того, что сам фон Фок еще в 1816 г. был избран почетным членом Общества любителей российской словесности. Его перу принадлежат статьи политического характера, которые передавались из III Отделения в газеты и печатались там без подписи. Л. В. Дубельт – известный переводчик стихов и прозы В. Скотта издавался также анонимно. Поэты-переводчик Байрона В. Е. Вердеревский был чиновником по особым поручениям. Переводчик и издатель детских книг, совладелец журнала «Отечественные записки» Б. А. Врасский служил вначале экспедитором, затем старшим чиновником и наконец чиновником для особых поручений. Одним из секретарей Бенкендорфа являлся издатель альманаха «Альбом северных муз» прозаик и поэт А. А. Ивановский. Как доверенное лицо своего шефа он осуществлял, в частности, официальные контакты А. С. Пушкиным. Издатель альманаха «Утренняя заря» прозаик В. А. Владиславлев

служил адъютантом Дубельта, затем дежурным штаб-офицером Корпуса жандармов. Одним из аналитиков отделения был поэт Н. А. Кашинцов. Прозаик П. П. Каменский начинал младшим помощником экспедитора, а впоследствии стал помощником цензора драматических сочинений. Переводчик и поэт, издатель франко-русского и немецко-русского словарей Е. И. Ольдекоп был цензором драматических сочинений. Этогописок можно продолжить. Как видим, просвещенные и образованные люди того времени не стыдились трудиться не только на творческой ниве, но и на ниве обеспечения государственной и государственной безопасности, практически не разделяя эти понятия.

В 1828 г. был утвержден либеральный по тем временам цензурный устав, театральная цензура перешла в ведение специально созданного V Отделения секретной службы. В отличие от цензуры, находившейся в ведении Министерства народного просвещения, сотрудники отделения действовали не путем запрета репрессий, а путем негласного соглашения с писателями и редакторами периодических изданий. Более того, такие литераторы как Ф. В. Булгарин, Н. А. Греч, М. Н. Погодин, А. С. Пушкин, сформулировали и предложили государю собственные программы формирования позитивного общественного мнения в отношении правительства. Многие писатели, считавшие, что их произведения умышленно отвергаются издателями или редакторами, обращались за помощью к чиновникам отделения и непосредственно к Бенкендорфу. В большинстве случаев тайная полиция выступала на их стороне, им оказывалась и существенная материальная помощь. В 1842 г. Н. В. Гоголь получил одновременно 500 рублей серебром, затем – по 1000 рублей ежегодно в течение трех лет из фондов Корпуса жандармов и III Отделения. Только на издание такого произведения, как «Истории Пугачевского бунта», не говоря уже о других литературных проектах с государственно-исторической подоплекой, А. С. Пушкин получил в 1834–1835 гг. 50 000 (!) рублей – очень крупную по тем временам сумму. Секретными сотрудниками были литераторы Н. Пучкова, А. Н. Очкин и др. Не будет голословным утверждение, что очень многие – если не все – писатели той или иной степени сотрудничали с ведомством Бенкендорфа.

Работа агентурой и секретными сотрудниками строилась на строго конфиденциальной основе. Весьма показательным является факт, что не было ни одного случая, чтобы чиновники III Отделения «засветили» или, того хуже, провалили кого-нибудь из своих людей. От секретных сотрудников агентов требовалось неукоснительное соблюдение правил конспирации. Рассмотрим пример С. И. Висковатова [373], работавшего под руководством фон Фока в Особенной канцелярии Министерства полиции в 1811–1825 гг., а затем в III Отделении.

В октябре 1826 г. Бенкендорф отправил на имя петербургского обер-полицеймейстера Княжнина следующее послание: «Милостивый государь Борис Яковлевич! По дошедшим до меня многократным верным сведениям, титулярный советник Степан Иванович Висковатов позволяет себе во многих частных домах и обществах называться чиновником, при мне служащим или употребляемым под начальством моим по делам будто бы высшей, или секретной, полиции. Смешное таково самохвальство и на чем не основанное, может произвести неприятное впечатление на счет распоряжений правительства, потому я долгом считаю объяснить вашему превосходительству, что г. Висковатов не служит под моим начальством и никогда служить не может...»

По сим уважением, я покорнейше прошу ваше превосходительство во пригласить по себя г. Висковатова и подтвердить ему усиленно, дабы не осмеливался впредь называть себя ни служащим при мне, ни употребленным по высшей полиции; ибо в противном случае я принужденным найдусь употребить меры строгости, и г. Висковатов должен будет приписать собственному легкомыслию и нескромности.

С совершенным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга. Подписал А. Бенкендорф» [374].

Княжнин вызвал Висковатова и взял с него расписку, что он ознакомлен с отношением начальника III

Отделения. Карьера талантливого литератора опасного болтуна закончилась в одночасье и навсегда, до конца дней своих он находился под неусыпной опекой бывших коллег, а летом 1831 г. и вовсе пропал без вести.

В послании Бенкендорфа следует обратить внимание на два момента. Первый: шеф секретной службы официально отказывается от своего человека и тем самым лишает его покровительства службы, давая потенциальным «говорунам» наглядный урок единства слова и дела. Второй: показательный тон обращения высшего государственного чиновника империи, облеченного личным доверием государя, к должностному лицу, стоявшему в тогдашней иерархии на несколько ступеней ниже, – предельно уважительный и корректный, хотя по своему положению и полномочиям Бенкендорф мог просто потребовать жесткого профилактического «самохвала» или его «негласного препровождения в столицу». Объясняется это высокой общей культурой переписки того времени и тем, что формально обер-полицмейстер находился в подчинении военного губернатора Петербурга.

К сожалению, как это часто случалось на практике, деятельность III Отделения была направлена не только на борьбу с оппозицией и иностранным шпионажем, но и на противодействие коллегам из МВД и аппарату военных губернаторов. Борьба за информацию и право первым доложить об успехах лично государю-императору началась с момента основания III Отделения. Уже 20 июля 1826 г. фон Фок на основании оперативной информации доводит до сведения Бенкендорфа: «Уверяют, что городская полиция, заметив, что существует деятельный надзор, собирается развернуть все находящиеся в ее распоряжении средства, дабы первой узнавать все, что делается, и будто бы на расходы полиции, собственно на этот предмет, прибавлено по 300 рублей в месяц; говорят даже, что Фогель (начальник тайной полиции при военном губернаторе Петербурга. – Примеч. авт.) получит прибавку в 3000 рублей, чтобы иметь возможность следить за всем с большею деятельностью с большим успехом» [375].

10 августа фон Фок сообщал шефу о слежке, установленной полицией за ним и его людьми: «Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят около маленького домика, занимаемого мною, и наблюдают за теми, кто ко мне приходит. <...> Ко всему этому следует прибавить, что Фогель и его сподвижники составляют ежедневно представляющую военному губернатору рапортчики о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов» [376].

Несмотря на конкуренцию со стороны параллельных ведомств, фон Фок стремился нормализовать отношения с коллегами из других служб. В 13 августа 1826 г. он писал патрону: «Я далек от мысли жаловаться на полицию – напротив, я желал бы, насколько это зависит от меня, поддерживать доброе согласие, которое должно царить между этими двумя учреждениями, призванными помогать одно другому...» [377]. А 21 августа он отмечает: «Становится очевидным – даже недовольные не в состоянии отрицать то, – что все благомыслящие люди с каждым днем все более и более сознают пользу существования надзора; многие из них предлагают свои услуги даром, чтобы с одной стороны, давать полезные советы, а с другой – направлять общественное мнение в интересах правительства, преследующего одну только цель – противопоставить грозный оплот господствующим преступлениям и испорченности, поколебавшим, в самом основании, нравственные силы народа» [378].

Император внимательно относился не только к тем донесениям, которые касались его личной безопасности. Он внимательно изучал аналитические материалы III Отделения, поскольку в них содержались помимо оценки негативных явлений конкретные предложения по их устранению. Николай I приблизил к себе двух самых видных инициаторов проведения либеральных начинаний своего брата – М. М. Сперанского и В. П. Кочубея. Сперанский, назначенный управляющим 2-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, возглавил работу по созданию первого «Полного собрания

законов Российской империи» и «Свода законов» по всем отраслям права и управления. Кочубей стал председателем секретного «Комитета 6 декабря 1826 г.» по рассмотрению проектов реорганизации органов государственной власти положения отдельных сословий, в 1827 г. он возглавил Государственный совет.

Однако в деятельности правительства имелись и очевидные неудачи, связанные с работой спецслужб. Первая из них – недооценка роли военной разведки после победы над Наполеоном. Одной из структур ликвидированной в этой области, была разведка Отдельного (оккупационного) корпуса во Франции. В 1815 г. в нем нештатно была создана так называемая военная полиция – секретный орган, объединявший разведку, контрразведку, политический и криминальный сыск на оккупированной территории. Возглавил военную полицию подполковник И. П. Липранди [379], входивший «в сношения с французскими начальниками высшей тайной полиции в Арденнах и Шампани». После возвращения корпуса из Франции в 1818 г. военная полиция и вовсе прекращает свое существование.

Ее руководитель, с 1823 по 1827 г. числясь на различных военных и гражданских должностях, организует разведку против Турции. Агентура Липранди работает в Бессарабии, Валахии, Молдавии, Румынии, Болгарии, в европейской части Турции и на Балканах. Липранди понимает, что разведка опирается на системность и полноту сведений. Он добывает, перепроверяет и систематизирует информацию о рельефе местности, состоянии дорог, силах и средствах противника, настроении населения и войск противника, характере привычках турецких командиров и начальников и т. п. Все эти данные, а также выкраденные или купленные секретные сведения сводятся в единую аналитическую записку и подаются командованию. Сам Липранди во время войны командует разведывательно-диверсионной партией, набранной им из албанских, болгарских, греческих и сербских волонтеров. Но, как это часто бывало в истории нашей страны, после окончания войны труды полковника становятся никому не нужными. Его докладная записка об организации военной разведки на неопределенное время кладется под сукно, агентурная сеть практически прекращает свое существование. А сам он в 1832 г. выходит в отставку в чине генерал-майора.

Одна из невосполнимых потерь русской разведки при Николае I – гибель А. С. Грибоедова [380]. Азиатское направление относилось к числу приоритетных, поскольку Персия и Турция постоянно угрожали интересам Российской империи на Кавказе. После окончания русско-персидской войны 1826–1828 гг. Грибоедов был назначен послом в Персии. В данной ему секретной инструкции указывались направления разведывательной деятельности: сбор статистических политических сведений о стране (история, география, состояние экономики и торговли); сбор сведений о соседних государствах (Бухара, Хива, Афганистан, Турция) и об их отношениях с Персией. Однако Грибоедов не смог в полном объеме приступит к выполнению своих задач: 30 января 1829 г. разъяренная толпа, по оперативным данным, подстрекаемая представителями английской миссии, ворвалась на территорию посольства и убила всех, кто там находился. Это было выгодно тем европейским державам, которые не желали усиления российских позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Да, мы знаем А. С. Грибоедова как талантливого драматурга, автора бессмертной комедии «Горе от ума», однако следует отметить, что литературная деятельность многих представителей русской культуры середины XIX в. оставалась для них занятием второстепенным, сугубо личным; они служили Отечеству не только в вооруженных силах и на дипломатическом поприще, но и в спецслужбах.

Провалом правительства следует считать польскую войну 1830–1831 гг., которую в исторической литературе принято называть восстанием. По Конституции 1815 г. Царство Польское располагало собственной армией; ее ядро составляли части, сражавшиеся еще под знаменами Наполеона против России. Офицеров польских войск, скомпрометированных в заговоре декабристов, а также участвовавших в тайных польских обществах выпустили из-под стражи. Деятельность III Отделения на территории Царства

Польского не допускал наместник Константин Павлович. Последний, кстати, назвал предложение Николая I послать польский корпус против Турции во время войны 1828–1829 гг. «нелепой штукой». Государь считал себя обязанным считаться мнением наместника, а еще больше – с конституцией, данной Польше Александром I, и не стал принимать жесткие меры. Однако, получив сведения о подготовке назначенного на декабрь 1830 г. восстания, он потребовал от братьев решительных действий.

В окружении Константина Павловича были агенты-заговорщики, не выявленные Военно-секретной полицией. Благодаря его мягкости, либерализму и известной несдержанности они узнали о намерениях русского императора. В итоге вечером 17 ноября вооруженная толпа под предводительством студентов младших офицеров ворвалась в резиденцию наместника – Бельведерский дворец. Константин (он сумел скрыться через потайной ход) ценой собственной жизни спас генерал его свиты А. А. Жандр. Был убит генерал-адъютант Г. Поттоцкий. Но ситуация не стала критической: ко дворцу подошли русские уланы и подольские кирасиры, прибыли также верные присяге польские конные егеря. Под конец дня к ним пробивлись все русские и часть польских войск, а генерал Д. А. Герштенцев предложил пустить дело оружие, обещая усмирить Варшаву.

Депутация мятежников предложила Константину Павловичу польскую корону. Однако наместник отказался пустить в ход оружие, полагая, что «всякая пролитая капля крови только испортила дело». Он отпустил верные ему польские войска, а сам с русскими частями отошел в Россию. Нерешительность слабоволие Константина пришлось исправлять годичной войной, которая стоила обеим сторонам не менее 35 000 только убитыми. Основными промахами русских оказались недооценка противника и ослабленная в мирный период боевая подготовка войск. Был забыт опыт партизанской войны, что позволило отряд Г. Дембинского, насчитывающему около 4000 человек, пройти сквозь боевые порядки русских войск из Литвы под Варшаву через Беловежскую Пущу.

После окончания войны Царство Польское, потеряв свою автономию, было обращено в генерал-губернаторство с сотрудниками III Отделения, равно как и Корпуса жандармов, получили возможность работать на его территории точно также, как в России.

В 1832 г. Военно-секретная полиция была упразднена, ее оперативные сотрудники (чиновники особых поручений) перешли на службу в III Отделение. В начале года для наблюдения за эмигрантами постепенно стала создаваться Заграничная агентура – агентурная сеть III Отделения за пределами России. Одними из первых организаторов заграничного сыска стали сотрудники Военно-секретной полиции А. А. Сагтынский и К. Ф. Швейцер. А. А. Сагтынский работал во Франции, Пруссии и Италии. К. Ф. Швейцер, а также Н. А. Кошинцев – в Австрии и Пруссии. Во Франции действовал Я. Н. Толстой [381], не были обойдены вниманием и другие страны Европы, где работу проводил М. М. Попов. Все оперативники III Отделения имели за рубежом свои сети секретных сотрудников.

Деятельность Заграничной агентуры на территории иностранных государств обеспечивалась санкциями Священного союза и дополнительным соглашением между императорами о сотрудничестве в области политического сыска (1834 г.). При этом русская агентурная сеть работала в интересах монархов других государств. Сотрудничество было достаточно интенсивным. Так, в 1835 г. сотрудник III Отделения Г. Струве был направлен в Вену для изучения организации и работы секретной канцелярии и шифровального отдела Министерства иностранных дел Австрии. Но поскольку до конца дружественных спецслужб не бывает, сведения, направлявшиеся Заграничной агентурой в Санкт-Петербург, содержали и ценнейшую разведывательную информацию.

Кроме политического сыска III Отделение занималось обеспечением безопасности империи и по другим направлениям, в том числе вело контрпропаганду. Уже в начале 1830-х гг. Я. Н. Толстой по личной инициативе проводил такую работу во Франции, в 1836 г. он направил развернутую докладную записку,

посвященную проблемам психологической войны. Ее высоко оценили Бенкендорф и государь, и в 1837 г. Толстой вернулся в Париж. Б. Л. Модзалевский так описывал его деятельность: «Должность его была загадочная и неопределенная. Занимаемое им место не относилось к служебным, но он получал чины и ордена. Личное его дело хранилось в Министерстве просвещения, но он числился по особым поручениям в III Отделении. Сам он говорил о своей должности как о „единственном месте, не определенном штатами, – для защиты России в журналах и опровержения противных ей статей» [382]. Толстой опубликовал во Франции свыше 20 брошюр и свыше 1000 статей. Пример одного из многочисленных представителей известного города Толстого лишней раз доказывает, как можно и должно организовываться секретная служба и защищать (с оперативной и социальной позиций) секретного сотрудника на боевом посту. Прозорливость Я. Н. Толстого в вопросах организации психологической войны может служить поучительным примером и для политиков XXI в. Контрпропаганда помогла вестимногие печатные издания. Издатель франкфуртской газеты «Journal de Francfort» французский журналист Ш. Дюран защищал политику русского правительства с 1833 г. Успешно работал с прессой в Пруссии, затем Австрии. К. Ф. Швейцер. Бенкендорф писал о нем в своих воспоминаниях: «Я послал в Германию одного из моих чиновников, с целью опровергнуть посредством мелких и умных газетных статей руганные нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, обладавшему журналистикой» [383]. Издатель газеты «Северная пчела» Н. И. Греч также осуществлял ряд публикаций в зарубежной прессе. Известный поэт Ф. И. Тютчев, установивший связь с III Отделением еще в 1840-х гг. и самостоятельно пытавшийся наладить систему русской печатной контрпропаганды в рубезом, отправил по этому вопросу докладную записку государю, однако его замыслы в должной мере не были реализованы. В 1843 г. чиновником Особенной канцелярии МВД стал знаменитый писатель И. С. Тургенев, знавший в совершенстве английский, немецкий и французский языки. Некоторые иностранные журналисты (Л. Шнейдер в Пруссии, де Кардон во Франции) занимались политической аналитикой. Регулярно присылавшиеся ими на имя редакторов русских изданий письма с оценкой политической и экономической ситуации в своих странах поступали в III Отделение.

Я. Н. Толстой поддерживал конспиративные контакты определенными лицами во французской полиции и занимался вопросами разведки и внешней контрразведки. В 1848 г. он одним из первых обратил внимание русского правительства на увеличение политической роли рабочего класса в странах Западной Европы. Однако граф А. Ф. Орлов, возглавивший III Отделение после смерти Бенкендорфа в 1844 г., не проявил интереса к его информации. Поскольку все предыдущие попытки переворотов осуществлялись дворянами из числа гвардейцев, основные усилия специальных служб направлялись против дворянской среды. Алексей Федорович, будучи «чистым военным генералом», не имел выдающихся оперативных способностей своего предшественника, а в практической деятельности ни служебным рвением, ни оперативным талантом не блистал. Было заметно сокращено финансирование агентуры вследствие «недействительности» заслуг агентов. И хотя недостатки Орлова отчасти компенсировались активностью управляющего III Отделением Л. В. Дубельта, в целом качество работы этого ведомства ухудшилось.

Неповоротливость аппарата политической близорукость руководства очередной раз сыграли злую шутку: прекрасно отлаженный оперативный механизм, резко снизив его эффективность. Политическая ограниченность, чванство и нежелание видеть рождение нового противника (все усилия концентрировались на противнике хорошо известном – дворянстве) сводили на нет усилия многих талантливых оперативников, действовавших творчески (частично собственными средствами).

Примером ухудшения качества работы может служить наиболее крупное политическое дело эпохи Николая I – дело петрашевцев, арестованных в 1849 г. Тайное общество, организованное в 1844–1845 гг. переводчиком МИД М. В. Петрашевским (Буташевичем), до 1848 г. (!) оставалось вне поля зрения

спецслужб. Возможно, это было связано как со сменой руководства III Отделения, так и со снижением качества оперативной работы, уменьшением размеров ее финансирования. Общество Петрашевского, в которое входили и несколько военных, раскрыли сотрудники Особенной канцелярии МВД под руководством чиновника особых поручений И. П. Липранди, одного из лучших военных агентов, автора засекреченных военных и экономико-статистических работ.

Двое его полицейских под личиной извозчиков каждую пятницу увозили гостей Петрашевского, затем докладывали адреса, имена и подслушанные разговоры. В окружение Петрашевского были внедрены секретные сотрудники П. Д. Антонелли (через МИД), Н. Наумов и В. Шапошников. Липранди установил все связи петрашевцев и их дальнейшие планы – организацию вооруженного восстания. Однако ни дальнейшая разработка тайного общества, ни грамотный арест и следствие над его членами не состоялись. В 1849 г. руководители МВД и III Отделения А. Ф. Орлов и Л. А. Перовский [384] больше думали не об интересах дела, а о своем личном влиянии на государя. Никто из них не хотел признавать допущенные ошибки и реально заниматься улучшением оперативной работы и эффективной контрпропагандой. В результате в три года руководства крайним, как обычно бывает в таких случаях, стал Липранди, в итоге отстраненный от дела петрашевцев.

В самом III Отделении в январе 1949 г. из архива пропало 18 докладов Орлова Николаю I с собственноручными резолюциями императора, затем их вырезки по почте были доставлены в Зимний дворец. Расследование установило, что документы были похищены сверхштатным чиновником А. П. Петровым «для передачи частным лицам» из корыстных побуждений. Итогом стала реорганизация архивного дела с проживанием архивистов в здании III Отделения по адресу ул. Фонтанка д. 16.

Положение дел в разведке в России к началу 1850-х гг. также было далеко от совершенства. Политическая линия Александра I, реализованная в виде Священного союза монархов Австрии, Пруссии и России, продолжала довлеть над российскими национальными интересами при Николае I. Обеспечивая безопасность империи от внутренних угроз, русское правительство допустило серьезные ошибки в развитии вооруженных сил и военной разведки. Я. Н. Толстой еще в 1850 г. отправил в Петербург секретное донесение о намерении англичан уничтожить русский флот и сжечь Севастополь, которое было оставлено без должного внимания. Военный министр А. И. Чернышев, будучи профессионалом в военных и секретных вопросах, выражал обеспокоенность состоянием разведки, но ее планомерная работа так и не была налажена в полном объеме. В частности, данные о поступившей вооружение в Пруссию еще в 1841 г. винтовке Дрейзе с продольно-скользящим затвором, названной для маскировки «легким капсюльным ружьем», наша разведка до войны так и не получила. А сотрудники МИД во главе с Нессельроде (обязанные в мирное время добывать военно-политическую информацию) не смогли выяснить истинные политические намерения Англии и Франции в отношении России. По нашему мнению, отсутствие систематической (тотальной) дипломатической и военной разведки в мирное время стало одной из причин последующего поражения России в Крымской войне.

Опыт екатерининских егерей и партизан 1812 г. во многом оказался утраченным, забытым, выброшенным на свалку истории. Книга Д. Давыдова «Опыт теории партизанского действия», впервые изданная в 1822 г., практически не изучалась. Первые штатные команды пластунов из состава Черноморского и Кавказского казачьих войск, использовавшие тактику засад и молниеносных налетов, были созданы только в 1828–1829 гг. В 1842 г. в составе Кавказской армии появились пластунские батальоны (армейский спецназ своего времени), число которых к началу Крымской войны 1853–1856 гг. увеличилось до шести. В 1850 г. полковник И. В. Вуич написал книгу «Малая война», в которой отнесил к последней разведку, сторожевое охранение, действия в тылу противника и охрану собственных тылов. Таким образом, теоретически разработки и боевая практика отдельных воинских частей позволяли сделать вывод о необходимости более активной работы в области разведки, но на практике этого не

случилось.

Поражение русских войск под Севастополем в 1854 г. стало настоящей трагедией для Николая I, который по-своему, но последовательно и искренне служил России. Как полагали некоторые современники императора и как считают некоторые современные историки, государь не вынес горечи поражений и предпочел покончить с собой с помощью яда, будучи не в силах отказаться от проводимой им ранее политики.

Перед смертью он попросил облачить его в мундир и, прощаясь со старшим внуком – будущим императором Александром III, промолвил: «Учись умирать». Николай Павлович скончался 18 февраля 1855 г.

ИНСТРУКЦИЯ А. Х. БЕНКЕНДОРФА ЧИНОВНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ

Дополнение к ИНСТРУКЦИИ ЖАНДАРМСКИМ ОФИЦЕРАМ

Глава 8

Терроризм: от теории к практике

Мысль об уничтожении императорской партии и главы ее – Александра II – была уже высказана... Осталось только привести ее в исполнение.

А. А. Шилов

Александр II вступил на престол, когда Севастополь был уже в кольце войск союзников. Несмотря на героические усилия солдат, матросов и офицеров Крымская кампания закончилась поражением России. В самом начале царствования Александра II на повестку дня встал вопрос о качественных изменениях в военной области. Осенью 1855 г. была учреждена Комиссия для улучшения воинской части, которую возглавил боевой генерал Ф. В. Ридигер [387]. В числе требовавших скорейшего решения проблем следует выделить излишнюю централизацию, подавлявшую инициативу снизу; перевооружение армии; боевую подготовку войск. Вскоре после подписания Парижского мира в марте 1856 г. были ликвидированы военные поселения, срок службы в армии сокращен до 15 лет.

Произошли определенные позитивные изменения и в деятельности разведки. Одним из первых отличился в этой области полковник П. П. Альбединский [388], участвовавший в работе над Парижским мирным договором, завершившим Крымскую войну, в качестве корреспондента Военного министерства при русском посольстве. В декабре 1855 г. он сумел добыть совершенно секретные данные о численности, составе, устройстве и расположении сухопутных сил Франции с приложением карт их дислокации. Кроме того, он сообщил подробные сведения об испытаниях новых ружей и пуль в Венсенской стрелковой школе. Это донесение было немедленно передано Александру II. Информация об испытаниях новых образцов стрелкового оружия была внимательно изучена в Оружейном комитете, который дал высокую оценку полученным сведениям. Комитет отметил основные пути развития стрелкового оружия в России.

Александр II. 1870–1880-е гг.

В 1856 г. император утвердил «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу». Попробуем оценить с современных позиций, какие военные вопросы интересовали руководство Российской империи после поражения в Крымской войне. 14 опубликованных пунктов проекта следует разбить на несколько групп.

1. Общие вопросы военного характера: «О числе, составе, устройстве и расположении сухопутных и морских сил», «О лагерных сборах войск и маневрах», «О способах правительства пополнению и умножению вооруженных сил своих и снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями».

2. Военно-технические вопросы: «О нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов», «Об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей имеющих влияние на военное искусство».

3. Маневренность войск: «О различных передвижениях войск – как приведенных уже в исполнение, так предполагаемых, стараясь в мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений», «О способах к передвижению войск по железным дорогам, с возможными подробностями о числе войск и времени окончания ими передвижения между данными пунктами».

4. Военное администрирование: «О состоянии различных частей военного управления, как то: артиллерийского, инженерного, комиссариатского, провиантского со всеми их отраслями», «Об улучшениях военной администрации вообще для скорейшего исполнения письменных дел и сокращения времени в передаче приказаний».

5. Перспективы развития военного дела: «Обо всех замечательных преобразованиях в войсках и изменениях в воинских уставах, вооружении и обмундировании», «О новейших сочинениях, касающихся

до военных наук, а также о картах, планах вновь издаваемых...», «Об устройстве генерального штаба и степени познаний офицеров, оный составляющих».

б. Моральное и образовательное состояния войск: «О духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов», «О состоянии военно-учебных заведений в отношении устройства их, методы преподавания наук и господствующий дух в этих заведениях».

Группировка поставленных военной разведке задач приводит нас к выводу, что наибольший интерес для российского руководства представляли военно-стратегические вопросы.

Наряду с четким разъяснением, какие именно сведения в военной области представляли наибольший интерес, инструкция предписывала соблюдать строгие правила конспирации: «Все означенные сведения собирать с самою строгой осторожностью осмотрительностью и тщательностью, чтобы не навлекло бы на агента малейшее подозрение местного правительства» [389].

В том же 1856 г. государь лично назначил военных агентов (в будущем – военных атташе) страны, представлявшие наибольший интерес для России, – в Вену (Австрия), Париж (Франция), Лондон (Великобритания), Константинополь (Турция), Неаполь и Турин (Италия).

Кроме изучения военных вопросов на военную разведку возлагался сбор экономической и политической информации в части, связанной с угрозами национальной безопасности России. При получении информации политического характера инструкция обязывала военных и морских агентов осуществлять оперативное взаимодействие с руководством российских дипломатических миссий. То есть Александр II придавал большое значение вопросам координации деятельности различных ведомств, участвовавших в добывании конфиденциальной информации.

Уже в марте 1857 г. Альбединский сумел завербовать одного из ординарцев французского императора Наполеона III, имевшего доступ к секретам французской армии. Результатом стало получение сведений о военных действиях Франции в Алжире, о правилах перевозки всех родов войск по железной дороге, об организации и численности французской гвардии, армии, Корпусе жандармов и т. п. Особую ценность представляли сведения о структуре деятельности французского Генерального штаба военной администрации, комендантского управления, штаба артиллерии и т. д. Военно-политическое руководство России получило полные данные о французских вооруженных силах. В июле 1858 г. в донесении Альбединского сообщалось о тактико-технических данных нового нарезного артиллерийского орудия и снаряда к нему. Александр II наложил на это донесение следующую резолюцию: «Надеюсь, что у нас будут уметь воспользоваться доставленными сведениями. Желая знать на чем дело остановилось у нас?» [390].

Одной из наиболее ярких личностей эпохи Александра II, добившихся выдающихся успехов на поприще дипломатии и разведки, по справедливости считается граф Н. П. Игнатьев [391]. В 1856 г. он направляется военным агентом в Лондон с задачей: «...изучить все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможности их применения в России, а также привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии» [392]. Граф – не только дипломат и разведчик, он еще и военно-политический стратег и энтузиаст тайных (специальных) операций. Одним из первых Игнатьев осознал, что шиловое разрешение русско-турецких противоречий невозможно без военно-политической поддержки балканских народов. Приобретение союзников, чьи национальные интересы совпадали с интересами Российской империи, стало одним из факторов, обеспечивших военные победы русской армии в войне с Турцией 1877–1878 гг.

Существенным просчетом военно-политического руководства Российской империи следует считать пренебрежение вопросами оперативно-тактической разведки и диверсионных действий. В 1859 г. генерал-майор Н. С. Голицын указывал, что теория партизанской войны у нас не преподается в учебных пособиях,

кроме книги Д. Давыдова, никакой литературы нет.

В области внутренней политики был осуществлен ряд преобразований. Уже в первый год правления Александра II подлежал закрытию Высший цензурный комитет. Независимые от правительства печатные издания стали возникать не только в столицах, но и в провинции. По случаю коронации в августе 1856 г. государь амнистировал или облегчил положение ряда «политических преступников», в том числе декабристов и участников Польского восстания 1830–1831 гг. Многим оставшимся в живых декабристам были возвращены их имена и титулы.

Важнейшим политическим решением Александра II является отмена крепостного права. Из 62 миллионов человек, проживавших в Российской империи, около 90 процентов составляли крестьяне, из них крепостных было 35 процентов. В отличие от дворянства и горожан крестьяне не имели никаких письменно оговоренных прав. Результатом произвола помещиков стали убийства крепостных (в среднем не менее 15 человек в год) и поджоги помещичьих усадеб. 19 февраля 1861 г., не без влияния сотрудников III Отделения МВД, лучше других представлявших истинное положение крестьян, был издан высочайший указ об отмене крепостного права. После отмены крепостного права Александра II стали именовать Освободителем.

В правление Александра II имели место и другие преобразования, в частности университетская (1863 г.), земская и судебная (обе – 1864 г.) реформы. В ходе последней создан всесословный суд. Реформы повлекли за собой значительные позитивные изменения в хозяйственной жизни страны, рост сельскохозяйственного производства. Часть крестьян мигрировала в города, где появилась возможность заниматься торговлей и предпринимательством, открылись на работу промышленные предприятия, формируя новый класс – пролетариат. В 1850 г. в России насчитывалось около 1000 фабрик и заводов, а к концу правления Александра II – уже около 25 000. Интенсивно прокладывались железные дороги, их протяженность увеличилась с 1000 до 20 000 верст. Возросла телеграфная сеть – с 2000 верст телеграфных проводов до 140 000. Постепенно Россия стала выходить в лидеры по темпам строительства железных дорог и роста производства. Товарооборот с сопредельными странами вырос в 10 раз. В 1860 г. создан Государственный банк, стали развиваться частные банки.

А. И. Герцен

Реформы, начатые Александром II, были восприняты в российском обществе неоднозначно. Большинство подданных реформы поддерживали, часть общества резко их критиковала. Консерваторы (в основном представители правящих классов) полагали, что реформы России ни к чему, что государь вступил на гибельный для страны путь. Либералы (в основном разночинцы) упрекали за слишком медленные преобразования и считали царя реакционером. С начала 1860-х гг. разночинцев стали именовать интеллигенцией [393]. Парадокс заключается в том, что непримиримыми противниками монархии стали люди, явившиеся порождением реформ Александра II.

В 1853 г. А. И. Герцен в Лондоне организовал Вольную русскую типографию. С 1857 г. издавал газету «Колокол». Он стал основателем целенаправленной антигосударственной эмигрантской пропаганды и вел ее с молчаливого согласия Британской короны. Издания Вольной типографии нелегально переправлялись в Россию и распространялись среди интеллигенции. В аналитическом отчете II Отделения за 1858 г. отмечалось, что общественное мнение «сильно раздражалось» сочинениями Герцена. Меры, предпринятые руководством Российской империи, вначале сводились к пресечению распространения нелегальной литературы, но они не давали положительных результатов.

В условиях серьезных внутриполитических реформ потребовалось внести изменения в деятельность специальных служб и подразделений, предназначенных для выполнения задач государственной безопасности, в том числе охраны государя. Напомним, что не все российские самодержцы адекватно оценивали угрозу собственной безопасности и уделяли должное внимание специальным службам. После

Павла I наибольшую беспечность в этой области проявил Александр II. В отличие от своего отца, который взял за правило знакомиться со всеми делами политического характера, он не уделял достаточного внимания ни политическому сыску в целом, ни вопросам обеспечения личной безопасности.

После отмены крепостного права в ряде губерний прошли антиправительственные выступления крестьян, считавших, что их обманывают помещики. На подавление этих выступлений высылались войска. В апреле 1861 г. в Спасском уезде Казанской губернии и Керенском уезде Пензенской губернии погибли 92 и 19 человек соответственно. Подавление бунтов вызвало упреки в реакционности проводимого государем курса со стороны разночинцев. Значительная часть разночинной интеллигенции начала 1860-х гг. поддерживала проповедававшиеся А. И. Герценом антимонархические идеи, в России происходило объединение различных антиправительственных групп. В конце 1861 г. по инициативе братьев Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, А. А. Слепцова, Н. Н. Обручева, В. С. Курочкина и др. разрозненные группы разночинцев приступили к созданию единой организации. Вдохновителями инициаторов были А. И. Герцен, Н. П. Огарёв и Н. Г. Чернышевский.

Некоторые историки считают, что объединение вызвано исключительно объективными причинами во внутренней жизни страны. Однако их оппоненты полагают, что процесс создания левого антиправительственного подполья был следствием внешнего воздействия масонских сил, ставленниками которых являлись Герцен и Чернышевский. Последнего называют главой ордена русских иллюминаторов. По нашему мнению, имели место причины того и другого порядка. С точки зрения геополитики любое государство будет пытаться оказывать влияние на соседние и более отдаленные страны, в том числе ослабляя их с помощью внутренних конфликтов. Для этого используются государственные и негосударственные структуры, включая международные организации.

В. А. Долгоруков, возглавлявший III Отделение в 1856–1866 гг., был не тем человеком, которому следовало руководить политическим сыском и контрразведкой. Свою должность он получил после снятия с поста военного министра в результате поражения России в Крымской войне. Во время его руководства центральной российской спецслужбой наибольшее внимание уделялось пресечению, а не выявлению и предупреждению антигосударственной деятельности революционных организаций. Продолжая по старинке искать врагов государства вблизи престола, руководство III Отделения проглядело начало нового этапа в революционном движении, когда в борьбу с самодержавием включились разночинцы.

Сети тайного сыска, расставленные при Николае I для обнаружения заговоров внутри правящего класса и для борьбы с революционным подпольем разночинцев, вначале оказались малоэффективными. Зачастую вместо того, чтобы обеспечивать безопасность государства и государя, сотрудники III Отделения принимали участие в интригах двора. Князь П. А. Кропоткин, один из теоретиков анархизма, бывший в начале 1860-х гг. камер-пажом Александра II, в своих «Записках» вспоминал слова чиновника III Отделения: «Слова и мнения Его Величества должны быть известны нашему отделению. Разве иначе можно было бы вести такое важное учреждение, как государственная полиция? Могу вас уверить, что ни за кем так внимательно не следят в Петербурге, как за Его Величеством» [394].

П. А. Кропоткин

В 1858–1862 гг. в России проводилась, но не была завершена реформа исполнительной полиции МВД. Только во второй половине 1857 г. принято решение о внедрении секретных сотрудников в среду политической эмиграции для установления корреспондентской сети и каналов распространения антиправительственной литературы. Сделать это было непросто, поскольку эффективность работы III Отделения под руководством Долгорукова значительно снизилась. Корреспондентские связи Герцена, наоборот, были хорошо ограждены системой адресов и применяемой конспирацией. Навыки конспирации разночинцы постигали и с помощью иностранных инструкторов. В воспоминаниях народовольцев отмечается, что рецепт химических чернил для переписки получен ими от итальянца Дж. Маццини. Система построения подпольных организаций по принципу «пятерок» также заимствована из западного опыта [395].

Первых серьезных успехов в борьбе с оппозицией секретным службам империи удалось добиться только к лету 1862 г. Для выявления петербургских связей Герцена в Париж, а затем в Лондон под легендой графа А. Потоцкого был направлен секретный сотрудник А. Ф. Балашевич. С октября 1860 г. установлено систематическое наружное наблюдение за Н. Г. Чернышевским. Оперативникам III Отделения удалось привлечь к сотрудничеству служившего в доме, где проживал Чернышевский, швейцара и получать через него для просмотра корреспонденцию «фигуранта». В качестве кухарки к революционеру внедрили супругу швейцара, которая передавала на Фонтанку документы, предназначенные для сожжения. Позднее в результате обысков были изъяты шифрованные письма. Началось следствие по делу «о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, С. С. Рымаренко были арестованы. А. А. Серно-Соловьевич эмигрировал.

Приведенные примеры показывают, что на оперативном уровне сотрудники специальных служб империи работали квалифицированно, чего нельзя сказать о многих их руководителях. Именно из-за недостаточного компетентного руководства политической полицией и ряда других охранных служб империи